От автора мирового бестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»

Корабль невест

ДЖОДЖО МОЙЕС

Удивительно романтично
и трогательно.
Daily Mail

От автора мирового бестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»

Корабль невест

ДЖОДЖО МОЙЕС

Удивительно романтично
и трогательно.
Daily Mail

Джоджо Мойес

Корабль невест

Посвящается Бетти Макки и Джо Стонтон-Ламберту

как дань их отваге, проявленной в ходе столь разных путешествий

Благодарности [1]

Написание этой книги потребовало проведения серьезной исследовательской работы, что было бы невозможно без великодушной помощи, оказанной самыми разными людьми. Во-первых, хочется поблагодарить лейтенанта Саймона Джонса за бесконечное терпение при объяснении всех подробностей жизни на борту авианосца, а также за блестящий совет, как вдохнуть жизнь в описанный мной корабль. Спасибо тебе, Саймон. Все остальные ошибки остаются исключительно на моей совести.

Огромная благодарность Королевскому военно-морскому флоту, в частности лейтенанту-коммандеру Иэну Макквину, лейтенанту Эндрю Дж. Линсли и экипажу авианосца «Инвинсибл» за разрешение побывать на борту корабля.

Я очень благодарна Нилу Маккарту из «Fan Publications» за разрешение воспроизвести отрывки из его великолепной и очень информативной книги «Авианосец „Викториес“». А также Лиаму Халлигану из редакции новостей Четвертого канала за то, что познакомил меня с блестящим фильмом Линдси Тейлора «Смерть в Гадани. Крушение „Канберры“».

Доступ к неопубликованным личным дневникам позволил мне проникнуться духом эпохи и колоритом того времени, когда меня еще не было на свете. В этой связи мне хочется поблагодарить Маргарет Стемпер за возможность ознакомиться с чудесным дневником ее мужа, где описана жизнь на море, и привести отрывки из этого дневника, а также Питера Р. Лоури за то, что любезно разрешил воспользоваться дневником отца, и конструктора кораблей Ричарда Лоури. Большая благодарность Кристоферу Ханту и персоналу читального зала Британского военного музея, а также сотрудникам отдела газет Британской библиотеки в Колиндейле.

Огромное спасибо маме и папе, Сэнди (Брайану Сандерсу), обладателю роскошной коллекции книг по военной тематике, Энн Миллер из «Arts Decoratifs», Кэти Рансиман, Руфь Рансиман, Джулии Кармайкл и сотрудникам «Harts» в Саффрон-Уолден. Спасибо Кэролин Мейс, Алексу Бонему, Эмме Лонгхёрст, Хейзел Орм и всем остальным в «Hodder and Stoughton» за помощь и поддержку. Также хочется сказать спасибо Шейле Кроули и Линде Шонесси из «AP Watt».

И конечно, самая глубокая благодарность Чарльзу за ценные советы и помощь в редактировании. Я оценила твою любовь, заботу о детях и умение выглядеть заинтересованным всякий раз, когда я рассказывала очередной факт об авианосцах.

Но самая большая благодарность моей обожаемой бабушке Бетти Макки, которая с верой и надеждой в душе совершила то самое путешествие и таким образом дала мне сюжет для этой книги. Думаю, дедушка мог бы мной гордиться.

В 1946 году Королевские ВМС приступили к завершающей фазе доставки военных невест — женщин и девушек, которые вышли замуж за английских военных, несущих службу в зарубежных странах. Некоторые были доставлены транспортом для перевозки войск или специальными лайнерами. Однако 2 июля 1946 года около 655 военных невест из Австралии предприняли уникальное морское путешествие: чтобы встретиться со своими британскими мужьями, они совершили плавание на борту авианосца «Викториес».

Во время этого путешествия, продолжавшегося почти шесть недель, их сопровождали 1100 военнослужащих и 19 самолетов. Самой юной невесте было пятнадцать. По крайней мере одна из них успела овдоветь еще до прибытия в пункт назначения. Моя бабушка Бетти Макки оказалась в числе тех счастливиц, кого судьба щедро вознаградила за их подвиг.

И сей вымышленный отчет об этом путешествии я хочу посвятить своей бабушке и всем невестам, нашедшим в себе достаточно мужества, чтобы отправиться за своим счастьем на другой конец света.

Джоджо Мойес

Июль 2004 года

NB. Все выдержки подлинные, они описывают то, что пришлось пережить военным невестам и тем, кто служил на «Викториесе».

Пролог

Когда я впервые увидела его много лет спустя, мне показалось, будто меня оглоушили.

Я тысячу раз слышала это выражение, но только теперь поняла его истинное значение: моя память не сразу сумела отреагировать на то, что предстало перед моими глазами, и я испытала настоящий шок, словно меня действительно ударили по голове. Меня вовсе нельзя назвать трепетной. И я не выношу красивых слов. Но могу признаться честно, что я буквально задохнулась.

Ведь я не ожидала увидеть его вновь. Тем более в таком месте. Я давным-давно похоронила воспоминания о нем в самом нижнем ящике своей памяти. Причем не только его образ, но и то, что он значил для меня. А еще все то, через что он заставил меня пройти. И только по прошествии многих лет, а на самом деле вечности я смогла понять, что он для меня сделал. Так или иначе, с ним было связано все лучшее и все худшее, что со мной случилось в этой жизни.

Однако я испытала не только шок, но и неподдельную печаль. Мои воспоминания сохранили его таким, каким он был тогда — много-много лет назад. И вот теперь, увидев его в окружении всех этих людей, состарившегося и словно уменьшившегося в размерах… я не могла не подумать о том, что ему здесь не место. Я оплакивала того, который в свое время был прекрасным, величественным и безупречным, а теперь превратился в…

Даже и не знаю. Возможно, я не вполне справедлива. Ведь все течет, все изменяется. Разве нет? Если честно, встреча с ним стала очередным напоминанием о том, что я тоже не вечна. А еще о том, какой я когда-то была. И о том, какими мы все, должно быть, стали.

В любом случае я нашла его там, где раньше никогда не бывала и где, по идее, не должна была быть. Или, возможно, он нашел меня.

Наверное, до той самой минуты я не верила в судьбу. А зря. Ведь иначе невозможно даже себе представить, каким ветром нас обоих сюда занесло.

И иначе невозможно понять, как, несмотря на разделяющий нас бескрайний океан и континенты, нам довелось встретиться снова.

Индия, 2002 год

Ее разбудила громкая перепалка. Шумная, взрывная, визгливая — так лает чующая неладное маленькая собачонка. Старуха отвернулась от окна, потерла шею — холодный воздух от кондиционера пробирал буквально до костей — и попыталась выпрямиться. Со сна женщина не совсем хорошо понимала, где она находится и кто она такая. Сперва она уловила некую ритмическую гармонию голосов, а затем начала различать и слова, вернувшие ее из тяжелого забытья в реальность.

— Я не говорю, что не люблю дворцы. Или храмы. Я просто хочу сказать, что провела здесь вот уже две недели, а настоящей Индии так и не видела.

— Интересно, за кого ты меня принимаешь? За виртуального Санджая? — Его голос, донесшийся с переднего сиденья, звучал слегка насмешливо.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду.

— Я индиец. Рам тоже индиец. И хотя полжизни я провел в Англии, все равно остаюсь индийцем.

— Ой, да брось, Джай! Ты совсем не типичный.

— Не типичный? По сравнению с кем?

— Ну, я не знаю. По сравнению с большинством людей, что здесь живут.

Молодой человек решительно покачал головой:

— Ты хочешь увидеть, как живут бедняки.

— Вовсе нет.

— Хочешь вернуться домой и рассказать своим друзьям обо всех ужасах, которые тебе довелось повидать. О том, что они даже понятия не имеют, что такое настоящие страдания. А от нас ты пока смогла получить только кока-колу и кондиционированный воздух.

После его слов раздался взрыв смеха. Старуха, прищурившись, посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Выходит, она проспала почти час.

Сидевшая рядом с ней внучка сунула голову в зазор между спинками передних сидений:

— Послушай, я хочу узнать, как здесь действительно живут люди. А если следовать исключительно путеводителям, то можно увидеть только роскошные дворцы или торговые центры.

— А тебе нужны трущобы.

— Мисс Дженнифер, могу пригласить вас к себе домой. Теперь это

самая настоящая трущоба, — послышался с водительского сиденья голос мистера Вагхелы. А когда молодые люди проигнорировали его замечание, он добавил: — Приглядитесь получше к мистеру Раму Б. Вагхеле, и вы увидите перед собой абсолютно нищего и бесправного человека. Сам удивляюсь, как я сумел продержаться столько лет.

— Мы тоже. Каждый день удивляемся, — заметил Санджай.

Старуха выпрямилась и поймала свое отражение в зеркале заднего вида. Волосы с одного бока примялись, воротничок оставил на бледной коже багровую полосу.

— Ба, ты в порядке? — оглянулась Дженнифер. Джинсы у нее слегка сползли с бедер, демонстрируя всему свету крошечную татуировку.

— Прекрасно, дорогая. — Интересно, а Дженнифер говорила ей, что сделала татуировку? Она пригладила волосы, пытаясь вспомнить, но так и не смогла. — Дико извиняюсь. Я, кажется, задремала.

— Не стоит извинений, — сказал мистер Вагхела. — Мы, граждане в возрасте, должны иметь право на отдых, когда это нам необходимо.

— Рам, похоже, ты намекаешь на то, чтобы я сменил тебя за рулем, да? — спросил Санджай.

— Нет-нет, мистер Санджай, сэр! Не хотелось бы прерывать вашу увлекательную беседу.

Глаза стариков встретились в зеркале заднего вида. Он однозначно ей подмигнул, а она, еще плохо соображая со сна, заставила себя улыбнуться в ответ.

По ее прикидкам они были в дороге уже около трех часов. Их поездка в Гуджарат, идея которой возникла у них с Дженнифер в самую последнюю минуту, нарушив тщательно составленный график тура, началась как увлекательное приключение («Ба, родители моего приятеля из колледжа — Санджая — обещали приютить нас на пару ночей! У них там потрясающий дом, по типу дворца! Всего несколько часов езды!»), но обернулась самой настоящей катастрофой, поскольку из-за сложностей с расписанием полетов у них оставался всего один день на обратную дорогу в Бомбей, чтобы успеть на стыковочный рейс самолета, который должен был доставить их домой.

Изрядно утомленная путешествием, она совсем пала духом. Для нее Индия оказалась тяжелым испытанием, слишком сильной нагрузкой на нервную систему, даже с учетом кондиционированных автобусов и четырехзвездочных отелей, и мысль о поездке в Гуджарат, каким бы роскошным там ни был дом Сингхов, приводила ее в ужас. Но затем миссис Сингх предложила им свою машину с водителем, чтобы «дамы»

успели на самолет домой. И это несмотря на то, что до аэропорта было добрых четыре сотни миль.

«Вы ведь не захотите болтаться на железнодорожных вокзалах, — заявила она, деликатно показав на золотистые волосы Дженнифер. — Тем более без сопровождающих».

«Я сам могу отвезти их», — запротестовал Санджай, но его мать прошептала что-то насчет страхового требования и лишения водительских прав, а потому сын согласился сопровождать мистера Вагхелу, дабы проследить, что все будет нормально, если их вдруг остановят. Вот такие дела. В свое время ее раздражало бытующее мнение, что путешествующие в одиночестве женщины не в состоянии сами о себе позаботиться. Но теперь она была даже признательна за такую старомодную любезность. Ей вовсе не улыбалось осваивать в одиночестве эту чужую местность, при этом постоянно беспокоясь о своей бесшабашной внучке, которой море по колено. Ей уже несколько раз хотелось предостеречь внучку, но она вовремя себя одергивала, понимая, что все ее аргументы будут невнятны и неубедительны. И вообще, молодые имеют право ничего не бояться. Ведь в ее годы она была точно такой же!

— Мэм, вам удобно там, сзади?

— Я в порядке, спасибо, Санджай.

— Боюсь, нам еще ехать и ехать. Не самое легкое путешествие.

— Должно быть, тяжело столько сидеть, — пробормотал мистер Вагхела.

— Очень мило с вашей стороны, что вы нас взяли.

— Джай! Ты только посмотри!

Она увидела, что они свернули с оживленной трассы и попали в городские трущобы со множеством складских помещений, забитых пиломатериалами и стальными балками. Дорога, которая была огорожена забором, представлявшим собой хаотически наложенные друг на друга куски железа, оказалась сплошь в рытвинах и ухабах, так что даже мотороллеры и самые быстроходные транспортные средства тащились со скоростью не более пятнадцати миль в час. Черный «лексус» теперь полз в горку, его мотор недовольно ворчал, когда машине приходилось неожиданно огибать выбоины от копыт коров, целеустремленно бредущих, словно на зов сладкоголосых сирен, в каком-то только им одним известном направлении.

Но внимание Дженнифер привлекли отнюдь не коровы (на этих животных они уже успели насмотреться), а гора белых керамических раковин — сливные трубы торчали во все стороны, точно перерезанные

пуповины. Неподалеку они увидели целую груду матрасов, а рядом с ней — нечто напоминающее хирургические столы.

— Это с кораблей, — заметил мистер Вагхела, ни к кому собственно не обращаясь.

— Как вам кажется, мы сможем остановиться? — спросила она. — Где мы находимся?

Водитель ткнул корявым пальцем в лежавшую рядом карту:

— В Аланге.

— Только не здесь, — нахмурился Санджай. — По-моему, это не самое подходящее место.

— Дайте-ка посмотреть. — Дженнифер снова наклонилась вперед. — Наверное, нам стоит свернуть. Куда-нибудь, где будет… немного живописнее.

— Конечно, надо свернуть, — сказала старая женщина, разглядывая пыльную дорогу, на обочине которой сидели на корточках какие-то мужчины.

Но похоже, ее никто не слышал.

Старуха беспокойно поерзала на сиденье. Она отчаянно хотела пить и вытянуть ноги. А еще не отказалась бы сходить в уборную, но за короткое время, проведенное в Индии, она уже успела усвоить, что посещение туалета за пределами гостиницы — испытание не для слабонервных.

— У меня есть предложение, — заявил Санджай. — Давайте купим пару бутылок колы и остановимся где-нибудь за городом, чтобы размять ноги.

— Это что, типа, город на свалке? — Дженнифер сощурилась на кучу вышедших из употребления холодильников.

Санджай махнул рукой водителю:

— Рам, остановись у этого магазинчика. Рядом с храмом. Возьму каких-нибудь прохладительных напитков.

— *Мы* возьмем каких-нибудь прохладительных напитков, — отрезала Дженнифер. «Лексус» затормозил у обочины. — Ба, посидишь в машине, хорошо?

Не дожидаясь ответа, они оба выскочили из машины, впустив в искусственную прохладу салона волну раскаленного воздуха, и со смехом вошли в опаленный солнцем магазинчик.

Неподалеку расположилась еще одна группа мужчин. Они что-то пили из жестяных кружек, время от времени лениво и с удовольствием сплевывая. На «лексус» они смотрели с полнейшим равнодушием.

Она сидела в машине, чувствуя себя неуютно, слишком на виду, и

прислушивалась к замирающему гулу мотора. За окном от земли поднималось жаркое марево.

Мистер Вагхела повернулся к ней с переднего сиденья:

— Мэм, разрешите поинтересоваться. А сколько вы платите своему водителю?

Он уже в третий раз спрашивал ее об этом, причем всегда в отсутствие Санджая.

— У меня его нет.

— Как?! И кто же вам тогда помогает?

— Ну, ко мне приходит одна девушка, — неуверенно ответила она. — Аннетт.

— А у нее есть своя квартира?

Она подумала об аккуратном домике Аннетт с геранью на подоконнике.

— Да, можно и так сказать.

— Оплачиваемый отпуск?

— Боюсь, что точно не знаю.

Она собралась было сформулировать их с Аннетт трудовые отношения, но мистер Вагхела ее перебил:

— Сорок лет я работаю на эту семью и в результате имею только одну оплачиваемую неделю отпуска раз в году. И я уже начинаю подумывать о том, чтобы организовать профсоюз, yaar[2]. У моего двоюродного брата дома есть Интернет. И мы смотрим, как это работает. Дания. Хорошая страна для защиты прав трудящегося человека. — Он повернулся к ней спиной и кивнул: — Пенсия, больницы… образование… Нам всем следует работать в Дании.

Она на минуту притихла.

— Я там никогда не была, — наконец сказала она.

Старуха следила за молодыми людьми — ее белокурой головой и его темноволосой, — входившими в придорожный магазинчик. Дженнифер говорила, что они просто друзья, хотя два дня назад бабушка слышала, как внучка крадется по выложенному кафельной плиткой коридору в комнату Санджая. На следующий день оба резвились как дети.

«Ты влюблена в него?» Этот осторожный вопрос, казалось, оскорбил Дженнифер до глубины души: «Боже мой, да ты что, бабуля! Я и Джай… Ой, нет… Мне не хочется никаких серьезных отношений. Он знает».

И она снова вспомнила себя в этом возрасте: охватывающий ее дикий ужас, когда она оказывалась единственной женщиной в мужской компании, мрачную решимость до конца жизни остаться одной, хотя и по совсем другой причине. А затем бросила взгляд вслед Санджаю, который,

вопреки заверениям внучки, похоже, не совсем понимал положение дел.

— А вы знаете, что это за место? — Мистер Вагхела положил в рот очередную порцию бетеля. Его зубы стали красными.

Она молча покачала головой. Теперь, когда кондиционер не работал, температура в салоне машины медленно, но верно повышалась. Во рту пересохло, и она с трудом сглотнула. И она уже неоднократно говорила Дженнифер, что не любит колу.

— Аланг. Самое большое в мире кладбище старых кораблей.

— О… — Женщина постаралась выглядеть заинтересованной, хотя в действительности чувствовала себя смертельно уставшей и больше всего на свете хотела поскорее тронуться в путь.

Бомбейский отель, до которого еще ехать и ехать, казался ей оазисом в пустыне. Она посмотрела на часы. Неужели, чтобы купить две бутылки прохладительного, требуется целых двадцать минут?!

— Здесь четыреста верфей. А еще куча народу, способного за несколько месяцев разобрать корабль до последнего винтика.

— О…

— И знаете, абсолютно никакой защиты прав трудящихся. Они получают в день один фунт, рискуя жизнью и здоровьем за этот несчастный фунт.

— Неужели?

— Некоторые из самых больших кораблей мира закончили здесь свой век. Вы не поверите, что иногда оставляют хозяева на круизных судах! Обеденные сервизы, ирландский лен, музыкальные инструменты, которых хватило бы на целый оркестр. — Он вздохнул. — Иногда от всего этого становится по-настоящему грустно, yaar. Такие прекрасные корабли — и идут на металлолом!

Старуха наконец оторвала взгляд от двери магазина и попыталась изобразить некоторое подобие интереса. Молодые бывают такими легкомысленными! Она закрыла глаза. Всегда такая уравновешенная, сейчас она чувствовала, что усталость и жажда с каждой минутой все больше отравляют ей настроение.

— Говорят, что на дороге в Бхавнагар можно купить что угодно: стулья, телефоны, музыкальные инструменты. Там продают все, что можно найти на судне. Мой шурин работает на одном из таких судоразделочных предприятий в Бхавнагаре, yaar. Он весь дом обставил вещами со старых кораблей. И теперь его дом стал похож на дворец. Можете себе представить? — Он поковырялся в зубах. — Все-все, что только можно оттуда снять. Хм. Не удивлюсь, если они продают барахло вместе с

командой.

— Мистер Вагхела.

— Да, мэм?

— Это кафе?

Прервав свой монолог, мистер Вагхела посмотрел, куда она тычет пальцем. Перед магазинчиком на пыльной обочине были беспорядочно расставлены столики со стульями.

— Да, типа того.

— Тогда не могли бы вы оказать любезность проводить меня туда и заказать мне чашечку чая? Похоже, у меня больше нет сил ждать внучку.

— С превеликим удовольствием, мэм. — Он вылез из машины и распахнул перед ней дверь. — Ох уж эта молодежь, yaar! Никакого уважения к старшим. — А когда она с благодарностью оперлась на протянутую ей руку и, подслеповато щурясь от тусклых лучей солнца, вышла из машины, добавил: — Я слышал, что в Дании все по-другому.

Молодые люди вышли, когда она уже пила чашку того, что мистер Вагхела назвал «чаем по особому заказу». Чашка оказалась выщербленной, но на вид вполне чистой, а человек, который их обслуживал, устроил из чаепития целое шоу. Ей пришлось отвечать на непременные вопросы о своих путешествиях, хотя мистер Вагхела изо всех сил попытался заверить хозяина заведения, что она не знакома с кузеном последнего из Милтон-Кейнс. А затем, заплатив за стакан chai[3] для мистера Вагхелы (и липкие засахаренные фисташки — для поддержания сил, ну, вы понимаете), она просто осталась сидеть под навесом, глядя на то, что, как она теперь знала, находилось за стальным забором: переливающееся бескрайнее синее море.

Неподалеку от них в тени дерева стоял небольшой индуистский храм, к которому с двух сторон притулились кособокие постройки, приспособленные для удовлетворения самых различных нужд работающих на разборке: палатка цирюльника, сигаретный киоск, лоток торговца яйцами и фруктами, еще один — с велосипедными запчастями. И только через несколько минут до нее дошло, что она здесь единственная женщина в поле зрения.

— А мы-то гадаем, куда вы подевались?

— Полагаю, что никуда особенно. Мы с мистером Вагхелой отошли всего на несколько ярдов. — Ее тон был немного резче, чем хотелось бы.

— Не уверен, что нам стоит здесь задерживаться, — с плохо скрытым раздражением сказал Санджай, бросив мрачный взгляд сперва в сторону группы мужчин, а затем — своей машины.

— Мне срочно надо было выйти, — отрезала она. — Мистер Вагхела

любезно помог мне. — Она прихлебывала чай, оказавшийся на удивление вкусным. — Я нуждалась в передышке.

— Конечно-конечно. Я просто имел в виду, что хотел бы найти для вас нечто поживописнее, ведь сегодня последний день вашего отпуска.

— Меня все вполне устраивает. — Ей сразу полегчало, жару смягчал легкий бриз. После бесконечного наматывания мили за милей пыльной дороги безмятежные лазурные воды действовали успокаивающе. Где-то вдали слышалось позвякивание металла о металл и завывание отрезной машинки.

— Вау! Вы только посмотрите на эти корабли!

Дженнифер оживленно махала в сторону берега, где ее бабушка с трудом разглядела корпуса огромных судов, которые напоминали выброшенных на песок китов. Она слегка опустила веки, пожалев, что оставила в машине очки.

— Так это и есть судоразделочное предприятие, о котором вы говорили? — спросила она мистера Вагхелу.

— Четыре сотни судов, мэм. Покрывают все побережье. Растянулись на десять километров, не меньше.

— Похоже на кладбище слонов, — заметила Дженнифер и несколько высокопарно добавила: — Куда приходят умирать корабли. Ба, хочешь, сбегаю за твоими очками? — Она вдруг стала очень уступчивой и внимательной, словно таким образом извинялась за то, что слишком долго проторчала в магазине.

— Было бы очень мило с твоей стороны.

При иных обстоятельствах, впоследствии думала она, бескрайний песчаный берег вполне мог бы украсить туристический буклет. Здесь голубой небесный свод серебристой аркой встречался с горизонтом, а где-то вдали, за ее спиной, тянулась гряда синих гор. Однако, надев очки, она увидела, что песок посерел от ржавчины и машинного масла, а береговая полоса буквально испещрена остовами судов, расположенными с промежутками в четверть мили, а также огромными искореженными кусками металла и демонтированными внутренностями погибших кораблей.

Недалеко от них у самой кромки воды, растянувшись цепочкой, сидела на корточках группа мужчин в выцветших сине-бело-серых спецовках. Они следили за тем, как от белого корпуса корабля, заякоренного в нескольких сотнях футов от берега, отделяется рубка и тяжело падает в море.

— Не совсем обычный аттракцион для туристов, — произнес Санджай.

Дженнифер, приложив козырьком руку к глазам, напряженно

вглядывалась вдаль. Старуха смотрела на ее голые плечи и задавала себе вопрос: а не стоит ли посоветовать внучке прикрыться?

— Именно об этом я и говорила. Ну давай, Джай, пойдем посмотрим!

— Нет-нет, мисс. Не уверен, что это хорошая идея. — Мистер Вагхела наконец допил свой chai. — Судоразделочная верфь не самое подходящее место для дам. И вообще, вам надо получить разрешение от портовых служб.

— Рам, я только хочу посмотреть. И вовсе не собираюсь орудовать сварочной горелкой.

— Мне кажется, тебе стоит послушаться мистера Вагхелу, дорогая. — Она поставила чашку, прекрасно понимая, что их присутствие в придорожном кафе не осталось незамеченным. — Это рабочая зона.

— Но сейчас же уик-энд. И вряд ли ведутся какие-нибудь работы. Ну давай же, Джай! От них не убудет, если мы пять минут посмотрим.

— Там на воротах охрана, — попытался урезонить подругу Санджай.

Старуха понимала, что явное нежелание Санджая рисковать борется с желанием казаться в глазах Дженнифер ее защитником и рубахой-парнем.

— Дженнифер, дорогая… — начала она в надежде помочь Санджаю выйти из неловкого положения.

— Пять минут! — Дженнифер буквально подпрыгивала на месте от нетерпения. И в следующую секунду она уже оказалась на середине дороги.

— Я лучше пойду с ней, — сдался Санджай. — Заставлю ее оставаться в пределах видимости.

— Молодежь, — задумчиво жуя, произнес мистер Вагхела. — Они не понимают слова «нет».

Мимо них прогромыхал огромный грузовик, кузов был набит скрученными листами железа, за которые с риском для жизни цеплялись шесть-семь человек.

Когда грузовик проехал, она увидела, что Дженнифер разговаривает с охранником на воротах. Девушка улыбалась и время от времени проводила рукой по белокурым волосам. Затем порылась в сумке и протянула ему бутылку колы. А когда Санджай наконец присоединился к ней, ворота уже открылись. И вот парочка пропала из виду, а через пару секунд она заметила на берегу их крошечные фигурки.

Прошло почти двадцать минут, прежде чем она или мистер Вагхела рискнули сказать, что они оба думают по этому поводу. Молодые люди явно куда-то запропастились, и вообще давно пора ехать дальше. И

поэтому, пожалуй, надо пойти их поискать.

Чай вернул ее к жизни, и она постаралась подавить раздражение, вызванное эгоистичным, безрассудным поведением внучки. В то же время старуха понимала: подобная реакция отчасти объясняется страхом, что с девушкой, находившейся в данный момент под ее опекой, может случиться беда. Что она, старая и беспомощная, несет за внучку ответственность и здесь, в этом незнакомом, странном месте, совершенно не в состоянии контролировать ситуацию.

— Знаете, она ведь не носит часов.

— Думаю, нам следует за ними сходить, — сказал мистер Вагхела. — Наверняка они потеряли счет времени.

Она позволила ему отодвинуть стул и с благодарностью приняла его руку. Его рубашка на ощупь казалась пергаментной, словно была тысячу раз стирана-перестирана.

Он достал черный зонтик, которым пользовался время от времени, и раскрыл его у нее над головой. Чувствуя спиной взгляды мужчин на улице, а также пассажиров дребезжащих на ухабах автобусов, старуха старалась держаться поближе к мистеру Вагхеле.

У ворот произошла небольшая заминка. Мистер Вагхела что-то сказал охраннику, махнув рукой в сторону верфи. Речь его звучала весьма агрессивно и воинственно, словно охранник совершил преступление, пустив молодых людей внутрь.

Охранник что-то промямлил в ответ и открыл ворота.

Вопреки ее ожиданиям, вместо нормальных судов она увидела проржавевшие остовы старых посудин. По ним, словно муравьи, ползали крошечные человечки, они явно не замечали скрежета разрезаемого металла и пронзительного визга стальных резаков. Рабочие ловко орудовали сварочными горелками, молотками, гаечными ключами, заунывные звуки их разрушительной деятельности эхом разносились вокруг.

Корпуса кораблей, сидевших глубоко в воде, были обвязаны веревками, с них свисали до невозможности шаткие платформы, с помощью которых металл доставлялся на берег. Уже ближе к берегу старухе пришлось прикрыть лицо рукой, так как в нос шибанула вонь от свежих бытовых отходов и какой-то химии. На небольшом расстоянии от нее несколько костров отравляли ядовитым дымом прозрачный воздух.

— Пожалуйста, смотрите себе под ноги. — Мистер Вагхела ткнул пальцем в серый песок. — Не уверен, что это хорошее место. — Он явно сомневался в том, что поступил правильно, взяв ее с собой, а не оставив в

кафе.

Но ей вовсе не улыбалось сидеть там в гордом одиночестве под взглядами незнакомых мужчин.

— Мистер Вагхела, ничего, если я буду за вас держаться?

— Полагаю, это было бы крайне желательно, — ответил он и, прищурившись, посмотрел вдаль.

Вокруг них на песке высились напоминавшие огромные турбины груды ржавых балок, валялись смятые стальные листы. И все были обмотаны толстенными цепями, облепленными ракушками. Кое-где цепи просто лежали на песке спутанными кольцами, словно гигантские спящие змеи, рядом с которыми, точно пигмеи, копошились рабочие.

Дженнифер нигде не было видно.

Небольшая компания мужчин кучковалась на песке возле воды, кто-то держал в руках бинокли, кто-то прохлаждался возле своих велосипедов, и все как один смотрели в сторону моря. Еще крепче вцепившись в мистера Вагхелу, она остановилась, чтобы приспособиться к адской жаре. Затем они стали медленно спускаться к берегу, туда, где, оживленно переговариваясь, расхаживали взад-вперед какие-то мужчины в пыльных спецовках, с уоки-токи, а у ног родителей играли дети.

— Еще один корабль пришел, — показал пальцем мистер Вагхела.

Они смотрели, как несколько буксирных судов тащат старый танкер, который по мере приближения к берегу вырисовывался все отчетливее. Мимо с ревом пронесся японский внедорожник и резко затормозил в нескольких сотнях ярдов от них. И именно в этот момент они услышали сердитые голоса и, обогнув целую гору газовых баллонов, заметили в тени гигантского металлического корпуса небольшую толпу людей, в гуще которой явно шла какая-то разборка.

— Мэм, должно быть, нам следует пойти в ту сторону, — сказал мистер Вагхела.

Старуха кивнула. Она начала всерьез беспокоиться.

Мужчина, чей объемистый живот выделял его на фоне остальных даже больше, чем шикарная машина, подрядчик судоразделки, махал руками в сторону корабля, сопровождая свою негодующую речь брызгами слюны. Перед ним, в окружении толпы работяг, стоял Санджай. Он явно пытался урезонить мужчину и примирительно жестикулировал, держа руки ладонями вниз. Дженнифер, объект гнева подрядчика, приняла ту самую позу, которую ее бабушка хорошо запомнила еще с тех пор, когда девушка была подростком: бедро вызывающе выдвинуто вперед, руки скрещены на

груди, голова надменно откинута.

— Можешь сказать ему, — периодически вмешивалась она в разговор, — что у меня и в мыслях не было что-то сделать с его треклятой посудиной. И вообще, просто смотреть законом не запрещено.

— Джен, в том-то и проблема, — повернулся к ней Санджай. — У нас существует закон, запрещающий смотреть. Когда ты нарушаешь границы чьей-либо собственности.

— Это берег! — заорала она на подрядчика. — Длиной десять километров. Где ходят тысячи треклятых людей. Ну, посмотрела я на несколько ржавых посудин. И что это меняет?

— Джен, пожалуйста…

Окружившие Санджая мужчины следили за происходящим с нескрываемым интересом. Радостно подталкивая друг друга локтем, они тыкали пальцем в надетые на Дженнифер джинсы и майку, некоторые из зевак сгибались под тяжестью кислородных баллонов у них на плечах. Они расступились перед старухой, и она уловила странное смешение запахов: острого пота, благовоний и чего-то очень едкого. И с трудом удержалась, чтобы не прикрыть рот рукой.

— Он думает, что Дженнифер из группы защитников окружающей среды и собирает против него какие-то доказательства, — объяснил Санджай.

— Но ведь и ежу понятно, что я только смотрю, — сказала Дженнифер. — У меня и камеры-то с собой нет, — произнесла она, обращаясь к своему обидчику.

— На самом деле ты делаешь только хуже, — одернул Дженнифер Санджай.

Старуха попыталась оценить, насколько опасен для них этот человек. Его жесты стали еще резче и драматичнее, лицо исказилось от ярости. Она с надеждой посмотрела на мистера Вагхелу, словно он был здесь единственным взрослым человеком.

Возможно, ему в голову пришла та же мысль, потому что он вдруг отодвинулся от нее, расправил плечи и протиснулся поближе к пузатому. Подошел к нему, протянул руку, и тому ничего не оставалось, как ответить рукопожатием.

— Сэр, я мистер Рам Б. Вагхела.

Мужчины начали быстро-быстро говорить на урду, причем тон мистера Вагхелы был поочередно то примирительным, то агрессивным.

Разговор, похоже, затягивался. И старуха, лишившись возможности опираться на руку мистера Вагхелы, чувствовала себя как-то не слишком

устойчиво. Она огляделась по сторонам в надежде куда-нибудь присесть, затем слегка попятилась: ее смущали — и даже пугали — откровенно любопытные взгляды мужчин. Наконец она обнаружила стальную бочку и побрела в ту сторону.

Усевшись, она принялась наблюдать за тем, как мистер Вагхела и Санджай пытаются убедить пузатого в отсутствии у нежданных гостей тайных умыслов или скрытых коммерческих интересов. Время от времени мужчины махали в ее сторону рукой, а она тихонько сидела в тени зонта, прекрасно понимая, что ее присутствие — очень пожилой и явно хрупкой леди — может перетянуть чашу весов в их пользу. Внешне она казалась вполне кроткой, но внутри у нее все клокотало. Дженнифер, со своим упрямством, открыто проигнорировала желания остальных, а в результате остановка в пути растянулась по меньшей мере на час. Верфи — очень опасное место, твердил мистер Вагхела, когда они шли по песку. Причем не только для рабочих, но и для тех, кто, как считается, «мешает процессу». Имели даже место случаи конфискации собственности, нервно оглядываясь на машину, говорил мистер Вагхела.

И теперь она встала перед фактом, что придется проделать такой же путь по раскаленному песку, только уже назад, а еще, вероятно, и заплатить всем этим людям, что пробьет очередную брешь в их изрядно оскудевшем за время поездки бюджете.

— Глупая, легкомысленная девчонка, — пробормотала она.

Чтобы хоть немного успокоиться, она направилась к видневшемуся поблизости кораблю, подальше от своей безответственной внучки и мужчин с абсолютно пустыми глазами. Зонтик она опустила пониже и, вздымая клубы песчаной пыли, пошла в сторону моря. Корабль уже был частично разобран, а задняя часть и вовсе отсутствовала, точно чья-то гигантская рука разломила судно пополам и убрала корму. Она подняла зонтик повыше, чтобы приглядеться повнимательнее. С такого расстояния рассмотреть корабль более детально не представлялось возможным, но она заметила показавшиеся до боли знакомыми две орудийные башни, которые еще ждали своего часа. Слегка нахмурившись, она смотрела на облупившуюся светло-серую краску. Этот цвет можно было увидеть только на британских военных кораблях. Спустя минуту она опустила зонтик, сделала несколько шагов назад и, на время забыв о затекшей шее, еще раз взглянула на возвышавшийся над ней корпус.

Поднесла руку к глазам, чтобы защититься от слепящего солнца, и наконец прочла на борту то, что осталось от названия судна.

И когда она сумела разобрать последние буквы, возбужденные голоса

неожиданно смолкли, и, несмотря на полуденный индийский зной, старуху, стоявшую перед кораблем, вдруг объял пронизывающий холод.

Подрядчика, мистера Бхаттачарью, так и не удалось убедить. Несмотря на его растущую враждебность, усиливающийся ропот толпы и то крайне досадное обстоятельство, что они уже на целый час выбились из расписания, молодые люди продолжали спорить. Мистер Вагхела вытирал лоб платком. Мисс Дженнифер сердито ковыряла ногой песок, на ее лице застыло выражение угрюмого смирения. Мистер Санджай был весь красный от едва сдерживаемого раздражения, ему явно до смерти надоел весь этот бессмысленный спор. Время от времени он бросал на мисс Дженнифер недовольные взгляды. Похоже, она успела его изрядно утомить.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы ты вместо меня излагал мои доводы. Хорошо?

— Мисс Дженнифер, я, конечно, извиняюсь, но не уверен, что ваше знание урду позволит вам выполнить поставленную задачу, — похлопал девушку по руке мистер Вагхела.

— Он понимает английский. Я слышала.

— Что там говорит эта девица? — Мистера Бхаттачарью явно оскорбляла ее не слишком пристойная манера одеваться.

Вообще-то, как подозревал мистер Вагхела, в глубине души подрядчик понимал необоснованность своих претензий, но накрутил себя до такого состояния, что остановиться уже просто не мог. На своем жизненном пути мистер Вагхела не раз встречал подобных людей.

— Мне не нравится, как он со мной разговаривает.

— Но ведь ты даже не знаешь, что именно он говорит! — подошел к девушке мистер Санджай. — Джен, ты делаешь только хуже. Возвращайся к машине и возьми с собой бабушку. Мы сами разберемся.

— Не смей указывать, что мне делать!

— Куда это она направляется? Куда они направляются? — Мистер Бхаттачарья смотрел на Санджая налитыми кровью глазами.

— Сэр, полагаю, будет лучше, если девушка покинет верфь. Мой друг как раз уговаривает ее сделать это.

— Я не нуждаюсь в… — начала мисс Дженнифер и неожиданно остановилась.

Над толпой повисла тишина, и мистер Вагхела, который уже перегрелся на солнце, увидел, что все смотрят на то место, куда падала тень от корпуса соседнего судна.

— Что случилось со старой леди? — спросил мистер Бхаттачарья.

Старуха сидела, бессильно подавшись вперед, лицо она закрывала рукой. Ее седые волосы казались серебряными.

— Ба?! — кинулась к ней девушка.

Когда старуха подняла голову, мистер Вагхела вздохнул с облегчением. Он вынужден был признать, что его немного напугала ее поза.

— С тобой все в порядке?

— Да. Да, дорогая.

Слова автоматически вылетают из ее рта, подумал мистер Вагхела. Точно против ее воли.

Сразу забыв о мистере Бхаттачарье, они с Санджаем присели перед ней на корточки.

— Осмелюсь заметить, вы выглядите очень бледной, мамаджи[4].

Он заметил, что она держится рукой за корпус корабля. Забавный жест. Именно потому она и сидела в такой нелепой позе.

Подрядчик уже был рядом с ними, он вытирал свои дорогие туфли из крокодиловой кожи о низ штанин. Затем что-то пробормотал, обращаясь к мистеру Вагхеле.

— Он интересуется, не хотите ли вы пить, — сказал ей мистер Вагхела. — Говорит, в офисе есть вода со льдом.

— Не хочу, чтобы у нее случился сердечный приступ на моей верфи, — продолжал говорить мистер Бхаттачарья. — Дайте ей воды, а потом, пожалуйста, уведите ее отсюда.

— Не желаете ли воды со льдом?

Казалось, она наконец выпрямится, но она лишь слабо махнула рукой:

— Очень любезно с вашей стороны. Но я просто посижу минутку.

— Ба, что случилось? — Дженнифер опустилась перед бабушкой на колени, глаза ее расширились от волнения.

Вся воинственность девушки словно испарилась на жаре.

Стоявшие сзади молодые мужчины перешептывались и пихали друг друга в бок, понимая, что у них на глазах разыгрывается какая-то непонятная им драма.

— Джен, пожалуйста, попроси их уйти, — прошептала старуха. — Я серьезно. Мне сразу станет лучше, если я останусь одна.

— Это из-за меня? Ба, прости. Я знаю, что уже вас заколебала. Но мне страшно не понравилось, как он со мной разговаривал. Понимаешь, все потому, что я девушка. И это меня жутко бесит.

— Ты здесь ни при чем…

— Прости. Мне следовало быть более внимательной. Послушай, давай

вернемся к машине.

Мистеру Вагхеле доставило большое удовольствие услышать ее извинения. Приятно знать, что молодые люди еще способны признавать свое безответственное поведение. Ей не следовало заставлять старую леди идти так далеко по такой жаре и тем более в таком месте. Это говорит о недостаточном уважении.

— Дженнифер, дело не в тебе. — В голосе старухи чувствовался надрыв. — Это корабль, — прошептала она.

Теряясь в догадках, они проследили направление ее взгляда и увидели махину из светло-серого металла с огромными ржавыми заклепками по бокам.

Молодые люди обменялись удивленными взглядами, затем посмотрели на старую леди, которая вдруг показалась им ужасно хрупкой.

— Ба, ведь это просто корабль, — сказала Дженнифер.

— Нет, — ответила она, и мистер Вагхела заметил, что ее лицо лишилось красок, совсем как металлическая обшивка корабля. — Вот здесь ты сильно ошибаешься.

Не так часто, по возвращении домой сказал своей жене мистер Рам Б. Вагхела, можно видеть, как плачут старые леди. Эти британцы оказались менее сдержанны в проявлении чувств, чем я ожидал, и вовсе они не такие напыщенные и чопорные. Жена, к его неудовольствию, только закатила глаза, словно ей было лень найти достойный ответ на его замечание. Он вспомнил, как горевала старуха, когда они вели ее к машине, и как она всю дорогу до самого Мумбаи[5] просидела молча. Она была похожа на человека, встретившегося лицом к лицу со смертью.

Да, эта английская леди изрядно удивила его. Он явно в ней ошибся.

И он ни минуты не сомневался, что в Дании они совсем другие.

Часть первая

Глава 1

Деньги — мусор! На последних торгах в Сиднее отборные бараны шли по цене 19 шиллингов 11 пенсов за фунт, причем для Австралии это самая высокая цена, о которой я слышал. Процентное отношение шкур не слишком велико, примерно пять на один фунт, и четыре шиллинга за шкуру уже можно считать хорошей прибылью.

Человек на земле.

Бюллетень (Австралия). 10 июля 1946 года

Австралия, 1946 год

За четыре недели до посадки

Летти Макхью остановила пикап, вытерла несуществующую копоть под глазами и мысленно заметила, что женщину «с красивыми чертами лица», как отозвалась о ней продавщица, вишневая помада не слишком изменит. Она резким движением вытерла рот, чувствуя себя глупо из-за того, что вообще купила эту дурацкую помаду. Но уже через минуту порылась в сумочке и, глядя в зеркало заднего вида, снова накрасила губы.

Расправила блузку, подняла письма, которые еженедельно забирала на почте, и бросила взгляд через лобовое стекло на унылую мокрядь вокруг. Дождь, похоже, зарядил всерьез и надолго, переждать не удастся. Тогда она прикрыла голову и плечи брезентом и, судорожно вздохнув, выскользнула из грузовичка и побежала к дому.

— Маргарет? Мэгги?

Затянутая сеткой дверь с шумом захлопнулась у нее за спиной, заглушив шум потопа за окном, но звук собственного голоса и стук каблуков выходных туфель по дощатому полу эхом вернулись к ней. Летти проверила сумочку, вытерла ноги и вошла в кухню, на всякий случай крикнув еще пару раз, хотя уже и начала подозревать, что дома никого нет.

— Мэгги? Ты там?

Кухня оказалась пустой — такой, как после ухода Норин теперь была всегда. Положив сумочку и письма на обшарпанный деревянный стол, Летти подошла к плите, где на медленном огне томилось рагу. Подняла крышку и принюхалась. Затем залезла в буфет, воровато добавила щепотку соли, немного тмина и кукурузной муки, помешала и опустила крышку.

Она подошла к аптечному шкафчику с выщербленным зеркалом и

попыталась пригладить волосы, которые от влажного воздуха завились мелкими кудряшками. Разглядеть все лицо целиком ей не удалось. Уж в чем в чем, а в тщеславии семью Донливи обвинить было нельзя, это точно.

Летти снова потерла губы, затем вернулась на кухню, взглянув на нее глазами стороннего наблюдателя. Она изучила линолеум — потрескавшийся, с въевшейся деревенской грязью. Сколько она ни подметала, сколько ни мыла — все без толку. Сестра планировала заменить линолеум, даже показывала образец, который понравился ей в каталоге, присланном аж из Перта. Летти посмотрела на выцветшую краску, на календарь, где были отмечены исключительно сельскохозяйственные мероприятия: приезд ветеринаров, покупателей или продавцов зерна, — на расставленные вокруг плиты корзинки с вонючими одеялами, где спали собаки, на пачку стирального порошка «Блюо» для мужских рубашек, кристаллы которого были рассыпаны по белесой рабочей поверхности. Единственным признаком присутствия в доме женщины было наличие журнала «Гламур» с анонсом нового романы Дафны Дюморье и статьей под названием «Вышли бы вы замуж за иностранца?». Она заметила, что страницы уже изрядно засалены, а углы обтрепаны.

— Маргарет?

Летти посмотрела на часы: мужчины с минуты на минуту должны были вернуться на ланч. Она подошла к вешалке возле задней двери и сняла старую пастушью куртку, поморщившись от запаха дегтя и мокрой собачьей шерсти, которые теперь точно пропитают ее одежду.

Дождь зарядил с такой силой, что кое-где во дворе образовались небольшие речушки. Вода в дренажных канавах протестующе булькала, а цыплята, нахохлившись, сбились в кучку под кустами. Мысленно отругав себя за то, что не надела резиновые сапоги, Летти выскочила во двор и побежала к амбару. А там, как и ожидала, увидела скачущую кругами по загону лошадь, а на ней — нечто напоминающее огромный пакет из коричневой промасленной бумаги, лицо было закрыто широкополой шляпой, блестевшей от струек дождя.

— Маргарет!

Летти стояла под навесом и, пытаясь перекричать шум дождя, неуверенно махала рукой.

Лошадь явно была сыта по горло. Прижав хвост к мокрому крупу, она пятилась от ограды и время от времени отчаянно взбрыкивала, тогда как наездница, терпеливо поворачивая ее, заставляла усердно повторять все сначала.

— Мэгги!

Лошадь неожиданно встала на дыбы, и у Летти екнуло сердце, а рука непроизвольно зажала рот. Но наездницу оказалось не так-то легко выбить из седла, она только слегка пришпорила лошадь, бормоча что-то сквозь зубы, — возможно, пыталась увещевать упрямое животное, а возможно, и нет.

— Мэгги, ради всего святого! Не могла бы ты подъехать поближе?

Поля шляпы слегка приподнялись, в приветственном жесте взметнулась рука. Лошадь развернулась и, понурившись, побрела к воротам.

— Летти, ты здесь давно? — спросила Мэгги.

— Девочка моя, ты что, совсем рехнулась?! Ты соображаешь, что делаешь? — Она увидела, что племянница широко улыбается из-под полей шляпы.

— Да так, объезжаю понемножку. Папа слишком большой для нее, мальчикам с ней не справиться, значит остаюсь только я. Старушка с норовом, а?

Летти в сердцах покачала головой и сделала знак Маргарет слезть с лошади.

— Боже мой, детка! Может, тебе помочь?

— Ха! Нет, я справлюсь. А что, скоро ланч? Мясо я уже поставила тушиться, но не знаю, когда вернутся мужчины. Они перегоняют телят к Йаррава-крик и могут проторчать там весь день.

— Вряд ли они задержатся в такую погоду, — ответила Летти, когда Маргарет неуклюже слезла с лошади и тяжело приземлилась на ноги. — Если они, конечно, не такие же чокнутые, как и ты.

— А, не бухти! На самом деле она лучше, чем кажется.

— Ты насквозь промокла. Только посмотри на себя! И как тебе только в голову взбрело ездить верхом под дождем?! Господи помилуй, Мэгги, сомневаюсь, отдаешь ли ты себе отчет в том, что делаешь… Что бы сказала твоя дорогая матушка… один только Бог ведает.

И обе сразу притихли.

— Знаю… — Маргарет сморщила нос и принялась расстегивать подпругу.

Летти забеспокоилась, не перегнула ли она палку. Она замялась, с трудом удержавшись от слов извинения, готовых слететь с губ.

— Я не имела в виду…

— Забудь. Летти, ты абсолютно права, — сказала девушка, зажав под мышкой седло. — Она не стала бы заставлять кобылу наматывать круги, а просто надела бы на нее балансирующий повод, и дело с концом.

Мужчины вернулись около часа дня, стремительно побросали мокрые галоши и шляпы в кучу, куртки стащили прямо в дверях. Маргарет накрыла на стол и теперь подавала дымящиеся миски с тушеной говядиной.

— Колм, смотри, сколько грязи ты натащил на каблуках, — сказала Летти, и молодой человек, решив не тратить время на то, чтобы вытереть сапоги, послушно стянул их и швырнул на ковер.

— А хлеб нам дадут?

— Наберитесь терпения, мальчики. У меня только две руки.

— Мэгги, твоя собака спит в папиной старой шляпе, — ухмыльнулся Дэниел. — Папа говорит, что если подцепит блох, то пристрелит ее.

— Ничего я такого не говорил, дурачок. Как поживаешь, Летти? Ездила вчера в город?

Марри Донливи, высокий и угловатый, с бледно-голубыми глазами на веснушчатом лице, что явственно свидетельствовало о его кельтских корнях, сел во главе стола и с ходу принялся за кусок хлеба, который отрезала для него свояченица.

— Ездила, Марри.

— Для нас какая-нибудь почта была?

— Принесу, когда поешь.

В противном случае письма будут непременно закапаны соусом и захватаны жирными пальцами. Хотя Норин всегда было наплевать.

Маргарет уже успела поесть и теперь сидела в мягком кресле возле кухонного шкафа, поставив ноги в носках на скамеечку. Летти с чувством внутреннего удовлетворения смотрела, как сосредоточенно едят мужчины. В наши дни не так уж много семей могут собрать за одним столом сразу пять представителей сильного пола, и это притом что трое отслужили в армии. Когда Марри попросил Дэниела, младшенького, передать ему еще хлеба, Летти уловила едва заметный ирландский акцент, с которым он в свое время прибыл в страну. Ее сестра любила добродушно подтрунивать над ним. «Тот самый! — говаривала она, пытаясь подражать акценту мужа. — Боевого задора в нем на сотню ирландцев».

Да, за этим столом явно кого-то не хватало. Летти вздохнула, пытаясь отогнать мысли о Норин, что она делала бессчетное число раз в течение дня. И жизнерадостно сказала:

— Представляете, жена Альфа Петтита купила один из этих новомодных холодильников «Дефендер». Там четыре ящика, он сам делает лед и практически не издает шума.

— В отличие от жены Альфа Петтита, — вставил Марри. Он уже

вытащил последний выпуск «Бюллетеня» и углубился в чтение своей любимой рубрики «Человек на земле». — Хм. Пишут, что на молочных фермах становится все грязнее, потому что женщины уезжают.

— Они, очевидно, никогда не бывали в комнате Мэгги.

— Это ты приготовила? — Марри оторвался от газеты и ткнул пальцем практически в пустую миску.

— Нет, Мэгги, — ответила Летти.

— Вкусно. Лучше, чем в прошлый раз.

— Даже не знаю почему, — сказала Маргарет, она поднесла руку к глазам, пытаясь найти занозу. — Я ничего нового не добавляла.

— В «Одеоне» показывают хорошую картину, — поспешила сменить тему Летти и тем самым привлекла к себе внимание остальных.

Она знала, что мужчины делают вид, что их вовсе не интересуют обрывки сплетен, которые она дважды в неделю привозила на ферму, ведь сплетни — это бабское дело, но время от времени маска безразличия с парней все же слетала. Она прислонилась к раковине, скрестив руки на груди.

— Ну?

— Это фильм о войне. Грир Гарсон и Тайрон Пауэр. Забыла название. Что-то такое с «навсегда».

— Надеюсь, там покажут военные самолеты. Американские. — Дэниел посмотрел на братьев, явно ища их одобрения, но они были всецело поглощены едой и даже не подняли головы.

— А скажи, коротышка, как ты собираешься добираться до Вудсайда. Надеюсь, ты не забыл, что сломал велосипед? — пихнул его в плечо Лиам.

— Так или иначе, не поедет же он туда один на велосипеде, — заметил Марри.

— Кто-нибудь из вас может отвезти меня туда на грузовике. Да ладно вам! Так и быть, заплачу за ваше мороженое.

— Сколько кроликов ты продал на этой неделе?

Дэниел имел небольшой приработок: он свежевал кроликов и продавал шкурки. И совершенно необъяснимым образом цена качественных шкурок поднялась с одного пенни до нескольких шиллингов, что вызывало некоторую долю зависти к неожиданно свалившемуся на младшего брата богатству.

— Только четыре.

— Что ж, тоже неплохо.

— Ой, Марри, Бетти просила передать тебе, что их хорошая кобыла наконец-то жерёбая. Если тебя это все еще интересует.

— Та самая, которую спаривали с Колдуном?

— Думаю, да.

Марри бросил взгляд на старшего сына:

— Колм, наверное, стоит заскочить туда в конце недели. Хорошая лошадь в хозяйстве не помешает.

— Кстати… — сделав глубокий вдох, начала Летти. — Сегодня я видела, как Маргарет объезжала твою норовистую молодую кобылу. Не уверена, что Мэгги стоит ездит верхом. Это… небезопасно.

— Летти, она взрослая женщина, — не отрывая глаз от миски, произнес Марри. — Очень скоро мы вообще не сможем учить ее жить.

— Летти, зря ты так кипятишься. Я знаю, что делаю.

— Кобыла на вид весьма злобная. — Летти принялась за мытье посуды, чувствуя себя немного сбитой с толку. — Я просто хочу сказать, что, по-моему, Норин этого не одобрила бы. Только не в ее… положении…

При упоминании имени ее сестры на кухне повисла напряженная тишина.

Марри отпихнул пустую миску к центру стола:

— Летти, очень благородно с твоей стороны, что ты переживаешь за нас. Не думай, что мы этого не ценим.

Даже если мальчики и заметили взгляд, которым обменялись оба «старика», как они про себя называли их, а также легкий румянец, неожиданно появившийся на щеках тети Летти, то оставили свое мнение при себе. Точно так же, как в свое время промолчали, обнаружив, что для визита к ним она вдруг стала надевать свою лучшую юбку. Или что в свои сорок с хвостиком вдруг начала делать перманент.

Тем временем Маргарет поднялась с кресла и принялась лениво просматривать лежавшие на буфете рядом с сумочкой Летти письма.

— Черт побери! — воскликнула она.

— Маргарет!

— Прости, Летти. Посмотри! Папа, ты только посмотри! Это мне. Со штампом военно-морского флота!

Отец кивком велел ей дать ему письмо. Повертел конверт в мозолистых руках, обратив внимание на официальный штамп и адрес отправителя.

— Хочешь, чтобы я открыл?

— Значит, он не погиб, да?! — воскликнул Дэниел, за что с ходу получил от Колма увесистую оплеуху.

— Не старайся быть еще большим придурком, чем кажешься!

— Ты ведь не думаешь, что он погиб, да? — Маргарет с трудом устояла на ногах, ее румяное лицо сразу потеряло все краски.

— Конечно не погиб, — ответил отец. — А иначе тебя известили бы телеграммой.

— Может, они хотели сэкономить на почтовых расходах, но… — Дэниел с трудом увернулся от энергичного пинка старшего брата.

— Я хотела подождать, пока все не поедят, — вставила Летти, но ее слова повисли в воздухе.

— Ну давай же, Мэг! Чего тянешь?

— Не знаю, — проронила девушка, явно терзаясь сомнениями.

— Да ладно тебе, мы ведь с тобой. — Отец ласково погладил ее по спине.

Она посмотрела на него, потом — на письмо, которое уже держала в руках.

Братья вскочили на ноги и окружили ее плотным кольцом. Летти, так и оставшаяся стоять у раковины, внезапно почувствовала себя лишней. Чтобы скрыть замешательство, она с удвоенным рвением принялась отскребать кастрюлю, ее крупные пальцы покраснели от горячей воды.

Маргарет вскрыла конверт и едва слышно — эта привычка сохранилась у нее с детских лет — принялась читать письмо. Затем Мэгги коротко вскрикнула, и Летти, резко обернувшись, увидела, что девушка тяжело осела на стул, услужливо придвинутый одним из братьев. Она потрясенно смотрела на отца.

— Ты в порядке, моя девочка? — Его лицо сморщилось от волнения.

— Папа, я еду, — прохрипела она.

— Что?! В Ирландию? — схватив письмо, спросил Дэниел.

— Нет. В Англию. Меня берут на борт корабля. Боже мой, папа!

— Маргарет! — предостерегающе воскликнула Летти, но ее никто не слушал.

— Мэг едет в Англию! — Старший брат уже прочел письмо. — Действительно едет! Они смогли найти ей место на корабле!

— Эй, чего раскричался? Уймись! — беззлобно одернула его Маргарет.

— «В связи с изменением статуса другой „военной невесты“ мы можем предложить вам место на борту…» Как это пишется? «Мы отплываем из Сиднея»… Бла-бла-бла…

— Изменение статуса? Интересно, что случилось с той бедняжкой? — фыркнул Нил.

— Вполне возможно, что ее муж уже успел снова жениться. Такое случается.

— Летти! — возмутился Марри.

— Ну, это чистая правда. Все в жизни бывает. Почитай газеты. Я

слыхала о девушках, которые добрались аж до самой Америки, а там им оказались вовсе не рады. Некоторые даже с… — начала она, но сразу прикусила язык.

— Джо другой, — отрезал Марри. — Мы все знаем, что он не из таковских.

— А кроме того, — жизнерадостно начал Колм, — когда он женился на Мэг, я предупредил его, что, если он ее бросит, я обязательно найду его и убью.

— И ты тоже? — удивился Нил.

— Господи! — перекрестилась Маргарет, проигнорировав стоявшую с покаянным видом тетю. — Вы мне вздохнуть спокойно не даете. Удивляюсь, что он вообще здесь задержался.

Но когда до присутствующих наконец дошел смысл полученного письма, на кухне стало тихо. Маргарет крепко сжала руку отца, тогда как остальные делали вид, будто ничего не замечают.

— Кто-нибудь хочет чая? — спросила Летти.

У нее в горле застрял ком. Она уже мысленно представляла себе кухню без Маргарет. В ответ она услышала очень невнятное выражение согласия.

— Но учти, нет никакой гарантии, что ты получишь каюту, — заметил Нил, продолжая читать письмо.

— Они могут поместить ее вместе с багажом, — предположил Лиам. — Такой толстокожей все нипочем!

— Что, прямо вот так? — поинтересовался Дэниел, который, как заметила Летти, был потрясен до глубины души. — Я хочу сказать, ты что, прямо вот так возьмешь и уедешь в Англию?

— Да, вот так, — спокойно ответила Маргарет.

— А как же мы? — спросил Дэниел, и голос его вдруг сорвался, словно он так и не смог воспринять всерьез замужество сестры и возможные последствия этого события. — Мы не можем одновременно потерять и маму, и Мэг! И что нам тогда делать?!

Летти собралась было принять участие в разговоре, но слова вдруг застряли у нее в горле.

А за столом молча сидел Марри, его рука сплелась с рукой дочери.

— Мы, сынок, будем радоваться, — наконец произнес он.

— Что?!

Марри ободряюще улыбнулся дочери, хотя Летти не поверила в искренность этой улыбки.

— Мы будем радоваться, потому что рядом с Маргарет будет хороший человек. Человек, сражавшийся за свою страну и за нашу тоже. Человек,

который вполне заслуживает нашу Маргарет, впрочем, как и она его.

— Ой, папа, — потерла глаза Маргарет.

— И что самое важное. — Голос Марри окреп и зазвучал громко, словно пресекая все возражения. — Мы должны радоваться вдвойне, потому что дед Джо был ирландцем. А это значит… — он положил тяжелую руку на округлившийся живот дочери, — что малышу суждено попасть, да будет на то воля Господа, в рай земной.

— О Марри, — прижав руку ко рту, прошептала Летти.

— Мужайтесь, ребята, — пробормотал Колм, натягивая сапоги. — Нас ожидает вечер в духе «Danny Boy»[6].

У них уже некуда было вешать выстиранную одежду. Сушилка в доме была загружена настолько, что того и гляди обвалится потолок, мокрое белье свисало со всех крючков и веревок, болталось на плечиках, прицепленных к дверям, лежало на полотенцах на всех рабочих поверхностях. Маргарет выудила из ведра очередную сырую нижнюю рубашку и протянула тете, а та заправила подогнутый край в каток для глажки белья и начала крутить ручку.

— Это все потому, что вчера ничего не высохло, — сказала Маргарет. — Я не успела вовремя снять белье с веревки, вот оно снова и намокло, а у меня его еще куча.

— Мэгги, почему бы тебе не присесть? — предложила Летти. — В ногах правды нет. И вообще, дай им отдохнуть минутку-другую.

Маргарет с благодарностью опустилась на стул, что стоял в прачечной, и ласково погладила примостившегося рядом терьера.

— Я, конечно, могу повесить что-то в ванной, но папа будет ругаться.

— Понимаешь, ты должна больше отдыхать. При таком сроке большинство женщин стараются держать ноги повыше.

— Ай, мне еще носить и носить, — отозвалась Маргарет.

— По моим прикидкам меньше двенадцати недель.

— Вот африканские женщины котятся прямо под кустом и идут себе дальше работать.

— Ты не африканка. И я сильно сомневаюсь, что здесь уместно слово «котятся», словно это… — Летти понимала, что не может рассуждать о деторождении, поскольку ничего в этом не смыслит.

Она молча занималась бельем, а дождь все барабанил по жестяной крыше, и из открытого окна в прачечную проникали сладкие запахи мокрой земли. Допотопный каток надрывно скрипел, неохотно возвращаясь к жизни.

— Дэниел воспринял новость хуже, чем я ожидала, — как бы между прочим заметила Маргарет.

Летти, кряхтя, продолжала крутить ручку.

— Он еще слишком молод. И здорово натерпелся за последнюю парочку лет.

— Но он жутко зол на меня. Уж чего-чего, а этого я от него не ожидала.

— Полагаю, он разочарован. Потерять и мать, и тебя… — замявшись, произнесла Летти.

— Я же не специально. — Маргарет вспомнила о внезапной вспышке его гнева, когда он бросал ей в лицо такие обидные слова, как «эгоистичная» и «злая», до тех пор, пока отец с помощью подзатыльника не прервал его обличительную речь.

— Понимаю. — Летти оставила ручку и выпрямилась. — И они тоже понимают. Даже Дэниел.

— Но когда мы с Джо поженились, знаешь, у меня и в мыслях не было оставить папу и мальчиков. И вообще, мне казалось, что им все равно.

— Ну конечно, им не все равно. Они тебя любят.

— Я же не возражала, когда Нил уходил.

— Он уходил на войну. И ты понимаешь, что выбирать не приходилось.

— Но кто теперь за ними присмотрит? Если очень приспичит, папа погладит рубашку и вымоет посуду, но вот приготовить обед никто из них точно не сможет. И простыни не будут менять до тех пор, пока они не станут такими заскорузлыми, что своим ходом отправятся в корзину для грязного белья.

Маргарет говорила и говорила, а потом и сама начала верить в то, что на ней держится весь дом, заботу о котором она со скрытым негодованием взвалила на свои плечи два года назад. Ей и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь придется заниматься стряпней и уборкой. Даже Джо все прекрасно понял, когда она призналась ему, что в этом деле она безнадежна, но, что самое главное, не горит желанием исправлять ситуацию. И вот теперь, вынужденная каждый день часами обслуживать братьев, с которыми когда-то была на равных, она чувствовала, как в ее сердце борются между собой печаль, раскаяние и молчаливая ярость.

— Летти, у меня так тяжело на душе. Ведь я и вправду считаю, что им не справиться без… ну, женщины в доме.

В прачечной повисло тягостное молчание. Собака заскулила во сне, перебирая лапами, будто она за кем-то гналась.

— Уверена, они могут пригласить кого-нибудь в качестве домоправительницы, — нарушила тишину Летти, но голос ее прозвучал

как-то слишком уж беззаботно.

— Папа не захочет за это платить. Тебе ведь известно, какой он экономный. И, кроме того, не уверена, что они потерпят чужого человека на кухне. Ты же их знаешь. — Маргарет покосилась на тетю. — А с тех пор как Нил вернулся из армии, он вообще не желает ни с кем знакомиться… Ой, даже и не знаю…

А на улице дождь постепенно ослабевал и теперь не так сильно стучал по крыше, на востоке между свинцовыми тучами начало проглядывать голубое небо. Женщины замолчали, задумчиво уставившись в окно.

Не дождавшись ответа, Маргарет заговорила снова:

— На самом деле я все думаю, а стоит ли мне вообще уезжать. Я хочу сказать, какой смысл отправляться в такую даль, если я постоянно буду беспокоиться о семье? — Она вопросительно посмотрела на тетю и, не дождавшись ответа, продолжила: — Потому что я…

— Думаю, — подала голос Летти, — я могу им помочь.

— Что?

— Не надо говорить «что», дорогая. Если ты действительно так за них переживаешь, — ровным тоном произнесла Летти. — Я смогу приезжать почти каждый день. Просто чтобы помогать по мере сил.

— Ой, Летти, да неужели?! — Маргарет постаралась, чтобы ее голос звучал в меру удивленно и в нем слышалась благодарность.

— Ужасно не хочется наступить кому-нибудь на больную мозоль.

— Нет… Нет… Конечно нет.

— И мне не хочется, чтобы ты или мальчики подумали… будто я стараюсь занять место вашей матери.

— Ну что ты! Никому такое даже в голову не придет!

Женщины молча переваривали то, что наконец было высказано вслух.

— И люди могут… неправильно понять. В нашем городе и вообще… — Летти машинально пригладила волосы.

— Да, они могут, — с серьезным выражением лица проронила Маргарет.

— Но с другой стороны, я пока без работы. Ведь военный завод закрылся. А семья должна быть на первом месте.

— Именно так.

— Я хочу сказать, мальчики нуждаются в женском влиянии. Особенно Дэниел. Он сейчас в том возрасте… И я ведь не делаю ничего плохого. Ничего такого… ну, ты понимаешь…

Если Маргарет и заметила, как у тети порозовели от удовольствия щеки, то ничего не сказала. Если тетина внешность в последнее время и

изменилась — взять, к примеру, новую губную помаду, — что несколько усложняло для Маргарет ведение переговоров, то она решительно отмела все подозрения. Если ценой ее законной свободы станет узурпация освободившегося места матери, что ж, она постарается видеть в этом только хорошее.

Угловатое лицо Летти озарилось улыбкой.

— В таком случае, дорогая, если тебе так будет легче, я позабочусь о них, — сказала она. — И о твоей Мод тоже. Тебе не придется беспокоиться.

— Ну, о ней я меньше всего беспокоюсь. — Маргарет с трудом поднялась со стула. — Я собираюсь…

— Да, я сделаю все возможное, чтобы они были в порядке, — продолжила Летти. Согретая надеждой наконец обрести свое женское счастье, она вдруг стала словоохотливой. — Если тебе действительно так будет легче, Мэгги, дорогая, чем могу — помогу. Да, тебе не придется беспокоиться. — Почувствовав неожиданный прилив сил, она выжала последнюю рубашку, бросила ее в корзину для белья и приготовилась к новому сеансу сушки. Затем вытерла крупные костлявые руки о передник. — Ну вот. Ладно. Почему бы мне не приготовить нам по чашечке чая? А ты пока напиши письмо на флот, скажи, что согласна, и тогда мы будем знать, что все устроилось. Ты ведь не хочешь упустить место на корабле? Как та бедняжка, которой не повезло.

Маргарет выдавила сияющую улыбку. Если верить статье в «Гламуре», она, возможно, больше никогда с ними не увидится. И к этому тоже надо быть готовой.

— Знаешь что, Мэгги, я, пожалуй, проверю ящики в твоей комнате: не надо ли чего подлатать. Я ведь знаю, что с иголкой ты не дружишь, а мы хотим, чтобы ты выглядела как конфетка, когда встретишься с Джо.

Вы не должны осуждать их, говорилось в статье. Но вы должны быть уверены, что никогда не будете винить вашего мужа в том, что он разлучил вас с семьей. Тетя по-хозяйски перетаскивала корзинку с бельем, точь-в-точь как в свое время мама.

Маргарет зажмурилась и сделала глубокий вдох, слушая, как по прачечной эхом разносится голос Летти.

— Заодно приведу в порядок пару рубашек твоего отца. Раз уж я возьмусь за шитье. Дорогая, я ведь прекрасно вижу, что мужчины выглядят немного усталыми, и мне не хочется, чтобы говорили, будто я… — Она покосилась на Маргарет. — Я позабочусь о том, чтобы здесь все было тип-топ. О да. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

Маргарет не хотелось, чтобы они оказались брошены на произвол судьбы. Уж лучше так, чем если появится кто-то, кого она вообще не знает.

— Мэгги?

— Мм?

— Как тебе кажется… Как тебе кажется, твой отец не будет возражать? Я хочу сказать, против меня. — Лицо Летти — лицо сорокапятилетней женщины — внезапно приняло озабоченное выражение и стало трогательно-беззащитным, совсем как у молодой невесты.

Уже гораздо позже, размышляя над этим долгими бессонными ночами, Маргарет так и не смогла понять, что заставило ее сказать это. Ведь она вовсе не была подлой или злой. Более того, она не хотела, чтобы Летти или папа коротали оставшиеся им дни в одиночестве.

— Мне кажется, он будет в восторге, — произнесла она, погладив собаку. — Летти, он очень тепло к тебе относится. И мальчики тоже. — Она принялась внимательно разглядывать занозу в руке и закашлялась. — Он частенько говорил, что ты для него… как сестра. Человек, с которым он может поговорить о маме и который помнит, какой она была… И конечно, если ты будешь стирать им рубашки, то заслужишь их бесконечную благодарность.

Мэгги не осмелилась поднять глаза, но остро почувствовала, как окаменели юбки Летти, как застыли на месте ее худые сильные ноги. А руки, такие ловкие и быстрые, безвольно повисли вдоль тела.

— Да, — наконец сказала Летти. — Конечно. — Голос ее звучал слегка сдавленно. — Ну, пойду приготовлю нам чая. Как и обещала.

Глава 2

Двух кенгуру, вылезших из материнской сумки 12 месяцев назад, собираются переправить самолетом в Лондон; за время пути они съедят 12 фунтов сена. Австралийская авиакомпания «Квантас» сообщила, что кенгуру проведут в воздухе всего 63 часа.

Сидней монинг геральд. 4 июля 1946 года

За три недели до посадки

Дорогой Иэн!

Ни за что не догадаешься — я еду! Понимаю, тебе трудно поверить, я сама почти не верю, но это правда. Папочка замолвил за меня словечко своему старому другу из Красного Креста, у которого имеются высокопоставленные друзья в Королевских ВМС, и вот уже вышел приказ о том, что мне предоставляется место на первом отходящем отсюда корабле, хотя, строго говоря, у меня низкий приоритет.

Поэтому, чтобы избежать волнений, пришлось сказать остальным невестам в округе, что я собираюсь в Перт навестить бабушку, но вот я уже здесь, в Сиднее, отсиживаюсь в отеле «Уэнтворт», чтобы попасть на борт раньше других.

Дорогой, жду не дождусь встречи с тобой. Ведь я ужасно по тебе скучаю. Мамочка говорит, что, как только мы найдем себе дом, они с папочкой сразу приедут. Они планируют путешествовать самолетами австралийских международных авиалиний — интересно, а ты знал, что на «Ланкастриане» до Лондона всего 63 часа лету? Мамочка попросила меня узнать у тебя адрес твоей мамы, чтобы, как только я приеду в Англию, она могла выслать мне туда оставшиеся вещи. Не сомневаюсь, они лучше поймут ситуацию, когда познакомятся с твоими родителями. А то им почему-то кажется, что в результате я окажусь в сырой халупе где-нибудь посреди английского поля.

Но так или иначе, мой дорогой, я отрабатываю новую подпись, учусь отзываться на «миссис» и привыкаю к обручальному кольцу на пальце. Жаль, конечно, что у нас не было настоящего медового месяца, но мне без разницы, где мы его проведем, лишь бы быть с тобой. Все, заканчиваю, так как днем иду в Клуб американских жен в Вуллумулу, хочу узнать, что мне понадобится в пути. У американских жен масса возможностей, не то что у нас, бедных английских жен. (Шучу-шучу!) Но хочу тебе сказать,

что если меня заставят в очередной раз слушать «When The Boy From Alabama Meets A Girl From Gundagi», то я полечу к тебе сама на крыльях любви. Не забывай меня и пиши, когда у тебя выдастся свободная минутка.

Твоя Эвис

В течение четырех лет с момента своего основания Клуб американских жен собирался каждые две недели в элегантном белом доме рядом с Королевским ботаническим садом. Изначально его целью было помочь девушкам, приехавшим из Перта или Канберры, скоротать бесконечные недели до получения разрешения на поездку в Америку для воссоединения с их американскими мужьями. Девушек учили шить лоскутные одеяла, распевать «Звездно-полосатый флаг» и давали материнские советы беременным и кормящим матерям, а еще тем, кто так и не смог разобраться, что их сильнее мучает: страх перед дальней дорогой или мысль о том, что они в результате никуда не уедут.

Однако в последнее время клуб перестал быть чисто американским: принятый в США закон о военных невестах позволил ускорить отправку двенадцати тысяч недавно заключивших брак австралийских жен, поэтому на смену лоскутным одеялам пришли полуденный бридж и советы, как привыкнуть к английской еде и ее скудному рациону.

Многих вновь прибывших невест распределили по семьям в Лейчхардте, Дарлингхерсте[7] или в пригородах Сиднея. Они словно оказались в странной прибрежной зоне: их жизнь в Австралии еще не закончилась, а новая — где-то там далеко — пока не началась, они целиком сосредоточились на детализации будущего, о котором совершенно ничего не знали и которое не могли контролировать. Поэтому на их встречах два раза в неделю у всех, естественно, была одна-единственная тема для разговоров.

— Одна моя знакомая девушка из Мельбурна отправилась через океан на борту «Куин Мэри»[8] в каюте первого класса, — рассказывала какая-то очкастая девица. О лайнере говорили как о Священном Граале в мире транспорта. В Австралию до сих пор продолжали приходить письма с легендами об этом судне. — Все плавание она жарилась у бассейна. А еще там после ужина были танцы, различные игры и вообще… И она купила на Цейлоне совершенно божественные платья. Плохо только то, что ей приходилось делить каюту с какой-то женщиной с детьми. Фи! Повсюду липкие следы от пальцев на одежде, а в половине шестого начинал орать младенец.

— Дети — это благословение Господа, — безапелляционно заявила миссис Проффит, которая проверяла швы на зеленой шапочке с коричневой шерстяной подкладкой. Сегодня они собственными руками делали подарки для детей из Лондона, лишившихся крова в результате бомбардировки. Одной из девушек английская свекровь прислала книгу «Полезные вещи из обрезков и остатков», и миссис Проффит выписала оттуда советы, как сделать ожерелье из металлических колец для куриных лап и ночную кофту из старой сорочки и панталон. — Да, — сказала она, с любовью оглядев всех девушек. — Когда-нибудь вы поймете. Дети — это Божье благословение.

— А отсутствие детей — еще большее, — пробормотала кареглазая девушка, сидевшая рядом с Эвис, панибратски пихнув ее локтем.

В другое время Эвис и пяти минут не выдержала бы в такой пестрой компании девиц — некоторые из них явно только что прибыли с захудалого полустанка, у них даже туфли были припорошены красной пылью — и не захотела бы тратить столько часов своего драгоценного времени на то, чтобы выслушивать бесконечные лекции пожилых старых дев, которым война дала уникальный шанс хоть как-то скрасить свою унылую жизнь. Но сейчас она уже десять дней находилась в Сиднее вместе с другом отца, мистером Бартоном, единственным человеком, которого она здесь знала, и расширить круг общения могла исключительно в Клубе американских жен. Более того, она все еще не решила, как объяснить папочке поведение мистера Бартона. Ей пришлось раза четыре, не меньше, напоминать мистеру Бартону, что она замужем, однако она не была до конца уверена, что для него это хоть что-то меняло.

На сегодняшних посиделках присутствовали еще двенадцать молодых женщин. Некоторые из них провели с мужьями в общей сложности не более недели, а добрая половина почти год не видела своих суженых. При отправке на родину приоритет отдавался воинским частям, а вовсе не «соломенным вдовам», как их здесь называли. Некоторые оформили нужные бумаги заранее, но с тех пор прошло уже больше года, а они так и не получили ни ответа ни привета. По крайней мере одна, не выдержав жутких жилищных условий, сдалась и вернулась домой. Остальные, ведомые слепой верой, отчаянием, любовью или чаще всеми этими чувствами одновременно, пока держались.

Эвис была здесь новенькой. Слушая их рассказы о семьях, в которые их определили, она в очередной раз мысленно поблагодарила родителей за то, что могла позволить себе такую роскошь, как гостиничный номер. Ее затея была бы не столь волнующей, если бы ей пришлось жить с какой-нибудь

ворчливой престарелой парой. Тем более что все и так с каждым днем становилось чуть менее захватывающим.

— Если эта миссис Тидворт еще раз скажет: «О, дорогая, неужели он еще не послал за тобой?» — клянусь, я ее придушу.

— Ей это нравится, старой суке. То же самое она проделывала с Мэри Найт, когда та у нее жила. Уверена, старуха только и ждет, чтобы ты получила телеграмму «Не приезжай».

— А я больше не могу слышать все эти причитания типа «ты еще пожалеешь».

— Надеюсь, что осталось недолго, а?

— А когда приходит следующий?

— Примерно через три недели, если верить моему предписанию, — ответила кареглазая девица. Ее вроде бы звали Джин, но у Эвис была плохая память на имена, она забывала их сразу же после знакомства. — Хорошо бы он оказался не хуже «Куин Мэри». Ведь там был даже парикмахерский салон с настоящими фенами. А я ужас как хочу перед встречей со Стэном привести в порядок волосы.

— Она была замечательной женщиной. Королева Мария, — послышался голос миссис Проффит с другого конца стола. — Настоящей леди.

— А ты что, уже получила предписание? — хмуро посмотрела на Джин сидевшая напротив веснушчатая девушка.

— Еще на прошлой неделе.

— Но у тебя же низкий приоритет. Ты ведь сама говорила, что сдала документы только месяц назад.

В разговоре возникла неловкая пауза. Девушки обменялись многозначительными взглядами и снова сосредоточились на своем вышивании. Миссис Проффит удивленно подняла глаза, явно почувствовав возникшее в комнате легкое напряжение.

— Кому-нибудь нужны нитки? — глядя поверх очков, спросила она.

— Ну может же человеку просто повезти?! — воскликнула Джин, встав из-за стола.

— Как так вышло, что ее берут на борт? — спросила веснушчатая девица у своих соседок. — Я жду вот уже пятнадцать месяцев, а ее отправляют ближайшим кораблем. Разве это правильно? — Ее голос звенел от обиды, и Эвис взяла себе на заметку в дальнейшем помалкивать о своем предписании.

— Она беременна, да? — пробормотала другая девушка.

— Что?

— Джин. Она едет как семья. Американцы, например, всегда пропускают вперед тех, у кого срок больше четырех месяцев.

— Кто делает пингвина? — спросила миссис Проффит. — Для пингвина надо непременно использовать черную нитку.

— Постой-ка, — сказала рыжеволосая девушка, продевая нитку в иголку. — Ее Стэн уехал в ноябре. Она говорила, на том же корабле, что и мой Эрни.

— Значит, она не может считаться семьей.

— Или она… и…

Девушки многозначительно переглянулись, скривив рот в усмешке.

— Сара, милочка, ты закончила кенгуренка? — Миссис Проффит одарила девушек сияющей улыбкой и достала из матерчатой сумки несколько кусочков желтовато-коричневатого фетра. — По-моему, кенгурята прелесть какие милые. Правда?

Несколько минут спустя вернулась Джин. Она села на свое место, воинственно скрестив руки на груди. Однако поняв, что перестала быть темой для обсуждения, заметно расслабилась, хотя, возможно, и удивилась внезапному порыву трудового энтузиазма у собравшихся.

— Я встретила Иэна, своего мужа, на благотворительной вечеринке с танцами, — решила нарушить затянувшееся молчание Эвис. — Вместе с другими девушками я была в организационном комитете, и он оказался вторым, кому я предложила чашку чая.

— И это все, что ты ему предложила? — подала голос Джин.

Что ж, ей виднее.

— Насколько мне известно, твое понятие гостеприимства несколько отличается от общепринятого, — парировала Эвис.

Она вспомнила, как покраснела, когда наливала ему чай. Он, не скрываясь, глазел на ее щиколотки, которыми она и вправду весьма гордилась.

Унтер-офицер Иэн Стюарт Рэдли. Двадцати шести лет от роду, на целых шесть лет старше ее, что, по мнению Эвис, было самое то. Высокий, с прекрасной выправкой и глазами цвета моря, английский акцент настоящего джентльмена и большие мягкие руки, заставившие ее трепетать уже при первом прикосновении, а ведь она просто предложила ему песочное печенье. Он пригласил Эвис на танец — хотя никто не танцевал, — и она решила, что будет крайне неприлично с ее стороны отказать: ведь он как-никак военный. Подумаешь какой-то там квикстеп или «Веселые Гордоны»[9], если перед тобой человек, смотревший смерти в лицо!

И меньше чем четыре месяца спустя они поженились. Скромная, но со вкусом церемония в бюро записей актов гражданского состояния на Коллинз-стрит. Ее отца мучили подозрения, и он попросил жену поговорить с дочерью — просто как женщина с женщиной, — чтобы узнать, нет ли, кроме неизбежного отъезда Иэна, каких-то иных причин для такого поспешного вступления в брак. Иэн ответил отцу — очень благородно с его стороны, думала она, — что он готов ждать, если таково желание родителей Эвис, и что он не пойдет против их воли, но она была решительно настроена стать миссис Рэдли. Война ускорила нормальный ход событий, уменьшив временны́е рамки подобных вещей. И после той первой чашки чая она поняла, что в мире нет другого человека, которого она желала бы увидеть в роли своего мужа. Ему, и только ему она хотела бы принести себя в дар.

— Дорогая, но мы же о нем ничего не знаем, — ломая руки, говорила ее мать.

— Он мой идеал.

— Ты ведь понимаешь, что я совсем другое имела в виду.

— А что тебе надо знать? Его часть была дислоцирована в районе Брисбенской линии, разве не так? Неужели сам факт, что он защищает нашу страну, рискуя жизнью вдали от родного дома, и все для того, чтобы спасти нас от япошек, не делает его достойным моей руки?

— Давай обойдемся без громких слов, солнышко, — сказал папа.

Конечно, они сдались. Они всегда ей уступали. Ее сестра Дина была в ярости.

— А мой Джонни был расквартирован у моей тети Ви, — сказала одна из девушек. — Он мне сразу приглянулся. Роскошный мужик. И уже на вторую ночь я проскользнула в его спальню. Вот такие дела.

— Да уж, кто смел, тот и съел, — заметила другая под дружное хихиканье. — Надо успеть первой застолбить участок.

— Особенно если рядом Джин.

И даже Джин улыбнулась.

— А теперь кто хочет попробовать сделать прелестное ожерелье? — Миссис Проффит показала цепочку из разномастных алюминиевых колец. — Не сомневаюсь, что самые элегантные дамы Европы носят именно такие.

— А на следующей неделе мы узнаем, как сделать шикарную вечернюю накидку из попоны.

— Эдвина, это я уже слышала. — Миссис Проффит аккуратно положила ожерелье на стол.

— Простите, миссис П., но если мой Джонни увидит на мне вот такую штуковину, он точно растеряется и не будет знать, что сделать вперед: то ли поцеловать меня, то ли проверить, не снесла ли я яйцо.

Девушки встретили ее слова взрывом смеха, в котором чувствовались едва сдерживаемые истерические нотки.

Миссис Проффит вздохнула и отложила в сторону свое рукоделие. Ну надо же! Конечно, этого следовало ожидать, поскольку до посадки на корабль оставалось совсем мало времени. И все же. Нет, ну надо же! Эти девицы бывают на редкость несносными!

— Так когда ты отплываешь?

Поскольку семья, принявшая Джин, жила в двух кварталах от «Уэнтворта», девушки не спеша пошли домой вместе. Они не испытывали друг к другу особой симпатии, но обеим не слишком хотелось провести очередной вечер в одиночестве в своей комнате.

— Эвис, что сказано в твоем предписании? Когда ты отплываешь?

А Эвис мучительно размышляла, стоит ли говорить правду. Она прекрасно понимала, что Джин — еще очень незрелая и совсем неотесанная — для нее не самая подходящая компания, особенно если слова о ее интересном положении — правда. Но Эвис не привыкла себя особо сдерживать, а ведь ей и так пришлось весь день держать рот на замке относительно своих планов.

— Тогда же, когда и ты. Через три недели. Как называется судно? «Виктория»?[10]

— Просто жуть, да? — Джин прикурила сигарету, сложив руки домиком, чтобы пламя не задуло морским ветром.

У Эвис моментально испортилось настроение.

— Что ты сказала? — сморщила она нос.

— Это просто жуть. Они уехали на чертовой «Куин Мэри», а нам досталась старая лоханка.

Мимо них медленно проехала машина, из окна высунулись двое солдат, выкрикнув в их адрес какую-то непристойность. Джин ухмыльнулась, помахивая сигаретой, и машина скрылась за углом.

Эвис резко остановилась:

— Прости, не поняла, что ты имела в виду.

— Ты разве не слышала, что сказала миссис Проффит? Та самая, что замужем за коммандером? — спросила Джин и, когда Эвис покачала головой, горько рассмеялась. — Боюсь, детка, что там не найдется для нас ни парикмахерских, ни кают первого класса. Наша «Виктория» — чертов

авианосец.

Эвис с минуту молча смотрела на Джин, а затем улыбнулась. Той самой улыбкой, которую дома специально приберегала для прислуги, когда та делала очередную глупость.

— Джин, ты, должно быть, ошибаешься. Леди не путешествуют на авианосцах. — Она поджала губы, табачный дым попал ей прямо в лицо. — А кроме того, они вряд ли смогут там нас всех разместить.

— Значит, ты действительно ничего не знаешь, да? — (Эвис с трудом подавила раздражение. Какая-то соплюха, младше ее по крайней мере на пять лет. И надо же, имеет наглость так с ней разговаривать!) — Все, у них закончился приличный транспорт. И поэтому они готовы запихнуть нас куда угодно, лишь бы доставить по назначению. По-моему, они считают, что тот, кто действительно хочет ехать, привередничать не станет.

— Ты уверена?

— Даже старая миссис П. проявляет некоторое беспокойство. Похоже, волнуется, что ее молодые леди прибудут в Англию в рабочих комбинезонах и чумазые, как трубочисты. А она-то рассчитывала, что наши красотки произведут совсем другое впечатление.

— Авианосец? — У Эвис подкосились ноги. Она оперлась о ближайшую стенку и села.

Джин устроилась рядом.

— Да, именно так. Название я, конечно, не проверяла. Но по прикидкам выходит, что это он самый и есть… Ну, наверное, они его все же как-то приспособят.

— Но где мы будем спать?

— Без понятия. На палубе вместе с самолетами? — (У Эвис округлились глаза.) — Тьфу на тебя, Эвис, нельзя же быть такой лопоухой! — Джин отрывисто расхохоталась, затушила сигарету, встала и пошла вперед. Возможно, это все игра воображения, но Эвис решила, что Джин с каждой минутой становится все вульгарнее. — Они найдут какой-нибудь способ нас устроить. Все лучше, чем застрять здесь надолго. У нас будет еда и постель, а Красный Крест за нами присмотрит.

— Ой, я сильно сомневаюсь в этом. — Эвис сразу помрачнела и ускорила шаг. Если она позвонит сейчас, то еще застанет папу в клубе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не смогу путешествовать в таких условиях. Для начала мои родители этого не допустят. Они думали, что я поплыву на лайнере. Ну, ты понимаешь, на одном из тех, что были реквизированы для транспортировки. А иначе они не разрешили бы мне ехать.

— Детка, в такие времена, как сейчас, приходится брать, что дают. И ты это знаешь. — (Только не я, мысленно произнесла Эвис. Теперь она уже со всех ног бежала к отелю. Только не девушка, чья семья была крупнейшим в Мельбурне производителем радиоприемников.) — А еще нас обеспечат рабочей одеждой на случай, если нам придется что-то драить.

— Не смешно.

— Да что ты! Просто животики надорвешь! — (Пошла прочь, мерзкая девчонка, подумала Эвис. Я не поплыву с тобой на одном судне, пусть это будет хоть «Куин Мэри», даже на прогулку по Сиднейской бухте.) — Расслабься, Эвис. Не сомневаюсь, что они обеспечат тебя первоклассной койкой в котельном отделении!

Эвис успела добежать до середины улицы, а в ушах у нее все стоял хриплый смех Джин.

— Мамочка?

— Эвис, дорогая, это ты? Уилфред! Эвис звонит. — (Она слышала, как разносится по коридору мамин голос, представляла, как та сидит возле телефона, на паркетном полу персидский ковер, на столике неизменная ваза с цветами.) — Как ты там, моя дорогая?

— Прекрасно, мамочка. Но мне срочно надо поговорить с папочкой.

— Мне не нравится твой голос. У тебя действительно все хорошо?

— Да.

— Иэн наконец дал о себе знать?

— Мамочка, мне надо срочно поговорить с папочкой. — Эвис изо всех сил старалась не выдать свою нервозность.

— Но ты ведь мне обязательно скажешь, да?

— Это моя маленькая принцесса?

— Ой, папочка, слава богу! У меня проблема. — (Отец не ответил.) — С транспортом.

— Я лично разговаривал с коммандером Гилдом. Он обещал, что тебя посадят на борт ближайшего…

— Нет, дело не в том. Он устроил меня на корабль.

— Тогда в чем проблема?

Эвис слышала на заднем фоне голос матери:

— Это молодой человек. Десять к одному, что дело в нем.

А еще голос Дины:

— Он что, велел ей не приезжать?

— Скажи им, что Иэн здесь ни при чем. Я о корабле.

— Ничего не понимаю, принцесса.

— Это авианосец.

— Что?

— Морин, — шикнул на мать отец, — успокойся! Я ничего не слышу.

Эвис отрывисто выдохнула:

— Именно так. Это авианосец. Они собираются отправить нас в Англию на *авианосце.*

В трубке возникла длинная пауза.

— Они хотят, чтобы она путешествовала на авианосце, — объяснил отец домочадцам.

— Что? На самолете?

— Да нет же, глупая ты женщина! На корабле, на котором они перевозят самолеты.

— На военном корабле?

Эвис сразу представила, как мать театрально пошатнулась от ужаса. Дина разразилась гомерическим хохотом. Чего и следовало ожидать: сестра не могла простить Эвис, что та первой выскочила замуж.

— Тебе придется устроить меня на какое-нибудь другое судно, — торопливо произнесла Эвис. — Поговори с тем, как бишь его, кто посадил меня на корабль. Скажи, что я не могу отправиться на *этом* в путь. Пусть организует для меня другой корабль.

— Ты ничего не говорил про авианосец! — услышала она голос матери. — Она не может на нем ехать. Только не со всеми этими самолетами, что каждую минуту взлетают с палубы. Очень опасно!

— Папочка?

— Они ведь потопили «Вайнер Брук», разве не так? — запричитала мать. — Япошки попытаются потопить авианосец, как в свое время потопили «Вайнер Брук».

— Замолчи, женщина. В чем дело? Ты что, единственная девушка на борту, принцесса?

— Я? Ой нет, отправляют примерно шестьсот жен, — нахмурилась Эвис. — Что само по себе ужасно. Они заставят нас ночевать в спальных мешках, и там вообще не будет никаких удобств. И, папочка, ты бы видел, с какими девицами мне придется общаться — одна только их манера говорить чего стоит! Мне даже трудно сказать…

Трубку взяла ее мать:

— Эвис, я так и думала! Они просто не твоего круга. Не уверена, что это хорошая идея.

— Папочка, ты сможешь все уладить?

Ее отец тяжело вздохнул:

— Ну, это не так просто, как кажется, принцесса. Мне пришлось нажать на все рычаги, чтобы посадить тебя на корабль. И в любом случае большинство невест уже уехали. Не уверен, будут ли другие корабли и сколько.

— Ну, тогда отправь меня самолетом. Я могу полететь «Квантасом».

— Эвис, все не так просто.

— Но я не могу путешествовать на этом жутком корабле!

— Послушай, Эвис. Я потратил кучу денег, чтобы запихнуть тебя на корабль. Ты меня поняла? И еще чертову уйму — на твой проклятый отель, потому что тебе, видите ли, не нравится, как размещают жен моряков. И я не буду платить еще за перелет в Англию только потому, что тебя, понимаешь ли, не устраивают условия на борту судна.

— Но, папочка! — Она топнула ногой, сразу обратив на себя внимание девушки за стойкой портье. Тогда она понизила голос до трагического шепота: — Я в курсе твоих дел. Так что не думай, будто я не знаю, почему ты отказываешься мне помочь.

В разговор вмешалась мать, в ее голосе слышались металлические нотки:

— Эвис, ты совершенно права. Мне кажется, что корабль не самая удачная идея.

— Правда? — В душе Эвис затеплилась надежда.

Уж кто-кто, а ее мать умела путешествовать с комфортом. Она знала, что все нужно делать как положено. И что подумает Иэн, когда она предстанет перед ним грязная, как землекоп.

— Да. Полагаю, тебе прямо сегодня следует вернуться домой. Садись на первый утренний поезд.

— Домой?

— Во всей этой истории слишком много «но». Эта затея с кораблем поистине ужасна, и от твоего Иэна до сих пор нет ни слуху ни духу…

— Мамочка, но он же в море.

— И мне кажется, что все складывается решительно не в твою пользу. А потому смирись, дорогая, и возвращайся домой.

— Что?

— Ты ничего не знаешь о семье этого человека. Ты даже не можешь сказать точно, будут ли тебя встречать. В случае если военный корабль вообще туда доберется. Возвращайся домой, дорогая, и мы все утрясем. Многие девушки уже передумали. В газетах постоянно об этом пишут.

— А многих вообще поматросили и бросили, — встряла в разговор Дина.

— Мамочка, но я замужем!

— Не сомневаюсь, что мы сможем с этим что-то сделать. Ведь здесь практически никто ничего не знает.

— Что?

— Подумаешь, большое дело! Мы можем аннулировать брак или типа того.

Эвис не верила своим ушам.

— Аннулировать?! Фу! Какие же вы все лицемерные! Теперь-то я понимаю, что вы задумали. Вы специально посадили меня на это дырявое корыто, чтобы мне не захотелось никуда ехать.

— Эвис…

— Ну, ничего у вас не получится. Вы не заставите меня изменить мое мнение относительно Иэна.

Девушка-портье, которой надоело притворяться, будто она не слушает, сгорая от любопытства, облокотилась на стойку. Эвис прикрыла трубку рукой, выразительно подняла брови, и пристыженная девушка принялась деловито перебирать бумажки.

В разговор снова вступил отец:

— Ты еще там? Эвис? — Он горестно вздохнул. — Послушай, я переведу тебе немного денег. Если хочешь, отложи их на потом. Сиди в гостинице и не дергайся. Мы еще поговорим.

Эвис слышала, как где-то на заднем фоне верещит мать. А сестра требовательно спрашивает, с чего это Эвис живет в лучшем отеле Сиднея.

— Нет, папочка, — сказала она. — Передай маме и Дине, что я сяду на этот чертов корабль, чтобы встретиться со своим мужем. Я сама туда доберусь, даже если мне придется плыть по морю солярки в окружении вонючих солдат, потому что я *люблю* его. Больше я звонить не буду, но можешь сказать ей… Словом, передай мамочке, что, когда доберусь, пошлю ей телеграмму. Когда Иэн — мой муж — встретит меня.

Глава 3

Служба медицинских сестер армии Австралии предъявляет следующие требования к соискателям: кандидатка должна быть официально зарегистрированной профессиональной медсестрой, британской подданной, незамужней, не имеющей иждивенцев… годной по состоянию здоровья, дружелюбной и обладающей теми личными качествами, которые необходимы для того, чтобы стать хорошей военной медсестрой.

Джоан Кроуч. Особый вид службы.

История Австралийского главного военного госпиталя за номером 2/9. 1940–1946

Моротай, к северу от острова Хальмахера,

южная часть Тихого океана, 1946 год

За неделю до посадки

Внебе над островом Моротай стояла полная луна. Она меланхолично освещала спящую землю, окутанную такой удушливой жарой, что даже ласковый морской ветерок, проникающий сквозь защитный экран из сизаля, не приносил прохлады. Ночную тишину нарушал только звук падающих на землю кокосов. Но теперь не осталось никого, кто мог бы подбирать спелые плоды, и они беспорядочно падали, создавая угрозу для утративших бдительность.

Теперь бóльшая часть Моротая погрузилась во тьму, только кое-где тускло светились окна строений, вытянувшихся вдоль дороги, что пересекала остров. Последние два года на этой стороне стоял непрерывный шум от военных машин союзных войск, в небе ревели самолеты, оставлявшие за собой инверсионный след, но сейчас здесь воцарилась непривычная тишина, нарушаемая лишь взрывами смеха где-то там вдалеке, хриплым шипением граммофона и звоном стаканов, едва различимым в неподвижном воздухе.

В сестринской палатке, стоявшей в палаточном лагере в нескольких сотнях ярдов от того, что некогда было американской базой, старшая медсестра Одри Маршалл из Австралийского главного военного госпиталя делала последние записи в оперативном журнале своего отделения:

— Эвакуация бывших военнопленных на кораблях с острова Моротай — на стадии рассмотрения.

— Получен приказ на перемещение в пределах подразделения: двенадцать бывших военнопленных и одна медицинская сестра отправляются завтра в Австралию на «Ариадне».

— Наличие койко-мест: занято двенадцать, свободно двадцать четыре.

Она посмотрела на эти две цифры и вспомнила тот страшный год, когда данные были совершенно иными и ей приходилось заполнять еще одну графу, а именно: «число умерших». Ее отделение осталось на острове в числе последних: из пятидесяти двух отделений сорок пять уже закрылись, пациенты отправлены на родину в Англию, Австралию и даже в Индию; медсестры уволены, все имущество подготовлено для продажи властям Нидерландов. А сборная солянка из оставшихся бывших военнопленных должна была быть отправлена в Австралию на «Ариадне» — последнем плавучем госпитале. Затем, вплоть до получения приказа возвращаться на родину, старшая медсестра будет иметь дело только с ранениями в результате автомобильных аварий или с обычными заболеваниями.

— Медсестра Фредерик говорит, я должна доложить вам, что в операционной сержант Уилкс танцует фокстрот с медсестрой Купер… Она уже два раза упала, — просунула голову в занавешенный дверной проем младшая медсестра Гор.

Ее всегда пылающее лицо сейчас еще больше раскраснелось от волнения и выпитого виски. В связи с надвигающимся закрытием госпиталя девушки совсем распустились. Они вели себя глупо и легкомысленно, распевали песенки и разыгрывали перед мужчинами сцены из старых фильмов. Их сдержанность и умение держать дистанцию напрочь испарились в насыщенном влагой воздухе. И хотя, строго говоря, они все еще были на службе, старшей медсестре не хватило духу устроить им выволочку — ведь бедняжки и так натерпелись за последние недели. Она не могла забыть их испуганные, вытянутые лица, когда с Борнео прибыли первые военнопленные.

— Иди и передай этой глупой девчонке, чтобы отвела его обратно. Меня не волнует, если она покалечится, но он уже сорок восемь часов на ногах. При всех его проблемах только перелома ему и не хватает!

— Будет сделано, старшая медсестра. — Опустив за собой занавеску, девушка исчезла, но затем ее лицо появилось снова. — А вы придете? Мальчики спрашивают, куда это вы подевались.

— Я скоро. — Она закрыла журнал и поднялась со складного стула. —

Не жди меня.

— Да, старшая медсестра, — хихикнула девушка — и была такова.

Одри Маршалл поправила прическу перед маленьким зеркалом над тазиком для умывания и промокнула потное лицо полотенцем. Прихлопнула севшего на руку комара, одернула серые хлопчатобумажные брюки и прошла мимо операционной, где сейчас, слава богу, было тихо, в сторону палаты G, размышляя о том, насколько приятнее слышать звуки музыки и смех, чем стоны корчащихся от боли мужчин.

Бóльшая часть коек в длинной палатке, известной как палата G, была сдвинута в сторону, так что половина помещения превратилась в танцплощадку с песчаным полом, лежачие больные могли наблюдать за танцующими прямо с кровати. На столе в углу стоял граммофон, хрипло проигрывавший немногочисленные пластинки, еще не заезженные до конца. Импровизированный бар устроили в перевязочной, капельницы приспособили под виски и пиво.

Сегодня большинство присутствующих решили обойтись без форменной одежды: женщины надели светлые блузки и цветастые юбки, мужчины — рубашки и брюки с затянутыми на талии тонкими ремнями. Несколько сестер танцевали, одни — просто шерочка с машерочкой, другие, спотыкаясь на замысловатых па, — с оставшимся персоналом Красного Креста и физиотерапевтами. При появлении Одри Маршалл кое-кто остановился, но она кивнула, чтобы на нее не обращали внимания.

— Полагаю, мне следует сделать вечерний обход, — нарочито строгим голосом сказала она, словно ожидая получить слова ободрения от присутствующих в палатке.

— Нам будет не хватать вас, старшая медсестра, — взволнованно произнес лежавший в углу сержант Леви.

Одри Маршалл с трудом разглядела его лицо за поднятыми вверх загипсованными ногами.

— Тебе скорее будет не хватать обтираний мокрой губкой, — под одобрительный смех собравшихся заметил его приятель.

Она прошла по проходу между кроватями, измеряя температуру у заболевших лихорадкой денге и заглядывая под повязки, наложенные на тропические язвы, которые упорно не желали заживать.

Хотя эти выглядели не так уж плохо. Когда в начале года в госпиталь поступили освобожденные из плена индийцы, даже ее стали мучить ночные кошмары. Она вспомнила раздробленные кости, гноящиеся раны от штыков, раздувшиеся от голода животы. Доведенные до

нечеловеческого состояния, многие сикхи не давали лечить себя. Они так привыкли к жестокости, что даже в таком жалком состоянии не ожидали ничего иного. А потом медсестры рыдали в своих палатках, оплакивая тех, которых японцы перед отступлением специально перекормили и которые умерли мучительной смертью после первого глотка свободы.

Некоторые сикхи и на мужчин-то были не слишком похожи. Безмолвные и не вполне адекватные, они оказались настолько истощенными, что их легко могла поднять с кровати одна медсестра. Чтобы восстановить полностью разрушенную пищеварительную систему, медсестры неделями кормили сикхов, точно новорожденных: разведенным сухим молоком — каждые два часа, картофельным пюре — чайными ложками, молотым кроличьим мясом и вареным рисом. Сестры прижимали к груди похожие на черепа головы, вытирали им после еды потрескавшиеся губы, пытаясь ласковыми словами и улыбками убедить индийцев, что это вовсе не прелюдия к очередному акту немыслимой жестокости. И постепенно в их запавших глазах загорался огонь узнавания, мужчины начинали понимать, где они находятся и что с ними делают.

Медсестры были настолько тронуты их страданиями, их безмолвной благодарностью, а также тем обстоятельством, что многие годами не получали весточки из дома, что спустя несколько недель даже попросили одного из переводчиков помочь им приготовить блюдо с карри для тех пациентов, кто был в состоянии переварить подобную еду. Ничего особенного, просто немного баранины со специями, индийские лепешки и отварной рис. Медсестры подали блюдо на подносах, украшенных цветами. Им хотелось убедить индийцев, что в мире еще осталось место для красоты. Но когда девушки вошли в палату и гордо поставили перед сикхами подносы с едой, те неожиданно полностью потеряли самообладание: им оказалось труднее перенести проявления доброты, чем грубую брань и побои.

— Пропустите с нами по маленькой, старшая медсестра?

Капитан поднял бутылку, приглашая ее присоединиться. Песня закончилась, и кто-то в дальнем конце палатки грубо выругался, когда следующая пластинка выскользнула из рук и упала на пол. Одри Маршалл пристально посмотрела на капитана. При том лекарстве, что он на данный момент принимал, алкоголь был ему категорически противопоказан.

— Не откажусь, капитан Бейли. За наших мальчиков, которые не вернутся домой.

Медсестры сразу расслабились.

— За отсутствующих друзей, — подняв стаканы, пробормотали они.

— Жаль, что уехали американцы, — вытерла потный лоб младшая медсестра Фишер. — Чего мне не хватает, так это их ведерок с колотым льдом.

В госпитале осталось только несколько английских пациентов.

По палатке пронесся гул одобрения.

— Ужасно хочется на море, — произнес рядовой Лервик. — Мечтаю почувствовать на лице морской ветер.

— А еще чая, заваренного на воде без хлорки.

— Холодного английского пива.

— Такого не бывает, приятель.

Сильная жара обычно вызывала у всех чувство апатии. Больные дремали на койках, а медсестры неторопливо выполняли свою работу: вытирая прохладными полотенцами взмокшие лица пациентов, они осматривали их на предмет язв, инфекции и дизентерии. Но грядущий отъезд бывших военнопленных, а также сам факт, что они идут на поправку и уже виден свет в конце туннеля, — все это неуловимо изменило атмосферу в палате. Возможно, просто пациенты неожиданно осознали, что занимавшие остров подразделения, которые плечом к плечу прошли через ужасы последних лет, вскоре будут окончательно расформированы, жизнь раскидает боевых товарищей по разным странам, даже континентам, и они могут никогда больше не свидеться.

И, глядя на этих людей, Одри Маршалл почувствовала, как у нее внезапно сдавило горло, ощущение настолько непривычное, что она даже слегка растерялась. Одри вдруг поняла желание девочек устроить праздник и стремление мужчин провести последние часы перед расставанием в обстановке безудержного пьяного веселья.

— Знаете что, — сказала она, махнув рукой в сторону капельницы в углу, где один из физиотерапевтов пил пиво из протеза ступни. — Пожалуй, налейте мне большой стакан.

А вскоре все дружно затянули «Shenandoah». Пьяные, гнусавые голоса проникали через брезент, растворяясь в ночном небе.

И когда хор уже приближался к кульминации песни, в палатке появилась девушка. Одри поначалу ее даже и не увидела, — возможно, виски притупило обычную остроту восприятия. Но сейчас, с удовольствием наблюдая за тем, как поют в постели идущие на поправку пациенты, как крепко держатся за руки медсестры, время от времени смахивавшие с глаз слезы умиления, она радостно возвышала голос в песне и только потом заметила, что в помещении будто подуло холодным ветром, и не сразу увидела косые взгляды, явственно говорившие о том,

что в палатке что-то неуловимо изменилось.

Девушка стояла в дверях, ее бледное веснушчатое лицо казалось фарфоровым, обтянутые форменной одеждой худенькие плечики вздернуты. В руках она держала небольшой чемоданчик и вещмешок. Она явно не накопила добра за шесть лет работы в Австралийском главном военном госпитале. Она смотрела на толпу людей внутри так, словно вдруг передумала входить. Но затем поймала взгляд Одри Маршалл и нерешительно приблизилась к ней, стараясь держаться поближе к стенке палатки.

— Уже успела собраться, сестра?

После секундного колебания девушка ответила:

— Если не возражаете, старшая медсестра, сегодня вечером я уезжаю вместе с плавучим госпиталем. Тяжелобольным нужен уход.

— Можно подумать, меня кто-то спрашивал, — сказала Одри, стараясь не выдавать обиды.

— Я… Я сама предложила, — потупилась девушка. — Надеялась, что вы не будете возражать. Думала, там от меня больше пользы… И я вам здесь больше не нужна. — Из-за музыки ее было практически не слышно.

— А ты не хочешь остаться и выпить с нами на посошок?

Одри сама удивилась своему вопросу. За все четыре года, что они проработали бок о бок, сестра Маккензи не была ни на одной вечеринке. Теперь Одри начинала понимать почему.

— Очень любезно с вашей стороны, но нет, благодарю. — Девушка уже поглядывала на дверь, словно ей не терпелось поскорее уйти.

Одри собралась было надавить на нее, ужасно не хотелось отпускать сестру Маккензи просто так, словно шесть лет совместной работы не в счет. Но пока старшая медсестра подыскивала нужные слова, она вдруг заметила, что девушки прекратили танцевать. Они сбились в кучку, бросая на сестру Маккензи колючие взгляды.

— Я желаю сказать… — начала Одри, но ее перебил один из мужчин:

— Неужели это сестра Маккензи? Старшая медсестра, вы что, прячете ее от нас? Ну давай же, сестра! Вы не можете вот так взять и уехать, толком не попрощавшись.

Рядовой Лервик попытался встать с кровати. Он уже спустил одну ногу на пол и теперь прилагал неимоверные усилия, чтобы выпрямиться, держась за металлическое изголовье кровати.

— Сестра, не уходите! Помните, что вы мне обещали?

Одри увидела, как медсестра Фишер обменялась многозначительным взглядом со стоящими рядом девушками. Старшая медсестра посмотрела

на сестру Маккензи и поняла, что та тоже заметила. И еще крепче вцепилась в свои нехитрые пожитки. Она выпрямилась и тихо сказала:

— Я не могу остаться, рядовой. Мне уже пора быть на борту плавучего госпиталя.

— Так вы что, даже и не выпьете с нами, сестра? На прощание.

— У сестры Маккензи еще много дел, сержант О'Брайен, — отрезала старшая медсестра.

— Ай да бросьте! Пожмите хотя бы мне руку.

Девушка шагнула вперед, чтобы обменяться рукопожатием со всеми желающими. Музыка заиграла снова, это отвлекло внимание от сестры Маккензи, но Одри не могла не заметить, как презрительно прищурились некоторые девушки и демонстративно отвернулся кое-кто из мужчин. Она последовала за сестрой Маккензи, бдительно следя за тем, чтобы ее не слишком задерживали у каждой кровати.

— Вы столько для меня сделали, сестра. — Сержант О'Брайен сжал в широких ладонях ее бледную руку, в глазах у него стояли пьяные слезы.

— Не больше, чем любая другая из нас, — чуть более резко, чем надо, ответила она.

— Сестра! Сестра, идите сюда! — взывал к ней рядовой Лервик. Одри увидела, что девушка обратила на него внимание, и тут же мысленно прикинула, сколько кроватей отделяет ее от него. — Ну давайте же, сестра Маккензи. Вы мне обещали. Неужто забыли?

— Простите, но я не думаю…

— Вы же не станете нарушать обещание, которое дали раненому. Ведь правда, сестра? — Выражение лица рядового Лервика сделалось до смешного умилительным.

Лежащие рядом с ним больные хором присоединились к нему:

— Ну давайте, сестра. Вы обещали.

В палатке неожиданно стало очень тихо. Одри Маршалл увидела, что девушки расступились и выжидающе посмотрели на сестру Маккензи.

Наконец старшая медсестра не выдержала и пришла на помощь девушке:

— Рядовой, я была бы вам крайне признательна, если бы вы легли обратно в постель. — Она поспешно подошла к нему. — Какая разница — обещала, не обещала. Все равно вам еще рано вставать с постели.

— Ай, старшая медсестра. Сделайте для парня исключение.

Она как раз поднимала его ногу, чтобы помочь ему нормально лечь, когда услышала за спиной голос сестры Маккензи:

— Все правильно, старшая медсестра. — И только трепет бледных рук

выдавал волнение девушки. — Я действительно обещала.

Одри даже не увидела, а буквально кожей ощутила взгляды других женщин и неожиданно почувствовала, что у нее, несмотря на жару, покалывает лицо.

Маккензи была высокой девушкой, и ей пришлось наклониться, чтобы помочь молодому человеку сесть, а затем она ловким жестом опытной медсестры, положив руку ему на спину, рывком поставила его на ноги.

На секунду все словно онемели, а затем сержант Леви крикнул, чтобы поставили пластинку, и граммофон завели снова.

— Вперед, Скотти, — произнес какой-то мужчина у девушки за спиной. — Только смотри не отдави ей пальцы.

— Я и раньше был не мастак танцевать, — пошутил он, когда они медленно вышли на импровизированную танцплощадку. — А два фунта шрапнели в коленях вряд ли помогут делу.

И они начали танцевать.

— Ах, сестра, — услышала Одри, — вы даже не представляете, как долго я об этом мечтал.

Окружившие их мужчины разразились аплодисментами. Одри Маршалл неожиданно для себя тоже захлопала в ладоши. Представшее ее глазам зрелище тронуло Одри чуть ли не до слез: сияющий от гордости и счастья искалеченный мужчина, который сумел наконец осуществить свою скромную мечту — выйти на танцплощадку, держа в объятиях женщину. Одри наблюдала за медсестрой, которую пациент поставил в неловкое положение, но которая тем не менее была готова в любую минуту подхватить его своими гибкими руками, если, не дай бог, он потеряет равновесие. Добрая девочка. Хорошая медсестра.

В том-то и беда.

Музыка стихла. Рядовой Лервик облегченно рухнул на постель, продолжая улыбаться, несмотря на усталость. А у Одри упало сердце. Она понимала, что даже такой акт милосердия будет истолкован не в пользу молодой медсестры. Более того, Одри видела, что девушка, которая сейчас искала глазами свои вещи, тоже все прекрасно понимает.

— Я провожу тебя, сестра, — торопливо произнесла Одри Маршалл, желая хоть немного отвлечь внимание остальных от девушки.

Но рядовой Лервик не отпускал ее руку.

— Мы очень благодарны вам всем, что вы тратите на нас свободное время… Вы нам стали… как сестры. — Его голос сорвался, и девушка, немного поколебавшись, склонилась над ним, уговаривая не расстраиваться. — Именно так я всегда и думаю о вас, сестра. Так, и

только так. Мне просто хотелось, чтобы бедный Чоки…[11]

Одри решительно вклинилась между ними:

— Я уверена, что здесь все очень благодарны сестре Маккензи. Разве нет? Более того, я уверена, что все хотят пожелать ей в дальнейшем всего наилучшего.

Несколько медсестер вежливо похлопали Одри. А парочка мужчин обменялись понимающими ухмылками.

— Спасибо вам, — тихо сказала девушка. — Спасибо. Я рада, что мне довелось познакомиться… со всеми вами… — Она закусила губу и бросила взгляд в сторону двери. Ей явно не терпелось поскорее убраться отсюда.

— Сестра, я тебя провожу.

— Берегите себя, сестра Маккензи.

— Когда будете дома, передайте привет нашим парням.

— Скажите моей женушке, чтобы согрела мою половину постели. — Эти слова сопровождались непристойным смехом.

Одри, которая чуть-чуть отошла от терзавшего ее смутного беспокойства, удовлетворенно взирала на происходящее. Еще несколько недель назад некоторые из мужчин не могли назвать имя своей жены.

Две женщины медленно брели к кораблю, звуки вечеринки давно смолкли вдали, и лишь шуршание их накрахмаленной форменной одежды да хруст песка под ногами нарушали тишину. Они шли вдоль забора, окружавшего лагерь, мимо рядов опустевших госпитальных палаток, обшитых рифленым железом казарм, походной кухни и уборных. Они кивнули часовому на воротах, который отдал им честь, вышли из лагеря и, печатая шаг по асфальту, направились по пустынной дороге в сторону госпитального судна, которое покачивалось при свете луны на тускло мерцающей воде.

Оказавшись у пропускного пункта, они остановились. Сестра Маккензи смотрела на корабль, а Одри Маршалл гадала про себя, что творится сейчас у девушки в голове, хотя, кажется, уже заранее знала ответ.

— До Сиднея плыть не так далеко, — нарушила она неловкое молчание.

— Нет. Совсем недалеко.

Слишком много ненужных вопросов, слишком много банальных ответов. Одри с трудом поборола желание обнять девушку, жалея, что не может толком выразить свои чувства.

— Ты поступаешь совершенно правильно, Фрэнсис, — наконец

произнесла она. — На твоем месте я сделала бы то же самое.

Девушка посмотрела на нее, спина прямая, взгляд совершенно спокойный. Она всегда была настороже, подумала Одри, но сейчас замкнулась настолько, что ее лицо было словно высечено из мрамора.

— Не обращай внимания на остальных, — неожиданно для себя сказала старшая медсестра Маршалл. — Они тебе просто завидуют. — (Но обе знали, что все не так просто.) — Ну что, начинаешь все с нуля? — протянула ей руку Одри.

— Да, с нуля, — ответила ей твердым рукопожатием сестра Маккензи. Несмотря на жару, рука ее оставалась прохладной. Лицо было совершенно непроницаемым. — Спасибо вам.

— Береги себя. — Одри была лишена сантиментов и внезапных душевных порывов.

И когда девушка решительно направилась к кораблю, Одри кивнула, одернула брюки и пошла обратно в сторону лагеря.

Часть вторая

Глава 4

На прошлой неделе самым захватывающим зрелищем в Сиднее стало отплытие в Англию на борту авианосца «Викториес» 700 австралийских женщин — жен английских военнослужащих из заграничного контингента войск. Еще задолго до отправления судна дороги рядом с гаванью уже были запружены родственниками и друзьями…

Большинство так называемых военных невест оказались на удивление юными.

Бюллетень (Австралия), 10 июля 1946 года

Погрузка

Впоследствии она и сама не была уверена в том, что именно ожидала увидеть: возможно, чинную очередь из женщин с чемоданами в руках. Они пройдут мимо капитана, обменяются с ним рукопожатием, попрощаются с родственниками — вероятно, со слезами на глазах — и поднимутся по трапу на борт огромного белоснежного корабля. А она, Маргарет, будет махать платочком своим родным, выкрикивая последние наставления насчет корма для кобылы и маминых новых ботинок, которые подойдут Летти, ну и конечно, прощальные слова любви. И когда корабль начнет медленно выходить в открытое море, слова эти эхом разнесутся над гаванью. А она — храбрая молодая женщина — не станет оглядываться назад, а будет смотреть только вперед.

А вот чего она даже представить себе не могла, так это жутких заторов на дорогах до самой Сиднейской гавани; машин, бампер к бамперу ползущих под свинцовым небом в бесконечной веренице транспорта; толп осаждающих вход в порт людей, которые, надрывая глотку, приветствовали тех, кто или был от них слишком далеко, или настолько оглох от стоявшего кругом шума, что в любом случае ничего не слышал. Духовой оркестр, продавцы мороженого, потерявшиеся дети. Тысячи людей, которые, спотыкаясь и работая локтями, прокладывали себе дорогу в толпе. Общая истерика молодых женщин и нагруженных багажом родителей, которые с отчаянными воплями пытались пробиться в этом людском водовороте к огромному серому судну. Нервозное ожидание, как морской туман, повисло над портом.

— Черт возьми, при такой скорости мы никогда не доберемся! — Марри Донливи сидел за рулем пикапа и курил сигарету за сигаретой, его

веснушчатое лицо было мрачным.

— Успокойся, папа. — Маргарет положила руку ему на плечо.

— Этот мужик ведет машину как идиот. Ты только посмотри, чешет почем зря языком и даже не видит, что все уже тронулись. Ну давай пошевеливайся! — Он изо всех сил нажал на гудок, в результате чего машина впереди дернулась и заглохла.

— Папа, ради бога, это ведь не одна из твоих коров! Послушай, все прекрасно. У нас все будет прекрасно. Если мы окончательно застрянем, я могу выйти и пойти пешком.

— Она вполне способна раскидать машины своим чертовым пузом. — Сидевший на заднем сиденье Дэниел в очередной раз очень грубо высказался о ее животе, который он иначе как брюхом не называл.

— Но сперва я накидаю тебе, если ты не будешь следить за языком. Причем даже не животом, а просто рукой.

Маргарет наклонилась, чтобы погладить терьера, сидевшего на полу между ее ног. Мод Гонн то и дело принюхивалась к доносившимся из открытого окна незнакомым запахам: морской соли, выхлопных газов, попкорна и дизельного топлива. Мод была очень старой и полуслепой, шерсть на носу уже местами поседела. Когда Маргарет исполнилось десять лет, мать подарила ей на день рождения собаку, поскольку, в отличие от братьев, на ружье Мэгги вряд ли приходилось рассчитывать. Маргарет поставила на колени корзинку и в четырнадцатый раз проверила, все ли бумаги на месте.

— Да оставь ты в покое эту корзину! Кстати, а где сэндвичи, что положила туда Летти?

— Должно быть, я их выложила, когда носилась с корзинкой по дому. Прости, но утром у меня уже просто ум за разум заходил.

— Ладно, будем надеяться, что тебя покормят на борту.

— Она стала такой прожорливой, что им точно потребуется дополнительный корабль для ее еды.

— Дэниел!

— Папа, все нормально.

Сердитое лицо брата пряталось под отросшей челкой. Похоже, он не мог заставить себя посмотреть сестре прямо в лицо. Маргарет хотела погладить его по плечу, сказать, что все понимает и не держит на него зла, но боялась, что он снова ее оттолкнет, а у нее уже просто не оставалось моральных сил на очередную ссору — ведь вот-вот должен был пробить час расставания.

Летти возражала против того, чтобы он ехал. Считала, что его мрачный

вид — дурной знак перед дальней дорогой.

«Вряд ли тебе будет приятно, если последним воспоминанием о семье станет вот такое лицо», — сказала она, когда Дэниел в очередной раз хлопнул дверью.

«Да нет, ничего страшного», — ответила Маргарет.

Летти только покачала головой и с удвоенной энергией принялась собирать продуктовую посылку, вес которой не должен был превышать двадцати пяти фунтов. Девушкам разрешили взять с собой именно столько продуктов питания, и, чтобы мать Джо, не дай бог, не подумала, будто ее новые австралийские родственники недостаточно щедрые, Летти все тщательно взвешивала и перевешивала, стремясь тютелька в тютельку уложиться в положенную норму.

Таким образом, приданое Маргарет среди прочего включало: запаянный в банку фирменный кекс Летти, бутылочку хереса, консервированный лосось, говядину и спаржу, а еще коробочку желейного печенья, рядом с которой Летти положила купоны на посещение универмага «Хордерн бразерз». Летти собиралась упаковать дюжину яиц, но Маргарет совершенно справедливо заметила, что даже если яйца и переживут дорогу до Сиднея, то после шести недель на борту корабля станут скорее угрозой для здоровья, чем благодеянием.

«Похоже, не только англичане сидят на голодном пайке», — посетовал Колм, питавший слабость к кексам своей тетки.

«Как аукнется, так и откликнется. Чем лучше мы с ними обойдемся, тем больше вероятность того, что они так же обойдутся с нашей Мэгги», — отрезала Летти. Затем ее взгляд затуманился, и она убежала на другой конец кухни, вытирая глаза посудным полотенцем.

В последнее время она даже перестала делать укладку.

— Ваши документы.

Они наконец достигли ворот в порт Вуллумулу. Офицер в новенькой форме был преисполнен сознания важности сегодняшнего события. Он наклонился к окну, и Маргарет достала из корзинки пачку замусоленных бумаг.

Он провел пальцем по списку фамилий и, найдя нужную, махнул рукой, чтобы они проезжали.

— Все невесты к «Виктории». Причал номер шесть. Вам придется высадить ее здесь, у столба. Там негде припарковаться.

— Мы не можем, приятель. Посмотри на нее.

Офицер сунул голову в окно машины, затем оглядел толпу.

— Если вам повезет, вы сможете найти место вон там, слева. Указатели

выведут вас к причалу. Там свернете налево и остановитесь за голубым столбом.

— Спасибо, приятель.

Офицер дважды постучал по крыше пикапа:

— Только постарайтесь никого не задавить. Здесь сейчас черт знает что творится.

— Сделаю что смогу. — Марри надвинул шляпу на лоб и поехал в сторону причала. — Хотя ничего не обещаю.

Пикап надрывно выл и рычал, когда Марри осторожно пробирался сквозь толпу, то и дело тормозя, чтобы не наехать на людей на дороге или, например, объехать мать, которая, ничего не замечая вокруг, с рыданиями прижимала к себе плачущую дочь.

— Да уж, это явно не коровы. У коров и то больше ума.

Он и в лучшие времена не любил толпу. Несмотря на то что Вудсайд находился относительно недалеко от Сиднея, на памяти Маргарет Марри был там от силы раз пять. Шумное, вонючее место, да к тому же кишащее мошенниками. Там невозможно пройти по прямой, жаловался он. И чтобы пробраться из точки «А» в точку «Б», нужно постоянно лавировать в потоке людей. Маргарет и сама не слишком любила большое скопление народу, но сегодня, как ни странно, толпа ее не раздражала, словно она была сторонним наблюдателем, не способным до конца оценить все значение того, что ей предстоит совершить.

— Ну, как у нас со временем? — поинтересовался Марри, в очередной раз заставив мотор работать вхолостую, чтобы пропустить вереницу людей, волокущих за собой набитые чемоданы и капризных детей.

— Папа, мы успеваем. Я же тебе говорила. Если хочешь, я могу здесь выйти и пойти дальше пешком.

— Можно подумать, я оставлю тебя одну в этом сумасшедшем доме!

Маргарет вдруг поняла, что на плечи отца давит колоссальный груз ответственности. И хотя Марри вовсе не радовало расставание с дочерью, он очень хотел, чтобы последние минуты перед разлукой прошли без сучка без задоринки.

— Здесь не больше двухсот ярдов, а я пока еще не инвалид.

— Мэгги, я дал обещание посадить тебя на корабль. Не рыпайся, — твердо произнес он, а Мэгги, как ни старалась, так и не смогла припомнить, кому это он дал подобное обещание.

— Туда! Смотри, папа! — Дэниел барабанил по стеклу и, оживленно жестикулируя, показывал на представительского вида автомобиль, выезжавший с парковки.

— Правильно. — Марри стиснул зубы и завел мотор, распугивая идущих впереди людей. — Поберегись! — прорычал он и, опередив несколько нацелившихся туда машин, уже через секунду занял освободившееся место. — Вот так! — Он выключил зажигание и повернулся к дочери. — Вот так, — повторил он уже менее уверенно.

Она взяла его за руку и сказала:

— Я знала, что ты доставишь меня в лучшем виде.

Корабль был гигантским. Вытянувшийся во всю длину причальной стенки, он заслонял собой небо и море, так что люди, осаждавшие ограждения, чтобы еще раз попрощаться с уезжавшими девушками, видели только плоские серые поверхности. Он казался таким огромным, что у Маргарет перехватило дыхание.

На бортах были установлены орудийные башни, выступавшие словно балкончики. На полетной палубе, не слишком хорошо видной издалека, расположились самолеты трех типов: «корсары», «файрфлаи» и, должно быть, «валрусы». Маргарет, которую брат заразил своим увлечением авиацией, могла назвать их все до одного. На борту уже находилось около сотни девушек, они стояли на полетной палубе, сидели на орудийных башнях, махали с мостика и на фоне махины авианосца казались совсем крошечными. В туго завязанных на голове шарфах они зябко кутались в пальто, ежась под порывами сердитого морского ветра. Некоторые выглядывали из иллюминаторов, чтобы беззвучно сказать «прощай» оставшимся внизу. Но расслышать хоть что-нибудь в этом адском грохоте было нереально.

Слева играл духовой оркестр. Маргарет узнала «The Maori’s Farewell» и «Bell-bottomed Trousers», насколько можно было различить в стоявшем вокруг гвалте. Она увидела, как вниз по трапу сводят какую-то рыдающую девушку, к ее пальто прилипли длинные полоски разноцветного серпантина.

— Она передумала, — услышала Маргарет слова одного из офицеров. — После того, как ее отвели к остальным в ангар.

Маргарет не позволила легкому беспокойству перерасти в нечто большее, поскольку прекрасно знала, как легко можно взвинтить себя до истерического состояния.

— Нервничаешь? — спросил отец. Он тоже заметил ту девушку.

— Не-а, — ответила она. — Мне просто не терпится снова увидеть Джо.

Похоже, отца вполне удовлетворил ее ответ.

— Твоя мама могла бы тобой гордиться.

— Мама сказала бы, что мне следовало бы надеть что-нибудь понаряднее.

— И это тоже. — Он слегка пихнул ее в бок, она ответила ему тем же, а затем поправила шляпку.

— Есть еще невесты? — Мимо них протискивалась представительница Красного Креста с блокнотом в руках. — Невесты, пора на посадку. Приготовьте ваши документы.

Каждую девушку, поднимавшуюся по трапу, осыпали серпантином, а докеры — то ли в шутку, то ли нет — кричали им вслед: «Ты еще пожалеешь!»

Отец понес ее чемодан на таможню. Она отыскала глазами младшего брата, он стоял спиной к кораблю, демонстративно от нее отвернувшись.

— Ты там присмотри за моей кобылой, Дэниел. — Теперь ей уже приходилось кричать. — Даже близко не подпускай к ней наших тяжеловесов. — (Он упорно глядел себе под ноги, отказываясь поднять на нее глаза.) — И постарайся не снимать с нее уздечку. Сейчас она уже не дергает. И вообще, погоняй ее подольше, только следи за тем, чтобы у нее рот оставался мягким.

— Дэниел, ответь своей сестре, — подтолкнул его локтем отец.

— Ладно.

Маргарет бросила взгляд на худые плечи Дэниела, на его угрюмое лицо, которое он упрямо от нее отворачивал. Девушку переполняло желание обнять брата, сказать ему, как сильно она его любит. Но он находил беременность сестры просто отвратительной, а узнав о том, что она уезжает, вообще перестал с ней общаться. Словно считал, что всему виной не Джо, к которому она уезжала, а вот этот большой живот.

— Ну что, не хочешь пожать мне руку?

В воздухе повисла длинная пауза, которую в любую секунду мог грубо нарушить отец, затем Дэниел все же протянул руку и, обменявшись с сестрой коротким рукопожатием, поспешно отдернул ее.

— Я напишу, — сказала она. — И очень советую все же ответить, черт бы тебя побрал!

Брат промолчал.

Затем к ней подошел отец и крепко обнял:

— Передай своему мужу, чтобы присматривал за тобой. — Он уткнулся носом ей в волосы, голос его звучал совсем глухо.

— Папа, и ты туда же. — От его парадного пиджака пахло нафталином, а еще коровами и сеном. — У вас все будет хорошо. А Летти приглядит за

вами лучше, чем я.

— Ну, это как раз нетрудно, — натужно пошутил отец, а Мэгги только крепче прижала его к себе. — Я желаю… Я желаю…

— Папа… — остановила она отца.

— Ладно. — Он резко отстранился и огляделся по сторонам, будто мысленно был уже далеко. Потом тяжело сглотнул. — Пожалуй, тебе пора на посадку. Хочешь, понесу твои вещи?

— Я справлюсь.

Самую большую сумку она повесила на плечо, корзинку и продуктовую посылку сунула под мышку. Сделала глубокий вдох и повернулась в сторону корабля.

— Держись, девочка! Учти, сначала надо пройти таможенный досмотр, — остановил ее отец.

— Что?

— Таможню. Прежде чем посадить на корабль, они сперва всех посылают туда.

Она проследила за его рукой и увидела на пристани здоровенный ангар из рифленого железа.

— Так говорили женщины из Красного Креста. Сначала таможня.

Какие-то две девушки разговаривали с офицерами на входе. Один из них со смехом показывал на ее сумку.

Отец бросил на Мэгги обеспокоенный взгляд:

— Все в порядке, девочка? Ты почему-то ужасно побледнела.

— Пап, я не могу, — прошептала она.

— Я тебя не слышу, девочка. Что случилось?

— Папа, я неважно себя чувствую.

— В чем дело? Может, хочешь присесть?

— Нет… Слишком много народу. У меня кружится голова. Скажи им, чтобы сразу посадили меня на корабль. — Она закрыла глаза. Потом услышала, как отец что-то отрывисто бросил Дэниелу, и тот сразу рванул с места.

И через несколько минут рядом с ней уже стояли два морских офицера.

— Вы в порядке, мэм?

— Мне просто надо поскорее подняться на борт.

— Хорошо. А вы уже прошли…

— Послушайте! Вы же видите, что я в положении. Мне нехорошо. Ребенок давит на мочевой пузырь. Я боюсь оконфузиться. И больше ни минуты не могу оставаться в этой толпе. — У нее на глаза навернулись слезы отчаяния, и она заметила, что они смутились.

— Это совсем на нее не похоже, — озабоченно произнес отец. — Вообще-то, она сильная девочка. И до сих пор еще не падала в обморок.

— Ну, у нас уже несколько случаев было. Всему виной суматоха, — заявил один из офицеров. — Мы посадим ее на корабль. Позвольте ваши вещи, мэм.

Она отдала им сумку и продуктовую посылку, на оберточной бумаге виднелись пятна от ее потных рук.

— С ней все будет хорошо? На судне есть доктор? — наклонился к ним отец, его лицо сразу вытянулось.

— Да, сэр. Успокойтесь, пожалуйста. — (Мэгги почувствовала, что отец боится от нее отойти.) — Простите, сэр. Дальше вам нельзя.

Один из офицеров потянулся к ее корзинке:

— Разрешите, я понесу.

— Нет, — резко сказала она, прижимая корзинку к себе. — Нет, спасибо, — добавила она и попыталась улыбнуться. — Здесь все мои документы и вещи. И я ужасно боюсь их потерять.

— Вы, возможно, правы, мэм. Сегодня не самый подходящий день, чтобы что-то терять.

Они взяли ее под руки и стали протискиваться к кораблю. В отличие от самого корабля, непроизвольно отметила она, трап выглядел довольно ветхим, деревянные ступеньки изъедены морской водой и стерты подошвами множества ног.

— Тогда прощай, Мэгги! — окликнул ее отец.

— Папа.

Неожиданно ей показалось, что все происходит слишком быстро. Она не чувствовала себя готовой. Она попыталась послать свободной рукой воздушный поцелуй в последней попытке передать то, что она чувствует.

— Дэн?! Дэниел?! Где же он?! — Отец резко обернулся, ища глазами сына. Потом махнул дочери, чтобы та подождала, но толпа напирала, затягивая его.

— Я так толком и не попрощалась.

— Чертов мальчишка! — Отец почти плакал. — Дэн! Уверен, он хочет сказать «до свидания». Послушай, ты только не обращай внимания…

— Мэм, нам действительно пора, — сказал один из офицеров.

Маргарет посмотрела сначала на него, затем — на таможенный ангар. Она неуверенно ступила на трап. Стоящий сзади офицер непроизвольно подтолкнул ее тяжелой сумкой.

— Не могу его найти, родная! — крикнул Марри. — Не знаю, куда он запропастился.

— Папа, передай ему, что все нормально. Я понимаю. — Она видела, что отец чуть не плачет.

— Ты еще пожалеешь! — лукаво ухмыльнулся портовый рабочий в низко натянутой на лоб шапке.

— Береги себя! — заорал отец. — Ты меня слышишь? Береги себя! — Голос отца становился все тише, и вот уже его лицо, а затем и тулья поношенной шляпы исчезли в людском водовороте.

Старший помощник командира корабля, или старпом, как его называли члены команды, трижды попытался привлечь его внимание. Чертов мужик продолжал торчать здесь, подпрыгивая на месте, ну точь-в-точь ребенок, которому срочно нужно пи-пи.

Добсон. Как всегда, чуть более неформальный, чем того требуют обстоятельства. Капитан Хайфилд, настроение которого оставляло желать лучшего, был решительно настроен его игнорировать. Он отвернулся и позвонил в машинное отделение.

От сырости у него разболелась нога. Чтобы дать ей немного отдохнуть, он перенес тяжесть тела на здоровую ногу, приняв несвойственную ему кривобокую позу. Капитан был коренастым мужчиной, но за годы службы выработал бравую выправку, которую совершенно непочтительно постоянно передразнивали на нижних палубах.

— Хокинс, сообщите мне о состоянии левого двигателя. Все еще не работает?

— Сэр, я уже послал вниз двух человек. Мы надеемся запустить его минут через двадцать или около того.

Капитан Хайфилд облегченно вздохнул:

— Вы уж постарайтесь, ребята. Иначе, чтобы выйти на открытую воду, нам понадобятся еще два буксира, что сегодня совсем нежелательно. Так?

— Да уж, не хочется оплошать на глазах у жителей нашей бывшей колонии в тот момент, когда мы увозим их дочерей.

— Мостик, рулевая рубка, рулевой Коксвейн.

— Очень хорошо, Коксвейн. Держите курс один-два-ноль. — Капитан Хайфилд отошел от переговорной трубы. — Ну, что еще?

Добсон замялся:

— Я… согласен с вами, сэр. Мы хотим произвести совсем другое впечатление…

— Ну да. Хотя это не ваша забота, Добсон. Чего вам там от меня нужно?

Вся гавань лежала перед ними как на ладони: растянувшиеся вплоть до

сухих доков многотысячные толпы людей, развевающиеся флаги внизу, медленно поднимающиеся по трапу одна за другой женщины. Хайфилд даже застонал про себя.

— Я пришел доложить о личном составе, сэр. У нас до сих пор не хватает нескольких человек.

Капитан Хайфилд посмотрел на часы:

— В это время? И сколько отсутствует?

Добсон сверился со списком:

— На данный момент человек шесть.

— Твою мать! — Капитан Хайфилд ударил по циферблату. Выход в море превращался в самый настоящий фарс. — И чем, скажите на милость, занимались ночью ваши люди?

— Похоже, гуляли в каком-то кабаке, сэр. Некоторые вернулись в хорошем подпитии, а некоторые были просто никакие. Один оступился на трапе и исчез в тумане. Это еще счастье, что Джонс и Моррис несли вахту, сэр, а иначе мы бы и его потеряли. Но шесть все равно отсутствуют.

Хайфилд посмотрел вниз.

— Чертов бардак! — сказал он. Но те, кто стоял рядом, прекрасно понимали, что ярость его вызвана не только отсутствием шести человек. — Шестьсот дрожащих девиц смогли вовремя подняться на борт, а наши лучшие из лучших — нет.

— Есть кое-что еще. Четырьмя невестами уже занимается Красный Крест.

— Что?! Они ведь всего пять минут на борту.

— Мы говорили, что надо осторожнее проходить через люки. А они не слышали. Наверное, очень волновались. — Добсон хлопнул себя по лбу, показывая, что это самая распространенная травма на борту судна. — Одной, похоже, надо наложить швы.

— Покажите ее хирургу.

— Хм… Дело в том, что… он… в числе отсутствующих.

На мостике повисла тяжелая тишина. Моряки ждали продолжения.

— Двадцать минут, — наконец произнес Хайфилд. — Ждем, пока не заработает левый двигатель. После этого можете отдать приказ, чтобы начали выгружать личные вещи тех шестерых. Я не собираюсь задерживать из-за них судно. Только не сегодня.

Облокотившись о перила, Эвис поправила новую шляпку. Джин, оседлавшая орудийную башню, устроила целый спектакль. У нее случилась самая настоящая истерика, она наоралась до хрипоты на радость

зевакам и в результате уселась, бессильно положив руки на плечи двум матросам, словно здорово напилась и теперь нуждалась в посторонней помощи. Хотя, возможно, она и *вправду* напилась, от девиц такого сорта можно ожидать чего угодно, подумала Эвис. Именно поэтому, когда полчаса назад они поднялись на борт, Эвис поспешила дистанцироваться от Джин.

Она оглядела плиссированную юбку своего нового костюма. Да уж, ее одежда была подобрана безупречно, особенно на фоне остальных. Родители не смогли ее проводить, но прислали телеграмму и немного денег, а мама позаботилась о том, чтобы утром в отель доставили новый костюм. Эвис страшно переживала из-за того, что не знала, как в таких случаях положено одеваться. Теперь же, хорошенько разглядев по крайней мере сотню других девушек, одетых совершенно неподобающим образом, Эвис поняла, что зря волновалась.

Корабль оказался обшарпанным. Эвис сфотографировалась, дала интервью обозревателю светской хроники «Бюллетеня», обменялась рукопожатием с каким-то мужчиной, наверное капитаном корабля, но факт оставался фактом: «Виктория» местами проржавела и так же мало напоминала «Куин Мэри», как Джин — свою тезку Джин Харлоу[12]. А когда Эвис поднималась по шаткому трапу, ей в нос ударил слабый, но отчетливый запах вареной капусты, что лишний раз свидетельствовало о второсортности корабля.

И все же никто не осмелился бы упрекнуть Эвис в отсутствии силы духа. Вот уж нет. Она расправила плечи и заставила себя переключиться на то, что ждало ее впереди. Через шесть недель она узнает, какой будет новая жизнь. Встретится с его родителями, выпьет чая в доме викария, познакомится с дамами из романтической английской деревушки, а возможно, даже со старым герцогом и с герцогиней. Эвис представят его друзьям детства — тем, кто не служит в Королевских ВВС. Она начнет обустраивать их дом.

Она наконец-то станет миссис Иэн Рэдли, а не просто Эвис или, как обычно говорила мама: «Ох уж эта Эвис…», которая хоть и вышла замуж, но, по мнению своей семьи, заслуживала уважения и серьезного к себе отношения не больше, чем тогда, когда была ребенком.

— Ты только посмотри на нее!

Эвис бросила взгляд на палубу: Джин соскользнула с орудийной башни и, хихикая, повисла на одном из матросов, нижняя юбка задралась, зацепившись за пуговицу на его кармане, открыв взорам желающих то, что обычно не принято показывать. Эвис собралась было сделать Джин

замечание, но неожиданно палуба под ногами слегка завибрировала. Должно быть, запустили двигатели, но кругом стоял такой гвалт, что никто этого и не заметил. Перегнувшись через борт, она с удивлением обнаружила, что трап уже убрали. Затем послышались какие-то крики, и она увидела, как лебедка поднимает несколько матросов, очевидно упустивших возможность подняться на борт обычным путем. Они громко смеялись и улюлюкали, на лицах виднелись следы губной помады. Скорее всего, парни были пьяны в стельку.

Какой позор, подумала Эвис не в силах сдержать улыбку, когда опоздавших бесцеремонно выгрузили на летную палубу. Облепившие огромный корабль буксирные суда, натужно кряхтя, пытались вывести его из гавани. Женщины взволнованно переговаривались и еще более усердно махали рукой, надрывая голосовые связки в надежде, что их последнее послание будет услышано в стоящем кругом грохоте.

— Мама! — услышала Эвис у себя за спиной истерические крики. — Мама! Мама!

Какая-то девушка рядом отчаянно молилась, внезапно прервав общение с Господом яростным восклицанием:

— Поверить не могу! Поверить не могу!

Толпа — море австралийских флагов и только кое-где «Юнион Джек»[13] — бурлила и кипела, люди пытались пробиться поближе к краю причала, подпрыгивали на месте, чтобы их увидели с корабля. Кто-то поднял над головой плакаты типа: «Попутного ветра, Одри», «Наилучшие пожелания от докеров Гарден-Айленда». Эвис поймала себя на том, что рассматривает порт и окружающие его горы. Вот и все, промелькнуло у нее в голове, и ей вдруг стало трудно дышать. Неужели я последний раз вижу Австралию? Затем серпантин с треском лопнул, его обрывки бессильно повисли с ограждения причала, и корабль с протяжным стоном вышел из гавани, сразу осев на несколько градусов, когда поняли якорь.

Над палубой пронесся дружный вздох. Двигатели заработали. Пронзительно закричала какая-то девушка, а расположившийся на причале духовой оркестр заиграл «Waltzing Matilda»[14].

Туда, где только что стоял корабль, с унылым всплеском упало несколько предметов, голубые воды расступились и снова сомкнулись над ними. А корабль — абсолютно равнодушный к творящемуся кругом безумию — на удивление быстро выскользнул из гавани.

— Ты еще пожалеешь! — раздался одинокий крик, перекрывший музыку. Что прозвучало как неуместная шутка. — Вы все пожалеете!

И пассажиры корабля тотчас же притихли. А потом зарыдала первая девушка.

Марри Донливи, обняв своего всхлипывающего сына, молча стоял, пережидая, когда рассосется толпа и горестный плач женщин растает вдали. Наконец рядом осталось только несколько одиноких кучек людей, они молча провожали взглядом уходящий за горизонт корабль. Холодало, и Дэниел дрожал всем телом. Марри снял пиджак, накинул на плечи сына, затем притянул его к себе, чтобы хоть чуть-чуть согреть.

Время от времени Дэниел поднимал голову, словно собирался что-то сказать, но не мог найти нужных слов, а потом снова начинал всхлипывать, стыдливо закрывая лицо руками.

— Не переживай, мой мальчик, — прошептал Марри. — Сегодня у нас выдался трудный денек.

Их машина в числе последних уныло стояла посреди валяющихся в грязи серпантина и конфетных оберток. Марри подошел к пикапу со стороны водителя, но замешкался, увидев, что сын, будто приросший к месту, смотрит на него в упор.

— Ну что, успокоился, сынок?

— Папа, как думаешь, она меня ненавидит?

Марри вернулся к Дэниелу и снова обнял его.

— Нельзя быть таким чертовски мягкотелым! — Марри взъерошил сыну волосы. — Она еще не успеет сойти с корабля, как уже начнет хлопотать, чтобы ты к ней приехал.

— Куда, в Англию?

— А почему бы и нет? Продолжай копить деньги за кроликов и в два счета сможешь полететь к ней. Ведь жизнь не стоит на месте!

Мальчик задумчиво смотрел в никуда. На секунду он перенесся в мир дорогих кроличьих шкурок и огромных самолетов.

— Я могу полететь туда, — задумчиво повторил он.

— Вот я и говорю, малыш. Копи деньги. А при твоих темпах ты за нас за всех сможешь заплатить.

Дэниел улыбнулся, и у отца заболело сердце при виде того, как мужественно сын принимает вот уже вторую потерю. Должно быть, именно это испытывали женщины во время войны, подумал он, залезая в пикап. Хотя женщины не знали, вернемся мы назад или нет. Позаботься о ней, обратился он к кораблю с молчаливой просьбой. Присмотри за моей девочкой!

Они еще немного посидели в машине, наблюдая, как выходят люди из

ворот порта. Опустевшая площадь теперь казалась огромной. Тем временем поднялся ветер, он закружил и понес разбросанные бумажки в сторону моря, где на них накинулись чайки. Марри вздохнул, неожиданно осознав, что им еще предстоит долгий путь домой.

— Папа, она забыла сэндвичи. — Дэниел поднял сверток из промасленной бумаги, который Летти приготовила сегодня утром. — Они лежали здесь, на полу. Она оставила свой ланч.

Марри нахмурился, пытаясь вспомнить ее слова о забытом дома завтраке. Ну ладно, подумал он. Должно быть, она ошиблась.

— Ох уж эти беременные! Все у них не слава богу. Норин была точно такой же.

— Папа, а можно мне их съесть? Умираю с голоду.

Марри вставил ключ в замок зажигания:

— Почему бы и нет. Ей они теперь без надобности. Знаешь что, оставь-ка и для меня один.

И тут начался ливень. Серое небо, хмурившееся все утро, наконец пролилось дождем, хлеставшим о ветровое стекло. Марри завел мотор и медленно отъехал от причала. Неожиданно он ударил по тормозам, да так, что Дэниела бросило вперед, его сэндвич вывалился изо рта прямо на приборную доску.

— Подожди-ка, — сказал Марри, вспомнив о пустой корзинке и о том, что дочь подозрительно торопилась поскорее подняться на борт. — А где эта чертова собака?

Глава 5

Австралийская невеста не успела к отплытию «Викториеса» из-за предъявленных ей обвинений, которые вскоре были сняты. Ее немедленно выпустили и на полицейской машине доставили на причал номер три в Вуллумулу, но корабль с невестами на борту уже вышел в море.

Сидней монинг геральд. 4 июля 1946 года

Первый день плавания

Длина авианосца «Виктория» составляла семьсот пятьдесят футов, а вес — двадцать три тысячи тонн, на корабле было девять палуб под полетной палубой и четыре — над ней, мостик и остров[15] находились на головокружительной высоте. Даже без учета специально организованных кают для невест, гигантское чрево корабля включало двести различных помещений, складов и отсеков, по размеру сравнимых с несколькими универмагами или кондоминиумами для состоятельных людей. Или, в зависимости от того, откуда приехали невесты, с несколькими огромными амбарами. Длина одних только ангаров, где разместили, кормили и развлекали большинство невест, достигала пятисот футов, они располагались на том же этаже, что и столовые, душевые, каюта капитана и четырнадцать-пятнадцать просторных кладовых. Все помещения соединялись между собой узкими проходами, и если перепутать палубы, то вместо уборной для невест можно было попасть в авиаремонтные мастерские или кают-компанию для инженеров — ситуация, не раз вызывавшая краску на девичьих лицах. Кто-то повесил план корабля в столовой для невест, и Эвис уже неоднократно пыталась его изучить, раздраженно пробираясь сквозь дебри таких названий, как «овощехранилище», «помещение для укладки парашютов», «патронный погреб для зенитных орудий „пом-пом“», хотя вместо них предпочла бы видеть бальные залы и каюты первого класса. Это был плавучий мир запутанных правил и предписаний, упорядоченной, но непонятной рутины, перенаселенный дом с лабиринтом помещений с низкими потолками, отсеков и коридоров, большинство из которых вело в места, не предназначенные для женщин. Корабль казался огромным, но в то же время очень тесным, шумным — особенно для тех, кого поместили возле машинного отделения, — обшарпанным и набитым под завязку щебечущими девушками и мужчинами, пытающимися без особого

энтузиазма делать свое дело. Из-за бессчетного числа снующих кругом людей и странного расположения трапов проход по палубе иногда занимал чуть ли не полчаса, причем, чтобы пропустить идущего навстречу человека, приходилось прижиматься или к нему, или к переборкам со множеством труб.

И Эвис так и не удалось отделаться от Джин.

Узнав, что их разместили в одной каюте — надо же, на корабле более шестисот невест, а Джин подселили именно к ней! — Джин взяла на себя несвойственную ей роль Лучшей Подруги Эвис. Эта девица предпочла забыть о их взаимной антипатии, возникшей во время посиделок в Клубе американских жен, и последние двадцать четыре часа буквально ходила за Эвис хвостом, вклиниваясь в ее разговоры с другими девушками, чтобы заявить о своих правах на их с Эвис общую историю жизни в Сиднее.

Эвис приходилось терпеть назойливость Джин и когда они обе сидели за ранним завтраком — «Эвис! А помнишь ту девицу, которая все вещи шила исключительно обметочным стежком? Даже нижнее белье!», — и когда гуляли по палубе, пытаясь сориентироваться, — «Эвис! А помнишь наши ожерелья из колец для куриных лап? У тебя оно сохранилось?», — и когда стояли в плотной очереди в туалет — «Эвис! Это что, комплект белья, который ты надевала в первую брачную ночь? Слишком шикарно для каждого дня… Или ты хочешь кого-то впечатлить, а?». Эвис понимала, что должна быть помягче с Джин, тем более что той, как она недавно выяснила, всего шестнадцать, — и все-таки! Девица оказалась ужасно докучливой.

Более того, Эвис отнюдь не была уверена, что Джин отличается особой правдивостью. Так, во время разговора за завтраком Джин поделилась своими планами получить работу в универмаге, где тетка ее мужа занимала какую-то административную должность.

— Как ты сможешь работать? Мне казалось, ты ждешь ребенка, — холодным тоном произнесла Эвис.

— Выкидыш, — беспечно бросила Джин. Эвис наградила ее тяжелым, недоверчивым взглядом. — Очень печальная история, — поспешно добавила Джин и, помедлив, сказала: — Как тебе кажется, можно мне попросить еще одну порцию бекона?

Джин, отметила про себя Эвис, преодолевая последний лестничный пролет, практически не упоминает своего мужа Стэнли. Безусловно, и ей самой не мешало бы почаще говорить об Иэне, но всякий раз, как она заводила разговор о муже, Джин тут же пыталась добиться от нее непристойных откровений: «А ты позволила ему сделать это самое до

первой брачной ночи?» Или еще хуже: «А ты испугалась, когда в первый раз увидела… ну, ты понимаешь… когда у него встало торчком?» Наконец Эвис оставила попытки с ходу отделаться от Джин. Хотя в одиннадцать все девушки соберутся на полетной палубе, чтобы выслушать приветственную речь капитана, и затеряться в толпе из более чем шестисот женщин будет гораздо проще. Ведь так?

— А тебя вдохновляет перспектива идти на одну из этих лекций? — крикнула Джин, когда они проходили мимо киноаппаратной. — На следующей неделе нам собираются рассказать о некоторых особенностях брака с иностранцем. — Ее голос — уже в который раз за сегодняшнее утро — заглушил и шум двигателей, и передаваемые по громкой связи приказы старшине Гарднеру или дежурным матросам явиться на командный пункт. Эвис сделала вид, что не слышит. — Допускаю, что кто-то, может, и испытывал трудности в первый год, — продолжила Джин. — Но только не я. Ведь мужа вообще со мной не было.

— Команда авианосца «Виктория» сделает все от нее зависящее, чтобы ваша поездка в Соединенное Королевство доставила вам удовольствие… И в то же время вы не должны забывать о том, что вам предоставлена привилегия считаться пассажирами не просто авианосца, а одного из кораблей его величества. И жизнь на борту регулируется правилами внутреннего распорядка.

Маргарет стояла на полетной палубе, в третьем ряду выстроившихся невест, которые сопровождали речь капитана нервным хихиканьем. Надо же, подумала она, он движется так, будто рукава его кителя пришили к туловищу.

Море — искрящая голубая гладь — выглядело на редкость мирным и безмятежным, и палуба, размером с поле в добрых два акра, практически не дрожала. Маргарет украдкой озиралась по сторонам, с удовольствием вдыхая соленый морской воздух и ощущая на коже принесенные морским ветром капельки воды. С тех пор как накануне днем подняли якорь, она впервые испытала сладостное чувство свободы. Девушка опасалась, что испугается, когда земля исчезнет из виду, но нет, она наслаждалась бескрайними океанскими просторами и гадала — без страха, но с живым интересом, — что же лежит под поверхностью воды.

На обоих концах палубы, отражаясь в лужицах морской воды, расположились самолеты. Эти стальные птицы устремили в небо блестящие носы, словно в любую минуту были готовы взлететь. Между ними, у основания башни, носящей название «остров», стояли моряки в

робах и наблюдали за девушками.

— Каждый человек на борту кораблей его величества подчиняется дисциплинарному уставу Военно-морских сил, что категорически запрещает употребление крепкого алкоголя, вина или пива, а также любые азартные игры. Курение поблизости от самолетов категорически запрещено. И самое главное, категорически запрещается отвлекать моряков от исполнения служебных обязанностей. Разрешено посещать практически все помещения на корабле, за исключением кубриков, если это не мешает работе личного состава.

Некоторые девушки сразу завертели головой, и один из матросов им подмигнул. По женским рядам пробежал сдержанный смешок. Маргарет перенесла тяжесть тела на другую ногу и вздохнула.

Джин, одна из девушек, которых поселили вместе с ней, проскользнула на свободное место перед Маргарет через две минуты после того, как капитан начал свою речь, и теперь стояла в небрежной позе, грызя ногти. Этим утром она буквально излучала жизнерадостность и болтала без умолку о корабле и о своих новых туфлях. Все, что в данную минуту приходило ей в голову, тут же обрушивалось на ее новых товарок. Однако, по мере того как суровый капитан зачитывал длиннющий список возможных прегрешений, Джин скисала прямо на глазах, а ее энтузиазм постепенно испарялся.

— Возможно, вы слышали от других невест, что они могли высадиться в портах на пути следования судна. Но вы должны усвоить, что находитесь на военном корабле и сойти на берег вам не удастся. Вероятно, такая возможность представится в Коломбо, а затем в Бомбее, если, конечно, позволит международная обстановка, но ничего обещать не могу. И хочу добавить, что те из вас, кто не вернется на корабль в установленное время, останутся на берегу. — Капитан обвел равнодушным взглядом лица девушек. — При наличии каких-либо жалоб обращайтесь к дежурному офицеру женской вспомогательной службы, и она доложит одному из помощников капитана. Кстати, женщинам запрещено посещать следующие помещения: кубрики и кают-компании матросов, каюты и кают-компании офицеров — те, что расположены под ангарной палубой и над полетной палубой, орудийные точки, галерейные палубы и шлюпки. Чуть позднее вам всем раздадут подробное руководство в виде буклета. Мне хотелось бы, чтобы, изучив буклет, вы досконально следовали изложенным там предписаниям. И предупреждаю: тех, кто нарушит установленные правила, ждут серьезные неприятности.

Капитан закончил — и на палубе воцарилась мертвая тишина. Маргарет

вспомнила о своей каюте на ангарной палубе и почувствовала, что краснеет. Неподалеку от нее заплакала какая-то девушка.

— На борту находятся шесть офицеров из женской вспомогательной службы, они будут помогать вам во время плавания. — При этих словах он показал на группу стоявших возле «корсаров» женщин, которые выглядели не менее угрюмыми и преисполненными собственной значимости, чем сам капитан. — Каждая женщина из вспомогательной службы отвечает за определенную группу кают, она всегда придет вам на помощь. — Капитан обвел девушек из переднего ряда тяжелым взглядом. — Офицеры женской вспомогательной службы будут по ночам совершать обход кают.

— И изгадят мне все вечерние развлечения, — под сдавленный смех стоявших рядом прошептала соседка Маргарет.

— Точно так же, как женщинам запрещается посещать места расположения личного состава, мужчинам не разрешается находиться в женских каютах и местах общего пользования, за исключением случаев, когда это необходимо для выполнения их служебных обязанностей. Еще раз я хочу напомнить вам, что дежурные офицеры из женской вспомогательной службы будут совершать ночные обходы.

— А непослушных девочек заставят идти с завязанными глазами по доске, — произнес кто-то.

В ответ снова раздался приглушенный, но отчетливый взрыв смеха, словно кто-то открыл запорный клапан.

— Бог его знает, за кого он нас принимает, — теребя брошь, произнесла соседка Маргарет.

Похоже, пространная речь капитана все же подходила к концу. Капитан бросил взгляд на прикрепленный к буклетам листок бумаги, очевидно раздумывая, не пора ли закругляться. Через пару секунд он поднял голову:

— Меня также просили сообщить вам, что… маленький парикмахерский салон… — У капитана окаменела челюсть. — Организован за прачечной, примыкающей к каюте В. Парикмахерскую будут обслуживать волонтеры из числа пассажиров, если кто-нибудь из них… сможет предложить свои услуги.

Он снова проверил свои записи, затем наградил девушек полным усталого презрения холодным взглядом.

— На редкость дружелюбная личность, — еле слышно произнесла Маргарет.

— У меня такое чувство, будто я снова вернулась в школу, — прошептала стоявшая впереди нее Джин. — Только здесь меньше мест для курения.

Хайфилд посмотрел на выстроившихся перед ним женщин. Они перешептывались, суетились, подталкивали друг друга локтем, проявляя явную неспособность стоять смирно, чтобы выслушать правила и предписания, согласно которым им предстоит жить следующие шесть недель. За последние двадцать четыре часа он еще отчетливее увидел все опасности и еще яснее понял, что затея была абсолютно провальной. Ему даже захотелось отправить Макманусу телеграмму: «Вот видите! А я ведь предупреждал, что так и будет». Некоторые девицы были на грани истерики и не знали, то ли смеяться, то ли плакать. Другие уже вовсю шастали по кораблю, терялись в проходах между палубами, забывали пригнуть голову и в результате получали травмы, мешали личному составу и даже останавливали матросов, как давеча утром одна вертихвостка, чтобы спросить, где тут дают мороженое. И в довершение всего, когда он шел по верхней галерейной палубе, то внезапно очутился в облаке тончайшей взвеси, причем не авиационного топлива, а женских духов. Духи! Им оставалось только заменить флаг корабля на нижнее белье — и дело сделано!

И хотя поведение личного состава не особенно изменилось, капитан знал, что это только вопрос времени, когда женщины станут главным предметом разговора в кубриках и кают-компаниях офицерского состава и даже матросов. Он буквально ощущал присутствие в воздухе едва уловимого беспокойства. Так собаки нюхом чувствуют приближение грозы.

Возможно, дело просто в том, что после смерти Харта все пошло наперекосяк. Моряки потеряли ту жизнерадостную целеустремленность, что была характерна для них последние девять месяцев в Тихом океане. Те, кому удалось выжить, пребывали в мрачном настроении, вступали в пререкания и нарушали субординацию. Капитан уже неоднократно замечал, что моряки недовольно бурчат, и невольно задавался вопросом, винят ли они в случившемся именно его. Он закончил речь и привычно заставил себя выкинуть из головы неприятные мысли. Женщины выглядели крайне вызывающе. Слишком яркие цвета, слишком длинные волосы. И теперь по всему судну разбросаны шарфы. А ведь его корабль всегда был образцом порядка и монохромности — только серое и белое. Любое нарушение этой цветовой гаммы выбивало из колеи: у него возникало такое чувство, будто кто-то выпустил рядом с ним стаю экзотических птиц, а потом оставил их щебетать и хлопать крыльями, создавая настоящий хаос. И боже правый, некоторые женщины были даже

в туфлях на высоком каблуке!

Не то чтобы я не любил женщин, уже в который раз за этот час думал он. Просто всему свое время и свое место. Он был адекватным человеком. И не считал подобную точку зрения неразумной.

Он сунул буклет под мышку и внезапно заметил нескольких матросов, которые топтались возле цепей, крепивших самолеты к палубе.

— У вас что, других дел нет, черт возьми! — пролаял он, развернулся на каблуках и быстрым шагом направился в рубку.

Дорогой Джо!

Ну вот я и на «Виктории» вместе с другими невестами. И теперь могу сказать со всей определенностью: море не для меня. Здесь ужасно тесно, даже на таком большом корабле, и куда бы ты ни шел, непременно натыкаешься на людей. Совсем как в городе, только гораздо хуже. Ты, наверное, к этому привык, а вот я уже мечтаю о полях и пустошах. Прошлой ночью мне даже приснились папины коровы…

Наша каюта, как, впрочем, и остальные, похоже, находится там, где была шахта элеватора для подъема самолетов. Я делю ее с тремя девушками, которые вроде бы вполне ничего. Одной из них, Джин, всего шестнадцать. И можешь себе представить, она здесь еще не самая молодая! На борту находятся две пятнадцатилетние девчушки — обе замужем за англичанами и обе путешествуют без сопровождающих. Даже представить страшно, что сказал бы папа, если бы я в этом возрасте выскочила замуж, даже за тебя, дорогой. А еще с нами в каюте есть девушка, работавшая в Австралийском главном военном госпитале на островах Тихого океана, но она все время молчит. И еще одна, этакая светская штучка. Не могу сказать, будто между нами есть много общего, хотя мы все хотим одного и того же.

Одна невеста не успела сесть на корабль в Сиднее, и ее самолетом отправляют во Фримантл, а оттуда она поплывет вместе с нами на «Виктории». Так что, похоже, нельзя сказать, что ВМС не делают всего возможного, чтобы доставить нас к вам.

Моряки очень дружелюбные, хотя нам и не разрешается отвлекать их разговорами. Некоторые девчонки ведут себя страшно глупо при встрече с ними. Если честно, можно подумать, что они в жизни не видели мужчин, кроме своего мужа. Капитан успел зачитать нам закон об охране общественного порядка, как надо пользоваться водой и что лучше вообще ею не пользоваться. Пришлось утром обтереться фланелевой тряпочкой. Я часто о тебе думаю, и меня утешает мысль, что, возможно, в эту самую минуту мы плывем по одному и тому же океану.

Джо-младший, уверена, передает тебе большой привет. Лягается, как мул, когда я пытаюсь заснуть!

Твоя Мэгги

Но было и то, о чем Маргарет не стала рассказывать Джо. О том, что первую ночь она провела без сна, прислушиваясь к звяканью цепей, хлопанью дверей вверху и внизу, истерическому хихиканью других женщин за тонкими переборками и к своим ощущениям от движения гигантской махины похожего на доисторическое животное корабля. О том, что переговорные трубы оживали каждые пятнадцать минут: «По местам!», «Мусорная баржа по борту!», «Вахте заступить по-походному!». О том, что сигнал к побудке, передаваемый по громкой связи, звучал как: «Подъем, подъем, всем вставать!» Правда, в пять тридцать Маргарет услышала более пикантную версию: «Подъем, подъем, всем вставать, руки с членов убрать, носки надевать!» О том, что у личного состава на этом корабле было столько разных званий и функций, что просто уму непостижимо: от морских пехотинцев до кочегаров-машинистов и летчиков. О том, что в столовой могли одновременно разместиться триста девушек, от которых шума было не меньше, чем от стаи скворцов, и что такой хорошей еды, как вчера за ужином, она уже два года не видела. О том, что буквально первый морской закон, который им велели зарубить себе на носу, был «дхоби[16] подводника»: на несколько секунд включить душ, чтобы намочить тело, затем выключить и только потом намыливаться, а затем быстро ополоснуться проточной водой. Жизненно важно, внушали им представители Красного Креста, экономно расходовать воду, чтобы насосные установки успевали ее опреснять и менять. Но после посещения душевых она поняла, что, наверное, является единственной, кто соблюдает данные инструкции.

За ее спиной, скрытая от посторонних глаз тщательно сложенным одеялом, спала Мод Гонн. После приветственной речи капитана Маргарет бегом вернулась в каюту — Дэниел сказал бы «протопала» — и заткнула пасть скулившей собаке украденными пресными лепешками, затем, во избежание конфуза, отнесла ее в уборную. Не успела Маргарет вернуться, как в каюту вошла Фрэнсис. И Маргарет пришлось срочно лечь, собаку спрятать под одеяло и положить ей руку на голову, чтобы не высовывалась.

Это стало целой проблемой. Маргарет рассчитывала, что получит отдельную каюту, ведь большинству беременных невест именно такие и предоставили. Ей даже в голову не могло прийти, что у нее будут соседки.

И она гадала про себя, можно ли доверять Фрэнсис, занимавшей койку

напротив. На вид та вроде была нормальной, но настолько немногословной, что бог ее знает. Более того, Фрэнсис работала медсестрой, а медсестры, как известно, строго придерживаются установленных правил.

Маргарет беспокойно заворочалась на койке, чувствуя, как вибрируют где-то внизу двигатели. Ей так много всего хотелось сказать Джо, поведать ему о странностях своего путешествия, о том, что неожиданно для себя она попала в странный мир, где девушки впадают в истерику не из-за своего будущего, а из-за торговой марки шампуня или чулок — «Ой, а где ты такие достала? Я их везде искала!» — и делятся интимными переживаниями, словно дружат уже много-много лет, а не познакомились лишь сутки назад.

Мама наверняка сумела бы мне объяснить, думала Маргарет. Она смогла бы найти с ними общий язык, перевести его на человеческий, а затем поставить точку с помощью парочки крепких словечек. Если бы я знала, что мама уйдет, то слушала бы ее гораздо внимательнее. Относилась бы к маминым словам с бóльшим уважением, а не тратила бы понапрасну время, пытаясь равняться на братьев. А в результате в душе возникла незаживающая рана, которая постоянно давала о себе знать, поскольку многие вопросы так и остались без ответа.

Маргарет бросила взгляд на часы. Они, должно быть, сейчас едут на тракторе, расчищают мелкую поросль по краям луга для выпаса бычков, чем, собственно, занимаются каждое лето. Колм как-то в шутку сказал, что она непременно рехнется после всех этих недель в обществе женщин. А папа ответил, что, может, это, наоборот, научит ее уму-разуму. Маргарет украдкой изучала окружавшие ее чисто женские ловушки: шелк, нейлон, цветочные рисунки, а еще кремы для лица и маникюрные наборы. Она даже не ожидала, насколько чужды ей окажутся подобные вещи.

— Дать тебе мою подушку? — Фрэнсис оторвалась от своего романа и показала на живот Маргарет.

— Нет. Спасибо.

— Брось, тебе же так неудобно.

Это была самая длинная фраза, произнесенная Фрэнсис с тех пор, как они познакомились. Немного поколебавшись, Маргарет с благодарностью взяла подушку и подложила под бедро. Что правда, то правда: по ширине и комфорту их койки можно было сравнить разве что с гладильной доской.

— Тебе когда рожать?

— Примерно через пару месяцев, — ответила Маргарет, неуверенно поерзав на матрасе. — Хотя, полагаю, нам еще повезло. Ведь они могли

дать гамаки.

Улыбка на лице Фрэнсис сразу угасла, словно, завязав разговор, девушка теперь не знала, о чем еще говорить. И она снова открыла книгу.

Мод Гонн поскуливала и беспокойно ворочалась во сне, скребя когтями по спине Маргарет. Но шум, слава богу, заглушали урчание двигателей и болтовня проходивших мимо их полуоткрытой двери девушек. Однако надо было срочно что-то делать. Мод Гонн не сможет пролежать так все шесть недель. И даже если Маргарет будет выводить ее только в уборную, не исключена вероятность, что там окажутся другие девушки. И как тогда заставить собаку сидеть смирно?

Господи, подумала она, снова пытаясь поудобнее устроить живот. Ну как тут соберешься с мыслями, когда ни минуты покоя: ребенок постоянно пихается, а вокруг день и ночь толпа женщин!

Дверь распахнулась, в каюту вошла Эвис, не забыв при этом пригнуть голову — ей вовсе не хотелось предстать перед Иэном с синяком на лбу, — и улыбнулась девушкам, лежавшим на нижних койках. Койки представляли собой положенные на сетку из переплетенных ремней матрасы, расстояние между ними составляло менее пяти футов, и чемоданчики с минимумом вещей были составлены у временной стенки из металлических листов, которая отделяла их каюту от соседней.

Все помещение было меньше туалета у нее дома. И никаких скидок на женский пол временных обитателей кают: ткани исключительно практичные, голый пол без ковра, все окрашено в серый цвет военного корабля. Зеркала были только в душевых, где вечно стояли облака пара. Чемоданы побольше, с одеждой и прочими вещами, хранились на шканцах в вонявших авиационным топливом шкафчиках, доступ туда можно было получить только по специальному разрешению на редкость неприветливой тетки из женской вспомогательной службы, которая уже дважды успела напомнить Эвис — причем явно из зависти, — что корабль не место для показа мод.

И вообще, Эвис страшно разочаровали ее попутчицы. Везде, где она побывала сегодня утром, ей встречались хорошо одетые девушки, вид которых однозначно свидетельствовал о том, что они стоят с Эвис на одной ступеньке социальной лестницы. В их компании она могла бы хоть на время забыть об ужасах этого корабля. Но нет, ей приходится делить каюту с беременной деревенской девчонкой и угрюмой медсестрой. Вопреки ожиданиям Эвис, медсестра смотрела на других немного свысока, словно после всех страстей, что ей довелось увидеть, остальные девушки,

пытавшиеся хоть как-то развлечься, казались ей безмозглыми пустышками. Ну и конечно, эта прилипала Джин!

— Эй, там, товарищи по плаванию! — Джин забралась на верхнюю полку над головой Маргарет — ее голые худые конечности были точь-в-точь как у обезьянки — и закурила сигарету. — Мы с Эвис разведали, чтó тут есть на борту. На нижней галерейной палубе, ближе к баку, имеется кинозал. Кто-нибудь хочет попозже посмотреть кино?

— Нет. Но все равно спасибо, — ответила Фрэнсис.

— Пожалуй, я тоже останусь. Напишу пару писем. — Эвис залезла на верхнюю койку, старательно придерживая рукой юбку. Это оказалось не так-то просто. — Что-то я притомилась.

— А ты, Мэгги? — свесилась вниз Джин.

Увидев голову Джин, Маргарет подпрыгнула и сразу согнулась в три погибели. И Эвис подумала, что она еще более странная, чем показалась с первого взгляда. Маргарет, похоже, почувствовала, что ведет себя не вполне адекватно. Она пошарила у себя за спиной, достала журнал и с напускной беззаботностью открыла его.

— Нет, — сказал она. — Спасибо. Я… Я лучше отдохну.

— Ага. Тебе полезно. — Джин снова уселась на койке и сделала глубокую затяжку. — Не хватает только, чтобы ты здесь родила!

Эвис искала щетку для волос. Она несколько раз обшарила косметичку, затем слезла с койки и пристально посмотрела на попутчиц. Теперь, когда радостное возбуждение по поводу отъезда улеглось и она наконец осознала, в каких условиях ей придется провести следующие шесть недель, настроение у нее резко испортилось. А ее сияющая улыбка померкла.

— Простите за беспокойство, но никто из вас, случайно, не видел моей щетки для волос? — Она подумала, что это очень благородно с ее стороны не указывать сразу на Джин.

— А как она выглядит?

— Серебряная. С моими инициалами. По мужу, естественно. Э. Р.

— Наверху ее нет, — сказала Джин. — Когда двигатели заработали на полную, из чемоданов кое-что вывалилось. Ты на полу искала?

Эвис опустилась на колени, в душе проклиная тусклую лампочку без абажура под потолком. Если бы в каюте имелся иллюминатор, ей не пришлось бы так напрягать глаза. И правда, все стало бы гораздо приятнее с видом на море. Она точно знала, что в каютах некоторых девушек иллюминаторы были. И не понимала, почему папа не удосужился поставить такое условие. И вот когда Эвис шарила рукой под койкой Фрэнсис, она вдруг почувствовала, как что-то мокрое и холодное

коснулось внутренней поверхности ее бедра. С диким визгом она вскочила на ноги, ударившись головой о койку Фрэнсис.

— Что, ради всего святого…

Она даже стала заикаться из-за пронзившей голову дикой боли. Прижав юбку поплотнее к бедрам, она изогнулась, чтобы посмотреть, что там у нее за спиной.

— Кто это сделал? У кого это такое странное чувство юмора?

— А что случилось? — сделала большие глаза Джин.

— Меня кто-то шлепнул по заднице! Кто-то сунул свои холодные мокрые руки мне… — И Эвис, не в состоянии подобрать нужные слова, принялась подозрительно озираться, словно ожидая увидеть незаметно пробравшегося в каюту маньяка. — Меня кто-то шлепнул по заднице, — повторила она.

Все как воды в рот набрали.

Фрэнсис с непроницаемым лицом молча смотрела на Эвис.

— Я не выдумываю, — ощетинилась Эвис. Лицо ее пылало, сердце лихорадочно билось.

И тут все взгляды обратились на Маргарет, которая свесилась через край койки, бормоча что-то себе под нос. Эвис с вызывающим видом смотрела на нее круглыми глазами.

Маргарет бросила на Эвис виноватый взгляд. Потом подошла к двери, закрыла ее и тяжело вздохнула:

— Вот черт! Мне надо вам кое-что сказать. Я рассчитывала на отдельную каюту, потому что я… такая…

Эвис сделала шаг назад, что в тесноте каюты было отнюдь не легко.

— Какая «такая»? Господи! Надеюсь, ты не одна из этих… с отклонениями от нормы? О боже!

— С отклонениями от нормы? — переспросила Маргарет.

— Я знала, что мне не стоило ехать.

— Да беременная я, идиотка несчастная! Я рассчитывала на отдельную каюту, потому что я беременная!

— Неужели ты решила устроить под койкой гнездо? — поинтересовалась Джин. — Моя кошка так делала, когда окотилась. Ох и грязи же было!

— Нет, — отрезала Маргарет. — Не делала я никакого чертова гнезда! Послушайте, я все пытаюсь вам что-то сказать. — Лицо ее стало бордовым.

— У тебя что, такая манера извиняться? — Эвис воинственно сложила руки на груди.

— Это не то, что ты думаешь, — покачала головой Маргарет. Она

встала на четвереньки, что-то ласково пропела и пошарила под койкой рукой. Через секунду она вытащила оттуда маленькую собачку.

— Девочки, — сказала она. — Познакомьтесь с Мод Гонн.

Девушки уставились на собаку, равнодушно смотревшую на них слезящимися глазами.

— А ведь я догадывалась! Догадывалась, что у тебя явно что-то на уме! — ликующим тоном произнесла Джин. — Еще когда мы стояли на полетной палубе, я сказала себе: «Эта Маргарет, она не так проста. Наверное, хитрая бестия».

— Ой, ради всего святого, — поморщилась Эвис. — Ты хочешь сказать, что это твоя…

— Эвис, твои штанишки все же тебе пригодились, а? — насмешливо произнесла Джин.

Фрэнсис внимательно смотрела на собаку.

— Но на борту запрещено держать домашних животных, — сказала она.

— Я знаю.

— Мне очень жаль, но можешь даже и не надеяться, что она будет сидеть смирно, — нахмурилась Эвис. — И в нашей спальне будет вонять.

В каюте воцарилось тягостное молчание, невысказанные мысли словно повисли в воздухе.

И тут беспокойство побороло природную деликатность Эвис.

— Мы шесть недель будем плыть на этой штуке. И где она будет делать свои делишки?

Маргарет села, пригнув голову, чтобы не стукнуться о верхнюю койку. Собака устроилась у нее на коленях.

— Она очень чистоплотная — и я хорошо все продумала. Вы ведь ничего не заметили прошлой ночью, да? Когда вы уснули, я выгуляла ее на палубе.

— Выгуляла на палубе?!

— А потом все убрала. Послушайте, она даже не лает. И я постараюсь, чтобы она «делала свои делишки» подальше от вас. Пожалуйста, не надо на меня доносить. Она… Очень старая… Ее подарила мне мама. И… — Маргарет отчаянно заморгала. — Это все, что у меня от нее осталось. Я не могу бросить Мод Гонн. Хорошо? — Девушки молча переглянулись. Маргарет даже покраснела от волнения. Она не хуже своих попутчиц понимала, что еще не пришло время для столь доверительных отношений. — Всего на несколько недель. Это действительно очень важно для меня.

В каюте снова повисло тягостное молчание. Медсестра опустила глаза:

— Если хочешь попробовать оставить ее здесь, я не возражаю.

— Я тоже, — подхватила Джин. — Если, конечно, она не будет грызть мою обувь. Она довольно миленькая. Для такого крысеныша.

Эвис понимала, что не может стать единственной, кто будет против: тогда все подумают, будто у нее нет сердца.

— А как насчет морских пехотинцев? — спросила она.

— Что?

— Тех, что будут стоять на часах у нас под дверью начиная с завтрашней ночи. Разве ты не слышала, что говорила тетка из женской вспомогательной службы? Тебе не удастся вывести собаку.

— Морские пехотинцы?! Зачем?

— Они заступают на дежурство в половине десятого. Наверное, чтобы нас никто не смог изнасиловать, — произнесла Джин. — Вы только представьте! Тысяча изголодавшихся мужчин лежат всего в футе под нами. Если они захотят, то вышибут дверь и…

— Ой, ради всего святого! — Эвис прижала руки к шее.

— И еще, — сально ухмыльнулась Джин, — возможно, это и для того, чтобы держать нас взаперти.

— Ну, тогда придется выводить ее до появления морских пехотинцев.

— На сходнях будет слишком много народу, — заметила Джин.

— Возможно, нам следует кому-нибудь сообщить, — сказала Эвис. — Не сомневаюсь, они поймут. Возможно, у них даже имеются… удобства на такой случай. Комната, куда ее можно поместить. Мне кажется, ей будет гораздо приятнее, если будет где побегать. Ведь так?

Нет, она не имела ничего против собак, но ей было неприятно, что кому-то все же удалось пронести что-то тайком. Ведь их багаж взвесили до последней унции, строго ограничили продуктовые посылки, заставили их оставить любимые вещи. А эта девчонка имела наглость всех обдурить.

— Нет, — отрезала Маргарет, ее лицо потемнело. — Ты ведь слушала сегодня утром нашего капитана. Мы еще слишком близко от дома. Они посадят собаку в шлюпку, чтобы отправить обратно в Сидней, и я больше ее никогда не увижу. Нет, я не могу рисковать. По крайней мере, не сейчас.

— Мы будем держать рот на замке, — сказала Джин, гладя собаку по голове. И у Эвис промелькнула мысль, что Джин будет поддерживать любое действие, ниспровергающее основы власти. — Правда, девочки? Это даже прикольно. Я буду таскать для нее вкусняшки с обеденного стола.

— Эвис? — подала голос Маргарет.

Ну вот, теперь меня будут считать занудой, подумала Эвис.

— Я ни слова никому не скажу, — выдавила она. — Только держи ее от меня подальше. И если тебя вдруг раскроют, уж будь любезна сообщить, что мы здесь ни при чем.

Глава 6

В команде корабля было тридцать пять — сорок морских пехотинцев, блестящие внешность и манеры, как правило, выгодно отличали их от нас, простых матросов, вызывая наше немалое удивление… Их латунные пуговицы и ботинки всегда сверкали, и весь внешний вид отличался особой изысканностью.

Л. Тромен. Вино, женщины и война

Второй день плавания

Для того чтобы отвлечь тех невест, у которых первоначальное возбуждение сменилось тоской по дому, уже на второй день плавания на авианосце «Виктория» им были предложены мероприятия, приведенные в торжественном выпуске «Ежедневных судовых новостей», а именно:

10.00 Протестантское богослужение (палуба Е).

13.00 Прослушивание музыкальных записей.

14.30 Палубные игры (полетная палуба).

16.00 Курсы вязания (четыре унции розовой или белой шерсти и две пары спиц в одни руки предоставляются Красным Крестом).

17.00 Лекция «Замужество и семейная жизнь», читает судовой капеллан.

18.30 Вечер игры в бинго (зона отдыха, главная палуба).

19.30 Католическая месса.

Из всего списка наибольший интерес вызвали палубные игры и вечер игры в бинго, а наименьший — лекция. Капеллан имел слишком суровый вид, и одна из невест остроумно заметила, что они не нуждаются в лекциях человека, который выглядит так, будто ему хочется помыться всякий раз, как он коснется проходящей мимо женщины.

Тем временем газета с замысловатым названием, которую с помощью двух невест выпускала одна из офицеров женской вспомогательной службы, сообщила о двух днях рождения: миссис Джозефин Данфорт (19-го) и миссис Элис Саттон (22-го) — и обратилась с просьбой к читательницам приходить со свежими сплетнями и с наилучшими пожеланиями, что поможет провести путешествие «в приятной и дружеской обстановке».

— Сплетни, а? — задумчиво произнесла Джин, которой вслух зачитали

этот пассаж. — Зуб даю, к концу поездки у них будет столько материала, что хватит на двадцать чертовых газет.

Эвис встала сегодня пораньше, чтобы пойти на протестантское богослужение. Она надеялась, что в церкви ей удастся познакомиться с теми, кто больше подходит ей по социальному статусу. Ее возмутило, когда Маргарет объявила, что будет посещать католические мессы. Она еще ни разу не встречала папистов, как называла их ее мама, однако постаралась ничем не выдать своих чувств.

Джин, успевшая заявить, что не придерживается никакой веры (неудачный опыт с братом во Христе), собиралась на прослушивание музыкальных записей, поскольку рассчитывала, что там будут устроены танцы. Сообщив, что чувствует себя совсем как «кенгуру-валлаби, севший голой задницей на термитник», она в мгновение ока испарилась.

Маргарет, ласково поглаживая собаку, лежала на койке и читала один из журналов Эвис. Время от времени она презрительно фыркала:

— Здесь написано, что нельзя слишком часто спать на боку, а иначе будут морщины. А как, черт возьми, можно спать по-другому?!

Правда, затем она вспомнила, что Эвис, накрутив волосы на бигуди, лежала на спине, испытывая явные неудобства, и решила в будущем воздержаться от подобных комментариев.

Тем временем Фрэнсис воспользовалась удобным случаем и, ни слова не говоря, исчезла из каюты. Одетая в некое подобие ее прежней формы — брюки цвета хаки и блузка с коротким рукавом, — она незаметно проскользнула по коридору, здороваясь кивком с проходящими мимо девушками, и спустилась по трапу.

Ей пришлось дважды постучаться, чтобы наконец получить ответ, но даже тогда она слегка отпрянула и проверила еще раз табличку на двери.

— Входите.

Она вошла в лазарет, где вдоль стен стояли высокие — от пола до потолка — застекленные стеллажи с баночками и аптечными склянками. За столом сидел мужчина в штатском, с прилизанными короткими рыжими волосами. У него было веснушчатое лицо и глаза в сеточке морщин, должно быть от привычки постоянно щуриться, но, судя по его поведению, скорее от смешливости характера.

— Да входите же. А то из-за вас помещение выглядит неряшливо. — (Фрэнсис зарделась, поняв, что он шутит, и нерешительно шагнула к нему.) — Ну, на что жалуетесь? — Он водил рукой по столу, будто в такт одному ему слышимому ритму.

— Ни на что. — Она расправила плечи, ее спина в накрахмаленной блузке казалась негнущейся. — Вы хирург? Мистер Фарадей?

— Нет. — Он посмотрел на Фрэнсис, явно прикидывая, как бы ее развеселить. — Винсент Даксбери. Штатский пассажир. Вы, наверное, приняли меня за другого. Он, хм… не смог продолжить плавание. Поэтому капитан Хайфилд попросил меня заступить вместо него. И, если честно, определил некий стандарт развлечений на борту, которому я счастлив следовать. Так чем могу быть полезен?

— Не уверена, что можете. — Она была явно сбита с толку. — По крайней мере, не совсем так, как вы думаете. Фрэнсис Маккензи. Медсестра Фрэнсис Маккензи. Насколько я слышала, некоторым невестам разрешили исполнять секретарские обязанности или вроде того. Поэтому и хочу предложить вам свои услуги.

Винсент Даксбери пожал ей руку и жестом пригласил садиться.

— Медсестра, а? Я не сомневался, что на борту все же есть несколько. И каков ваш опыт работы?

— Пять лет на островах Тихого океана. Последнее место службы — Австралийский главный военный госпиталь за номером 2/7, Моротай. — Она с трудом поборола желание добавить слово «сэр».

— Мой двоюродный брат был в японском плену. Вернулся в сорок третьем. А ваш муж?

— Мой? О… — Она явно смутилась. — Альфред Маккензи. Королевские уэльские фузилеры.

— Королевские уэльские фузилеры… — медленно, со значением повторил он.

Она сложила руки на груди.

Доктор Даксбери откинулся на спинку кресла, поигрывая горлышком бутылки из коричневого стекла. Он так и остался в куртке, хотя явно сидел здесь давно. Внезапно до нее дошло, что запах алкоголя был не совсем медицинским.

— Итак… — (Она терпеливо ждала, стараясь не бросать строгих взглядов на этикетку бутылки.) — Значит, вы хотите нести службу. Эти шесть недель.

— Если могу быть полезной, то да. — Она сделала глубокий вдох. — Я умею обрабатывать ожоги, лечить дизентерию и восстанавливать органы пищеварения. У бывших военнопленных.

— О-хо-хо.

— Я не слишком хорошо разбираюсь в гинекологии или акушерстве, но, по крайней мере, смогу помочь в лечении моряков. Я наводила справки

на госпитальном судне «Ариадна», которое было моим последним местом службы, и мне сказали, что на авианосцах отмечается несоразмерное число травм, особенно во время летных учений.

— Все правильно, миссис Маккензи.

— Итак… Доктор, дело даже не в том, что я хочу с пользой провести время на борту. Я была бы весьма благодарна, если бы мне предоставили возможность набраться еще опыта… — сказала она и, не получив ответа, добавила: — Я быстро учусь.

В разговоре возникла длинная пауза. Она подняла на него глаза, смутившись под его пристальным взглядом.

— Вы поете? — неожиданно спросил он.

— Простите?

— Поете, миссис Макензи. Ну, знаете, всякие там песни из мюзиклов, церковные гимны, арии из опер. — Он принялся напевать себе под нос какую-то незнакомую мелодию.

— Боюсь, что нет, — ответила она.

— Жаль. — Он сморщил нос, затем хлопнул рукой по столу. — Я надеялся, что мы сможем собрать вместе всех наших девушек и поставить какое-нибудь шоу. Какая прекрасная возможность, а?

Коричневая бутылка, которую она заметила, была пуста. Ей так и не удалось разобрать, что же написано на этикетке, но теперь после каждого слова доктора запах того, что некогда было содержимым бутылки, становился все ощутимее.

— Доктор, не сомневаюсь, это была бы… очень полезная идея… — Она попыталась собраться с духом. — Но мне хотелось бы знать, сможем ли мы просто обсудить…

— «Так давно и так далеко…»[17] А вы знаете «Плавучий театр»?[18]

— Нет, — ответила она. — Боюсь, что нет.

— Жаль. А «Старик-река»?[19] — Закрыв глаза, он принялся напевать себе под нос.

Она сидела, сложив руки на коленях, и мучительно размышляла, можно ли его перебить.

— Доктор? — (Пение плавно перешло в низкое мелодичное мурлыканье. Его голова была откинута назад.) — Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи насчет того, когда мне можно приступать?

— «Он просто продолжает накатывать свои волны…»[20] — Доктор приоткрыл один глаз. Допел строчку до конца. — Миссис Маккензи?

— Если хотите, я могу начать прямо сегодня. Если сочтете, что я

могу… оказаться полезной. У меня в каюте есть форма. Я специально оставила ее в сумке.

Он сразу перестал петь. И широко улыбнулся. А ее мучил вопрос: неужели так будет каждый день? Тогда ей придется тайно пересчитывать бутылки, как было в случае с доктором Арбатнотом.

— Знаете, что я хочу вам сказать, Фрэнсис? Можно мне называть вас Фрэнсис? — Он направил на нее горлышко бутылки. У него был такой вид, будто он наслаждался возможностью проявить необычайное великодушие. — Я собираюсь сказать вам, чтобы вы уходили.

— Простите?

— Я вас, наверное, уже достал, да? Нет, Фрэнсис Маккензи. Вы пять лет служили своей стране и моей тоже. И имеете право на маленькую передышку. И я собираюсь прописать вам шестинедельный отпуск.

— Но я хочу работать, — нахмурилась она.

— Никаких «но», миссис Маккензи. Война окончена. И уже через несколько недель, которые пролетят как один миг, у вас будет самая важная в вашей жизни работа. Вы и оглянуться не успеете, как станете нянчить собственных ребятишек, и, можете мне поверить, по сравнению с этим уход за ранеными солдатами покажется вам плевым делом. Уж кто-кто, а я точно знаю. Три мальчика и девочка. И каждый как динамо-машина. — Он начал загибать пальцы, чтобы сосчитать детей, затем обреченно покачал головой, словно не справившись с дистанционной оценкой своих отпрысков. — И я хочу, чтобы начиная с сегодняшнего дня это стало единственной работой, которая будет вас интересовать. *Настоящая женская работа*. И хотя я действительно наслаждаюсь обществом столь привлекательной молодой женщины, я настаиваю на том, чтобы и вы начали наслаждаться последними днями свободы. Сделайте прическу. Посмотрите кино. Почистите перышки перед встречей с вашим стариком. — (Она молча смотрела на него во все глаза.) — Все. Можете идти. Да идите же вы, наконец! — (Ей потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что она получила отказ. Он оттолкнул ее протянутую руку.) — И получайте удовольствие! Спойте пару песенок! «Уступи место завтрашнему дню»[21].

И пока она поднималась по трапу, у нее в ушах стояло его пение.

В тот вечер морской пехотинец появился за минуту до половины десятого. Очень стройный, с темными прилизанными волосами и экономными движениями человека, привыкшего быть невидимым, он заступил на пост у дверей их спальни и остался стоять, ноги на ширине

плеч, спиной к двери, глядя прямо перед собой. Он отвечал также за две каюты, по обеим сторонам от их собственной, и еще за пять кают. Остальные морские пехотинцы были расставлены через равные промежутки друг от друга.

— Чтобы так не доверять людям! Один — прямо под нашей дверью, — пробормотала Маргарет.

Невесты читали или писали, лежа на койках, а Эвис красила ногти лаком, купленным в лавке военторга при офицерской кают-компании. Лак оказался не того оттенка, но, как уже успела понять Эвис, для того чтобы пережить столь нелегкое путешествие, необходимо себя немножко баловать.

Услышав тяжелые шаги в коридоре и увидев сквозь полуоткрытую дверь спину часового, девушки переглянулись. Маргарет инстинктивно посмотрела на спящую собаку. Они ждали, что он поздоровается или даст им хоть какие-то инструкции, однако он просто стоял как вкопанный.

Без четверти десять Джин вышла в коридор и предложила ему сигарету. И когда он отказался, небрежно закурила и принялась засыпать его вопросами. А где находится кинозал? Кормят ли моряков тем же самым, что и невест? Любит ли он картофельное пюре? Он отвечал односложно, улыбнувшись всего один раз, когда она поинтересовалась, а что он делает, когда ему надо в сортир. («Боже мой, Джин!» — пробормотала за дверью Эвис.)

— Мы приучены терпеть, — сухо произнес он.

— А где вы спите? — кокетливо спросила она, прислонившись к идущей по стене трубе.

— В своем кубрике, мэм.

— А где он находится?

— Служебная тайна.

— Не вешайте мне лапшу на уши. — (Морпех с каменным лицом смотрел прямо перед собой.) — Мне просто интересно. — Она подошла поближе и заглянула ему в лицо. — Ой, да бросьте! Мои игрушечные солдатики и то более разговорчивы.

— Мэм.

Она явно собиралась пустить в ход тяжелую артиллерию. Обычное оружие, похоже, на него не действовало.

— По правде говоря, — начала она, смяв окурок, — я хотела вас кое о чем спросить, но стесняюсь.

Моряку явно все это надоело. И немудрено, подумала Эвис.

Джин задумчиво описывала полукруг носком туфли.

— Пожалуйста, никому не говорите, но я совершенно не ориентируюсь, — сказала она. — Мне очень хотелось бы немного пройтись, но сегодня я уже дважды заблудилась, и остальные девушки надо мной потешаются. Поэтому как-то неловко их просить. Я сегодня даже пропустила обед, потому что не нашла столовую. — (Морпех немного расслабился. Он слушал очень внимательно.) — Понимаете, это потому, что мне всего шестнадцать. Вообще-то, я не очень-то успевала в школе. Чтение и прочие дела. И я не могу… — Она перешла на трагический шепот. — Не могу разобрать карту корабля. Может, вы мне ее объясните, ладно?

Морпех явно колебался, но не выдержал и сдался.

— На доске объявлений есть карта. Если хотите, могу вам все показать. — Он говорил тихим, но очень звучным голосом.

— Ой, да неужели?! — наградив его неотразимой улыбкой, воскликнула Джин.

— Чтоб мне провалиться, она великолепна! — бросила стоявшая под дверью Маргарет.

Когда Маргарет с Эвис выглянули в коридор, парочка уже стояла перед большой картой примерно в пятнадцати футах от трапа. Маргарет вышла из каюты в халате, с несуразно большой сумочкой для туалетных принадлежностей в руках и, проходя мимо, весело помахала им рукой. Морпех отдал ей честь и, повернувшись к Джин, продолжил объяснять, как с помощью карты пройти, например, с ангарной палубы в прачечную. Джин явно ловила каждое его слово.

— Нет, все равно не то, — вернувшись, заявила Маргарет. Она тяжело опустилась на койку, а собака тем временем бегала по каюте, деловито обнюхивая пол. — Это не прогулка. Я хочу сказать, что она ведь привыкла бегать по полям.

Эвис, которая сидела перед дорожным зеркалом и втирала в лицо кольдкрем, так и подмывало сказать, что раньше надо было думать, но она вовремя прикусила язык. Ее сейчас гораздо больше волновало то, что морской воздух просто ужасно действует на кожу, а очень не хотелось при встрече с Иэном выглядеть как кусок бомбейской утки[22].

Дверь открылась.

— Высший класс, — увидев ухмыляющуюся Джин, сказала Маргарет. — Джин, ты была просто неподражаема.

Джин самодовольно улыбнулась.

— Ну вот, девочки, теперь вы поняли… — начала она и остановилась. — Чтоб мне провалиться! Эвис, что у тебя со ртом? Ты

похожа на морского окуня.

Эвис поспешно закрыла рот.

— Джин, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна! — воскликнула Маргарет. — Я даже и не надеялась, что он хотя бы на шаг стронется с места. Я имею в виду, что твои слова, будто ты не умеешь читать, — просто мастерский ход.

— Что?

— Я бы до такого в жизни не додумалась. Уж кто-кто, а ты точно на ходу подметки рвешь!

Джин наградила ее странным взглядом.

— У меня и в мыслях не было, подруга, — сказала Джин и, уставившись в пол, добавила: — Не могу прочесть ни слова. Кроме собственного имени. И никогда не могла.

В каюте повисло неловкое молчание. Эвис пыталась понять, не является ли это очередной дурацкой шуткой Джин, но та даже не улыбнулась.

Затянувшуюся паузу нарушила Джин.

— Твою мать, а это что такое?! — принялась она обмахиваться обеими руками.

Возникло секундное замешательство, но затем гнилостный запах в каюте объяснил вспышку ее эмоций.

— Простите, дамы, — поморщилась Маргарет. — Я говорила, что она очень чистоплотная, но не обещала, что она не будет пукать.

Джин разразилась истерическим смехом, и даже Фрэнсис выдавила страдальческую улыбку.

Эвис возвела глаза к небесам и подумала, пытаясь унять горечь в душе, о «Куин Мэри».

И вот на вторую ночь на нее навалилась тоска по дому. Маргарет лежала с открытыми глазами в темной каюте, прислушиваясь к надрывному скрипу коек под ворочающимися товарками. Как ни странно, именно изнеможение не давало ей спокойно уснуть. Ей казалось, что она в порядке. Странность всего происходящего и волнение во время отплытия из бухты на время заставили ее забыть о новом окружении. Теперь же, когда она представляла их корабль посреди океана, в чернильной темноте, то испытывала иррациональный страх и детское желание повернуть назад, чтобы найти защиту под кровом родного дома, вне стен которого она доселе не провела ни одной ночи. Братья, должно быть, уже собираются отправиться на боковую. Она представляла, как они расположились,

вытянув длинные ноги, за кухонным столом — с тех пор как ушла мать, они практически не пользовались гостиной, — слушают радио, играют в карты, Дэниел читает комикс, а Колм, возможно, заглядывает ему через плечо. Папа, наверное, в своем любимом кресле, руки за головой, на локтях потертые заплаты, глаза закрыты, словно он уже готовится ко сну. Он, как всегда, молчит и только время от времени кивает. Летти, скорее всего, что-то шьет или полирует, вероятно сидя на том же стуле, что некогда занимала мама.

Летти, с которой она так подло поступила.

Маргарет вдруг захлестнула мысль, что ей больше не суждено их увидеть, и она принялась нервно покусывать палец, надеясь физической болью заглушить душевную.

Она вздохнула и погладила Мод Гонн, уткнувшуюся под одеялом в низ ее живота. Нет, конечно, не следовало брать с собой собачку — это было крайне эгоистичным решением. Ведь она, Маргарет, даже не подумала, как тяжело будет Мод Гонн сутками сидеть взаперти в тесной, шумной каюте. Ведь даже самой Маргарет оказалось очень нелегко, хотя она при желании могла подняться на другие палубы. Прости меня, беззвучно сказала она собаке. Обещаю, что, когда мы прибудем в Англию, я тебе все с лихвой компенсирую. Слеза скатилась по ее щеке.

Снаружи морской пехотинец, сменив положение ног на стальной палубе, тихо поприветствовал кого-то, проходившего мимо. Она услышала, как его рубашка трется о дверь. Где-то вдали по металлическому трапу прогромыхали тяжелые шаги. На верхней койке Джин что-то сонно пробормотала, а Эвис спрятала украшенную бигуди голову под одеяло.

Маргарет еще ни разу не приходилось делить с кем-то комнату — привилегия, полученная благодаря тому, что она была единственной девочкой в семействе Донливи. И теперь она буквально задыхалась в этой крошечной спальне, с закрытой дверью, без единого луча света и глотка свежего воздуха. Она спустила ноги на пол и села. Я не могу этого сделать, сказала она себе, прикрывая колени широкой ночной рубашкой, но я должна собраться. Маргарет вспомнила о Джо, о ласковом, слегка насмешливом выражении его лица.

— Держись, старушка, — прошептала она, чтобы напомнить себе, почему отправилась в это рискованное путешествие.

— Маргарет? — прорезал темноту голос Джин. — Ты что, куда-то собралась?

— Нет, — отозвалась Маргарет, скользнув обратно под одеяло. — Нет, просто… — Она не знала, как объяснить. — Просто не спится.

— Мне тоже.

Ее голосок казался непривычно тонким. И Маргарет внезапно почувствовала острый приступ жалости. Ведь Джин, в сущности, еще совсем ребенок.

— Хочешь спуститься ко мне? — спросила она.

Джин, цепляясь за ступеньки худенькими ножками, тут же ловко спустилась по лестнице и примостилась на другом конце койки.

— Там, наверху, вообще нет места, — хихикнула она, и Маргарет неожиданно для себя хихикнула в ответ. — Только не давай своему ребеночку меня пинать. И не позволяй своей собаке совать нос ко мне в штаны.

Они несколько минут лежали молча. Маргарет так и не смогла решить для себя, приятно ли ей чувствовать кожей чужое тело, или наоборот. Джин беспокойно поерзала, суча ногами, и Маргарет почувствовала, что Мод Гонн настороженно подняла голову.

— А как зовут твоего мужа? — неожиданно спросила Джин.

— Джо.

— А моего — Стэн.

— Ты уже говорила.

— Стэн Каслфорт. Во вторник ему стукнет девятнадцать. Его мамаша не слишком-то обрадовалась, когда он сообщил, что женился, но он говорит, будто сейчас она немного утихомирилась.

Маргарет легла на спину, уставившись в темноту. Она вспомнила о ласковых письмах от матери Джо и мысленно задала себе вопрос, что заставило эту женщину, еще не вышедшую из детского возраста, отправиться в одиночку на другой конец света: смелость или безрассудство.

— Уверена, как только вы познакомитесь, она сразу оттает, — произнесла Маргарет, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Он из Ноттингема, — сообщила Джин. — Знаешь такой?

— Нет.

— Я тоже. Но он говорил, что Робин Гуд родом оттуда. Вот я и прикинула, что там, наверное, кругом лес.

Джин снова заерзала, словно что-то искала.

— Ничего, если я закурю? — свистящим шепотом произнесла она.

— Валяй.

Вспыхнувший на мгновение язычок пламени осветил лицо Джин, она сосредоточенно прикуривала сигарету. Затем спичка погасла, и каюта снова погрузилась во тьму.

— Я вот думаю о Стэне. Он у меня о-го-го какой! Ну, ты понимаешь, — начала Джин. — Ужасно красивый. Все мои подруги так думают. Мы встретились возле кино, и он с приятелем предложил заплатить за билеты для нас с подружкой. «Безумства Зигфилда»[23]. В цвете. — Она шумно вздохнула. — И он мне сказал, что с самого Портсмута не поцеловал ни одну девушку, и я, естественно, не могла сказать «нет». Они еще не успели спеть «Это мое сердце», а он уже залез мне под юбку. — (И Маргарет услышала, как она что-то мурлычет себе под нос.) — Я выходила замуж в платье из парашютного шелка. Моя тетя Мейвис достала его у одного американского солдата, занимавшегося левыми радиоприемниками. А вот мама все это как-то не слишком одобряла. — Она помолчала. — И вообще, я гораздо лучше лажу с тетей Мейвис. Всегда с ней ладила. Мама считает, что я никудышная и совсем пропащая.

Перевернувшись на бок, Маргарет вдруг подумала о своей матери. О ее непреклонности, властности и вездесущности, о ее веснушчатых руках, по сто раз на день закалывавших выбившуюся из прически прядь волос. И у девушки вдруг пересохло во рту.

— Скажи, а вы делали что-то по-другому, чтобы… Ну, ты понимаешь.

— Что?

— Вам пришлось делать что-то по-другому… чтобы получился ребеночек?

— Джин!

— Что?! — возмутилась Джин. — Но кто-то ведь должен мне объяснить!

Маргарет осторожно села, стараясь не стукнуться головой о верхнюю койку.

— Ты сама должна знать.

— Тогда зачем бы я спрашивала?! Разве не так?

— То есть ты хочешь сказать, что тебе никто никогда не рассказывал… о птичках и пчелках?

— Я знаю, куда он вставляется, — фыркнула Джин, — если ты об этом говоришь. Как раз то, что мне очень даже нравится. Но я не знаю, что надо сделать, чтобы получить ребеночка.

Маргарет буквально онемела от удивления. И тут с верхней койки послышался сердитый голос:

— Если ты так неотесанна, что можешь обсуждать подобные вещи с другими, то, по крайней мере, старайся не шуметь. Некоторые из нас пытаются уснуть.

— Зуб даю, Эвис точно знает, — хихикнула Джин.

— А мне казалось, ты говорила, будто потеряла ребенка, — многозначительно произнесла Эвис.

— Ой, Джин, мне так жаль! — Маргарет невольно прижала руку ко рту.

В разговоре возникла неловкая пауза.

— Если честно, — отозвалась Джин, — я по-настоящему и не была беременна. — (Маргарет услышала, как Эвис заворочалась под одеялом.) — Так вот, у меня задержались… сами знаете что. И моя подружка Полли объяснила, что я, того-этого, залетела. Ну, я так и сказала. Я знала, что тогда меня возьмут на корабль. Хотя когда я прикинула числа, то сообразила, что никак не могла, если вы понимаете, о чем я. А потом они дважды отложили медицинскую проверку. И тогда я соврала, что потеряла ребеночка, и начала горько плакать, потому что и сама уже успела поверить. Медсестричка меня пожалела и сказала, зачем кому-то знать, так это или не так, ведь самое главное — доставить меня к моему Стэну. Мэгги, наверное, поэтому меня и поместили к тебе. — Она сделала глубокую затяжку. — Вот такие дела. Я не нарочно врала. — Она перекатилась на другой бок, достала туфлю и затушила сигарету о подошву. В голосе ее появились агрессивные нотки. — Но если кто-нибудь из вас меня заложит, я в любом случае скажу, что потеряла ребенка уже на борту. Так что нет смысла стучать на меня.

Маргарет сложила руки на животе:

— Джин, никто не собирается стучать на тебя.

Эвис демонстративно промолчала.

Снаружи, где-то вдалеке, послышался звук сирены, предупреждающей о тумане. На одной низкой заунывной ноте.

— Фрэнсис? — сказала Джин.

— Она спит, — прошептала Маргарет.

— А вот и нет. Я видела ее глаза, когда прикуривала. Фрэнсис, ты ведь меня не заложишь, да?

— Нет, — отозвалась Фрэнсис. — Не заложу.

Джин вылезла из кровати, потрепала Маргарет по ноге и проворно забралась к себе на койку, а потом еще долго шебуршилась, устраиваясь поудобнее.

— Да ладно вам, — наконец произнесла она. — Так кому из вас нравится это делать и откуда все-таки берутся дети?

С полетной палубы тысячефунтовая бомба, сброшенная с бомбардировщика «Штука»[24], выглядит совсем как пивная бочка. Беззаботно и весело она выкатывается, словно из пивного подвала, из

подбрюшья зловещего маленького самолетика, защищаемого с флангов истребителями. На секунду застывает в воздухе, а затем — в окружении своих собратьев — плывет вниз, в сторону корабля, нацеленная, точно невидимой рукой, прямо на палубу.

Именно об этом думает, среди прочего, капитан Хайфилд, глядя в глаза надвигающейся смерти. Об этом, а еще о том факте, что, когда столб пламени поднялся с бронированной палубы, окружая командный центр корабля и распространяя жар раскаленного металла, он, капитан, охваченный всепоглощающим ужасом — момент, который он всегда предвидел, — забыл нечто очень важное. Нечто такое, что он непременно должен был сделать. И даже в состоянии ступора он безотчетно осознает, как смехотворно думать о невыполненном задании сейчас, перед лицом неминуемой гибели.

Здесь, в адском пламени бушующего огня, стоя среди сыплющихся дождем бомб, вдыхая запах горящего масла и слушая, не в силах заткнуть уши, крики своих моряков, он поднимает глаза туда, где должен быть самолет, но самолета этого уже практически нет. Потому что он тоже объят пламенем, желтые языки которого лижут кабину пилота и поднятые вверх почерневшие крылья, а за стеклом кабины — пока еще нетронутое огнем лицо Харта, в его обращенных на капитана глазах застыл немой вопрос.

Прости, всхлипывает Хайфилд, хотя в стоящем кругом адском реве молодой человек вряд ли может его услышать. Прости меня.

Проснувшись — подушка мокрая от слез, над безмятежным океаном черное небо, — он продолжает твердить в ночной тишине покаянные слова.

Глава 7

У меня, как и у многих других, были смешанные чувства — любви и одновременно ненависти — к «Вику». Мы ненавидели жизнь на корабле, но восхищались им как боевой единицей. Мы проклинали его в своем кругу, но не позволяли посторонним сказать о нем худого слова… Этот корабль приносил удачу. А моряки ведь так суеверны.

Л. Тромен. Вино, женщины и война

Двумя неделями раньше

Согласно записям в судовом журнале, авианосец «Виктория» участвовал в боевых действиях в Северной Атлантике, Тихом океане, а также у острова Моротай, где, с самолетами «корсар» на борту, помогал оттеснить японцев и даже получил в ходе операции боевые шрамы. В течение последних нескольких лет авианосец, как и многие другие корабли, неоднократно бросал якорь на верфях в Вуллумулу, чтобы отремонтировать пробитый минами корпус, заделать пробоины от пуль и торпед — словом, залечить жестокие раны войны, прежде чем снова выйти в море, взяв на борт моряков, готовых — после того как их подлатали на берегу — идти в бой.

Капитана Джорджа Хайфилда время от времени посещали странные мысли, и иногда, проходя мимо сухого дока и разглядывая сквозь пелену тумана корпуса «Виктории» и соседних кораблей, он позволял себе думать о судах как о своих собратьях. Невозможно было не видеть их страданий от того или иного увечья и каким-то образом не одушевлять их — уж коли они связали с тобой свою судьбу, отдали тебе себя целиком, покоряли с тобой водную и огненную стихии. У него даже появились любимчики, что и немудрено за сорок лет службы. Корабли, которые он однозначно считал своими. Тот редкий случай волшебного единения человека и судна, когда каждый член экипажа был готов пожертвовать ради него жизнью. И расставаясь с очередным кораблем, капитан всегда тайком смахивал непрошеную слезу, а иногда — когда тот оказывался потоплен — не старался скрыть эмоций. Должно быть, нечто подобное предыдущие поколения мужчин на войне испытывали к своим лошадям.

— Бедная старушка, — пробормотал он, разглядывая дыру в боку «Виктории».

Корабль был страшно похож на авианосец «Индомитебл», на котором

капитан служил до того.

Хирург велел ходить с тростью. И, как подозревал Хайфилд, сказал остальным, чтобы ни в коем случае не разрешали ему выходить в море.

— В вашем возрасте такие вещи заживают очень долго, — заметил врач, разглядывая багровый шрам в том месте, где металл разрезал ткани до кости, и бугристый след от ожога вокруг. — Капитан, я не уверен, что вы пока можете вернуться в строй.

В то утро Хайфилд выписался из госпиталя.

— Мне надо отвести свой корабль домой, — решительно закрыл он тему. Разве он мог позволить, чтобы на этом этапе его вчистую списали по инвалидности?!

Хирург, как и все остальные, промолчал. Иногда Хайфилду казалось, что никто не знает, что говорить в подобных случаях. Но он никого особо не винил: на их месте он поступил бы точно так же.

— А, Хайфилд. Мне сказали, что вы здесь.

— Сэр. — Капитан остановился и отдал честь.

Не обращая внимания на легкий дождик, адмирал отмахнулся от сопровождавшего его офицера с зонтиком в руках. Над их головой кружились чайки, пикируя в море, их пронзительные крики замирали в тумане.

— Ну, что с ногой? Уже лучше?

— Все прекрасно, сэр. Совсем как новенькая, — ответил он, заметив, что адмирал покосился на его ногу.

Моряки любили говорить: когда на горизонте появляется какой-нибудь адмирал, то никогда не знаешь, что тебе делать, — то ли надраивать пуговицы для торжественного построения, то ли готовиться к хорошей головомойке. Но Макманус относился к совершенно иному типу начальников. Большинство адмиралов просиживали штаны за письменным столом и поднимались на палубу корабля за день до начала похода, чтобы погреться в лучах его славы. Адмирал Макманус оказался редкой птицей: он всегда находился в курсе того, что происходит в доках, был посредником в спорах, проверял политический климат, во всем сомневался и абсолютно ничего не упускал.

Хайфилд с трудом поборол желание снова перенести тяжесть тела на другую ногу. И неожиданно понял, что адмирал, возможно, знает и об этом.

— Решил сходить посмотреть на «Викторию», — сказал Хайфилд. — Несколько лет ее не видел. Со времен конвоев в Адриатике.

— Ну, с тех пор корабль слегка изменился, — заметил Макманус. —

Его здорово потрепало.

— Полагаю, это можно сказать о каждом из нас, — осмелился пошутить Хайфилд, и Макманус оценил его юмор легкой улыбкой.

Они медленно направились к докам, непроизвольно шагая в ногу.

— Итак, Хайфилд, вы в отличной форме и готовы выйти в море, да?

— Сэр.

— То, что случилось, просто ужасно. Знаете, ведь мы все вам очень сочувствовали. — (Хайфилд продолжал смотреть прямо перед собой.) — Да, Харт мог бы очень далеко пойти. Он здорово отличался от всех этих летчиков. Чертовски обидно. Ведь вы уже были почти дома.

— Сэр, я написал его матери, пока лежал в госпитале.

— Да. Хороший человек. Вы правильно поступили.

Хайфилду было неловко выслушивать похвалу адмирала, ведь он ничего особенного не сделал. И вдруг обнаружил — как всегда, когда речь заходила об этом парне, — что не в силах произнести ни слова.

Когда молчание затянулось на несколько минут, адмирал остановился и повернулся к нему лицом:

— Вы не должны себя ни в чем винить.

— Сэр.

— Я слышал, вы приняли это немного… слишком близко к сердцу. Ну, на долю каждого из нас выпали подобные утраты, и каждый из нас лежал ночью без сна, терзаясь вопросом, можно ли было предотвратить случившееся. — Его оценивающий взгляд скользнул по лицу Хайфилда. — У вас не оставалось выбора. И все это понимают. — (Хайфилд внутренне напрягся. Он не мог заставить себя посмотреть адмиралу в глаза.) — Я абсолютно серьезно. И если оставшиеся члены вашего экипажа отдадут военной службе столько же лет, сколько вы, то они еще не такого успеют навидаться. Хайфилд, только не надо зацикливаться. Такое случается. — Макманус замолчал, будто целиком ушел в свои мысли.

Хайфилд решил последовать его примеру, и внезапно наступившую тишину нарушали лишь звуки шагов по скользкой дороге да глухое бормотание подъемных кранов.

Они уже почти подошли к трапу. Отсюда можно было увидеть, как механики на борту судна заменяют искореженные листы металла, услышать грохот молотка, жужжание сверла и треск сварочного аппарата, говорившие о том, что в ангарах уже вовсю трудятся сварщики. Бригада работала в поте лица, однако на сером гладком металле пока еще виднелась обугленная трещина. Конечно, корабль вряд ли займет первое место на конкурсе красоты, но, глядя на него, Хайфилд вдруг почувствовал, что

боль последних мучительных недель постепенно уходит.

Возле трапа они слегка помедлили и, прищурившись, подняли глаза навстречу дождю. У Хайфилда снова разболелась нога, и он начал было подумывать о том, чтобы незаметно сменить позу.

— Итак, Хайфилд, что вы будете делать, когда вернетесь домой?

— Ну, подам в отставку, сэр, — слегка замявшись, ответил Хайфилд.

— Черт, я не о том. Я хочу сказать, чем вы сможете себя занять? У вас есть хобби? И нет ли, случайно, где-нибудь поблизости миссис Хайфилд, которую вы успешно прятали от нас все эти годы?

— Нет, сэр.

— О…

Хайфилду показалось, что адмирал его жалеет. Ему хотелось объяснить адмиралу, что он никогда не страдал из-за отсутствия в его жизни женщины. Ведь стоит подпустить к себе женщину чуть поближе — и ты уже никогда не будешь счастлив. Он видел, как его моряки во время плавания скучали по своим женам, но, оказавшись на суше в бабьем царстве, злились и раздражались. Хотя теперь он предпочитал не касаться данной темы, так как, когда он пытался что-то сказать своим людям, те отвечали ему лишь удивленными взглядами.

Адмирал снова повернулся к «Виктории».

— Ну, значит, вы, слава богу, не приговорены к пожизненному заключению. Не так ли? Полагаю, мы смогли бы не получить от вас такой отдачи, если бы ваши мысли постоянно были заняты женщиной, которая вас где-то ждет.

— Несомненно, сэр.

— А я вот поклонник гольфа. И со временем планирую весь день проводить на поле для гольфа. Полагаю, жена будет довольна, — рассмеялся он. — За все эти годы у нее уже возник свой круг интересов. Ну, вы все понимаете.

— Да, — ответил капитан Хайфилд, хотя, честно говоря, ничего не понял.

— Меня как-то не слишком вдохновляет перспектива оказаться у нее под каблуком до конца жизни.

— Еще бы.

— Но вам, слава богу, об этом не придется беспокоиться, а? Сможете играть в гольф, сколько душе угодно.

— Но я не по этой части, сэр.

— Что?

— Думаю, я больше люблю воду.

Он чуть было не признался, что пока еще не знает, чем займется дальше. И это его здорово нервировало. В течение последних четырех десятилетий вся его жизнь была расписана буквально по минутам. Уже за несколько дней и даже недель он знал — из отпечатанного на машинке боевого приказа, — что будет делать и где, то есть в какой именно части света.

Некоторые считали его счастливчиком. Закончить карьеру сразу по окончании войны! В лучах славы, шутили они, хотя затем спохватывались, так как понимали, что сморозили глупость. Я доставлю своих моряков домой, заявлял он. Что станет прекрасным заключительным аккордом. Он умел говорить убедительно. Правда, потом у него несколько раз возникало искушение попросить адмирала оставить его на флоте, которое он с трудом преодолевал.

— Ну что, поднимемся наверх?

— Полагаю, мне следует проверить, как ведутся работы. Похоже, что весьма интенсивно.

И вот теперь, когда, оказавшись снова на борту корабля, Хайфилд понял, что обретает былые властные полномочия, к нему вернулось ощущение стабильности и порядка, напрочь утраченное во время пребывания в госпитале. Адмирал промолчал и, заложив руки за спину, стал решительно подниматься по трапу.

Доска с крючками для именных бирок была прислонена лицевой стороной к переборке. Капитан помешкал в дверях, перевернул доску и повесил именной жетон, чтобы отметить свое присутствие на борту. Обнадеживающий жест. Затем они одновременно переступили порог и, пригнув головы, шагнули в похожий на пещеру ангар.

Свет горел не везде, и Хайфилду потребовалась пара минут, чтобы привыкнуть к полумраку. Матросы крепили ремнями огромные ящики с оборудованием к узким полкам, протягивая черные ведерки с инструментами тем, кто работал на высоте. В дальнем конце ангара трое парней красили трубы. Они оглянулись, явно раздумывая, надо ли отдавать честь. Капитан узнал одного из них: несколько недель назад молодой человек едва не лишился пальца, попавшего между канатами. Матрос отдал честь, выставив на всеобщее обозрение привязанный к руке кожаный мешочек. Хайфилд довольно кивнул. Хорошо, что парень уже в строю. Затем капитан перевел взгляд на огромные шахты элеваторов, доставлявших самолеты на палубу. В шахтах работали несколько человек, один — на лесах, закрепляя с равными интервалами металлические раздвижные опоры, идущие вплоть до полетной палубы. Капитан бросил

на него удивленный взгляд, пытаясь найти возможное объяснение происходящему. И не смог.

— Эй! Ты! — крикнул капитан и, когда сварщик снял защитную маску, подошел к краю шахты. — Что, ради всего святого, ты творишь?! — (Парень не ответил, выражение его лица было недоуменным.) — Что ты делаешь с элеваторами? Совсем опупел?! Разве ты не в курсе, для чего они предназначены? Они позволяют поднимать и опускать треклятые самолеты. Кто велел тебе это…

Адмирал положил Хайфилду руку на плечо. Но капитан был настолько поглощен представшим его глазам немыслимым безобразием, что не сразу обратил внимание на жест адмирала.

— Именно об этом я и пришел с вами потолковать.

— Чертов придурок ставит в шахты металлические опоры. Опоры для коек, чтоб ему было пусто! Парень, неужели ты не соображаешь, что делаешь?

— Он выполняет мой приказ, Хайфилд.

— Не понял, сэр?

— «Виктория». Пока вы отлеживались на больничной койке, кое-что изменилось. Новые приказы из Лондона. Этот рейс будет не совсем таким, как вы предполагали.

У Хайфилда вытянулось лицо.

— Очередные бывшие военнопленные?

— Нет.

— Надеюсь, не пленные японцы? Вы помните, сколько хлопот они нам доставили…

— Хайфилд, боюсь, все гораздо хуже. — Адмирал тяжело вздохнул и посмотрел капитану прямо в глаза. — Это для женщин. — (В разговоре возникла длинная пауза.) — Вам по-прежнему надлежит доставить ваших моряков домой. Но на борту будет дополнительный груз. Примерно шестьсот австралийских военных невест, которые должны воссоединиться с мужьями в Англии. Шахты элеваторов будут использованы для их коек.

Тем временем сварщик, рассыпая снопы искр, возобновил работу.

Капитан Хайфилд повернулся к адмиралу:

— Они не могут плыть на моем корабле.

— Война требует жертв, Хайфилд. Выбирать не приходится.

— Но их ведь всегда перевозят на транспортных судах, сэр. На лайнерах, которые лучше приспособлены для такого дела. Разве можно посадить девушек, младенцев и прочих на авианосец?! Чистой воды безумие! Вы должны им там, наверху, объяснить.

— Не могу сказать, что меня это тоже сильно порадовало. Но ничего не поделаешь, старина. Лайнеров больше не осталось. — Он потрепал Хайфилда по плечу. — Только шесть недель. Вы и оглянуться не успеете, как все будет позади. И вообще, пусть ребята немного взбодрятся после всей этой истории с Хартом. Так они хотя бы смогут отвлечься.

Но ведь это мой последний рейс. Я в последний раз буду со своим экипажем. Со своим кораблем. Хайфилд был не в силах перенести такое унижение. Ему хотелось выть от отчаяния, в груди клокотала глухая ярость.

— Сэр…

— Послушайте, Джордж. Телефонные линии связи с Лондоном буквально раскалились. Из-за этих жен уже и так кипят политические страсти. Английские девушки устраивают манифестации перед парламентом. Им кажется, будто их обошли. Наши верхние эшелоны власти и правительство Австралии не хотят, чтобы нечто подобное повторилось и здесь. Австралийским мужчинам тоже не слишком по вкусу, что их женщины вышли замуж за иностранцев. Полагаю, обе стороны хотят поскорее увезти военных невест от греха подальше, чтобы все само собой утряслось. — Адмирал перешел на примирительный тон. — Я прекрасно понимаю, как это трудно для вас, но постарайтесь посмотреть на проблему с точки зрения девушек. Некоторые из них уже больше двух лет не видели своих мужей. Война закончилась, и они жаждут воссоединения семьи. — Адмирал заметил, как у его собеседника окаменело лицо. — Джордж, поставьте себя на их место. Единственное, чего они хотят, — как можно скорее, но без лишнего шума увидеть своих любимых. Вы не можете не понимать, что они сейчас чувствуют.

— Женщины на борту — верный путь к катастрофе. — Хайфилда переполняли эмоции, его голос сразу окреп, набрав силу, так что несколько находившихся неподалеку мужчин на время даже перестали работать. — Я этого не допущу! Не допущу, чтобы какие-то там женщины разнесли, к чертям, мой корабль. Там, наверху, все поймут. Они сами увидят.

И хотя адмирал говорил успокаивающим тоном, похоже, он уже начинал терять терпение.

— С ними не будет ни детей, ни младенцев. Тех, кто поедет, отбирали на редкость тщательно. Только здоровые молодые женщины. Ну, возможно, несколько в интересном положении.

— А как насчет мужчин?

— Никаких мужчин. Может, кто-то и поедет, но мы узнаем об этом только за несколько дней до отплытия. Окончательный список еще не

готов. — Адмирал сделал паузу. — Ох, вы имеете в виду своих. Так вот, их разместят на разных палубах. Шахты — с каютами — будут запираться. Только нескольким — тем, что в интересном положении, — предоставят отдельные каюты. Личный состав сможет работать в обычном режиме. И мы собираемся выставить охрану, чтобы не допустить нежелательных контактов. Ну, вы понимаете, о чем я.

Капитан Хайфилд повернулся к своему начальнику. Волнение по поводу необходимости безотлагательного решения вопроса оживило его обычно бесстрастное лицо: всем своим существом он отчаянно стремился доказать адмиралу, насколько опасна и вредоносна данная затея.

— Послушайте, сэр. Некоторые из членов экипажа находятся без… женского общества уже несколько месяцев. Это как бросить горящую спичку в коробку с пиротехникой. Разве вы не слышали об инцидентах на авианосце «Одейшес»? Господи боже мой, да мы все знаем, что там произошло!

— Полагаю, мы все извлекли уроки из «Одейшеса».

— Невозможно, сэр. Опасно, нелепо и вообще может дестабилизировать обстановку на корабле. Вы ведь не хуже моего знаете, насколько это тонкая вещь.

— Хайфилд, вопрос закрыт и не подлежит обсуждению.

— Мы много месяцев пытались восстановить хотя бы шаткое равновесие. Вы ведь знаете, через что пришлось пройти моему экипажу. Невозможно вот так взять и запустить на корабль девиц, считая…

— Они будут подчиняться очень строгим приказам. Военно-морской флот разработал на сей счет жесткие директивы…

— И что женщинам наши приказы?! Если женщины находятся рядом с мужчинами, значит жди беды.

— Хайфилд, это замужние дамы, — отрезал адмирал. — Они едут на новую родину к своим мужчинам. Вот так-то.

— При всем уважении к вам, сэр, осмелюсь заметить, что вы плохо знаете человеческую природу. — Последняя фраза повисла в воздухе, шокировав их обоих. Капитан судорожно вздохнул. — Разрешите быть свободным?

И, не дождавшись кивка, капитан Хайфилд развернулся и пошел прочь, впервые за всю свою долгую карьеру разозлившись на старшего по званию.

Адмирал стоял и смотрел, как тот пересек ангар, а потом исчез в недрах судна, точь-в-точь как кролик, спасающийся в кроличьем садке. В некоторых случаях подобное проявление неуважения означало конец карьеры военнослужащего. Однако адмирал Макманус питал искреннее

уважение к этому сварливому старому хрену, капитану Хайфилду. И не хотел, чтобы он так позорно закончил службу. А кроме того, подумал адмирал, кивнув матросам, чтобы те продолжали, если бы это был его корабль, он, честно говоря, испытывал бы аналогичные чувства. Несмотря на всю свою любовь к жене и дочерям.

Глава 8

Во время морского путешествия невесты смогли прослушать лекции, сопровождаемые наглядной демонстрацией того, как следует покупать и готовить продукты питания с учетом строгих продовольственных норм. Ближе к концу плавания режим питания несколько ужесточили, чтобы переход на продуктовые карточки не стал для них слишком болезненным.

Дейли миррор. 7 августа 1946 года

Пятый день плавания

Состояние моря, столь же капризного, что и невесты на борту «Виктории», резко ухудшилось, как только корабль покинул каналы Сидней-Хедс.

Великая Австралийская бухта, восхищенно, но с долей опаски говорили члены команды, покажет, кто настоящий моряк, а кто нет.

Судьба, словно нарочно убаюкав девушек ложным ощущением безопасности, решила теперь продемонстрировать их уязвимость и непредсказуемость их будущего. Жизнерадостное синее море почернело, стало мутным и ощетинилось высокими гребнями. Легкие бризы превратились в порывистые ветры, те со временем переросли в шквалистые — плевавшиеся холодным дождем в моряков, крепивших, задыхаясь в своих штормовках, самолеты к палубе. А корабль, вставая на дыбы и кряхтя от натуги, прокладывал себе путь между водяными валами.

И вот пассажиры, которые до того беспокойной толпой бродили по палубам, сперва по одиночке, а затем уже целыми группами ретировались на свои койки. А те, кто еще держался на ногах, хватаясь за стенки, неуверенно передвигались — бледные от страха — по коридорам. Лекции пришлось отменить, так же как и запланированные учения по использованию спасательных шлюпок: члены экипажа поняли, что лишь немногим женщинам под силу их выдержать. Оставшиеся в строю офицеры из женской вспомогательной службы разносили по каютам таблетки от тошноты.

Беспрестанные удары волн о борт корабля, заунывные звуки корабельного гудка, несмолкаемый лязг цепей и скрежет самолетов на полетной палубе — все это окончательно лишало надежды хоть немного поспать. Эвис и Джин — ну конечно же Джин, а кто еще? — лежали на койках, замкнувшись в собственном мирке тошнотворной напасти. Но если

у Эвис этот мирок был сугубо личным, то Джин держала всех в курсе своих страданий. Эвис казалось, что ей уже известны практически все симптомы Джин — что у той стоит ком в животе, что маленький кусочек сухарика чуть было не привел к конфузу у дверей столовой на полетной палубе, что этот ужасный кочегар, который шел за ними до самой прачечной, жрал у нее на глазах сэндвич с сыром и белковой пастой, отчего ее едва не стошнило. Все это свисало у него изо рта и…

— Да-да, Джин, я представляю, — простонала Эвис и заткнула уши.

— Значит, вы не пойдете на чай, да? — поинтересовалась стоявшая в дверях Маргарет. — Сегодня дают мясо в горшочках.

Собака спала на ее койке, явно не чувствуя резкой смены погоды.

Джин повернулась лицом к стене. И ее ответ — слава богу — прозвучал неразборчиво.

— Ну что, Фрэнсис, пошли? — сказала Маргарет. — Похоже, будем только мы вдвоем.

Маргарет Донливи познакомилась с Джозефом О’Брайеном восемнадцать месяцев назад, когда ее брат Колм привел его, а вместе с ним еще шесть-семь дружков из пивной домой, и вот вплоть до окончания войны все они стали частыми гостями семьи Донливи. Таким образом брат собирался снова наполнить жизнью дом, осиротевший после ухода матери. Ведь на первых порах они никак не могли примириться с оглушающей тишиной, вызванной отсутствием самого спокойного члена семьи. Но ни отец, ни братья не хотели, чтобы Маргарет с Дэниелом оставались дома одни, пока старшие будут топить горе в вине, — они были чрезвычайно заботливы, хотя такая забота и принимала иногда странные формы, — поэтому было решено перенести пивную на ферму. Иногда из кузова их грузовичка свисало до четырнадцати-пятнадцати человек, в основном американцев, нагруженных крепким алкоголем и пивом, или ирландцев, распевавших песни, от которых у Марри слезы наворачивались на глаза. И теперь каждый вечер в их доме звучали голоса пьющих и горланящих мужчин, а иногда — тихий плач Дэниела, пытавшегося понять, кому все это нужно.

— Джо был единственным, кто не приглашал меня на свидания и не приставал ко мне, — сказала она Фрэнсис, уписывая за обе щеки картофельное пюре в полупустой столовой. — Остальные обращались со мной так, будто я что-то вроде официантки, и, стоило братьям отвернуться, норовили облапать меня в темном углу. Одного даже пришлось в маслобойне отоварить лопатой, уж больно рьяно он стал распускать

руки. — Она подхватила свой металлический поднос, который грозил соскользнуть со стола. — С тех пор я его больше не видела.

Неделей позже Колм застукал еще одного парня, когда тот подглядывал за тем, как она мылась в ванной, и они с Нилом и Лиамом чуть было не вытрясли из бедняги всю душу.

Так вели себя все, кроме Джо, который приходил каждый день, добродушно подтрунивал над Дэниелом, давал отцу советы, основанные на опыте работы на родительском приусадебном участке в Девоне, дарил ей нейлоновые чулки не того размера и угощал сигаретами, посматривая на нее исподтишка.

— В конце концов мне пришлось спросить, почему он не подбивает под меня клинья, — продолжила рассказ Маргарет. — И, по его словам, он прикинул, что, если сможет задержаться здесь подольше, я привыкну к нему, будто к предмету меблировки.

Первый раз он пригласил ее на свидание ровно за три месяца до того, как Военно-воздушные силы Соединенных Штатов сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а уже через несколько месяцев они поженились — Маргарет надела мамино подвенечное платье, — как раз в тот день, когда Джо в последний раз получил увольнительную. Она знала, что им будет хорошо вместе, сказала она. Джо был очень похож на ее братьев. Он не относился к себе или к ней слишком серьезно.

— А он обрадовался, узнав о ребенке?

— Когда я сообщила ему, что беременна, Джо поинтересовался, не придутся ли роды на период ягнения, — фыркнула Маргарет.

— Да уж, не слишком романтично, — улыбнулась Фрэнсис.

— Джо, наверное, и слова-то такого, как «романтика», в жизни не слыхивал, — ответила Маргарет. — Хотя мне, в общем-то, без разницы. Все эти охи и вздохи не для меня. Если всю жизнь живешь с четырьмя деревенщинами, которые стряхивают на тебя под столом козявки из носа, то трудно ассоциировать романтику с представителями того же пола, что и они. — Маргарет улыбнулась, снова набив рот картофельным пюре. — Я вообще не собиралась замуж. Для меня замужество означало только еще больше стряпни и грязных носков. — Она опустила глаза, и ухмылка вдруг исчезла с ее лица. — Я до сих пор постоянно себя спрашиваю, как такое могло случиться.

— Мне очень жаль, что ты осталась без мамы, — произнесла Фрэнсис. Маргарет заметила, что та взяла себе добавки, чего она, в своем положении, позволить себе, к сожалению, не могла, ибо рисковала заработать несварение желудка. И тем не менее Фрэнсис была худой как

спичка. На десерт подали бланманже «Прекрасная купальщица», получившее такое название, как с усмешкой объяснил повар, потому что оно все дрожало и имело прелестные изгибы. — А отчего она умерла? Прости, — поспешно сказала Фрэнсис, заметив, как покраснело бледное лицо Маргарет. — Я не хотела быть бестактной. Интерес чисто профессиональный.

— Нет… нет, — ответила Маргарет. Они обе ухватились за край накренившегося стола, пытаясь не дать солонке, перечнице и стаканам упасть на пол. — Это было как гром среди ясного неба. Буквально минуту назад она была здесь, а еще через минуту… уже ушла, — наконец выдавила она, когда качка на время прекратилась.

В столовой стояла тишина, нарушаемая лишь невнятным бормотанием тех немногих женщин, у кого хватало твердости характера или отваги смотреть на еду, да внезапным звоном бьющейся посуды, когда еще один поднос становился жертвой набежавшей волны. Очередей, как в начале плавания, уже не было, и только несколько девушек, с удовольствием пользуясь возможностью спокойно выбирать, топтались перед выставленными блюдами.

— Я бы сказала, что это лучший вариант ухода, — произнесла Фрэнсис, бросив на Маргарет твердый взгляд ярко-синих глаз. — Она, скорее всего, даже ничего не почувствовала. — Фрэнсис помедлила и добавила: — Правда. Ей хотя бы не пришлось страдать.

Последняя фраза, возможно, заставила бы Маргарет развить тему, если бы не хихиканье в углу. Поначалу звучавшее просто как фон, хихиканье это становилось то громче, то тише, словно шло в унисон с шумом волн за бортом.

Повернувшись, Маргарет с Френсис увидели, что к сидевшим в углу женщинам присоединились несколько мужчин в рабочих комбинезонах. Одного из них Маргарет даже узнала: они здоровались накануне днем, когда он драил палубу. Моряки плотным кольцом окружили млевших от мужского внимания женщин.

— Эх, жаль, что здесь нет Джин, — принявшись за еду, рассеянно бросила Маргарет.

— Как думаешь, может, отнести им чего-нибудь? Хотя бы пюре.

— Пока мы доберемся до каюты, оно будет совсем холодным, — ответила Маргарет. — И, кроме того, я вовсе не горю желанием, чтобы Джин потом стошнило прямо на мою койку. В каюте и так черт-те как воняет.

Фрэнсис посмотрела в иллюминатор на пенистые волны, яростно

бьющиеся о стекло в пятнах соли.

Она на редкость сдержанная, подумала Маргарет. Принадлежит к тому типу людей, что, даже когда говорят, продолжают внутренний диалог.

— Надеюсь, с Мод Гонн будет все в порядке, — сказала она вслух, очевидно оторвав Фрэнсис от каких-то своих мыслей. — Прямо не знаю, что делать. С одной стороны, вроде бы надо проверить, как она там, а с другой — ужасно не хочется возвращаться в чертову каюту. У меня там буквально крыша едет. Особенно когда наша сладкая парочка начинает стонать.

Фрэнсис едва заметно кивнула. Похоже, ее способность выразить свое согласие ограничивалось этим скупым жестом. Но она все же наклонилась к Маргарет поближе, с тем чтобы перекричать стоящий в столовой шум.

— Если хочешь, можно выгулять ее на палубе. Чуть позже. Дай ей глотнуть свежего воздуха. Положи ее в корзинку и прикрой сверху шерстяной кофтой.

— Привет, дамы.

Это был тот самый матрос. Подпрыгнув от неожиданности, Маргарет оглянулась на легкомысленных девиц, которых он только что покинул. Те, вытянув шеи, провожали его взглядом.

— Добрый день, — равнодушно ответила она.

— Дамы, я поговорил со своими друзьями и подумал, что неплохо было бы вам сообщить, что сегодня вечером в кубрике кочегаров будет небольшая вечеринка. Типа «добро пожаловать на борт». — Он говорил с легким акцентом и держался с непрошибаемой уверенностью.

— Мысль неплохая, — отхлебнув чая, ответила Маргарет. — Но у нас за дверью стоят часовые.

— Но только не сегодня вечером, дамы. В связи с погодными условиями численность блюстителей нравственности резко уменьшилась. Так что впереди вечер-другой полной свободы. — Он подмигнул Фрэнсис, хотя не исключено, что глаз у него просто дергался от рождения. — Выпьем грога, перекинемся в картишки. Может, сумеем познакомить вас с некоторыми английскими обычаями.

— Нет, спасибо, но это не для нас, — закатила глаза к потолку Маргарет.

— Карты, миссис, только карты. — Его лицо приняло удивленное и даже несколько обиженное выражение. — Уж не знаю, что вы там подумали. Чтоб мне провалиться, вы замужняя женщина и все такое…

Маргарет не выдержала и рассмеялась:

— В принципе, я не против карт. А во что вы играете?

— Джин-рамми. Ньюмаркет. Ну, может быть, иногда в покер.

— Тогда только карты, и больше ничего. Но учтите, я играю только на интерес.

— Наш человек, — ухмыльнулся он.

— Ну, тогда я обдеру вас как липку. У меня были лучшие учителя, — сказала она.

— Попробую рискнуть, — отозвался он. — Мне все равно, с кого снимать деньги.

— А… Для меня там места хватит? — Она откинулась на стуле, чтобы продемонстрировать свой живот, и стала ждать реакции.

Если он и колебался, то лишь долю секунды.

— Отыщем вам место. Мы всегда рады хорошему игроку в покер.

Похоже, он нашел в ней родственную душу.

— Деннис Тимс, — протянул он руку.

— Маргарет… Мэгги… О'Брайен, — обменявшись рукопожатием, сказала она.

Он кивнул Фрэнсис, которая сидела с каменным лицом.

— Мы четырьмя палубами ниже. Практически под вами. Спускайтесь по трапам, мимо офицерских гальюнов, и идите на шум хорошего веселья. — Он отдал им честь и уже собрался было отойти от их стола, но остановился и произнес трагическим шепотом: — Мэг, если застрянете на трапе, кликните нас. Мы с парнями живо пропихнем вас!

Перспектива провести несколько часов в мужской компании вдохновила Маргарет. Правда, в отличие от большинства женщин, она соскучилась отнюдь не по флирту, ей просто не хватало мужчин в доме. Маргарет тяжело вздохнула: появление Денниса в очередной раз напомнило о том, как тяжело ей давалась новая — чисто женская — жизнь.

— Кажется, он вполне ничего, — радостно сказала она, с трудом вылезая из-за стола.

— Да, — ответила Фрэнсис, которая уже направилась с подносом к стойке для грязной посуды.

— А ты, Фрэнсис, пойдешь со мной?

Маргарет пришлось чуть ли не вприпрыжку догонять эту высокую стройную девушку, которая размашисто шагала по коридору, не обращая внимания на качающийся под ногами пол. За все время разговора Фрэнсис даже не посмотрела на Денниса, подумала Маргарет. И потом до нее вдруг дошло, что они провели вместе почти два часа, а Фрэнсис так ничего и не рассказала о себе.

Дорогой Джордж!

Надеюсь, что мое письмо найдет тебя в добром здравии и что твоя нога заживает. Не знаю, дошло ли до тебя мое последнее письмо, ведь ты так и не ответил. Поэтому я взяла на себя смелость поставить номер на этом послании, чтобы ты потом мог сообщить мне, в каком порядке получил письма. Мы у себя в Тайвертоне живем хорошо. Сад выглядит прелестно, а мои новые бордюры прекрасно разрастаются. Патрик, как всегда, очень много работает, ему даже пришлось взять себе в помощь нового парня для работы с бухгалтерской отчетностью. Таким образом, у него в штате уже пять сотрудников, что для нынешнего тяжелого времени более чем достаточно.

Джордж, мне срочно нужен твой ответ, поскольку, как я уже неоднократно у тебя справлялась, необходимо оперативно решить вопрос с арендой коттеджа на границе поместья Хомвортов. Я лично говорила с лордом Хомвортом (время от времени мы встречаемся на приемах, которые устраивает его жена), и он сказал, что счастлив рассмотреть твою кандидатуру с учетом твоего блестящего послужного списка, но ответ он должен получить немедленно, так как, мой дорогой, на коттедж имеются другие претенденты. В соседнем доме живет миссис Барнс, учительница на пенсии. Очень милая дама из Челтенхема. И мы уже нашли женщину, которая будет тебя обслуживать, так что о горячих обедах можешь не беспокоиться!

И, как я уже упоминала раньше, Патрик с удовольствием представит тебя сливкам нашего общества — он не последний человек в местном Ротари клубе, поэтому постарается, чтобы ты попал в круг лучших людей. Теперь, когда после отставки у тебя будет больше свободного времени, возможно, ты не откажешься вступить в местный клуб автолюбителей? Или займешься парусным спортом? Не сомневаюсь, что ты «будешь продолжать заниматься лодками» и на закате своей жизни.

Еще один отставной военнослужащий недавно обосновался вместе со своей женой в наших краях, он, кажется, из Королевских ВВС, так что тебе будет с кем обменяться «военными историями». Правда, он очень тихий — до сих пор не обмолвился со мной ни единым словом! — и у него что-то не в порядке с глазом. Полагаю, это военная рана, но Марджори Лэтхем клянется, что он ей подмигивает.

Все, Джордж, мне пора идти. Но я непременно должна тебе сообщить, что нашей сестре уже немного лучше. Она очень благодарна тебе за все, что ты сделал, и надеется, что скоро сможет написать тебе сама. Она очень мужественно переносит свою утрату.

И я, как всегда, буду молиться, чтобы твое плавание прошло

благополучно.

Твоя любящая сестра Айрис

Капитан Хайфилд сидел в своей каюте, сжимая в одной руке хрустальный бокал, а в другой — вилку, и читал письмо, которое не стал распечатывать в Сиднее. Закончив с письмом, капитан положил вилку и отодвинул в сторону остывший свиной бифштекс с вареным картофелем.

Он был несказанно рад изменению погоды: женщинами гораздо легче управлять, когда они сидят по каютам и лежат на своих койках. Если не считать пары случаев жестокой рвоты, а также девицы, свалившейся с верхней койки и в результате получившей травму, судовой лазарет пока еще пустовал. Хотя это напомнило о том, что ему самому сейчас не помешал бы хороший доктор.

Поначалу он списал все на сырость: на приступ ревматизма из-за резкого падения давления. Но боль в ноге медленно, но верно усиливалась, видоизменялась, становилась нестерпимо острой, что уже было нехорошим сигналом. Он прекрасно знал, что надо пойти показаться врачу — доктор в Сиднее несколько раз подчеркивал настоятельную необходимость этой процедуры. Но капитан понимал и другое: если у него действительно обнаружат то, что он на самом деле подозревал, они непременно найдут причину лишить его последнего похода. Отправят самолетом домой. А ведь даже набитый женщинами корабль лучше, чем вообще никакого корабля.

Внезапно послышался стук в дверь. Капитан Хайфилд рефлекторно спрятал ногу под стол.

— Войдите.

Это был Добсон с толстой пачкой бумаг под мышкой.

— Простите за беспокойство, сэр, но я принес вам пересмотренный список больных. Я решил, вы захотите узнать, что мы лишились пяти из восьми офицеров женской вспомогательной службы.

— И что, все больны?

— Четыре больны, сэр. Одна прикована к постели. Упала с трапа возле радиорубки и растянула лодыжку.

Добсон уставился на нетронутую тарелку с едой. Не приходится сомневаться, что он расскажет об этом в кают-компании и поделится своими соображениями по данному вопросу, подумал капитан Хайфилд.

— Но что, ради всего святого, она забыла возле радиорубки?!

— Заблудилась, сэр. — Добсон умело сохранял равновесие, несмотря на то что пол уходил из-под ног, а вид из окна закрывало волной. — Сегодня утром один из матросов обнаружил двух девушек на мучном

складе номер два. Они оказались запертыми, каким-то образом умудрились захлопнуть дверь. Похоже, абсолютное большинство из них не в состоянии прочесть карту.

От выпитого вина у Хайфилда вдруг стало кисло во рту.

— И что нам теперь делать с сегодняшним ночным обходом? — выдохнул он.

— Полагаю, мы можем привлечь к этому делу несколько морских пехотинцев, сэр. Клайв и Найкол на редкость ответственные ребята. Если честно, то, пока мы находимся в Большом Австралийском заливе, не думаю, что у нас будут особые проблемы с дамами. Я бы сказал, половина из них стенают сейчас на своих койках и им не до глупостей. В столовых вообще практически никого нет.

Добсон прав. Хайфилд очень надеялся, что такая отвратная погода продержится все шесть недель.

— Прекрасно. Пусть ваши ребята этим займутся. А как у нас с пресной водой?

— Неплохо, сэр. Пока хватает, хотя, должен заметить, все системы у нашей старушки здорово изношены. Часть машинного оборудования держится буквально на честном слове. И все же нам еще крупно повезло, что большинству женщин не встать с кровати, — ухмыльнулся он. — Меньше воды расходуется на мытье головы, и вообще.

— Ну хорошо. Я уже об этом думал. Организуйте им еще одну лекцию на тему дхоби. Обязательную для всех. А тем, кто не послушается, пригрозите лишить права пользоваться водой в течение трех последних дней перед встречей с мужьями. Это наверняка подействует.

Добсон ушел, в очередной раз оставив неприятный осадок своей развязностью. Он уже воображает себя капитаном, не раз говорил Хайфилду его стюард Ренник. Хайфилд всегда с удовольствием продвигал своих подчиненных, но в манере держаться у Добсона было нечто такое, что стояло у капитана поперек горла. Возможно, причина крылась в истории с Хартом или в предстоящей отставке, но в глазах своих моряков он читал, что его уже практически списали, а потому, несмотря на должность и послужной список, не принимали за человека, с которым следует считаться.

— Ну и дурак, — сказал Ренник, пришедший забрать у капитана тарелку.

Он состоял при Хайфилде почти десять лет и, пользуясь столь долгим знакомством, без околичностей высказывал свое мнение.

— Может, он и дурак, но у меня нет другого старпома.

— Экипаж его не уважает. И в этом походе от него не будет никакого проку.

— Знаешь что, Ренник? Дурак он там или нет, но прямо сейчас Добсон волнует меня меньше всего.

Стюард только пожал плечами. На его морщинистом лице типичного шотландца было написано, что он, как и капитан, знает гораздо больше, чем считает нужным сказать. Хайфилд дождался, когда Ренник выйдет из каюты, и снова обратил взор на лежавшее перед ним письмо. Затем взял со стола красного дерева бокал с вином и смахнул свободной рукой листок бумаги прямо в мусорную корзину внизу.

Насчет морских пехотинцев Деннис ошибся. Когда Маргарет с Фрэнсис вернулись в каюту, морпех уже стоял с поднятой рукой под дверью, словно хотел постучаться.

— Эй! — заорала Маргарет, предприняв попытку, несмотря на мешавший живот и уходивший из-под ног пол, пробежать по коридору. — Эй! — Он опустил руку, и Маргарет проскользнула между ним и дверью. — Чем могу помочь? — пыхтя и придерживая живот, поинтересовалась она.

— Я принес вам немного крекеров. Приказ капитана, мэм. Мы разносим их всем больным.

— Они спят, — сказала Маргарет. — Лучше их не беспокоить. Правда, Фрэнсис?

Фрэнсис посмотрела на парня и поспешно отвернулась.

— Да, конечно.

— Фрэнсис у нас медсестра. И ей лучше знать, что хорошо для больных, а что нет.

В разговоре возникла короткая пауза.

— Крекеры обычно помогают. — Морпех крепко держал коробку обеими руками. — Может, тогда я оставлю это у вас?

— Да. Спасибо. — Маргарет взяла коробку и болезненно поморщилась: ребенку явно не нравилась тряска.

Парень уставился на Фрэнсис. Но, заметив взгляд Маргарет, быстро отвел глаза.

— Сегодня вечером меня здесь не будет, — сказал он. — Кое-кто из нас уже слег из-за этой погоды, поэтому придется помочь делать обход. Мне разрешили заглянуть к вам попозже, если хотите. — Говорил он отрывисто, словно не привык вести пустые разговоры.

— Нет. За нас не волнуйтесь. Все будет в порядке, — широко

улыбнулась Маргарет. — Но спасибо за предложение. И не стоит называть нас «мэм». Уж слишком… формально.

— Приказ, мэм.

— О, приказ.

— Так точно. — Он поднял руку и небрежно отдал честь.

— Тогда пока, — помахала ему Маргарет. — И спасибо за крекеры. — Она молилась в душе, чтобы Мод Гонн, услышав ее голос, не залаяла.

Когда они открыли дверь, Джин сразу проснулась, откинула одеяло, показав бледное личико. Отказавшись от крекеров, она медленно села на койке. На ней была фланелевая ночная рубашка в розочках. Она еще совсем ребенок, подумала Маргарет.

— Как считаешь, нам надо что-нибудь с собой взять?

Мод Гонн прыгнула к ней на колени и попыталась лизнуть в лицо.

— Взять куда?

— В кубрик кочегаров. Ну, там что-нибудь выпить, и вообще.

— Я не пойду, — заявила Фрэнсис.

— Ты должна! Не могу же я отправиться туда одна!

Джин прищурилась. Под глазами у нее залегли тени.

— Идете? Куда? — прошептала она.

— Да так, — ответила Маргарет. — Обещала сыграть кое с кем в покер. Выгуляю по-быстрому Моди, а потом спущусь вниз. Да ладно тебе, Фрэнсис! Не будешь же ты весь вечер торчать в каюте. Потом будешь жалеть.

— Вообще-то, я не по этой части, — не слишком уверенно произнесла Фрэнсис.

— Тогда я тебя научу.

— Вы не можете оставить меня здесь! — Джин свесила ноги с края койки.

— Ты уверена? — спросила Маргарет. — Все еще здорово штормит.

— Все лучше, чем блевать в компании мисс Задаваки. — Джин ткнула пальцем в сторону Эвис, спавшей на противоположной койке, откуда свисал край длинного шелкового халата цвета само. — Я с вами. Не могу же я пропустить вечеринку! А то я уж и забыла, когда в последний раз смеялась!

Конечно, каюты для невест казались Маргарет очень тесными, но она и представить себе не могла, что окажется в маленьком кубрике — размером с гостиную в рабочем районе, — под завязку набитом мужиками. Еще за дверью ей шибанул в нос знакомый мускусный запах — именно так всегда

пахло в комнатах братьев, — только здесь он казался еще гуще, а на пороге буквально валил с ног. Это был запах мужских тел, постоянно находящихся впритирку друг к другу, чистых и грязных, пахнущих потом, и алкоголем, и сигаретами, и нестираным бельем, и чем-то еще, о чем ни Фрэнсис, ни Маргарет старались не думать. И вообще в кубрик, находящийся всего четырьмя палубами ниже, на уровне ватерлинии, вряд ли когда-нибудь попадал хотя бы один глоток свежего воздуха. А поскольку он был расположен прямо над машинным отделением по правому борту, там ощущались постоянные вибрации: волны шума возникали под ногами с ужасающей, какой-то библейской неотвратимостью.

— Думаю, нам стоит вернуться, — сказала Фрэнсис.

Она еле-еле тащилась, словно ожидала засаду в конце каждого коридора. В результате Маргарет не выдержала и схватила Фрэнсис за рукав, твердо вознамерившись заставить ее хоть раз в жизни весело провести время, а там будь что будет.

— Мимо офицерских гальюнов, так? Как думаешь, это гальюны?

— Даже не собираюсь смотреть, — заявила Джин.

Когда они вышли из каюты и спустились по трапу, к ней вдруг вернулся нормальный цвет лица. Шествие замыкала Фрэнсис, она спотыкалась и хваталась за стенки при каждом новом толчке.

— Вот здесь, — сообщила Маргарет. — Эй! — крикнула она и неуверенно постучала, сомневаясь, что ее услышат в этом адском шуме. — А Деннис тут?

В ответ ей было короткое молчание, а потом на них обрушились свист и улюлюканье. А еще крики: «Полундра, ребята, у нас гости!» И только после нескольких томительных минут — Маргарет с Фрэнсис уж начали было подумывать о том, чтобы уйти, а Джин пыталась заглянуть внутрь через освещенную щелку — дверь наконец распахнулась. Вкусно пахнущий Деннис в наглаженной рубашке, с бутылкой какой-то янтарной жидкости в руке широким жестом пригласил их внутрь.

— Дамы, — склонился перед ними Деннис. — Добро пожаловать туда, где находится подлинное сердце «Виктории».

В кубрике обычно размещались тридцать два человека, и, хотя сейчас здесь присутствовала едва ли половина списочного состава, женщины оказались настолько притиснуты к представителям сильного пола, что в обычных условиях последние — как честные люди — были бы обязаны жениться. Первые полчаса Фрэнсис простояла, вжавшись в шесть дюймов свободного пространства стенки, она просто не рискнула сесть в

присутствии множества полуодетых мужчин. Джин, заливаясь румянцем и хихикая, визгливо говорила «хамишь!» всякий раз, когда не могла придумать ничего умнее, — словом, достаточно часто. Маргарет же, наоборот, сохраняла олимпийское спокойствие. Во-первых, учитывая свое интересное положение, она совершенно не волновалась, а во-вторых, чувствовала себя легко и непринужденно в обществе мужчин, и они, в свою очередь, отнеслись к ней как к любимой сестре. Всего за час она успела не только обыграть их в карты, но и проконсультировать, что лучше написать в письме к любимой, как обращаться с тещами и даже какой галстук носить на гражданке. Атмосфера была до предела насыщена алкогольными парами, сигаретным дымом и солеными словцами, сопровождаемыми соответствующими извинениями — скидка на присутствие дам. В дальнем углу какой-то тощий как жердь моряк с прилизанными рыжими волосами тихо играл на трубе. Но на него никто не обращал внимания, из чего Маргарет сделала вывод, что для моряков это в порядке вещей.

— Ну как, дамы, выпить хотите? — поинтересовался Деннис, протягивая им пару стопок.

Девушки очень быстро выяснили, что их новый знакомый не слишком строго придерживается установленных на корабле правил. Алкоголь, сигареты, деньги в долг до получки — здесь он был как рыба в воде. Фрэнсис, которую уговорили сесть рядом с Маргарет, покачала головой. Не замечая восхищенных взглядов мужчин, она не решалась поднять глаза, и Маргарет начала жалеть, что уговорила ее пойти. Тем временем Джин, уже успевшая опрокинуть две стопки, глупела прямо на глазах.

— Уймись, Джин, — прошептала Маргарет. — Ведь еще недавно тебе было совсем плохо.

— А вот Дейви говорит, что это поможет успокоить живот, — ответила Джин, пихнув в бок сидевшего рядом мужчину.

— Спакоит жавот? — Джексона, одного из матросов, буквально заворожил их акцент, и он не упускал случая повторять за ними каждую фразу.

— Не советую верить им на слово, — подняла брови Маргарет. — Подумать только, поможет успокоить живот!

— Твой Джо, наверное, тебе то же самое говорил, да? — Под дружный смех окружающих Деннис показал на округлившееся пузико Маргарет.

Вдоль переборок с балками, к которым крепились гамаки, стояли ряды шкафчиков, хозяина каждого можно было определить по прикрепленным к ним почтовым открыткам или надписям от руки. На свободных местах

висели фото полуобнаженных старлеток, которых теснили не столь гламурные, зернистые снимки жен, подружек, улыбающихся детишек, — пожелтевшие от никотина реликвии, которые напоминали о другом, большом мире, находившемся за тридевять земель отсюда. Те из моряков, что не играли в карты, лежали в гамаках: писали письма, спали, курили или наблюдали за происходящим — просто наслаждаясь обществом женщин. Из уважения к дамам большинство мужчин прикрыли наготу, девушкам со всех сторон совали карамельки и сигареты, предлагали полюбоваться фотографиями любимых. Несмотря на замкнутое пространство, в воздухе не чувствовалось абсолютно никакой угрозы. Ведь когда папа притаскивал из пивной пьяный сброд, она ни на секунду не могла расслабиться. А вот здешние парни оказались приветливыми, гостеприимными и в меру игривыми. Маргарет, кажется, понимала, в чем тут дело: этим ребятам, оторванным от родного дома, было достаточно одного лишь присутствия тех, кто напоминал им о мире, где нет ни войны, ни солдат, ни сражений. Она сама испытывала нечто подобное, когда встречала парней в такой же форме, что и у ее Джо.

— Фрэнсис, ты точно не хочешь перекинуться в картишки? — Маргарет снова выиграла.

Деннис присвистнул и бросил карты на стол, обещая в следующий раз взять реванш. Похоже, он ни капли не сомневался, что эта встреча не последняя.

— Нет, спасибо.

— У тебя наверняка здорово получилось бы.

Да, у Фрэнсис получилось бы. Ее лицо, с тонкими, слегка заостренными чертами, казалось абсолютно бесстрастным — ни тени беспокойства, которое она, как догадывалась Маргарет, в данный момент испытывала. Маргарет несколько раз упоминала о том, что Фрэнсис работала медсестрой, но та пресекала любые попытки втянуть ее в разговор о службе в госпитале. Правда, у нее вполне хватало воспитания, чтобы не дать повода обвинить ее в грубости. И все же.

— Твоя подруга в порядке? — шепнул Деннис.

— Думаю, она просто немного стесняется. — Другого объяснения у Маргарет не имелось.

Она опустила голову, ей было как-то неловко заявлять о дружеских отношениях с женщиной, с которой лишь недавно познакомилась.

— Намного стесняецца, — прошептал кто-то у нее за спиной.

— Заткнись, Джексон. А где служит твой муж?

— На флоте, — ответила Маргарет. — Джозеф О’Брайен. Он механик

на «Александре».

— Механик, а? Эй, парни, а Мэг, оказывается, одна из нас. Жена механика. Я понял, что у тебя, Мэг, есть вкус, как только положил на тебя глаз.

— Ага, глаз он положил. Зуб даю, ты так всем женщинам говоришь, — подняла брови Маргарет.

— Только тем немногим, у кого есть вкус, — заметил его приятель.

Они сыграли еще несколько партий. Игра и дружелюбное окружение позволили женщинам забыть, что они здесь чужие. Маргарет знала, что для такого человека, как Деннис, она самый безопасный вариант: он был из тех мужчин, кто получал удовольствие от женского общества только при отсутствии сексуального подтекста. А она, глупая, боялась, что ее беременность осложнит ей путешествие! Теперь же она находила в своем положении несомненные преимущества.

И, как ни парадоксально, приятнее всего было то, что мужчины вообще не обращали внимания на ее живот. Ведь практически каждая женщина на корабле обязательно интересовалась, какой у нее срок, «хороший» ли ребенок (интересно, думала она, а что, бывают и плохие?) и кого она ждет — девочку или мальчика. Одни хотели потрогать живот и пускались в ненужные откровения насчет того, как страстно желают иметь детей, а другие, вроде Эвис, смотрели на него с едва заметной брезгливостью и категорически избегали всяческих разговоров о беременности, словно это могло быть заразным. Маргарет и сама старалась не слишком муссировать данную тему: ее буквально преследовали образы папиных телившихся коров, и ей до сих пор так и не удалось смириться со своей женской участью.

Они сыграли две, три и еще несколько партий. В комнате дым стоял коромыслом. Человек в углу сыграл на трубе две мелодии, которые она не узнала, а затем, в непривычно быстром темпе, — «The Green Green Grass of Home». Отложив карты, мужчины затянули песню. Джин влезла с непристойными куплетами, но забыла последние две строчки и зашлась в истерическом смехе.

Было уже совсем поздно, или, по крайней мере, им так казалось. При отсутствии естественного освещения и часов на руке невозможно понять, то ли время тянется еле-еле, то ли стремительно летит. Это зависело от удачной или неудачной партии в карты, от хихиканья Джин, мелодии трубы в углу — словом, от всех тех звуков, которые — при наличии некоторого воображения — могли напомнить о доме.

Маргарет положила карты на стол. Деннису понадобилась секунда,

чтобы это заметить.

— Думаю, вы мне должны, мистер Тимс.

— Все, я пустой, — добродушно пропыхтел он. — Как насчет сигаретных карточек? Порадуешь своего старика.

— Оставь себе, — ответила она. — Мне слишком тебя жаль, чтобы отбирать последнее.

— Нам лучше вернуться к себе. Уже поздно. — Фрэнсис, единственная из них, кто вел себя сдержанно и чопорно, демонстративно посмотрела на часы, а потом — на Джин, которая, продолжая хихикать, лежала в гамаке какого-то молодого матросика и разглядывала книжку комиксов.

Часы показывали без четверти двенадцать. Маргарет тяжело поднялась, ей ужасно не хотелось уходить.

— Было здорово, парни. Но все хорошо, что хорошо кончается, — сказала она. — Пожалуй, нам пора.

— Ага, значит, не хотите, чтобы вас отправили домой на спасательной шлюпке.

Судя по выражению лица Фрэнсис, она восприняла эти слова вполне серьезно.

— Большое спасибо за гостеприимство.

— Гастипримсво, — пробормотал Джексон.

— Всегда пожалуйста, — сказал Деннис. — Не хотите, чтобы кто-нибудь из нас проверил, свободен ли путь? — Неожиданно его тон сделался резким: — Эй, Пламмер, поимей хоть немного уважения!

Музыка остановилась. Все глаза устремились туда, куда смотрел Деннис. Владелец комиксов, небрежно положивший ладонь на бедро Джин, поспешно отдернул руку. Осталось только не совсем ясным, была ли Джин настолько пьяна, чтобы ничего не заметить. Так или иначе, атмосфера в кубрике слегка изменилась. Секунду-две все стояли, как воды в рот набрав.

Тогда вперед выступила Фрэнсис.

— Да. Пошли, Джин. — Казалось, будто во Фрэнсис вдохнули новую жизнь. — Вставай. Пора возвращаться.

— Ну вот, все удовольствие испортила. — Джин, едва не свалившись на пол, соскользнула с гамака, послала матросику воздушный поцелуй и позволила Фрэнсис взять себя за руку. — Пока, парни. Спасибо за чудный вечер. — Волосы упали ей на лицо, скрыв блаженную улыбку. — Утром буду танцевать. — Она неуклюже задрала ногу, и Фрэнсис, наклонившись вперед, поспешно одернула ей юбку.

Маргарет кивнула сидевшим за столом мужчинам и направилась к

двери, ей вдруг стало неловко, словно она только сейчас поняла, чем могло быть чревато их поведение.

Деннис, похоже, сразу смекнул, в чем дело.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Это все выпивка. Мы ничего плохого не имели в виду.

— Ничего плохого и не произошло, — сдержанно улыбнулась Маргарет.

Деннис протянул ей руку:

— Приходите еще. — Он подошел поближе и прошептал: — А то меня уже тошнит от них. — (Она сразу поняла, что он пытается сказать, и почувствовала безграничную благодарность к этом парню.) — И вообще, я с удовольствием сыграл бы партейку-другую, — добавил он.

— Не сомневаюсь, что мы еще вернемся, — ответила она, наблюдая за тем, как Фрэнсис выволакивает Джин из кубрика.

Эвис не спала и прекрасно слышала, как они осторожно проскользнули внутрь, волоча под руки хихикающую и пыхтящую Джин.

По дороге им встретились еще две девушки. Заговорщицки ухмыльнувшись, они исчезли за темным порогом своих кают. Маргарет, правда, везде чудились призрачные контролеры. У нее горели уши, поскольку каждую секунду она была готова услышать: «Эй! Вы там! Какого черта вы делаете?!» Судя по серьезному лицу Фрэнсис, она чувствовала то же самое. Тем временем Джин уже дважды стошнило — слава богу, в офицерском гальюне, оказавшемся пустым в это время суток. Более того, давясь от смеха, она пыталась пересказать им историю, которую только что прочитала:

— Ужасно смешно. Всякий раз, как эта девица пыталась хоть что-то сделать… Хоть что-то. — Она вылупила на них глаза. — С нее слетала вся одежда.

— Уписаться можно! — пробормотала Маргарет.

Она была крепкой девушкой (настоящей «кобылой», как говаривали братья), но ребенок в животе, Джин, оказавшаяся страшно тяжелой, плюс жуткая качка — все это заставляло ее кряхтеть и потеть. Правда, основная масса тела Джин пришлась на Фрэнсис, которая, хватаясь за трубы и перила, с каменным лицом молча волокла ее по коридору.

— Чаще всего исподнее и кое-что другое. Но там были две картинки, где на ней вообще ничегошеньки не было. Ничегошеньки. И ей пришлось воспользоваться руками. — Джин неожиданно вырвалась из их цепких пальцев — она оказалась на удивление сильной для такой худышки — и

прикрыла руками грудь и низ живота, на лице у нее словно было написано: «Ух ты!»

— Ну давай, Джин! — Маргарет осторожно заглянула за угол и увидела, что никаких морских пехотинцев под их дверью, к счастью, нет. — Пошевеливайся! Время поджимает!

Именно в этот момент из темноты вышла женщина.

— Ой, — выдохнула Фрэнсис.

Маргарет почувствовала, что краснеет.

— Дамы, что происходит?

Женщина-офицер чуть ли не бегом направилась к ним, ее объемистая грудь показалась раньше всего остального. Рыжеволосая приземистая тетка из женской вспомогательной службы, она еще днем показывала им, как пройти в прачечную. Было нечто крайне неприятное в ее поспешности, словно она только того и ждала, чтобы поймать их на правонарушении.

— Что происходит? Разве вы не знаете, что невестам запрещено покидать каюты в это время суток?

Маргарет вдруг почувствовала, что у нее язык прилип к горлу.

— Наша подруга больна, — невозмутимо ответила Фрэнсис. — Ей срочно нужно было в туалет, и мы сомневались, что она справится без посторонней помощи.

И точно в подтверждение ее слов, палуба вдруг резко ушла из-под ног, отшвырнув их к стенке. Джин, упав на колени, выругалась и срыгнула.

— Морская болезнь?

— Ужасная, — поддакнула Маргарет, поднимая Джин.

— Ну, я не уверена…

— Я медсестра, — перебила ее Фрэнсис.

Надо же, и откуда что взялось?! — подумала Маргарет. Сколько властности в ее тоненьком, тихом голосе.

— И я решила, что будет гораздо гигиеничнее, если ее стошнит подальше от коек. Там у нас еще одна больная. — Фрэнсис показала на дверь.

Женщина строго посмотрела на Джин, которая стояла, бессильно опустив голову.

— А вы уверены, что это всего-навсего морская болезнь?

— О да, — ответила Фрэнсис. — Я ее осмотрела. В остальном с ней все в порядке.

Но выражение лица настырной тетки оставалось недоверчивым.

— Я уже сталкивалась с подобным, — заявила Фрэнсис. — Когда служила в плавучем госпитале «Ариадна». — Сделав ударение на слове

«служила», она протянула руку: — Сестра Фрэнсис Маккензи.

Похоже, Фрэнсис удалось переиграть противницу, хотя женщину явно продолжало что-то тревожить — Маргарет это отлично видела, — причем не из-за того, что у нее не было уверенности в том, как на самом деле обстояло дело.

— Ну… Хорошо… — наконец процедила она. Не встретив ответного рукопожатия, рука Фрэнсис так и осталась висеть в воздухе. И по тому, с какой легкостью Фрэнсис опустила руку, Маргарет сделала вывод, что той, похоже, не привыкать. Значит, ей уже не раз приходилось сталкиваться с подобным обращением. — Ладно, дамы. Я попросила бы вас вернуться в свою каюту и без необходимости ее не покидать. Разве что в случае экстренной ситуации. Вы ведь в курсе, что мы сегодня остались без часовых, следовательно, необходимо соблюдать комендантский час.

— Уверена, что теперь все будет в порядке, — сказала Фрэнсис.

— Приказ есть приказ, вы должны знать.

— Да, мы знаем, — отозвалась Фрэнсис.

Маргарет собралась было открыть дверь, но Фрэнсис явно ждала, пока уйдет проверяющая.

Ну конечно, подумала Маргарет. Собака.

Женщина сдалась первой. Она направилась дальше, в сторону столовой, бросив на них настороженный взгляд через плечо.

Глава 9

Обходы всех открытых и галерейных палуб, а также орудийных башен проводились достаточно часто, а после наступления темноты через неравномерные промежутки времени. К 11 часам вечера все женщины должны были лежать в кроватях, и дежурная женщина-офицер проверяла, все ли из них на месте… Подобные меры, хоть и не идеальные, оказались оптимальными из всего, что удалось разработать. Они были направлены на то, чтобы сдерживать проявления неподобающего поведения и препятствовать переходу вечеринок с участием женщин на стадию логического завершения.

Капитан Джон Кэмпбелл Эннесли

Нил Маккарт. Авианосец «Викториес»

Седьмой день плавания

Звук сигнальной трубы, усиленный громкоговорителями, эхом разнесся по палубе В. Несколько мужчин, находившихся палубой ниже, поморщились, а один даже зажал уши руками. Их заторможенные, неловкие движения служили неопровержимым доказательством участия в восьми ночных вечеринках в узком кругу, по непроверенным данным проведенных в предыдущие дни. Примерно пятнадцать человек выстроились возле офиса командира корабля, одиннадцать из них ждали разбирательства по поводу изложенных в рапорте правонарушений, остальные — проступков, совершенных во время последней увольнительной на берег. В обычных условиях такие дисциплинарные мероприятия проводились через день-два после выхода корабля из порта, не позже, но — с учетом экстраординарного характера груза — необычно высокий уровень правонарушений свидетельствовал о том, что несение службы в штатном режиме на борту авианосца «Виктория» до какой-то степени еще не налажено.

Старшина корабельной полиции стоял перед одним из молодых матросов, которого с двух сторон поддерживали под руки два прыщавых приятеля. Толстым коротким пальцем старшина взял нарушителя порядка за подбородок и нахмурился, уловив явственный запах перегара.

— Уж не знаю, что бы сказала тебе твоя матушка, мой увядший цветочек, если бы увидела тебя в таком состоянии, но у меня есть неплохая идея. — Он повернулся к поддерживавшим его парням: — Это ваш кореш?

— Сэр.

— Как он сумел так набраться?

Парни, которые были примерно в той же кондиции, уставились себе под ноги:

— Не можем знать, сэр.

— Скотч со льдом, да? А не просто скотч?

— Не можем знать, сэр.

— «Не можем знать, сэр», — передразнил старшина, пригвоздив их хорошо отрепетированным гневным взглядом. — Да откуда уж вам знать!

Морской пехотинец Генри Найкол попятился к стене. Стоявший рядом с ним молодой маляр нервно мял разбитыми в кровь руками бескозырку. Тяжело дыша, он пытался сохранить выправку, несмотря на легкую качку. Они уже прошли самую опасную часть Великой Австралийской бухты, но расслабляться было еще рано.

— Сомс, да?

Парень, что помоложе, обреченно кивнул:

— Сэр.

— Найкол, в чем он обвиняется?

— В ссорах, нарушении порядка. И в пьянстве.

— Непохоже на тебя, Сомс.

— Нет, сэр.

Старшина покачал головой:

— Ты так и будешь за него говорить, Найкол?

— Да, сэр.

— Тогда постарайся потом хоть немного поспать. Сегодня ночью тебе снова заступать на вахту. А вид у тебя неважнецкий. — Он кивнул Сомсу. — Сомс, это не дело. В следующий раз постарайся работать головой, а не кулаками.

Старшина корабельной полиции перешел к следующему провинившемуся — дисциплинарное правонарушение, наркотики, алкоголь, — и Сомс бессильно сполз по стенке.

— Вы все за это ответите, — заявил старшина корабельной полиции. — Причем перед капитаном, а не перед старпомом, а капитан сегодня не в лучшем настроении.

— Меня накажут, да? — простонал Сомс.

При других обстоятельствах Найкол, возможно, попытался бы его разуверить, успокоить, внушить капельку оптимизма. Но поскольку он так и не вынул руку из кармана, в котором лежало письмо, у него не оставалось ни сил, ни желания поднимать кому-либо настроение. Он уже

несколько дней не решался распечатать письмо, догадываясь о его содержании и страшась убедиться в своей правоте. И вот теперь, через семь дней после того, как они покинули Сидней, он уже знал.

Будто оттого, что он знал, ему стало легче!

— У тебя все будет в порядке, — сказал он.

Дорогой Генри!

Я немного разочарована, но нисколько не удивлена, не получив о тебя ответа. Еще раз хочу сказать, что мне очень жаль. Я не хотела делать тебе больно. Но ты так давно не давал о себе знать, а мне действительно очень нравится Антон. И он хороший человек, добрый человек, который очень внимателен ко мне…

Нет, это я отнюдь не в упрек тебе. Я понимаю, что мы были ужасно молоды, когда поженились, и, возможно, если бы не война… И тем не менее мы оба прекрасно знаем, что вся наша жизнь состоит из таких вот «если бы»…

Он прочел первый абзац и подумал, что, как это ни парадоксально, насколько легче было жить, когда письма подвергались цензуре.

Прошло не меньше двадцати минут, прежде чем неприятная процедура подошла к концу. Они помедлили у дверей капитанского офиса, затем Найкол провел молодого человека внутрь, и они отдали честь. Командир корабля Хайфилд, что-то записывавший в толстый журнал, сидел за письменным столом между капитаном морской пехоты и незнакомым лейтенантом.

Найкол слегка подтолкнул Сомса локтем.

— Бескозырка, — прошипел он, держа свой черный берет перед собой.

Сомс поспешно стянул головной убор.

Офицер, сидевший рядом с капитаном, зачитал обвинение: парень сцепился с другим маляром в кубрике. А еще он употреблял алкоголь, количество которого значительно превышало «пять капель», входящих в дневной рацион рядового состава.

— И как мы будем отвечать на обвинение? — продолжая писать, спросил командир корабля. У него был крупный элегантный почерк, немного не вязавшийся с его короткими толстыми пальцами.

— Виноват, сэр, — произнес Сомс.

Да, я виновата. И я слабая. Но, положа руку на сердце, если учесть, что за эти четыре года от тебя не было ни слуху ни духу, я вполне могла считать себя вдовой. Я три года пролежала без сна, молясь о твоем благополучном возвращении. Я каждый день говорила о тебе с детьми, даже тогда, когда мне казалось, будто ты нас забыл. А вернувшись, ты

стал совсем чужим.

Наконец Хайфилд поднял глаза. Внимательно посмотрел на мальчишку и обратился к морпеху:

— Найкол, да?

— Сэр.

— Что вы можете сказать о характере этого молодого человека?

Найкол прочистил горло и собрался с мыслями:

— Он с нами чуть больше года, сэр. Маляр. За все это время вел себя образцово. Спокойный, трудолюбивый. — Найкол сделал паузу. — Хороший характер.

— Итак, Сомс, в свете столь блестящей характеристики, что превратило тебя в драчливого идиота? — (Парень виновато опустил голову.) — Смотри на меня, когда разговариваешь со старшим по званию.

— Сэр. — Сомс густо покраснел. — Это все моя девушка, сэр. Она… она должна была проводить меня в Сиднее. Мы с ней какое-то время гуляли. А она… Она оказалась среди тех, кто сейчас на палубе С, сэр.

Когда появился Антон и начал уделять мне внимание, это не означало, что он заменил мне тебя, Генри. Некого было заменять.

— ...И он начал насмехаться надо мной… Ну а за ним и другие. Говорили, что я, типа, не могу удержать женщину. Вы ведь знаете, как это бывает в кубрике, сэр. Так вот они меня, типа, достали. Ну, я, похоже, и рассвирепел.

— Ты, похоже, рассвирепел.

Дети души в нем не чают. Ты всегда останешься для них отцом, и они это знают, но они обязательно полюбят Америку, где для них открываются самые широкие возможности, о которых нельзя было и мечтать в старой сонной деревушке в Норфолке.

— Да, сэр. — Сомс кашлянул в ладонь. — Мне очень жаль, сэр.

— Тебе очень жаль, — сказал командир корабля. — Итак, Найкол, ты утверждаешь, что до этого момента он был хорошим парнем, да?

— Да, сэр.

Хайфилд отложил ручку и потер ладони. Голос его был ледяным.

— Вы все знаете, что я не одобряю драки на моем корабле. Особенно пьяные драки. Более того, мне крайне неприятно обнаруживать, что на моем корабле без моего ведома проводятся светские мероприятия, причем с употреблением горячительных напитков.

— Сэр.

— Тебе все понятно? Я не люблю сюрпризов, Сомс.

И вот тут, дорогой, я должна сообщить нечто крайне для тебя

неприятное. Я пишу тебе так срочно, потому что ношу под сердцем ребенка Антона, и мы с нетерпением ждем твоего согласия на развод, с тем чтобы мы с ним могли пожениться и воспитывать ребенка вместе.

— Ты позоришь флот.

— Да, сэр.

— И за это утро ты уже пятый человек, который обвиняется в злоупотреблении алкоголем. Ты это знал? — (Парень промолчал.) — Очень странно, если учесть, что на корабле, кроме вашей недельной нормы, по идее, не должно быть спиртного.

— Сэр. — Найкол откашлялся.

Капитан продолжал исподлобья смотреть на мальчишку:

— Я учту твои прежние заслуги, Сомс, и считай, что тебе повезло получить в заступники человека с безупречной репутацией.

— Сэр.

— Так вот, ты еще очень легко отделался. Пока только штрафом. Но я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу одну вещь — можешь передать своим друзьям и тем, кто ждет в коридоре. Почти ничего не ускользает от моего внимания на этом корабле. Почти ничего. И если ты думаешь, что я не знаю о посиделках, проходящих в то время, когда команду корабля и его женский груз должны разделять не только стены, но и треклятые коридоры, то ты глубоко заблуждаешься.

— Я не хотел, сэр. Я не нарочно.

Я не хотела, чтобы все так обернулось. Но пожалуйста, Генри, не дай этому ребенку стать незаконнорожденным. Я тебя заклинаю. Да, я понимаю, что причинила тебе ужасную боль, но, умоляю, не надо срывать свою обиду на невинном младенце.

— Ты не хотел, — пробормотал Хайфилд и начал что-то быстро писать. — Ты не нарочно. Вы все не нарочно. — (В комнате вдруг стало тихо.) — Два фунта. И чтоб я тебя здесь больше не видел.

— Сэр.

— Налево кругом, шагом марш!

Матрос и морпех отдали честь и вышли из капитанской каюты.

— Два чертовых фунта, — снова нахлобучив бескозырку, сказал Сомс, когда они прошли мимо длинной очереди из нарушителей. — Два чертовых фунта, — пробормотал он одному из своих корешей. — Этот Хайфилд, чертов несчастный ублюдок.

— Не повезло.

Распаляемый обидой на такую несправедливость, Сомс ускорил шаг:

— Не понимаю, с чего это он вдруг прикопался ко мне. Все нудил и

нудил. Я даже слова не сказал треклятым английским невестам. По крайней мере, не больше чем одной из них, черт бы ее побрал! Не то что этот чертов Тимс. Он каждый вечер водит в свой кубрик девчонок. Джексон мне все рассказал.

— Лучше держись от них подальше, — произнес Найкол.

— Что? — Сомс повернулся к Найколу, почувствовав едва сдерживаемое напряжение в его голосе. — С тобой все в порядке?

— У меня все прекрасно, — вынув руку из кармана, ответил Найкол.

Пожалуйста, напиши мне письмо или отправь телеграмму, когда сможешь. Я счастлива, что могу оставить тебе дом и остальное. По мере возможности я старалась содержать все в порядке. Не хочу еще больше осложнять тебе жизнь. Единственное, чего я хочу, — это чтобы ты меня отпустил.

Твоя Фэй

— Да, прекрасно, — повторил Найкол, размашисто шагая по коридору. — Прекрасно.

Дисциплинарное судебное разбирательство закончилось сразу после одиннадцати утра. Командир корабля Хайфилд положил ручку и жестом предложил Добсону, пришедшему несколькими минутами ранее, и капитану морской пехоты присаживаться. Стюарда послали за чаем.

— Плохо дело, — сказал Хайфилд, откинувшись на спинку кресла. — Мы всего неделю в море, а вы только посмотрите, что творится!

Капитан морской пехоты промолчал. Морские пехотинцы были дисциплинированными ребятами и никогда не пили на борту. Как правило, их привлекали для того, чтобы охарактеризовать того или иного моряка, или когда трения между моряками и морскими пехотинцами начинали переходить допустимые границы.

— Это создает напряженную обстановку на борту. И алкоголь. Когда еще мы имели столько случаев правонарушений на море по пьяной лавочке?!

Добсон и капитан морской пехоты сокрушенно покачали головой.

— Капитан, мы обыщем шкафчики. Постараемся вовремя потушить пожар, — заявил Добсон.

Из иллюминатора за их спиной открывался вид на ярко-синее небо и безмятежное море. Такая картина не могла не успокаивать, вселяя в сердце оптимизм. Но Хайфилда она отнюдь не радовала: все утро нога ныла и пульсировала, словно постоянно напоминая о его неудаче.

Утром, когда капитан одевался, он старался не смотреть на ногу — ее

цвет вызывал беспокойство. Едва заметный багровый оттенок кожи говорил не о появлении здоровых тканей, а о том, что в ноге явно протекают нехорошие процессы. Если бы Бертрам, штатный судовой хирург, был на борту, капитан мог бы попросить его осмотреть ногу. Бертрам бы понял. Но Бертрам опоздал на корабль в Сиднее, и теперь ему предстоит предстать перед трибуналом, а его место занял чертов придурок Даксбери.

Упершись локтями в колени, Добсон наклонился вперед:

— Согласно докладам женщин-офицеров, они почти уверены, что по ночам происходит некое движение. Только прошлой ночью одной из них пришлось вмешаться в ситуацию, возникшую на палубе В.

— Драка?

Обменявшись понимающими взглядами, Добсон и капитан морской пехоты посмотрели на Хайфилда.

— Нет, сэр. Хм… Физический контакт между невестой и матросом.

— Физический контакт?

— Да, сэр. Он держал ее за… корму.

Хайфилд подозревал, что такое может случиться, предупреждал начальство. И все же ему будто дали под дых. Сама мысль о том, что, пока он тут сидит, подобные вещи творятся на борту его корабля…

— Я знал, что это непременно случится, — произнес он, заметив, к своему удивлению, что его собеседников сей факт встревожил гораздо меньше. И действительно, у Добсона был такой вид, словно он с трудом сдерживал улыбку. — Придется выставить дополнительные караулы из морских пехотинцев на ангарной палубе и у кубриков матросов и кочегаров.

— При всем уважении, сэр, — перебил его капитан морской пехоты, — мои парни и так дежурят по скользящему графику семь дней в неделю, и это помимо выполнения других задач. Я не могу заставить их прыгнуть выше головы. Вы сами видели, какой замученный вид у Найкола, и он не один такой.

— А так ли необходимо выставлять караул у дверей кубриков? — спросил Добсон. — Охрана из числа морских пехотинцев у кают невест плюс регулярные обходы блюстителей нравственности из женской вспомогательной службы — этого, безусловно, должно быть достаточно.

— Нет, совершенно очевидно, что недостаточно. Разве не так? Решительно нет, если нам уже сейчас приходится разгонять любовные вечеринки и тому подобное… Послушайте, мы лишь неделю назад покинули порт. И если пустим все на самотек, то один Бог знает, чем все

может закончиться. — Перед его мысленным взором пронеслись жуткие картины совокупляющихся на мучном складе парочек, он представил себе багровые лица разъяренных мужей и представителей адмиралтейства.

— Ой да ладно вам, сэр! Я бы сказал, что просто надо учесть это на будущее.

— Что именно?

— Конечно, поначалу небольшие сбои непременно будут, особенно с учетом большого числа новых членов команды, но ничего такого, с чем мы не могли бы справиться. И вообще, после истории с «Индомитеблом» это, наверное, даже и к лучшему. Поскольку означает, что наши моряки потихоньку оклемываются.

До сих пор, возможно из соображений дипломатичности или нежелания бередить раны капитана Хайфилда, никто не заводил речь о потопленном корабле — по крайней мере, в контексте морального духа моряков. При упоминании названия корабля у Хайфилда окаменело лицо. Вероятно, чисто рефлекторно. Но скорее всего, из-за личности говорившего.

Тем временем Добсон, собравшись с мыслями, вкрадчиво произнес:

— Капитан, если не возражаете, можете возложить на нас дисциплинарные вопросы. Будет очень печально, сэр, если несколько шумных вечеринок подпортят вам ваш последний поход.

Язвительная речь Добсона, его уверенная, даже развязная манера держаться однозначно свидетельствовали о том, что думают о Хайфилде его моряки, хотя и не решаются произнести это вслух. Раньше Добсон в жизни не осмелился бы говорить подобным тоном со своим капитаном. Командир корабля был настолько ошеломлен таким плохо замаскированным нарушением субординации, что потерял дар речи. И когда стюард принес чай, он даже не сразу это заметил.

— Сэр, — начал капитан морской пехоты, который оказался несколько дипломатичнее Добсона, — полагаю, все возникшие за прошлую неделю проблемы были связаны с погодными условиями в бухте. Мне кажется, что как наши моряки, так и женщины воспользовались отсутствием проверяющих, для того чтобы повысить уровень… хм… взаимодействия. Еще несколько дней — и женщины потихоньку угомонятся, а экипаж привыкнет к их присутствию на борту. Я надеюсь, все образуется.

Хайфилд, терзаемый подозрениями, испытующе посмотрел на капитана морской пехоты. Но, в отличие от Добсона, морской пехотинец явно не хитрил и не лукавил.

— Значит, вы предлагаете пока оставить все как есть, да?

— Точно так, сэр.

— Согласен, сэр, — сказал Добсон. — Не буди лихо, пока оно тихо.

Демонстративно проигнорировав его, Хайфилд закрыл журнал и повернулся к капитану морской пехоты:

— Очень хорошо. Будем действовать осторожно. Но я хочу знать буквально каждый шаг, словом, абсолютно все, что происходит после десяти вечера. Расшевелите проверяющих — заставьте их протереть глаза и навострить уши. И если я замечу хотя бы намек на недостойное поведение — учтите, хотя бы намек, — то попрошу, не жалея сил, изничтожить это в самом зачатке. Не желаю, чтобы наш корабль обвинили в снижении военно-морских стандартов. По крайней мере, не под моим командованием.

Дорогая Дина!

Надеюсь, что ты, мама и папа поживаете хорошо. Не знаю, когда мне удастся отправить это письмо, но я все же рискнула написать, чтобы рассказать тебе о нашем морском путешествии. Оно потрясающее. Я часто думаю о том, как бы тебе здесь понравилось, а еще о том, в каких удивительных условиях оказалась. Надо же, а я еще сомневалась!

У меня появились три изумительные новые подруги: Маргарет, ее отец владеет большим поместьем неподалеку от Сиднея; Фрэнсис, она безумно элегантная и как медсестра творит настоящие чудеса; и Джин. Они намного интереснее наших прежних знакомых. А еще тут есть одна девушка, которая взяла с собой целых пятнадцать пар туфель! Слава богу, что я успела до отъезда пройтись по магазинам. Ведь так приятно щеголять в обновках, да?

Меня разместили в самой большой части корабля, неподалеку от капитанского мостика и походной каюты капитана. Нам сказали, что как только мы достигнем Гибралтара, то пассажиров пригласят на коктейль, а еще на корабль вроде бы сядут несколько губернаторов, так что я уже жду не дождусь.

Персонал из кожи вон лезет, желая нам угодить. Чтобы девушки не скучали, каждый день придумывают новое развлечение: рукоделие, танцы, самые последние фильмы. Сегодня днем я собираюсь посмотреть «Национальный бархат». Не уверена, что этот фильм уже дошел до Мельбурна, но, когда дойдет, советую, обязательно сходи на него. Девушки, которые его уже видели, говорят, что Элизабет Тейлор бесподобна. Моряки просто душки, всегда готовы услужить и балуют нас разными съедобными пустячками. И, Дина, за такую еду можно жизнь отдать. Будто они тут слыхом не слыхивали о продовольственных нормах. Тем более об этом противном яичном порошке, который мы все

ненавидели! Поэтому можешь передать папе с мамой, что нет ни малейших поводов для беспокойства.

В дальнем конце корабля имеется прекрасно оборудованный парикмахерский салон. Быть может, когда закончу письмо, наведаюсь туда. Попробую предложить им свои услуги! Как ты, наверное, помнишь, миссис Джонсон всегда говорила, что никто не умеет укладывать волосы лучше меня! Как только приеду в Лондон, сразу же постараюсь найти приличный салон. Конечно, я непременно напишу тебе про Лондон. Я рассчитываю еще до приезда туда получить весточку от Иэна относительно его планов провести каникулы в Лондоне.

Как я уже писала, надеюсь, что вы все поживаете хорошо, и, пожалуйста, поделись радостными новостями обо мне с нашими старыми друзьями. Ой, совсем забыла: когда ты получишь это письмо, твой сольный концерт уже состоится. Надеюсь, он пройдет хорошо. Напишу еще, когда появится свободная минутка!

Твоя любящая сестра Эвис

Эвис сидела в буфетной на полетной палубе и смотрела в забрызганный соленой водой иллюминатор на кружившихся вокруг корабля чаек и на бездонное синее небо. За те полчаса, что ушли у нее на написание письма, она уже сама успела поверить в изложенную ею версию своего морского путешествия. Причем до такой степени, что почувствовала глубочайшее разочарование, когда, подписавшись, обнаружила, что сидит в ржавом протекающем ангаре и кругом не гости на коктейле или чудесные новые подруги, а поцарапанные носы самолетов на палубе, какие-то непонятные парни в грязных комбинезонах, морская вода и соль, запахи подгоревшей еды, машинного масла и ржавчины.

— Эвис, чашечку чая? — Над ней, практически положив на деревянный стол свой огромный живот, склонилась Маргарет. — Пойду налью. Кто знает, а вдруг чай успокоит твой желудок.

— Нет, спасибо. — Эвис сглотнула, представив себе вкус чая.

И на нее тотчас же накатила волна тошноты, словно в подтверждение того, что, отказавшись, она поступила совершенно правильно. Она так и не сумела привыкнуть к вездесущему запаху авиационного топлива, который ее повсюду преследовал, прилипал к одежде, попадал в нос. И сколько бы она ни прыскалась духами, ей все равно казалось, будто от нее пахнет, как от механика из машинного отделения.

— Ты должна хоть немного поесть.

— Выпью стакан воды. Может быть, крекер, если у них найдется.

— Бедная ты бедная. Гляжу, тебе хуже всех приходится.

На полу виднелись три большие лужи. В них отражался падающий из иллюминатора свет.

— Уверена, это скоро пройдет. — Эвис постаралась беззаботно улыбнуться. Ведь в жизни нет таких невзгод, которые нельзя было бы преодолеть с помощью милой улыбки, — так говорила ее мама.

— У меня тоже такое было на раннем сроке. — Маргарет похлопала себя по животу. — Даже подсушенный тост не могла в себе удержать. И чувствовала себя ужасно несчастной. Даже странно, что меня не укачивает, как вас с Джин.

— Мы можем поговорить о чем-нибудь другом?

— Не вопрос. Прости, Эв. Пойду принесу чая.

Эв. Если бы ей не было так плохо, она непременно одернула бы Маргарет. Нет ничего хуже, чем уменьшительно-ласкательные имена. Но Маргарет уже поковыляла к прилавку, оставив ее наедине с Фрэнсис, тем самым еще больше испортив Эвис настроение.

За последние несколько дней Эвис поняла, что во Фрэнсис есть нечто очень странное. Нечто такое, что донельзя смущало Эвис. Слишком уж она замкнутая, и даже когда сидела молча, то возникало неприятное ощущение, будто она тебя оценивает. Конечно, Фрэнсис могла быть очень любезной: она приносила Эвис таблетки от тошноты, проверяла, нет ли у нее обезвоживания, но при этом ее манера поведения была крайне сдержанной, словно она, Фрэнсис, находила в Эвис нечто такое, что напрочь отбивало желание сблизиться. Будто Фрэнсис какая-то особенная!

Маргарет рассказала, что Фрэнсис получила отказ, когда предложила помочь в лазарете. Эвис даже позволила себе позлорадствовать, мысленно гадая, чем это, интересно, Фрэнсис не устроила военно-морской флот, но тут же подумала, насколько было бы легче, если бы Фрэнсис, с ее постным лицом и неумением поддержать беседу, не отсвечивала бы весь день в каюте. Эвис обвела взглядом другие столы. Сидевшие за ними девушки беззаботно болтали, будто знали друг друга миллион лет. Они уже успели сформировать свой круг, недоступные для посторонних небольшие тесные группы. Эвис, разглядывая одну особенно жизнерадостную компанию, боролась с желанием подойти к ним, сказать, что она случайно оказалась за одним столом со странной суровой девицей. Но это, конечно, было бы слишком грубо.

— Какие у тебя планы на сегодня?

Фрэнсис изучала последний выпуск «Ежедневных судовых новостей». Она подняла глаза, и на лице ее появилось такое настороженное выражение, что Эвис захотелось крикнуть: «Знаешь, я ведь просто так

спрашиваю, без всякой задней мысли!» Светло-рыжие волосы Фрэнсис были убраны в тугой узел. Будь на ее месте кто-нибудь другой, Эвис предложила бы ей сделать что-то более кокетливое. Если бы Фрэнсис добавить хоть немного красок, то она была бы прехорошенькой.

— Нет, — ответила Фрэнсис. И когда молчание стало совсем неприличным, добавила: — Собиралась просто посидеть немного здесь.

— Ну… Похоже, погода налаживается. Да?

— Да.

— Мне показалось, что сегодняшняя лекция была уж слишком занудной, — сказала Эвис. Она ненавидела неловкие паузы в разговоре.

— О?

— Нормирование и все такое! — фыркнула Эвис. — Честно говоря, когда мы доберемся до Англии, я вообще сведу готовку до минимума.

У них за спиной компания девчушек с шумом отодвинула стулья и, не прекращая оживленно щебетать, встала из-за стола.

Эвис с Фрэнсис проводили их взглядом.

— Ты уже закончила свое письмо? — поинтересовалась Фрэнсис.

Эвис накрыла рукой бювар, словно Фрэнсис могла увидеть его содержимое.

— Да. — Ответ прозвучал резче, чем ей хотелось бы. Сделав над собой усилие, она немного расслабилась. — Это сестре.

— О…

— Утром я написала еще два. Иэну и школьной подруге. Она дочь Маккилленсов. — (Фрэнсис непонимающе покачала головой.) — Они очень богатые люди. Я ни разу не написала Анжеле с тех пор, как уехала из Мельбурна… Правда, даже и не представляю, когда мы сможем отправить письма. И когда я получу хотя бы одно письмо от Иэна. — Она принялась изучать ногти. — Надеюсь, что это случится на Цейлоне. Мне говорили, что почту могут доставить прямо на борт.

Она мечтала о толстой связке писем от Иэна, что ждала ее в каком-нибудь раскаленном от тропической жары почтовом отделении. Она перевяжет письма красной ленточкой и будет в одиночестве читать их по одному, смакуя, как коробку шоколадных конфет.

— Так странно, — сказала она, скорее себе, — что мы, поженившись, столько времени не общались. — Она пальцем начертила на конверте имя Иэна. — Иногда все кажется немножко нереальным. Словно мне не верится, что я вышла замуж за этого человека и теперь плыву в никуда. Когда не можешь с ним поговорить, нелегко верить в реальность происходящего.

Прошло пять недель и четыре дня со времени его последнего письма. И первого, что она получила, уже будучи замужней дамой.

— Я пытаюсь представить себе, о чем он сейчас думает, ведь самое плохое в невозможности вовремя получать письма — это то, что все чувства за время пути успели измениться. То, что могло расстраивать его, уже в прошлом. А закаты, которые он описывает, далеко позади. Я даже не знаю, где он сейчас. Остается только надеяться, что на расстоянии наши чувства не угасли. Мне кажется, это и есть наша проверка на верность. — Ее голос стал совсем тихим, задумчивым. Она вдруг поняла, что на несколько минут забыла о тошноте. И слегка оживилась. — А ты как думаешь?

Но выражение лица Фрэнсис, вдруг ставшего похожим на маску, неуловимо изменилось: сделалось замкнутым и безразличным.

— Полагаю, что так, — проронила Фрэнсис.

И Эвис поняла, что если бы она, Эвис, сказала, будто небо позеленело, то получила бы такой же ответ. Девушка неожиданно почувствовала себя не в своей тарелке, словно ее попытка установить более доверительные отношения была демонстративно отвергнута. Эвис так и подмывало сказать что-нибудь по сему поводу, но тут к столу вернулась Маргарет с чайным подносом в руках. Ее кружка оказалась доверху наполненной ванильным мороженым. Уже третья порция с тех пор, как они сели за стол.

— Девчонки, послушайте, что я вам расскажу. Старушке Джин точно понравится. Они собираются проводить церемонию перехода через экватор. Оказывается, это старая морская традиция, и на полетной палубе будет масса развлечений. Так говорил парень, который разливает чай.

Эвис тут же забыла об обиде на Фрэнсис.

— И что, надо наряжаться? — непроизвольно поправила прическу Эвис.

— Без понятия. Тут я не в курсе. Они потом вывесят информацию на доске для объявлений. Но будет весело. Ну, что будем делать?

— Хм. Я пас. Только не с моей морской болезнью.

— Фрэнсис? — Маргарет, измазав кончик носа, лизнула шарик мороженого.

— Не знаю.

— Ай да брось! — воскликнула Маргарет. Когда она опустилась на стул, тот протестующе заскрипел. — Отведи душу, подруга. Дай себе волю!

Фрэнсис неуверенно улыбнулась, показав мелкие белые зубы. А она, оказывается, красавица, неожиданно поняла Эвис.

— Поживем — увидим, — сказала Фрэнсис.

Фрэнсис думала, что возненавидит мужчину под дверью их каюты. В первую ночь, что он стоял на часах в коридоре, она не сомкнула глаз, ощущая присутствие незнакомого человека. Свою наготу, свою беззащитность. И тот факт, что он, по крайней мере в теории, имел над ней власть. Она остро чувствовала каждое его движение, каждый шаг, каждый скрип и шорох, каждый звук его голоса, когда он тихо приветствовал или инструктировал проходивших по коридору. И потом, лежа на своей койке, она размышляла о том, почему так переживает по сему поводу: его присутствие подчеркивало тот непреложный факт, что они здесь просто груз, партия товара, которую необходимо безопасно переправить с одного конца света на другой, в основном от отцов к мужьям, от одних мужчин — к другим.

Эта чеканная поступь, эта выправка, этот карабин говорили о том, что женщин не только лишили свободы, посадили в заключение, но и охраняли, защищая от неких неведомых сил, находящихся палубой ниже. Иногда, когда она начинала нервничать из-за множества людей поблизости, обилия незнакомых мужчин, которых поневоле сплотила изоляция от внешнего мира, она была даже рада, что он стоял на посту у них под дверью. Однако гораздо чаще она ненавидела его за то, что он заставлял ее чувствовать себя вещью, чьей-то собственностью, нуждающейся в охране.

Впрочем, остальные девушки старались не вдаваться в столь сложные философские материи. По правде говоря, они вообще его не замечали. Для них, как и для многих на борту, он был вроде мебели, человеком, которому говорили «добрый вечер» и мимо которого можно было протащить собаку или пробраться самим, чтобы на цыпочках спуститься туда, где проходила очередная вечеринка. Совсем как сегодня. Маргарет с Джин собирались на партию в покер с Деннисом. Заговорщицки перешептываясь, они укладывали волосы, возились с чулками и туфлями, а также — в случае Джин — одалживали чужую косметику. Было около девяти вечера, словом, еще не так поздно, чтобы, соблюдая комендантский час, загнать их в каюту, но — поскольку время ужина давно прошло — достаточно поздно для того, чтобы, если их перемещения будут обнаружены, поинтересоваться на законных основаниях, куда это они направляются.

— Фрэнсис, уверена, что не хочешь с нами пойти? — (Они уже были на нескольких вечеринках, и во время по крайней мере одной Джин удалось остаться трезвой. Фрэнсис покачала головой.) — Ты не должна вести себя

точно монашка. — Маргарет зашнуровала вторую туфлю. — Господи боже мой, я уверена, что твой старик не стал бы возражать против того, чтобы ты чуть-чуть развлеклась в хорошей компании.

— Мы никому не скажем, — поддакнула Джин, надувая губы, чтобы подкрасить их помадой.

Маргарет посадила собаку на колени.

— Знаешь, если будешь все вечера сидеть здесь, то непременно трехнешься.

— А когда мы прибудем в Плимут, им придется надеть на тебя смирительную рубашку, — покрутила пальцем у виска Джин. — Решат, что у тебя шарики за ролики заехали.

— Я все же рискну, — улыбнулась Фрэнсис.

— Эвис?

— Нет, спасибо. Я лучше отдохну. — Тошнота у нее снова усилилась, и она — бледная и вялая — лежала на койке с книгой в руках, периодически опуская ее. — Если постараешься держать подальше от меня свою собаку, я буду тебе крайне признательна. От ее запаха меня еще больше мутит.

Они не ожидали увидеть под дверью морского пехотинца. Прошлым вечером его не было, и на сей раз они не слышали тяжелых шагов, сигнализировавших о его появлении. Джин, а за ней и Маргарет замерли на пороге.

— Ой… А мы вот собрались подышать свежим воздухом, — сказала Маргарет, поспешно закрывая за собой дверь.

— К одиннадцати вернемся, — добавила Джин.

— Или типа того.

Услышав мужской голос и взволнованный шепот подруг, Фрэнсис, которая встала, чтобы снять с вешалки халат, замешкалась возле двери.

— Если я правильно понимаю вашу любовь к свежему воздуху, то посоветовал бы держаться подальше от «чумазой бригады», — произнес он так тихо, что девушки засомневались, правильно ли расслышали его слова. Фрэнсис, взяв халат, приникла к двери. — Кубрика кочегаров. Сегодня там будет облава, — объяснил он.

— О… Хорошо, — сказала Маргарет. — Ну ладно. Спасибо.

Фрэнсис услышала их удаляющиеся шаги и тихое покашливание морпеха. Они наверняка не произнесут ни слова, пока не завернут за угол возле пожарного шланга. А там, вне его поля зрения, зайдутся истерическим смехом и, на секунду обнявшись и воровато оглянувшись назад, направятся в сторону кубрика кочегаров.

Эвис не спала. Жаль, подумала Фрэнсис, так было бы гораздо легче.

Зажатые в тесной каюте, они старались молча обходить друг друга. Затем Эвис все же легла, повернувшись лицом к стене, а Фрэнсис принялась смущенно перелистывать журнал, уповая на то, что со стороны ее неожиданный интерес к чтению выглядит вполне естественно.

Они не так часто проводили время только вдвоем. Маргарет была легкой в общении, незатейливой и простодушной, о чем свидетельствовала ее готовность улыбаться. Джин казалась менее предсказуемой, но и без камня за пазухой — словом, что на уме, то и на языке. Она открыто выражала как недовольство, так и бурный восторг, хотя это не всем приходилось по вкусу.

А вот Эвис, как догадывалась Фрэнсис, считала ее тяжелым человеком. Мало того что между ними не было ничего общего, даже манера ее поведения, ее характер явно раздражали Эвис. Эвис может проявить открытую враждебность: Фрэнсис по опыту знала, на что способны такие девицы. Для самоутверждения им просто необходимо смотреть на кого-то сверху вниз. Но в их тесной — десять на восемь футов — каюте не было места для открытого проявления чувств. И в результате из дипломатических соображений каждой из них приходилось замыкаться в собственном мучительном мирке. Фрэнсис будет время от времени справляться, как себя чувствует Эвис и не надо ли ей чем-нибудь помочь, а Эвис в свою очередь спросит, не мешает ли Фрэнсис свет, и до конца вечера каждая из них станет из вежливости притворяться, будто она считает, что другая уже давно спит.

Фрэнсис легла обратно на койку. Снова взяла журнал, но поймала себя на том, что по несколько раз перечитывает один и тот же абзац. Попыталась сосредоточиться и в результате обнаружила, что уже читала этот журнал. В конце концов она уставилась на сплетение прогнувшихся ремней над головой.

Собака под шерстяной кофтой Маргарет едва слышно поскуливала во сне. Фрэнсис опустила глаза, чтобы проверить, достаточно ли в собачьей миске воды.

Где-то наверху послышался глухой звук удара, затем сдавленный смех.

За дверью морпех что-то сказал тому, кто проходил мимо. Время, словно резиновое, тянулось до бесконечности.

Фрэнсис вздохнула. Очень тихо, чтобы не услышала Эвис. Маргарет права. Если она проведет еще один вечер в каюте, то непременно сойдет с ума.

Он повернулся на звук отворившейся двери.

— Хочу немного размять ноги, — сказала она.

— Строго говоря, мэм, вы не должны покидать каюту в такое время.

Она не протестовала и не упрашивала его, а просто стояла и ждала, и он не выдержал и кивнул:

— Кубрик кочегаров?

— Нет, — не поднимая глаз, улыбнулась она. — Нет. Это не для меня.

Она решительно прошла по коридору, спиной чувствуя его взгляд. Ей казалось, что сейчас он ее остановит, скажет, что передумал, что скоро наступит комендантский час, и велит оставаться в каюте. Но он промолчал.

Оказавшись вне пределов его досягаемости, она поднялась по трапу рядом с кинозалом, кивнула каким-то двум девушкам, шедшим рука об руку и посторонившимся, чтобы дать ей пройти. Опустив голову, она поспешно прошла мимо кают, мимо рядов прикрепленных к стене ремнями жестяных ящиков, в бездонных недрах которых хранились спасательные жилеты, оружие, боеприпасы, на каждом из них масляной краской были написаны инструкции: «Держать сухим», «Не использовать после 11.1947», «Не курить». Она поднялась по ведущему к капитанской походной каюте трапу, перешагивая сразу через две ступеньки и пригибая голову, чтобы не удариться о металлические распорки.

Оказавшись возле двери, оглянулась, нет ли кого вокруг, открыла ее и вылезла на полетную палубу. И резко остановилась, потрясенная темно-синим морем и бескрайним небом над головой.

Фрэнсис немного постояла, полной грудью вдыхая прохладный свежий воздух, чувствуя, как стягивает кожу на лице легкий бриз, ощущая плавное движение корабля. Там, внизу, из-за постоянной вибрации двигателей ей казалось, что она находится в желудке гигантского доисторического животного: оно тряслось и дрожало, злобно пыхтя и рыча от натуги. А здесь она слышала лишь тихое урчание мифического зверя, что послушно нес ее вперед по безбрежным океанским просторам.

Фрэнсис оглядела пустынную палубу, посещение которой было строго запрещено после темноты. Ее окружали призрачные силуэты самолетов, местами освещенных лунным светом, они напоминали собравшихся на игровой площадке детей. В них было нечто безумно притягательное, задранные вверх носы словно нюхали небо. Она медленно прошла между самолетами, позволив себе погладить блестящий металл, прохладный и немного влажный на ощупь. Наконец она уселась под обтекаемым брюхом железной птицы. Оказавшись в столь выгодной позиции, она обняла себя за колени и принялась смотреть на мириады звезд, на хвосты белого дыма, отмечавшего курс корабля, на то место, где темно-синий океан сходился с

чернильным небом. И Фрэнсис Маккензи закрыла глаза и, содрогнувшись всем телом, позволила себе облегченно вздохнуть — наверное, впервые со времени посадки.

Просидев так минут двадцать, она неожиданно увидела командира корабля. Он вышел из той же двери, что и она. О его статусе говорила и кокарда на белой фуражке, и его неестественно прямая осанка. Она буквально отпрянула от ужаса и постаралась спрятаться в тени самолета, ожидая в любую минуту услышать гневный окрик: «Эй! Вы!», за которым последует позорное разоблачение. Она следила за тем, как он осторожно, стараясь не хлопать, закрывает за собой дверь. Затем так же воровато, как и она до того, он прошел вперед и, все явственнее прихрамывая, направился в сторону правого борта, в ту часть палубы, которая не просматривалась с мостика. Потом остановился возле большого самолета — капитанская форма была хорошо видна в лунном свете — и оперся о распорку крыла. После чего нагнулся и потер ногу.

Он несколько минут стоял, перенеся вес тела на здоровую ногу, и смотрел на море. Потом расправил плечи и зашагал обратно к двери. Хромота его сразу сделалась практически незаметной.

Впоследствии Фрэнсис так и не сумела сформулировать, что такого успокаивающего она нашла для себя в этой короткой сценке. Возможно, дело было в красоте моря, или в ее способности тайком урвать двадцать минут свободы, или в таившемся в хромоте капитана крошечном намеке на человечность, а именно в напоминании о том, что мужчины тоже способны ошибаться, страдать и скрывать боль, но когда она спустилась по трапу, то обнаружила, что ее уже не задевают взгляды идущих навстречу людей, словно ей удалось вернуть себе крупицы былой уверенности.

Конечно, она никогда не попросит у мужчины сигарету. Не позволит втянуть себя в беседу. Никогда не начнет ее первой. Тем не менее ей стало гораздо легче. Небо оказалось таким прекрасным. И было нечто невероятно печальное в выражении лица капитана.

Морпех стоял, прислонившись к стене напротив их двери, между большим и указательным пальцем зажата сигарета, взгляд устремлен куда-то в пол. Волосы упали на лоб, плечи поникли, словно он целиком ушел в свои мысли, причем мысли не самые приятные. Заметив ее приближение, он поспешно убрал сигарету в карман. Ей показалось, что он даже немного покраснел. Уже гораздо позже она вспоминала, что испытала тогда нечто вроде легкого шока: ведь он всегда казался ей скорее не одушевленным существом, а автоматом. Как и все морские пехотинцы. Она и

предположить не могла, что под этой маской есть место таким человеческим эмоциям, как смущение или даже чувство вины.

— Пожалуйста, не стоит беспокоиться, — сказала она. — Только не из-за меня.

— А я и не собираюсь, — пожал он плечами. — Я же на посту.

— И все же.

Он угрюмо поблагодарил ее, стараясь не встречаться с ней глазами.

И по какой-то непонятной даже для нее самой причине она не закрыла за собой дверь каюты, а осталась стоять, накинув на плечи шерстяную кофту, и потом неожиданно для себя попросила у него сигаретку.

— Что-то не хочется идти внутрь, — объяснила она.

Она смущенно топталась возле него, по правде говоря уже жалея о своей опрометчивости.

Он вытащил из пачки сигарету и молча протянул девушке. Затем дал ей прикурить и, прикрывая ладонями пламя, на секунду коснулся ее руки. Фрэнсис сделала отчаянную попытку не дернуться, а потом мысленно спросила себя, не станет ли ей дурно от сигареты и как долго она сможет выдержать. Он явно не желал ни с кем общаться. Уж кто-кто, а она должна была это сразу понять.

— Спасибо, — сказала она. — Только несколько затяжек.

— Не торопитесь.

Она уже во второй раз поймала себя на том, что улыбается, — инстинктивный, примирительный жест. Его ответная улыбка была слишком мимолетной. И вот так они стояли бок о бок у порога каюты, опустив глаза или устремив их в сторону огнетушителя и плаката о необходимости соблюдать правила техники безопасности, пока молчание не стало уже совсем неловким.

Она искоса посмотрела на его рукав:

— Какое у вас звание?

— Капрал.

— Тогда у вас нашивки перевернуты.

— Эти три нашивки за долгую службу.

Она сделала глубокую затяжку. Оказывается, она уже успела выкурить сигарету на треть.

— А я думала, три нашивки означают сержантское звание.

— Не тогда, когда они перевернуты.

— Ничего не понимаю.

— Это за долгую службу. Хорошее поведение[25]. — Он оглядел свой рукав, словно никогда толком не рассматривал нашивки. — За то, что

предотвращал драки и всякое такое. Словом, это такой способ наградить кого-то, кто не стремится к продвижению по службе.

Мимо них по коридору прошли два матроса. Поравнявшись с Фрэнсис, они перевели взгляд с нее на морпеха и обратно. Она подождала, пока не затихнет эхо их шагов по коридору. Минутой позже неожиданно громкий, а потом сразу стихший звук голосов подсказал ей, что дальше по коридору открылась и закрылась дверь каюты.

— А почему вы не хотите повышения?

— Сам не знаю. — Вероятно, поняв, что ответ прозвучал слишком лаконично, он добавил: — Наверное, никогда не видел себя в роли сержанта.

Его лицо внезапно окаменело, а выражение глаз — не то чтобы совсем недружелюбное — говорило о том, что ему тяжело дается пустая болтовня. Однако подобный взгляд был ей хорошо знаком: она и сама точно так же смотрела на других.

На секунду их глаза встретились, и он поспешно отвернулся.

— Возможно, я не хотел брать на себя лишней ответственности, — произнес он.

Именно тогда она и заметила фотографию. Должно быть, он разглядывал снимок до ее появления. Черно-белое фото, размером меньше мужского бумажника, зажатое в его руке.

— Ваши? — кивнула она на фото.

Он поднял руку и посмотрел на снимок такими глазами, точно впервые его видел:

— Да.

— Мальчик и девочка?

— Два мальчика.

Она извинилась, оба смущенно улыбнулись.

— Моего младшего не мешало бы подстричь. — Он протянул ей фото.

Она поднесла снимок к свету и посмотрела на сияющие личики, не зная, что в таких случаях положено говорить.

— Симпатичные.

— Фото сделано восемнадцать месяцев назад. За это время они уже успели подрасти.

Она кивнула, словно он обменялся с ней некой родительской мудростью.

— А у вас?

— Ой, нет… — Она вернула фото. — Нет. — (В коридоре снова стало тихо.) — А вы по ним скучаете?

— Каждый день. — Голос его неожиданно окреп. — Они, наверное, и не помнят, как я выгляжу.

Она не знала, что говорить: она вторглась туда, где вряд ли может помочь выкуренная сигарета или легкая болтовня ни о чем. И внезапно поняла, что, завязав с ним беседу, явно поторопилась и не рассчитала свои силы. Его работа — стоять на часах у дверей каюты. И если она с ним заговорит, он волей-неволей должен будет ответить, чего ему вовсе не хочется.

— Я вас покидаю, — тихо сказала она и добавила: — Спасибо за сигарету.

Она затушила сигарету ногой, затем нагнулась поднять окурок. Но не решалась унести его в каюту. Что с ним делать в такой темноте? Ведь если положить окурок в карман, он может прожечь дыру. Похоже, он не сразу заметил ее затруднительное положение, однако, когда она нерешительно остановилась у двери, снова повернулся к ней.

— Кладите сюда. — Он протянул руку ладонью вверх. Это была ладонь настоящего моряка, заскорузлая от соленой воды и мозолистая от тяжелой работы.

Она покачала головой, но он не спешил убрать руку. Тогда она положила ему на ладонь окурок и, покраснев, прошептала:

— Простите.

— Нет проблем.

— Спокойной ночи.

Она открыла дверь, скользнула в темноту каюты и тут неожиданно услышала его голос. Голос звучал достаточно спокойно, чтобы подтвердить правильность ее выводов, но в то же время достаточно непринужденно, чтобы показать: нет, он и не думает обижаться. Достаточно непринужденно, чтобы угадать намек на возможность продолжения отношений.

— Кстати, чья это собака? — спросил он.

Глава 10

Плавание оказалось сущим кошмаром. Из-за постоянных инцидентов на борту оно длилось восемь недель. У нас было одно убийство, одно самоубийство, одно помешательство, когда офицер ВВС сошел с ума, и т. д. И все это на фоне того, что члены команды открыто пренебрегали своими служебными обязанностями, поскольку были заняты тем, что гонялись за «невестами», а затем фактически у всех на глазах кувыркались с ними, вступая в сексуальный контакт. С этой целью они использовали любое доступное пространство, а одна парочка даже облюбовала себе «воронье гнездо»[26].

Из архива покойного Ричарда Лоури, конструктора кораблей

Шестнадцатый день плавания

Первая радиограмма «НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ» пришла на шестнадцатый день плавания. Радиограмма поступила в радиорубку после восьми утра, сразу после долгосрочных прогнозов погоды. Радист обратил внимание на ее содержание. И тут же отнес ее капитану, который ел в своей каюте овсянку с тостом. Капитан прочел радиограмму и вызвал капеллана, который, в свою очередь, пригласил соответствующего офицера из женской вспомогательной службы, и все трое принялись разглагольствовать по поводу того, что известно о характере упомянутой невесты и насколько спокойно — или нет — она может воспринять подобную новость.

Предмет обсуждения, миссис Миллисент Ньюком (урожденная Самптер), вызвали в капитанский офис в десять тридцать утра — они решили не портить девушке завтрак, поскольку все только-только успели оправиться от морской болезни. Она пришла очень бледная, полная уверенности в том, что ее мужа — пилота палубного истребителя «сифайр» — сбили, что он пропал без вести, а возможно, погиб. Ее отчаяние было настолько велико, что никто из троих не осмелился с ходу открыть ей правду. Они неловко топтались вокруг, пока она всхлипывала в носовой платочек. Наконец капитан Хайфилд решил взять быка за рога и звучным голосом произнес, что он очень сожалеет, но все несколько не так. На самом деле совсем не так. И протянул ей радиограмму.

Уже потом он рассказывал стюарду, что она страшно побледнела,

причем гораздо сильнее, чем тогда, когда решила, что муж погиб. Она несколько раз спросила, не думают ли они, будто это розыгрыш, но, услышав в ответ, что подобные радиограммы обязательно проверяют на достоверность и потом заверяют, рухнула на стул, вглядываясь в написанные на бумаге слова, словно не могла вникнуть в их смысл.

— Это все его мать. Я знала, что она постарается от меня отделаться. Я знала, — сказала она и, пока они молча стояли вокруг нее, продолжила: — Я купила две пары новых туфель. Истратила все свои сбережения. Чтобы было в чем сойти на берег. Думала, ему приятно будет увидеть меня в красивых туфлях.

— Уверен, что туфли действительно красивые, — растерянно пробормотал капеллан.

Затем она обвела комнату душераздирающим взглядом и прошептала:

— Даже не представляю, что мне теперь делать.

С помощью женщины из вспомогательной службы капитан Хайфилд уже отправил радиограмму родителям девушки и связался с Лондоном, который посоветовал высадить ее на Цейлоне, где представитель правительства Австралии возьмет на себя организацию отправки бывшей невесты домой. Радист должен передать соответствующую информацию ее родителям или другим членам семьи. Девушка покинет корабль только тогда, когда они убедятся в том, что все необходимые меры для встречи на родине приняты. Все процедуры были прописаны в недавно присланном из Лондона циркуляре, который лежал наготове на случай экстренной отправки домой жен военнослужащих.

— Мне очень жаль, — грустно улыбнулась она, когда все приготовления были сделаны, она уже успела взять себя в руки и чуть-чуть расправить худенькие плечики. — Я имею в виду, что доставила вам столько хлопот. Мне очень жаль.

— Ничего страшного, миссис… хм… Миллисент.

Женщина-офицер, положив девушке руку на плечо, помогла ей подняться. Трудно сказать, о чем именно свидетельствовал этот жест: то ли о желании приободрить бедняжку, то ли о стремлении поскорее выпроводить из капитанского офиса.

Когда девушка покинула офис, несколько секунд все сидели молча, словно перед лицом такой душевной опустошенности никто не знал, что говорить. У Хайфилда, у которого в ушах до сих пор стоял несчастный голос обманутой невесты, неожиданно разболелась голова.

— Я свяжусь с Красным Крестом на Цейлоне, сэр, — тем временем заявил капеллан. — Постараюсь найти кого-нибудь, кто сможет с ней там

немножко побыть. Чуть-чуть поддержать ее.

— Это было бы замечательно, — отозвался Хайфилд. Он машинально что-то чирикал в лежавшем перед ним блокноте. — Полагаю, нам следует также связаться с начальством этого пилота, чтобы узнать, не имеется ли у него каких-то смягчающих обстоятельств. Добсон, можете взять это на себя?

— Да, сэр, — ответил Добсон, который столкнулся с Миллисент на пороге. Сейчас он насвистывал какую-то игривую мелодию, что безумно раздражало Хайфилда.

Хайфилд спрашивал себя, не слишком ли быстро он выпроводил девушку и не пригласить ли ее через офицера женской вспомогательной службы сюда на обед. После такого унижения обед за столом капитана, возможно, немного ее утешит. Хотя он плохо разбирается в подобных вещах.

— С ней все будет в порядке, — заметил Добсон.

— Что? — переспросил Хайфилд.

— Перед тем как покинуть Цейлон, она, скорее всего, найдет себе другого идиота. Такая-то красотка! — ухмыльнулся он. — Не думаю, что эти австралийки уж шибко разборчивы, если есть хоть какой-то шанс найти кого-нибудь, кто сможет увезти их со старой доброй овечьей фермы. — (Хайфилд хранил ледяное молчание.) — К тому же, капитан, баба с возу, кобыле легче, — расхохотался Добсон, явно довольный своей шуткой. — Немного везения — и к тому времени, как доберемся до Плимута, успеем скинуть за борт всех до единой.

Стоявший в углу Ренник встретился с капитаном глазами и тихонько вышел из комнаты.

До этой точки на карте мира, насколько было известно невестам, оставалось все меньше морских миль, а тем временем «Виктория» уже стала их собственным миром, существовавшим совершенно независимо от жизни на суше. Рутина корабля сделалась рутиной всех этих женщин, а мужчины, что ежедневно драили палубу, красили трубы или сваривали швы, — ее неотъемлемой частью. Границы этого нового мира простирались от офиса капитана на одном конце корабля до военторговского магазинчика на другом (поставщика губной помады, стирального порошка, бумаги для письма и прочих необходимых вещей, что продавались не по карточкам), от полетной палубы, откуда открывался вид на бескрайние синие просторы, до самых недр, с их трюмными помпами, пирамидами с оружием и двигателями в машинных отделениях.

Одни женщины писали письма и посещали богослужения, другие ходили на лекции и в кино, гуляли по продуваемой всеми ветрами палубе, иногда играли в бинго. С учетом того, что едой их обеспечивали, а быт был регламентирован строгими правилами, им не требовалось принимать практически никаких решений. Оказавшись на своем плавучем острове, они сделались пассивными, подчинились новому ритму жизни: их по-прежнему окружал безбрежный океан, разве что климат понемногу изменился да закаты стали более красочными. И тут со всей неотвратимостью на них навалился страх перед неизвестностью. Они страшились думать о конечном пункте своего назначения, примерно так же, как беременные женщины боятся представлять себе сами роды.

Однако оглядываться назад было еще тяжелее.

И естественно, в такой застойной атмосфере новости о «НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ» распространялись со скоростью вирусной инфекции. И коллективное настроение, несколько улучшившееся после того, как морская болезнь немного отступила, резко испортилось, сделавшись удрученным. Буквально во всех разговорах за столом сквозила озабоченность. В судовой лазарет валом повалили девушки с приступами головной боли и учащенного сердцебиения. Резко увеличилось число запросов по поводу времени поступления следующей партии писем. По крайней мере одна невеста призналась на исповеди в том, что подумывает изменить свое решение, будто, озвучив эту мысль и услышав от капеллана заверения в обратном, она рассчитывала отвести от себя удар судьбы.

Всего четыре коротких слова на клочке бумаги вернули их с небес на грешную землю, бесцеремонно продемонстрировав им реальное положение дел. Проинформировали их, что они не хозяева своей судьбы и что другие — невидимые пока — силы уже сейчас определяют, какими будут те месяцы и годы, что ждут их впереди. Напомнили им, что многие вышли замуж слишком поспешно и что, несмотря на их горячие чувства, на все принесенные жертвы, им остается только ждать, словно агнцам на заклание, когда их мужья пожалеют о своем решении.

Несмотря на это, а возможно, именно благодаря этому, в день прибытия бога морей Нептуна со свитой на корабле царила в лучшем случае лихорадочная атмосфера, а в худшем — совершенно безумная.

После ланча Маргарет потащила подруг на полетную палубу. Но Эвис сказала, что предпочитает остаться в каюте, дескать, она слишком слаба, чтобы развлекаться. Фрэнсис заявила своим обычным спокойным холодным тоном, что подобные вещи, как ей кажется, не для нее. Маргарет, от внимания которой не ускользнули натянутые отношения

между попутчицами и которую к тому же несколько выбила из колеи утренняя встреча в туалете с рыдающей девушкой, уверенной в том — совершенно безосновательно, — будто она тоже скоро получит радиограмму с отказом, твердо решила, что им всем сейчас не помешает немного развеяться.

Ее мотивы были, если честно, не совсем бескорыстны: ей надоело терпеть резкую смену настроений попутчиц и служить между ними буфером, и вообще она уже была больше не в силах выдержать очередной день бесцельного блуждания между столовой и замкнутым пространством каюты.

Ну, по крайней мере, Джин в уговорах не нуждалась.

Когда они вышли на залитую солнцем полетную палубу — в обычное время пустынную, если не считать чинно восседающих чаек, заблудившихся невест да отдельных моряков, драивших ее, разбившись на пары, — то увидели бурлящую толпу. Люди рассаживались вокруг только что сооруженного брезентового бассейна, их оживленные голоса перекрывали шум двигателей. Маргарет даже не сразу заметила висевший над бассейном стул, что был спущен на грузовой стреле.

— Боже ты мой! Надеюсь, они не заставят нас туда сесть! — воскликнула она.

— Ну, для тебя точно понадобится портальный кран, — заметила Джин, которая, не обращая внимания на ругань и сердитые взгляды, вовсю работала локтями, чтобы протиснуться вперед. — Ну, давайте же, девчонки! Здесь полно места. Поберегись! Беременная дама идет!

Теперь, когда все более-менее расселись, Маргарет заметила, что толпа довольно пестрая. Впервые за все время, что они находились на борту, мужчины формально не были отделены от женщин. Офицеры, в своих белых кителях, все же стояли чуть поодаль. Жара на палубе создавала праздничную, игривую атмосферу. Маргарет отметила голые руки и ноги женщин, привлекавшие откровенные взгляды мужчин.

Неподалеку от нее еще одна беременная женщина в шляпе от солнца искала, куда бы присесть, от жары ее бледная кожа пошла красными пятнами. Женщина понимающе посмотрела на Маргарет и скривилась в сочувственной улыбке. За ее спиной какой-то мужчина в комбинезоне предлагал хохочущей девушке бумажный стаканчик, и Маргарет с некоторой долей зависти вспомнила, как Джо угощал ее лимонадом на местной ярмарке во время одного из первых свиданий.

Она опустилась на палубу — Джин услужливо освободила ей место, — стараясь усесться на жесткой поверхности так, чтобы потом не болели все

кости. Минутой позже ей пришлось неуклюже пригнуться, поскольку один из матросов пронес прямо над головами женщин здоровенный ящик, который передал усатому механику, знакомому Маргарет по посиделкам в кубрике Денниса.

— Это вам, миссис, — сказал он. — Присаживайтесь.

— Очень любезно с вашей стороны, — смущенно ответила она, в глубине души ей было неприятно сознавать, что они делают скидку на ее положение.

— Не стоит благодарности, — ответил он. — Мы тут тянули жребий, но никому неохота поднимать вас потом на ноги.

Если учесть, что Маргарет, с ее острым языком, в долгу не осталась бы, механику еще крупно повезло, что в этот самый момент на палубе появился Нептун в парике из расплетенной веревки, лицо выкрашено в ядовито-зеленый цвет. Его окружали не менее причудливо одетые личности, которых представили так: царица Амфитрита (очень волосатая), придворные Врач, Дантист и Цирюльник и царский Ребенок (явно переросток), со слюнявчиком из салфетки, он был щедро обмазан машинным маслом. Затем под приветственные крики зрителей появилась банда раздетых по пояс мужчин в сопровождении рыжеволосого трубача, вероятно стража. Их просто представили как Медведей.

— Эй, вот это да! Эй! Поборись со мной, приятель! — Лицо Джин раскраснелось от волнения. — Ты только посмотри на него! Он силен как бык!

— Ох, Джин, — вздохнула Эвис.

Она по-прежнему сидела с изнемогающим видом, хотя ей явно было гораздо лучше. А иначе стала бы она битых двадцать минут укладывать волосы, несмотря на отсутствие нормального зеркала и лака для волос. А затем так обильно душиться, что Мод Гонн потом целых полчаса не могла прочихаться. И вообще, оказавшись в смешанной компании, Эвис сразу повеселела.

— Посмотрите, да здесь же все звания! — радостно воскликнула она, вытягивая шею, чтобы лучше видеть. — Вы только взгляните на нашивки! А я-то думала, что будет только кучка жутких старых инженеров.

Маргарет и Фрэнсис многозначительно переглянулись.

— И жены жутких старых механиков? — сухо спросила Маргарет, но Эвис ее не слушала.

— Ох, зря я не надела голубое платье в цветочек, — произнесла она, ни к кому собственно не обращаясь, и критически оглядела свою хлопковую юбку. — Оно гораздо наряднее.

— Ты в порядке? — кивнув на живот Маргарет, поинтересовалась Фрэнсис. Несмотря на шляпу с мягкими полями, Фрэнсис чувствовала себя не в своей тарелке.

— Отлично, — ответила Маргарет.

— Может, принести попить или еще чего?

— Нет, — отмахнулась Маргарет.

— Мне нетрудно догулять до буфетной, — сказала Фрэнсис, которой явно не терпелось уйти.

— Ой, да кончай суетиться, — бросила Эвис, поправляя подол. — Если ей что-нибудь понадобится, она скажет.

— Спасибо, обойдусь как-нибудь без посторонней помощи. У меня все прекрасно, — повернулась Маргарет к Фрэнсис. — Господи боже мой, я ведь не лежачая больная.

— Я просто подумала…

— Много думать вредно. Я вполне способна сама о себе позаботиться. — Маргарет опустила голову, пытаясь справиться с приступом раздражения.

При этих словах Фрэнсис внезапно окаменела, и Маргарет почему-то вспомнила о Летти.

— Слушайте все, слушайте все! — Нептун поднял блеснувший на солнце трезубец.

Шум внезапно стих, превратившись в сдавленное хихиканье, потом по толпе прокатился шепот, словно легкий ветерок по кукурузному полю. Нептун, довольный, что ему удалось завладеть вниманием женщин, поднял вверх бумажный свиток.

Вы, дамы, хоть и под британскою защитой,

Но моряки чинят вам притесненья и обиды,

И оскорбленьям их не счесть числа,

Однако царь морской Нептун отплатит им сполна.

Матрос, кэп, кочегар — Нептуну все равно,

Ведь суд на корабле вершить ему дано.

Кто другу пожалел наполнить кружку брагой,

Матроса кто презрительно назвал салагой, —

Братва, что ж, с вами будет долгий разговор,

Нептуна все услышат строгий приговор.

— Да уж, точно не Вордсворт, — фыркнула Эвис.
— Кто-кто? — переспросила Джин.
Теперь матросы, кэпы, кочегары, салажата,

Сжав зубы, будут драться, дьяволята,

Чтоб звание морского волка заслужить

И радость ту на дне стакана утопить.

Матрос, морпех и кочегар — залейте грогом трубы,

Ведь к дьяволу морскому вы попадете в зубы.

И вам, о дамы дорогие, отдаю на суд,

Кого на пьяный стул Нептун посадит тут.

Наконец после громкого улюлюканья и чего-то вроде небольшой потасовки был вызван первый «салага»: молодой матросик, который отчаянно щурился. Его очки, как почетный приз, торжественно несли за ним. Его вина, очевидно, состояла в том, что он только во второй раз пересекал экватор, но первый раз еще во время войны, поэтому он никак не ознаменовался и матросу его не засчитали. Когда женщины стонами выразили свое одобрение, матросу предъявили обвинение в том, что он «отказался признать территорию, принадлежащую Нептуну», затем стражник поставил его на колени, и Дантист наполнил ему рот чем-то вроде мыльной пены, отчего парень стал давиться и кашлять. Его водрузили на стул и по мановению трезубца Нептуна погрузили в бассейн под одобрительные крики женщин.

— Не слишком-то благородно, да? — вытянув шею, чтобы лучше видеть, спросила Эвис.

В эту минуту Медведи принялись прочесывать толпу в поисках женщин с артистическими задатками. Невесты, в свою очередь, с готовностью поднимали визг и прижимались друг к другу, клялись —

громко и без особой нужды, — что будут защищать друг друга. Все это выглядело настолько мелодраматично, что у Маргарет от удивления глаза полезли на лоб. А вот Фрэнсис сидела как изваяние. Мужчины ее настолько не интересовали, что Маргарет в очередной раз задалась вопросом, как это Фрэнсис вообще удалось выскочить замуж.

Один из Медведей остановился прямо возле них. Его грудь еще оставалась мокрой после очередной атаки, лицо было устрашающе зеленого цвета, на шее висели бусы из ракушек. Наклонившись, он вглядывался в лица женщин:

— Ну и где там наши грешницы и злодейки, а? Кто из вас заслуживает хорошего наказания?

Но ответом ему был дружный визг невест, расступившихся перед ним, словно воды Красного моря перед Моисеем.

Посторонились все, кроме Фрэнсис. Он остановился перед ней, их взгляды скрестились, он первый отвел глаза, поняв, что здесь ему не светит, и повернулся к Маргарет. Та собралась было с улыбкой сказать, что они не затащат ее на этот чертов стул, но он уже театрально развернулся, точно злодей из пантомимы, к довольной публике.

— Похоже, придется искать другую жертву, — сказал он, махнув рукой в сторону Маргарет. — Потому что, по законам Нептуна, никто не имеет права обидеть кита.

Невесты кругом так и полегли со смеху. Маргарет, которая собралась было срезать наглеца остроумным ответом, вдруг поняла, что потеряла дар речи от возмущения. Над ней жестоко посмеялись. Словно ее беременность могла быть предметом для шуток!

— Да пошел ты! — грубо сказала она.

Но смех вокруг стал только громче.

Медведь отправился на поиски другой жертвы, а у Маргарет от обиды слезы навернулись на глаза. Фрэнсис ничего ей не сказала, только сдвинула шляпу пониже на лоб, а руки сложила на коленях.

— Придурок чертов, — пробормотала Маргарет и уже громче повторила: — Придурок чертов. — Она явно надеялась, что, выплеснув эмоции, сразу почувствует себя лучше.

Солнце палило нещадно, у нее буквально горели щеки и нос. Вперед вывели еще несколько матросов, приговорив их к такому же наказанию. Одни из них извивались и грязно ругались, других вообще приходилось тащить волоком после неудачной попытки спрятаться в различных частях корабля. Все кругом буквально валялись от смеха.

Маргарет завидовала шляпе Фрэнсис. Она поерзала на своем ящике,

поднесла руку ко лбу и продолжила следить за представлением, злоключения других заставили ее потихоньку забыть о собственном унижении.

— Ты уже раньше плавала на кораблях. Скажи, это всегда так? — обратилась она к Фрэнсис, успевшей надеть очки от солнца. Похоже, ей была непереносима сама атмосфера праздника.

Фрэнсис выдавила слабую улыбку, и Маргарет неожиданно стало совестно за то, что она так грубо обошлась с подругой.

— Даже и не знаю, — прошептала Фрэнсис. — Я в это время была слишком занята работой.

Неожиданно внимание девушки привлекло что-то справа от нее.

— А кому ты киваешь? — поинтересовалась Маргарет.

— Там наш морпех, — ответила Фрэнсис.

— Разве? — Маргарет, прищурившись, разглядывала стоявшего неподалеку темноволосого мужчину.

Она толком никогда не смотрела ему в лицо, поскольку всегда шла, согнувшись над корзинкой с собакой.

— Вид у него такой, что краше в гроб кладут. Интересно, почему ему не положено днем спать, если он всю ночь стоял на часах?

Фрэнсис не ответила. Морпех их заметил, и она снова потупилась.

— Он тебе кивает, — жизнерадостно махнув рукой, заметила Маргарет. — Смотри! Разве ты не собираешься ему ответить?!

Но Фрэнсис, похоже, ее не слышала.

— Эй, смотрите туда! Ну и дела! Они взяли одного из офицеров.

— Не просто офицера, а старшего офицера! — ахнула Эвис. — Представляете, и очень высокого звания. Ой, боже ты мой! — Она прикрыла ладошкой кривую улыбку, словно считала, что благовоспитанной девушке не пристало так откровенно радоваться.

Офицера — отчаянно ругавшегося и брызгавшего слюной — пронесли мимо капитана и привязали к стулу. Затем Медведи стащили с него рубашку и под одобрительный визг женщин обмазали жиром, а лицо — чем-то вроде разведенного толокна.

Офицер пару раз изогнулся, словно взывая к кому-то стоявшему за его спиной, но ему на голову уже налили сироп, а макушку посыпали перьями. С каждым новым унижением шум вокруг становился сильнее, даже кружившие над палубой чайки не выдержали и пронзительно закричали. И невольно начинало казаться, будто эти женщины, понимающие, что не властны над своей судьбой, получали странное, близкое к катарсису удовольствие, определяя участь других.

— В воду! В воду! В воду! — бесновалась толпа, мужские голоса звучали в унисон с женскими.

Маргарет уже успела забыть о своем унижении. Она ухмылялась и вопила во все горло, все это напоминало ей о шумной жизни в отчем доме, о том, как они с братьями в детстве запихивали друг другу в рот коровий навоз и валяли друг друга в грязи.

Внезапно кто-то легонько постучал по ее плечу. Фрэнсис явно пыталась что-то сказать. Разобрать слова в этом шуме было абсолютно невозможно, но девушка жестами дала понять, что уходит. Она сегодня совсем бледная, подумала Маргарет и снова повернулась в сторону незадачливого офицера.

— Ты только посмотри на него! — восторженно визжала Эвис. — Он просто в ярости!

— Извивается, как уж на сковородке, — заметила Джин. — Не думала, что они смогут сотворить эдакое с важной шишкой.

— Ты в порядке… — начала Маргарет, но Фрэнсис уже рядом не было.

Подстрекаемый ревущей толпой, Цирюльник намылил офицеру голову, взял огромные ножницы и обкорнал ему волосы. Затем какой-то весельчак насильно открыл ему рот, и туда влили нечто, что Нептун торжественно назвал лекарством мореплавателя. И пока офицер давился и плевался — лицо его стало совершенно неузнаваемым, — один из Медведей расхаживал вокруг собравшихся женщин, гордо оглашая список ингредиентов: касторка, уксус, мыльная пена и яичный порошок. В уши офицеру воткнули двух дохлых рыб, шею повязали женским шарфом. Затем после обратного отсчета его макнули в воду, а он, дважды вынырнув, излил на окружающих свою ярость.

— Вы, чертово отродье, мне за это дорого заплатите! — пуская пузыри, орал он. — Я выясню ваши имена и доложу вышестоящему начальству!

— Придержи язык, Доббо! — прикрикнула на него царица Амфитрита. — Если не хочешь, чтобы тебе его намылили!

Женщины засмеялись еще громче.

— Поверить не могу, что они специально так сделали, — захлебывалась от восторга Эвис. — А я-то считала, что высших чинов не трогают. — Неожиданно она, совсем как охотничья собака, унюхавшая дичь, сделала стойку. — Ой, боже ты мой! Айрин Картер! — Мгновенно забыв о Нептуне — и о своих спутницах, — она встала и, придерживая рукой волосы, принялась протискиваться сквозь ликующую толпу. — Айрин! Айрин! Это Эвис!

— Как думаешь, он подаст на них рапорт капитану? — вылупив глаза, поинтересовалась Джин, когда шум немного стих и несчастную жертву

отвязали от стула. — Тебе не кажется, что они слегка переборщили, а?

— Понятия не имею, — пожала плечами Маргарет.

Она обшарила глазами палубу в поисках Фрэнсис и неожиданно увидела командира корабля. Он стоял возле острова в окружении каких-то людей. К нему подошел мужчина чуть пониже его ростом, с очень морщинистым лицом и, вытянувшись, зашептал что-то ему на ухо. Конечно, на таком расстоянии что-либо разглядеть было сложно — лицо командира корабля скрывала фуражка, и вообще слишком много народу вокруг, — но она могла поклясться, что он смеялся.

Фрэнсис ей удалось найти только часа через два. Шел «Национальный бархат». Фрэнсис сидела в среднем ряду в пустом кинозале, сдвинув очки от солнца на макушку, и внимательно следила за тем, как Микки Руни напивается в салуне.

Маргарет помешкала в проходе, вглядываясь в темноту, чтобы убедиться, что это действительно Фрэнсис, затем протиснулась к ней.

— Ты в порядке? — усаживаясь рядом, спросила она.

— Все прекрасно.

Маргарет еще ни разу в жизни не встречала человека, настолько лишенного эмоций, как Фрэнсис.

— Ужасно забавная церемония, — заявила Маргарет, поставив ноги на переднее сиденье. — Старшего кока обвинили в приготовлении несъедобной еды. Ему на голову положили дохлого кальмара, а потом заставили есть вчерашние помои. По-моему, как-то несправедливо. Я хочу сказать, что моя стряпня не намного лучше. — При тусклом свете экрана Маргарет увидела слабую улыбку Фрэнсис, свидетельствующую о полном отсутствии интереса. Но Маргарет тем не менее упрямо продолжила: — Джин пошла выпить чая с бравым морячком. Ой, и Эвис тоже ушла. Встретила какую-то давнишнюю подружку, и они слились в объятиях, словно любовники после долгой разлуки. Они даже внешне чем-то похожи: идеальная прическа, толстый слой штукатурки, ну и все такое. Зуб даю, теперь она постарается от нас поскорее отделаться. Кажется, мы ее здорово разочаровали. Хотя, возможно, только я, — поспешно добавила Маргарет. — Ну, ты понимаешь, толстомясая доярка с вонючей собачонкой. Словом, явно не ее поля ягода. — Ребенок толкался в животе. Маргарет заерзала на месте, мысленно отругав его. — Я просто… удивилась, почему ты ушла. Я тут подумала… Ну, в общем, я только хотела проверить, все ли у тебя нормально.

В этот момент Фрэнсис наконец поняла, что досмотреть фильм ей

точно не удастся. Она села чуть свободнее и повернула голову в сторону Маргарет.

— Не люблю толпу, — сказала она.

— Так ты из-за этого?

— Да.

Элизабет Тейлор одним прыжком грациозно села на лошадь, что говорило о невесомости главной героини и о радости такой простой вещи, как движение. Маргарет смотрела на экран и вспоминала мамину норовистую кобылу. Ведь раньше Маргарет ничего не стоило запрыгнуть ей на спину, а затем, бравируя перед братьями своей смелостью, совсем как гимнастка, развернуться лицом к крупу лошади. А если лошадь была постарше и поспокойнее, то Маргарет могла даже сделать стойку на руках у нее на спине.

— Извини, — пробормотала она. — Там, на палубе, я была немного резкой. — (Фрэнсис не отрывала глаз от экрана.) — Я тут поняла… поняла, что беременность не простая штука. Меня словно подменили. И иногда… я ляпаю что-нибудь, не подумав. — Маргарет положила руки на живот, который плавно поднимался от толчков ребенка внутри. — Это все из-за братьев. Я привыкла рубить правду-матку в лицо. И забываю, что меня могут неправильно понять. — (Фрэнсис опустила глаза, экран на миг залило сияние кинематографического солнца. И Маргарет поняла, что Фрэнсис ее внимательно слушает.) — На самом деле, — продолжила она, темнота и отсутствие лишних ушей позволили ей сказать то, что слишком долго камнем лежало на сердце, — я ненавижу свою беременность. Конечно, нехорошо так говорить, но это чистая правда. Мне не нравится быть такой огромной. Не нравится пыхтеть, как старый хрен, поднявшись всего-то на две треклятые ступеньки. Не нравится смотреть на свое пузо, не нравится то, что не могу сделать самую простую треклятую вещь: есть, пить, гулять на солнце, не подумав при этом о ребенке. — Маргарет нервно теребила подол юбки. Ей уже осточертела эта юбка, осточертело день за днем носить одни и те же вещи. До беременности она вообще не знала, что такое юбка. Она рассеянно разгладила мягкую ткань. И продолжила изливать душу: — Понимаешь, как только мы с Джо поженились, он сразу уехал, а я осталась жить с папой и братьями. Словом, я была замужем чисто теоретически, если можно так выразиться. И естественно, не чувствовала себя замужней женщиной. Но я особо не жаловалась. Ведь мы все в одной лодке, так? Ведь у всех мужья где-то далеко. А потом война закончилась. И я обнаружила… Ну, ты понимаешь… — Маргарет опустила глаза. — Вместо того чтобы просто получить разрешение отправиться к

мужу через океан, встретиться с Джо и радоваться тому, что мы наконец вместе, а это именно то, чего мне больше всего хотелось, я теперь должна принимать во внимание будущего ребенка. Никакого тебе медового месяца. Никакой перспективы хоть немного пожить для себя. К тому времени, как он родится, мы с Джо успеем провести вдвоем в общей сложности не больше четырех недель. — Она потерла лицо, радуясь, что Фрэнсис ее не видит. — Ты, возможно, считаешь меня гадкой, раз я говорю подобные вещи. Ты видела столько смертей, болезней и младенцев, что наверняка считаешь, будто я должна быть благодарна судьбе. Но я не могу. Просто не могу. Мне противно думать, что у меня должен проснуться материнский инстинкт, которого я отродясь не чувствовала. — Ее голос сорвался. — А больше всего я ненавижу мысль о том, что, как только он родится, мне уже никогда не бывать свободной.

Глаза у Маргарет наполнились слезами. Она пыталась незаметно от Фрэнсис вытереть мокрые щеки. Нет, это ж надо так разнюниться! Превратиться в глупую плаксивую девчонку. Она высморкалась в мокрый носовой платок. Попыталась устроиться поудобнее и болезненно поморщилась, когда ребенок, видимо в отместку, лягнул ее под ребра. И тут она почувствовала у себя на руке прохладную ладонь.

— Полагаю, этого следовало ожидать, — сказала Фрэнсис. — Что между нами возникнет некоторое напряжение. Я хочу сказать, мы живем в такой тесноте и все такое…

— Я не хотела тебя обидеть. — Маргарет снова высморкалась.

И когда Фрэнсис повернулась к ней, Маргарет неожиданно заметила, какие у той огромные глаза. Фрэнсис тяжело сглотнула, словно то, что она собиралась сказать, требовало от нее определенных усилий.

— А я и не думаю обижаться. — Она буквально на секунду сжала ладонь Маргарет, а затем снова сложила руки на коленях и продолжила смотреть фильм.

Маргарет с Фрэнсис шли обратно к себе в каюту по ангарной палубе. Фильм кончился поздно, и им пришлось обедать не в свою, а во вторую смену. Их просьба перенести часы трапезы вызвала весьма кислую реакцию у женщин-офицеров, неохотно согласившихся пойти на уступки, словно девушки, как выразилась Маргарет, попросили разрешения пообедать нагишом.

— Остывший пирог с солониной вместо теплого. Можно подумать, для этого необходимо наличие международного соглашения!

Фрэнсис улыбнулась уже во второй раз за сегодняшний вечер.

Маргарет заметила, что от улыбки лицо Фрэнсис волшебно преображалось. Его фарфоровая неподвижность, выражение меланхолической отрешенности куда-то исчезали, и перед Маргарет возникала прекрасная незнакомка. Маргарет собралась было пройтись по данному поводу, но не решилась, так как, судя по тому, что она успела узнать о Фрэнсис, та непременно снова замкнется. И вообще Маргарет не слишком любила совать нос в чужие дела.

А Фрэнсис тем временем рассказывала о своей жизни на борту плавучего госпиталя. И пока она ровным спокойным голосом описывала сестринские обходы, ранения одного молодого морского пехотинца, за которым ухаживала неподалеку от Соломоновых островов, Маргарет размышляла о тайнах ее улыбки, затем вспомнила о Летти. О том, как странно помолодело, как удивительно похорошело тетино лицо, когда та на какой-то короткий миг поверила в светлое будущее с Марри Донливи. Маргарет вдруг стало безумно стыдно, и она поспешила отогнать непрошеное воспоминание.

В отличие от предыдущих вечеров, температура понизилась не слишком сильно, и теплый воздух напомнил Маргарет о ласковых летних днях на родной ферме, когда она сидела на переднем крыльце, касаясь босыми ногами нагретых досок и прислушиваясь к размеренным хлопкам, знаменующим бесславный конец очередного кровососущего насекомого от руки одного из братьев. Возможно, Дэниел сидел бы рядом и свежевал бы кроликов карманным ножом.

И тут до нее вдруг дошло, чтó говорит ей Фрэнсис. Маргарет остановилась. Заставила Фрэнсис повторить сказанное.

— Ты уверена? Он знает? — спросила она.

Фрэнсис еще глубже засунула руки в карманы.

— Он именно так и сказал. Спросил, чья она.

— А ты ответила?

— Нет.

— И что ты сказала?

— Ничего.

— Что значит «ничего»?

— Я ничего не сказала. Просто закрыла за собой дверь.

Они прижались к трубам на стене, чтобы пропустить двух идущих навстречу офицеров. Один из них дотронулся до козырька фуражки, и Маргарет вежливо улыбнулась. Подождала, пока они спустятся по трапу, и только потом заговорила снова:

— Он сказал тебе, что ему известно о собаке, а ты даже не

поинтересовалась, собирается ли он о нас доложить, да? Или как давно ему это известно? Неужели вообще ничего не спросила?

— Ну, ведь он пока о нас не доложил, так?

— Но мы не знаем, что он собирается делать! — Маргарет заметила, что у Фрэнсис застыло лицо.

— Я просто… Я не хотела вступать в дискуссии на данную тему.

— А почему нет? — Маргарет не верила своим ушам.

— Не хотела, чтобы у него возникли какие-нибудь фантазии насчет…

— Фантазии? На тему?

Фрэнсис каким-то образом удалось занять одновременно и наступательную, и оборонительную позицию.

— Мне не хотелось, чтобы он вдруг решил, что может воспользоваться собакой как предметом для торга. — (Пауза затянулась. Маргарет озадаченно нахмурилась.) — Все это достаточно серьезно. И я подумала, что он может захотеть получить что-то… взамен. — Фрэнсис явно было неловко, ведь на слух ее логика воспринималась весьма неоднозначно.

— Ну ты даешь, подруга! У тебя на редкость странные представления об отношениях между людьми!

Они наконец подошли к своей каюте. Маргарет пыталась понять, был ли некий тайный смысл в манере морпеха приветственно махать им рукой и не стоит ли самой завести с ним разговор, когда он заступит на дежурство, но ей пришлось переключить внимание на бегущую к ним по коридору девушку. У девушки были темные волосы до плеч, заколотые у висков невидимками, одна из которых расстегнулась и повисла на волосах. Оказавшись возле них, девушка резко остановилась и принялась изучать цифру на двери:

— Вы здесь живете? Это 3G?

— Да, — пожала плечами Маргарет. — Ну и что?

— Вы знаете девушку по имени Джин? — так и не успев толком отдышаться, спросила темноволосая девушка и, получив утвердительный ответ, добавила: — Может, вам стоит спуститься вниз. Присмотреть за вашей подружкой. Не дай бог, если ее увидит начальство. Она, похоже, влипла в историю.

— Где? — спросила Маргарет.

— В машинном отделении. Вниз и налево. Синяя дверь возле огнетушителя. Все, мне пора бежать. С минуты на минуту появятся морпехи. Вам тоже стоит поспешить.

— Я пойду вперед, — заявила Фрэнсис. — У меня быстрее получится. А ты догоняй.

Она скинула туфли, небрежно бросила сумку и кофту под дверью и помчалась вниз по коридору так, что только пятки засверкали.

Если ты в хорошей компании, то никакие трудности тебе не страшны, думала Эвис. После того как она встретила Айрин Картер и была приглашена на чашку чая в кругу ее друзей, а затем на занятия по домоводству — Айрин сшила несколько восхитительных тряпичных мешочков для кухонных мелочей — и, наконец, на ужин, они так много и оживленно разговаривали, что Эвис забыла не только о времени, но и о своей ненависти к этой старой посудине.

Отец Айрин Картер был владельцем крупнейшего теннисного клуба в Мельбурне. Она была замужем за младшим лейтенантом флота, который только что вернулся из Адриатики, сыном (здесь Эвис сделала глубокий вдох) какой-то шишки из Министерства иностранных дел. И она взяла с собой не меньше одиннадцати шляп, на случай если в Англии таких не достать. Айрин Картер была однозначно представительницей того самого круга. И с рвением, которого у Эвис, как она сама подозревала, явно не хватало, Айрис принялась окружать себя девушками исключительно из высшего общества, причем для достижения своей цели она даже устроила обмен койками, в результате которого смуглая девица в очках была переведена в каюту, где она «будет в компании себе подобных». И Айрин отнюдь не было нужды расшифровывать, что она под этим понимает. Эвис, глядя на Айрин и безупречно красивых девушек из ее окружения, прекрасно видела, что все они похожи как две капли воды, причем это касалось не только манеры поведения и стиля одежды, но и взглядов.

— Ты ведь, конечно, знаешь, что случилось с Лолицией Таррант, да? — осторожно взяв Эвис под руку, говорила Айрин, когда они спускались по трапу в главный ангар. Остальные отстали от них на несколько ступенек.

— Нет.

На Айрин были туфли точь-в-точь такие, как мама Эвис видела в парижском журнале. Вероятно, Айрин доставили их самолетом.

— Ты, наверное, помнишь, что она была помолвлена с тем пилотом? С тем, у которого еще… висячие усы? Нет? Ну так вот… он еще и пяти недель не прослужил в Малайе, а она уже закрутила роман с американским солдатом. — Айрин понизила голос. — Ужасный человек. Такой грубый. Ты только представь себе, что он говорил о Мельбурне! Типа «он вдвое меньше самого большого нью-йоркского кладбища, но такой же мертвый». Уф! И повторял это до бесконечности. Тоже мне оригинал выискался!

— И что случилось? — Эвис округлила глаза, представив Лолицию с

этим американцем.

— Слушай дальше. Ее жених вернулся и, как ты понимаешь, не слишком обрадовался, обнаружив, что Лолли повсюду разгуливает с этим янки. Скажем так, американец укрепился не только на Брисбенской линии, но и кое-где еще. Улавливаешь, о чем я?

— Боже мой! — ахнула Эвис.

— И когда отец Лолиции до всего докопался, он тоже не был на седьмом небе от счастья. После тех убийств все как-то остерегались американцев.

Девушки, конечно, помнили о скандале, который разразился, когда рядовой Эдвард Дж. Леонски задушил четырех женщин из Мельбурна. В результате отношение властей и жителей Австралии к американским солдатам резко ухудшилось.

— Но он же не был убийцей…

— Ой, Эвис, какая ты смешная! Нет, конечно. Но он растрепал всем своим друзьям-янки, насколько преуспел с Лолли. Во всех натуралистических подробностях. А его старший офицер все совсем не так понял и отправил отцу Лолли письмо, в котором советовал тому лучше приглядывать за дочерью.

— О господи!

— Репутация Лолли оказалась окончательно испорчена. Жених теперь и знать ее не желает, хотя половина из того, что написал тот офицер, была, конечно, неправдой.

— Ну и как она сейчас?

— Без понятия, — ответила Айрин.

— А мне казалось, вы были подругами, — заметила Эвис.

— После всего, что случилось?! — Айрин слегка скривилась и покачала головой, словно хотела отогнать надоедливое насекомое. В разговоре возникла длинная пауза. — Итак, — продолжила она, — ты собираешься принять участие в конкурсе на звание королевы красоты «Виктории»? К твоему сведению, на следующей неделе они устраивают конкурс «Мисс Самые Красивые Ножки».

И уже на полпути к ангарной палубе они столкнулись с Маргарет, которая стояла, прислонившись к доске объявлений. Одной рукой Маргарет держалась за стенку, словно боялась упасть, а другой — за нижнюю часть своего гигантского живота.

— Ты в порядке? — спросила Эвис.

Она до смерти испугалась, что эта деревенщина начнет рожать прямо у нее на глазах. И тогда ей, Эвис, не удастся остаться в стороне. Придется

поучаствовать. И бог его знает, что может подумать Айрин!

— Просто в боку закололо, — ответила Маргарет сквозь стиснутые зубы.

От облегчения Эвис даже почувствовала слабость в ногах.

— Может быть, тебе помочь добраться до каюты? — вежливо спросила Айрин.

— Нет. — Маргарет перевела взгляд с Эвис на ее подругу. Нос у Маргарет, как заметила Эвис, покраснел от солнца. — Мне надо спуститься вниз. Джин попала в небольшую… историю.

— Она тоже из нашей каюты, — объяснила Эвис.

— Помощь нужна? — поинтересовалась Айрин. Слегка согнув колени, она заглянула в пылающее лицо Маргарет.

— Мне надо немного отдышаться.

— Ну, в таком состоянии ты не сможешь помочь своей подруге! Тем более спуститься по трапу! Мы пойдем с тобой!

Эвис пыталась было возражать:

— Нет… Не уверена, что нам стоит… Я хочу сказать, Джин…

Но Айрин, отпустив Эвис, уже протягивала руку Маргарет.

— Ну что, полегчало? Давай держись за мою руку. У нас будет маленькое приключение.

Вперед, девочки, сказала она. Здесь, на борту, такая скука. Давайте пойдем и спасем терпящую бедствие девицу. А у Эвис в ушах стоял непристойный смех Джин, она снова слышала, как та говорит Маргарет типа «кто про что, а вшивый о бане» и так далее. Она уже видела, как Айрин — ее нить Ариадны на пути в порядочное общество на этом жутком корабле — исчезает, окутанная дымкой холодного неодобрения. Эвис закрыла глаза, продумывая будущие извинения и способы дистанцироваться от этой вульгарной Джин.

Но когда они нашли Джин, та вовсе не смеялась. Она даже не стояла на ногах.

Сначала они увидели даже не ее саму, а только ее ноги, странно высовывающиеся из-за груды канистр в раскаленном машинном отделении, носки ее наполовину сползших туфель нелепо смотрели друг на друга. Спускаясь по трапу, они специально старались говорить тише, а когда подошли поближе, то и вовсе лишились дара речи от представшей их глазам картины. Они могли лицезреть только верхнюю часть тела Джин, но и этого было достаточно, чтобы понять: она вдрабадан пьяна — пьяна настолько, что могла издавать лишь нечленораздельные звуки, ни к кому собственно не обращаясь. Пьяна настолько, что наполовину сидела, а

наполовину лежала, раскинув ноги, на металлическом полу в масляных лужах. Пьяна настолько, что не обращала внимания на расстегнутую блузку, которая уже не скрывала торчащую из спущенного бюстгальтера маленькую белую грудку.

Над ней склонилась Фрэнсис, ее бледное, мрачное лицо сейчас раскраснелось и оживилось, волосы выбились из туго затянутого узла, она словно вырабатывала электричество. Какой-то мужчина, возможно матрос, тоже явно под хорошим градусом, держась за плечо, отшатнулся от Фрэнсис. Ширинка у него была расстегнута, и в ней виднелось нечто фиолетовое, мясистое и крайне непристойное. Пока вновь прибывшие, онемев от ужаса, смотрели на открывшуюся их глазам картину, еще один мужчина вылез из темного угла за спиной Джин и, бросив на них виноватый взгляд, привел в порядок одежду и кинулся наутек. Джин, что-то бормоча, пошевелилась, волосы слипшимися темными прядями упали ей на лицо. И пока все потрясенно молчали, Маргарет опустилась на колени, пытаясь одернуть на Джин юбку, чтобы прикрыть ее бледные бедра.

— Ты, ублюдок! — орала Фрэнсис на матроса.

Только сейчас они увидели, что Фрэнсис держит в худой руке гаечный ключ. Матрос шарахнулся в сторону, но Фрэнсис уже опустила руку, гаечный ключ коснулся его плеча, раздался характерный хруст. Матрос попытался увернуться, но удары сыпались на него градом с безжалостной, маниакальной силой отбойного молотка. Один из них пришелся на голову, и в воздух взметнулся фонтанчик крови.

Они еще не успели толком переварить происходящее, осмыслить для себя его значение и возможные последствия, как в машинное отделение ворвался Деннис Тимс, от его напружинившегося тела повеяло новой угрозой.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил он, в руке у него была зажата сигарета. — Мики сказал… Какого черта?.. Господи Иисусе! — Он наконец увидел и Фрэнсис, и мужика с расстегнутой ширинкой, и сидевшую на полу Джин, которую поддерживала Маргарет. — Господи Иисусе! Господи Иисусе… Томсон, ты грязный… — Он швырнул сигарету на пол и схватил Фрэнсис за руки, а та с искаженным от ярости лицом отчаянно пыталась высвободиться.

— Ты мразь! — орала она. — Поганая мразь!

— Все в порядке, девочка, — сказал Деннис. — Теперь все в порядке. В порядке.

И пока его приятель оттаскивал от нее матроса, он сомкнул мощные руки вокруг плеч Фрэнсис, гаечный ключ беспомощно повис в воздухе.

Приятель Тимса отпустил матроса, который — то ли слишком пьяный, то ли слишком напуганный, чтобы хоть как-то реагировать, — кулем повалился на пол. От шума двигателей, стучавших и гремевших точно литавры, у них заложило уши, но они явственно услышали, с каким тошнотворным, ухающим звуком стукнулась о металл его голова — как будто кто-то уронил на пол арбуз.

Айрин завизжала.

Деннис отпустил Фрэнсис и перевернул матроса на бок, вроде чтобы добавить еще, как им сперва показалось. Но Тимс, бормоча нечто невразумительное себе под нос, просто осматривал рану на голове.

Двое из присутствующих девушек, которые до этого перешептывались между собой, отбежали подальше, закрыв лицо руками.

Эвис всю трясло. Тимс стоял на коленях и орал на матроса, чтобы тот поднимался, поживей поднимался, черт его подери.

Маргарет начала потихоньку оттаскивать Джин в сторону.

Фрэнсис стояла, расставив ноги на ширине плеч, не выпуская из рук бесполезный гаечный ключ, и конвульсивно дергалась. Похоже, она даже не замечала того, что плачет.

— Надо кого-нибудь позвать, — сказала Эвис, обращаясь к Айрин.

Воздух был буквально наэлектризован. Эвис отрывисто дышала, чувствуя выброс адреналина в кровь, хотя и была здесь просто сторонним наблюдателем.

— Я не… Я…

И тут они увидели бежавшую к ним со всех ног женщину-офицера, ее шаги гулко разносились вокруг.

— Что здесь происходит?

Зализанные темные волосы. Внушительная грудь. Она была в двадцати футах от них.

Тимс замер с поднятым кулаком. Один из его дружков что-то прошептал, положив ему руку на плечо, и растворился в темноте. Тимс выпрямился и пригладил коротко стриженные соломенные волосы. Он посмотрел на Маргарет так, будто только сейчас ее заметил, в широко раскрытых глазах читалось невероятное внутреннее напряжение, его рука продолжала рефлекторно двигаться. Он покачал головой, словно хотел что-то сказать, извиниться быть может. Но вот женщина оказалась совсем близко, прямо перед ними, ее взгляд перескакивал с одного лица на другое. От нее, как плохой парфюмерией, несло начальственным духом.

— Что здесь происходит?

Поначалу она не увидела сидящую на полу Джин, которую Маргарет отчаянно пыталась привести в божеский вид. Чулки на коленях у Джин, как заметила Эвис, были вдрызг порваны.

— Да так, просто несчастный случай, — ответил Тимс, вытирая окровавленные руки о штаны. На женщину он старался не смотреть. — Мы как раз все улаживаем. — Он скорее мямлил, нежели говорил.

Женщина перевела взгляд с его окровавленных рук на Эвис, затем — на Маргарет, пристально посмотрев на ее огромный живот.

— А вы, девушки, что здесь делаете?

Она ждала ответа. Но все как воды в рот набрали. Эвис заметила, что Айрин прижала руку с зажатым в пальцах платочком к груди, точно чахоточная героиня какого-нибудь романа. Ее явно покинула обычная самоуверенность, обусловленная высоким социальным положением, и она стояла, растерянно открыв рот.

Когда женщина-офицер повернулась, Тимс уже испарился. Раненый кособоко сидел на полу, подтянув колени к груди.

— Вы в курсе, что за пребывание в мужской зоне положено суровое наказание?

В воздухе запахло грозой. Офицер наклонилась и пристально посмотрела на мужчину, пытаясь оценить его состояние. А затем она увидела Джин.

— Ну и дела! Только, ради бога, не вздумайте говорить, будто это именно то, что я думаю!

— Нет, конечно, — подала голос Маргарет.

Взгляд женщины снова остановился на ее животе.

— Господи боже мой, придется сообщить капитану.

— Зачем?! Мы тут ни при чем. — Эвис с трудом удалось перекричать шум двигателей. — Мы только пришли забрать Джин.

— Эвис! — С трудом выпрямившись, Фрэнсис заслонила собой Джин. — Предоставьте это дело нам. Мы отведем ее обратно в каюту.

— Не могу. Мне велено докладывать о всех вечеринках, о всех случаях употребления спиртных напитков, о всех… нарушениях порядка. Я хочу знать ваши имена.

— Но при чем здесь мы?! — возмутилась Эвис, бросив взгляд на Айрин. — Это ведь Джин опозорила себя!

— Джин?

— Джин Каслфорт, — в отчаянии сказала Эвис. — Мы не имеем к этому никакого отношения. Мы просто узнали, что она попала в беду, и спустились вниз.

— Значит, Джин Каслфорт, — повторила женщина. — А ваше имя?

— Но я вообще не смотрю на других мужчин! И терпеть не могу алкоголь! — воскликнула Эвис.

— Я ведь вам уже сказала, что мы отведем ее домой, — вмешалась в разговор Фрэнсис. — Я медсестра. И за ней присмотрю.

— Надеюсь, вы не думаете, что я могу оставить все просто так?! Полюбуйтесь на нее!

— Она просто…

— Она просто бесстыжая дрянь. Вот так!

— Как вы смеете?! — Когда Фрэнсис расправила плечи, то оказалась на удивление высокой. Черты ее лица заострились. А руки, как заметила Эвис, были сжаты в кулаки. — Да как вы смеете?!

— Вы что, хотите сказать, будто они насильно затащили ее сюда?! — Женщина сморщила нос, почувствовав исходящий от Джин запах алкоголя.

— Почему бы нам всем не…

Фрэнсис повернулась к Эвис, трясясь от ярости:

— Убирайся отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было! И послушайте вы, женщина-офицер, или как вас там, вы не можете доложить о ней, слышите меня? Она не виновата.

— У меня приказ сообщать о всех нарушениях порядка.

— Ей всего шестнадцать лет. Они явно напоили бедняжку и… воспользовались ее состоянием. Ей всего шестнадцать!

— Она достаточно взрослая для того, чтобы отвечать за свои поступки. Она не имела права здесь находиться. Что, впрочем, к вам ко всем относится.

— Они ее напоили! Посмотрите на нее! Она практически без сознания! И вы считаете, что она должна потерять репутацию, а возможно, и мужа только из-за этого?!

— Я не…

— Вы не можете сломать бедной девочке жизнь только из-за того, что она разок напилась! — Фрэнсис уже буквально нависала над женщиной, казалось, она не в состоянии скрыть нечто спрятанное глубоко в груди, но вот только что?

Эвис, потрясенная видом вот такой — незнакомой ей — Фрэнсис, инстинктивно попятилась.

Женщина-офицер тоже что-то заметила, она внутренне собралась, приготовившись дать отпор.

— Как я вам уже говорила, у меня приказ…

— Ой, да заткнитесь вы, ради бога, насчет своих приказов! Вы, официозная…

Трудно сказать, с какой целью Фрэнсис — с пылающими щеками и явно не в себе — подняла руку, но Маргарет уже оттаскивала ее назад.

— Фрэнсис, — шептала она, — остынь. Ладно? Все нормально.

Фрэнсис, казалось, не сразу услышала ее. Она оцепенела и была как натянутая струна.

— Нет, не нормально. Ты должна ей сказать, — сверкнула глазами Фрэнсис.

— Но ты не помогаешь, а только портишь, — заявила Маргарет. — Ты меня слышишь? Осади назад!

И что-то во взгляде Маргарет остановило Фрэнсис. Она растерянно заморгала и судорожно вздохнула.

Рука Айрин — с зажатым в ней платочком — мелко дрожала. Когда Эвис отвернулась от Айрин, то увидела, что женщина повернулась к ним спиной и, словно радуясь возможности улизнуть, размашисто зашагала дальше по коридору.

— Она еще ребенок! — орала Фрэнсис, но офицера уже и след простыл.

Глава 11

Наши поздравления миссис Скиннер и миссис Дилл, отметивших на этой неделе годовщину свадьбы. Миссис Скиннер замужем уже два года, а миссис Дилл — год, и, хотя эти дамы находятся сейчас вдали от своих мужей, мы надеемся, что они в последний раз будут праздновать столь знаменательные даты в разлуке, и желаем им счастья в их дальнейшей жизни.

Время праздновать.

Ежедневные судовые новости.

Из архива военной невесты Эвис Р. Уилсон.

Британский военный музей

Восемнадцатый день плавания

На море очень трудно сказать, когда именно начинает светать, и не потому, что все меняется день от дня и от континента к континенту, а потому, что на море линия горизонта настолько размыта, что сияющая расселина в темноте видна уже за сотни, возможно, тысячи миль, задолго до того, как ее можно заметить на земле, задолго до того, как она действительно станет знамением нового дня. Но скорее всего, потому, что в узких коридорах под палубами, с искусственным освещением, без окон и без дверей, вообще невозможно понять, занялась ли на небе заря.

Именно по этой, хотя и не только, причине Генри Найкол не любил промежуток времени между пятью и шестью утра. Когда-то он радовался ранним дежурствам, но тогда море было ему еще в новинку и таило в себе странное волшебство, тогда — непривычный жить в таком тесном соседстве с другими мужчинами — он наслаждался самыми спокойными часами на борту корабля: последними минутами темноты перед тем, как корабль плавно перейдет в обычный дневной ритм и начнет постепенно просыпаться. В тихие предрассветные часы он чувствовал себя единственным человеком на земле.

Но уже позже, когда он приезжал на побывку домой, а дети были еще совсем маленькими, кто-нибудь из них — а иногда и оба — непременно просыпался именно в это время, и он слышал, как жена тяжело сползает с кровати, видел — если не ленился приоткрыть один глаз, — как она одной рукой машинально поправляет заколотые кудряшки, а другой тянется за халатом со словами: «Держитесь, мамочка уже идет». А он

переворачивался на другой бок, словно приклеенный к подушке привычным чувством вины и одновременно раздражения, даже в полудреме осознавая свою неспособность испытывать к этой женщине, шлепающей босыми ногами по линолеуму, то, что обязан был испытывать: благодарность, желание, даже любовь.

И вот теперь 5.00 означало для него не начало нового дня, а только голую цифру, к которой можно приурочить разговор: ведь в Америке сейчас только пять часов вечера предыдущего дня. В Америке здешние 19.00 будут временем подъема для его мальчиков. Но разница в географическом положении — ничто по сравнению с тем фактом, что вся их жизнь будет протекать в разных часовых поясах. Он уже не раз задавался вопросом, как они сумеют его запомнить, если не смогут представить себе его существование даже не на день, а на полдня вперед. И теперь он уже не будет думать о них в настоящем времени, представляя себе, как он, бывало, делал, что сейчас они, должно быть, завтракают. Чистят зубы. Они, наверное, во дворе, играют в мяч или в машинку, которую он смастерил из деревяшки. Теперь он будет думать о них исключительно с точки зрения истории.

Руки чужого мужчины бросают им мяч.

За стальной дверью что-то бормочет во сне женщина, в ее голосе слышатся вопросительные интонации. А потом тишина.

Найкол посмотрел на часы, которые он перевел, когда они вчера вошли в другой часовой пояс. Мои часы идут в никуда, подумал он. Ни дома, ни сыновей, ни героического возвращения. Я растратил впустую свои лучшие годы, наблюдая за тем, как мои товарищи замерзают, тонут и заживо сгорают. Я растратил впустую свою невинность, своих друзей, их жизни, чтобы иметь возможность оплакивать то, чего я в принципе даже не слишком хотел. До тех пор, пока не стало слишком поздно.

Найкол прислонился к стенке, пытаясь отогнать привычные мысли, снять невыносимую тяжесть, что давила на сердце и разрывала легкие. Мечтая, чтобы последний час пролетел как можно быстрее. Мечтая, чтобы наступил рассвет.

— Снять головные уборы!

Кассир даже не поднял головы, когда моряк, стащив пилотку, положил ее перед ним на стол.

Двое мужчин по обеим сторонам от него пересчитывали банкноты, передавая друг другу заполненные от руки полоски бумаги.

— Эндрюс, сэр. Авиамеханик первого класса. Семь два два один девять

семь два. Сэр.

Парень выжидающе смотрел на кассира, а тот перелистал бухгалтерскую книгу и провел пальцем по нужной странице:

— Три фунта двенадцать шиллингов.

— Три фунта двенадцать шиллингов, — повторил помощник кассира.

Авиамеханик откашлялся и сказал:

— Сэр, при всем моем уважении, это меньше, чем мы получали до похода в Австралию, сэр.

На лице кассира застыло усталое выражение человека, которому уже тысячу раз приходилось сталкиваться с попытками выклянчить побольше денег.

— Эндрюс, тогда мы были в Тихом океане. И ты получал больше за службу в зоне военных действий. Может, нам организовать тебе визит парочки камикадзе, чтобы ты мог получить свои дополнительные два шиллинга?

— Никак нет, сэр.

— Нет… Не спусти все на берегу. И держись подальше от всех этих баб. Мы ведь не хотим уже через два дня после увольнительной стоять в очереди в лазарет. Ведь так, ребята?

Деньги пересчитали и бросили на стол. Слегка покрасневший механик надел пилотку и вышел, на ходу пересчитывая получку.

— Снять головные уборы!

— Найкол.

Убаюканный неторопливым ритмом очереди, змеившейся по тому, что осталось от ангарной палубы, он лишь на второй раз услышал свое имя. Он плохо соображал после двух бессонных ночей подряд, да к тому же целиком погрузился в невеселые мысли.

Тимс, ладный и широкоплечий, стоял рядом с сигаретой во рту. И только после нескольких затяжек заговорил снова. Найкол знал его как крутого парня, причем явно незаурядного, которому хотелось, чтобы в кубрике его считали своим в доску. Ходили слухи, что он занимался ростовщичеством, и почему-то со всеми, кто с ним конфликтовал, что-нибудь, да случалось. Найкол инстинктивно старался держаться от него подальше, прекрасно понимая, что с такими, как Тимс, лучше не связываться, словом, соблюдать золотое правило: меньше знаешь — крепче спишь. Не дай бог иметь такого врага, как Тимс, или ходить у него в должниках. Подобные люди, со странной харизмой и властными полномочиями, полученными хитрым путем, встречались практически на каждом корабле. Должно быть, это неизбежно в замкнутом сообществе,

основанном на круговой поруке и иерархических отношениях.

Правда, сейчас Тимс выглядел несколько подавленно, а когда заговорил, то явно старался взвешивать каждое слово. Может случиться небольшая заварушка между матросами и кочегарами, сказал он. Пару дней назад вышла неприятность с одной женщиной. При этих словах Тимс укоризненно покачал головой, словно сам не мог поверить, какими глупыми могут быть эти австралийки. События, сказал он, немножко вышли из-под контроля.

Столь откровенное признание вины было отнюдь не в характере Тимса. Найкол даже мысленно задал себе вопрос, а не просит ли таким образом Тимс кого-то арестовать. Но прежде чем он успел открыть рот, чтобы спросить, а какое ему, Найколу, собственно, дело до этого, Тимс снова заговорил:

— Здесь замешаны твои женщины.

Твои женщины. В словах Тимса крылся некий намек на почти семейные отношения. Найкол даже представить себе не мог, что сдержанная девушка, которая мило болтала с ним в тот вечер, может стать причиной пьяной ссоры. Ну конечно, с горечью подумал он, такая женщина как раз для тебя. Неспособная оставаться верной мужу — или хотя бы трезвой — даже в течение шести недель плавания.

Но затем Тимс — костяшки пальцев у него были перевязаны окровавленным бинтом — объяснил все поподробнее. Оказывается, это была не высокая девушка, Фрэнсис, а молоденькая дурочка, с которой Найкол разговаривал еще в первое дежурство. Та, что постоянно хихикала. Джин.

И он почувствовал нечто вроде облегчения, все остальное уже не столь сильно шокировало и волновало его. Выходит, Фрэнсис все же не из таких. Чересчур зажатая в компании. Чересчур застенчивая. Найколу, как он сам понимал, просто очень хотелось верить в то, что еще есть на свете хорошие женщины. Женщины, умеющие себя блюсти.

Женщины, которым знакомо такое понятие, как «верность».

— Хочу, чтобы ты оказал мне услугу, морпех. Мне, понятное дело, туда ходу нет. — Тимс ткнул большим пальцем в сторону кают. — Просто удостоверься, что с Мэгги все хорошо, идет? Я о той, что ждет ребенка. Она славная девчонка, но здорово переволновалась. А в ее положении и вообще… Мне не хочется, чтобы с ней что-то случилось.

— Если бы у нее было нервное потрясение, она точно пошла бы к доктору.

— К этому идиоту? — скривился Тимс. — Он не просыхает с самого

первого дня, как поднялся на борт. Я не доверил бы ему даже занозу вытащить. — Тимс затушил сигарету. — Нет. Мне кажется, было бы неплохо, чтобы ты за ней присмотрел. А если кто чего скажет, девушки весь вечер были в каюте. Лады?

Вообще-то, не дело, чтобы кочегар так разговаривал с морпехом. И при других обстоятельствах тон Тимса непременно разозлил бы Найкола. Но он подозревал, что такая самонадеянность Тимса была обусловлена галантностью, возможно, даже искренней тревогой за девушку, а потому решил не обращать внимания.

— Нет проблем, — ответил он.

И он вспомнил, что атмосфера в каюте накануне вечером действительно немного изменилась. Из-за двери вместо привычных более или менее оживленных разговоров доносился встревоженный шепот. Он услышал даже шум спора и чей-то плач. Высокая девушка три раза ходила «за водой», едва удостоив его коротким «здрасьте». Он решил, что это просто очередной приступ женской истерики. Их уже предупреждали, что такое может случиться на борту, особенно с женщинами, не привыкшими жить в стесненных условиях.

— Вот что я тебе скажу, — начал Тимс. — Томсону еще сильно повезло, что не я первый взял в руки гаечный ключ.

— Гаечный ключ? — удивился Найкол.

— Одна из девчонок схватила гаечный ключ. Высокая такая. В конечном счете именно она и прогнала ублюдка. Треснула его по плечу, а напоследок чуть было не проломила башку, — невесело рассмеялся Тимс. — Надо отдать должное этим австралийкам. Смелости им не занимать. Прикинь, разве англичанки на такое способны, а? — Тимс сделал глубокую затяжку. — И опять же, ни одна английская девчонка не рискнет спуститься под палубу в компании иностранных мужиков.

— Я бы не зарекался, — пробормотал Найкол, тут же об этом пожалев.

— В любом случае я собираюсь залечь на дно. Кубрик будет на время закрыт для посетителей. Но передай Мэгс, что я сожалею. Если бы я первым добрался до ее подружки… ну, такого точно не случилось бы.

— А где Томсон? — поинтересовался Найкол. — На случай, если они вдруг спросят. В карцере? — (Тимс покачал головой.) — А может, нам туда его все же определить?

— Подумай хорошенько, Найкол. Если мы прижучим его за то, что он сделал, он потянет за собой девчонку, так? Баба из женской вспомогательной службы, которая на них наткнулась, ничего толком не знает. Лишь имя Джин. А малышка Джин никому не расскажет о том, что

произошло. Если она, конечно, хочет спокойно добраться до Англии и без лишнего шума встретить своего старика, в чем лично я не сомневаюсь. — Он бросил на пол окурок. — А кроме того, уверен, тебе тоже ни к чему разговоры о том, что твои девчонки попали в беду. Это ведь и на тебя бросит тень. То, что они всем скопом были в машинном отделении незадолго до твоего дежурства… — Он говорил ласково и спокойно, но в словах его явно звучала скрытая угроза. — Я просто хочу дать тебе понять — типа из любезности, — что мы с ребятами сами разберемся с Томсоном и его паршивым дружком. Даже если придется подождать увольнительной на берег.

— Все непременно откроется, — сказал Найкол. — И ты не хуже моего это знаешь.

Тимс оглянулся на длиннющую очередь. А когда снова повернулся к Найколу, тот прочел в глазах кочегара нечто такое, что ему даже стало слегка жаль незнакомого обидчика.

— Нет, если все будут держать рот на замке.

Маргарет перегнулась через перила, насколько позволял ей огромный живот, и принялась подтягивать вверх плетеную корзину, сердито бормоча себе под нос, когда корзина стукалась о борт корабля. А внизу темнокожие мальчишки ныряли с плотика прямо в переливающиеся воды океана за монетками, что бросали им с палубы матросы. Туда-сюда сновали выдолбленные из цельного куска дерева изящные лодки, ими ловко управляли худые загорелые мужчины, которые держали в руках пригоршни безделушек. Портовый город Коломбо, остров Цейлон, состоящий в основном из блестевших на жарком солнце низких строений, кое-где перемежающихся высокими зданиями, был окружен с трех сторон густыми темными лесами.

Поскольку в городе было зарегистрировано несколько случаев оспы, из соображений безопасности женщинам не разрешили сойти на берег. Корабль стоял на якоре в лазурных водах всего в нескольких сотнях футов от города, и им оставалось только любоваться Цейлоном с безопасного расстояния.

Маргарет, много дней мечтавшая покинуть корабль, чтобы наконец ступить на твердую землю, была вне себя от ярости.

— Тот парень из военторговской лавки утверждает, что мужчинам все же разрешат сойти на берег, тогда почему бы нам не попробовать самим подцепить эту чертову оспу? — Она чуть не плакала от такой несправедливости.

— Думаю, мужчины просто привиты от оспы, — ответила Фрэнсис, но Маргарет пропустила ее слова мимо ушей.

Вероятно, чтобы утешить девушек, один из кладовщиков одолжил им канат, к которому Маргарет и привязала корзину. Им оставалось только опустить ее, а потом поднять, чтобы на досуге изучить положенные туда товары. Кладовщик показал им еще два военных корабля, стоящих на якоре, они были облеплены маленькими лодчонками, устанавливающими с командой кораблей товарно-денежные отношения.

«Французский и американский. Вот увидите, в конце концов все торговцы скопятся возле янки. — Он с довольным видом потер большой палец об указательный, ухмыльнулся и хитро поднял бровь. — Если сумеете добросить туда корзинку, то сможете купит пару новых чулок».

— Ну что, девчонки, товар вроде бы ничего. Готовьте кошельки.

Маргарет, пыхтя от напряжения, осторожно подняла корзинку, перекинула ее через перила и поставила возле орудийной башни, где они сидели. Порывшись в корзинке, она достала бусы из ракушек и кораллов и пропустила их через растопыренные пальцы.

— Ну, кому перламутровое ожерелье? Все лучше, чем эта штука из колец для цыплят, а, Джин?

Джин ответила ей вялой улыбкой. Она с самого утра была непривычно притихшей. Маргарет слышала, как Джин еще до сигнала к побудке о чем-то шушукалась с Фрэнсис. Потом они отправились в туалет и долго не возвращались. Фрэнсис зачем-то взяла с собой свою походную аптечку. Никто не обсуждал, чем они там занимались, а Маргарет неохота было спрашивать, да и, наверное, не стоило. И вот теперь Джин молча сидела между ними; бледная и поникшая, она казалась до ужаса юной. И ходила она почему-то очень осторожно.

— Посмотри, Джин, оно здорово подойдет к твоему синему платью. Ой, а как красиво перламутр переливается на свету!

— Миленькое, — сказала Джин. Она закурила очередную сигарету и съежилась, словно от холода, несмотря на тропическую жару.

— Надо будет взять что-нибудь для бедной старушки Эвис. Может, ей чуть-чуть полегчает.

Маргарет прекрасно понимала, что ее голос звучит слишком жизнерадостно, и ответом ей была тишина, которая красноречивей всяких слов говорила, что Фрэнсис, может, вовсе не желает, чтобы Эвис становилось лучше.

Вернувшись в каюту накануне вечером, эти двое здорово поцапались. Фрэнсис, утратив свою обычную сдержанность, орала на Эвис, обзывала ее

эгоисткой, предательницей, обвиняла в том, что та думает лишь о своих шкурных интересах. Эвис, с пылающим от стыда лицом, говорила в ответ, что не собирается ставить под удар свое будущее из-за распущенной девицы с повадками подзаборной пьянчужки. И все равно рано или поздно они узнают ее имя. Эвис и так была до крайности раздражена, потому что ее подруга Айрин куда-то испарилась. И единственное, что смогла сделать Маргарет, — не дать им перейти к разборке на кулаках. На следующее утро, когда Эвис покинула каюту, остальные предположили, что до конца дня больше ее не увидят.

Тут до них донеслись голоса торговцев, которые на пальцах показывали, сколько стоит товар.

— Миссис Мельбурн! Миссис Сидней!

Между их лодчонками они увидели показавшуюся на поверхности воды голову маленького мальчика. Он с улыбкой сжимал в руке что-то металлическое. Затем пригляделся поближе, и лицо его сразу помрачнело. Он размахнулся и швырнул в сторону корабля выловленный из воды предмет, который, словно пуля, отскочил от борта.

— Что это значит? — прищурившись, поинтересовалась Маргарет.

— Матросы кидают им старые орехи и болты. А дети думают, что это монеты, и ныряют за ними, — объяснила Фрэнсис. — Такая вот странная манера развлекаться. — Она не стала продолжать. Ведь им самим пришлось кардинально пересмотреть точку зрения на манеру матросов развлекаться.

Но Джин, похоже, ее не слышала. Внимательно изучив небольшое жемчужное ожерелье, она принялась засовывать его в карман.

— Хочешь, чтобы я за тебя заплатила? — спросила Маргарет. — Не беда, если ты забыла кошелек.

Джин подняла на Маргарет глаза с красными кругами вокруг них.

— Не-а, — помотала она головой. — Я не буду платить. Раз уж они такие дураки, что отдали нам товар просто так.

После такого заявления все замолчали. Затем Маргарет, ни слова не говоря, достала из кошелька несколько монет, положила в корзинку к оставшимся безделушкам и спустила корзинку вниз. А затем, чтобы помочь легкомысленной подружке, а возможно, и себе тоже вернуть душевное равновесие, спросила:

— А я тебе когда-нибудь рассказывала, как Джо сделал мне предложение? — Она уселась поудобнее и обняла Джин. — Ты будешь смеяться. Он уже твердо решил попросить моей руки. Получил у папы разрешение. И даже купил кольцо. Ой, сейчас я его не ношу, — объяснила

она. — Пальцы слишком распухли. Но так или иначе, он выбирает среду — предпоследний день увольнения на сушу — и появляется у нас: в приподнятом настроении, ботинки начищены до зеркального блеска, волосы прилизаны. И уже представляет себе, как все будет. Он опускается на одно колено и впервые в своей жизни делает романтический жест.

— С тобой это пустая трата сил, — заметила Фрэнсис.

— Ну, теперь-то он и сам знает, — ухмыльнулась Маргарет. — Ну так вот, приезжает он к нам, стучится в дверь, переступает порог, а я в это время благим матом ору на Дэниела, который опять бросил одежду на пол, типа будь я проклята, если буду, как мама, ходить за ним по всему дому и подбирать его вещи. Бедный старина Джо стоит в прихожей, а мы с Дэном вовсю лаемся. А потом в дом вбегает папа, кричит, что коровы выбрались из загона. Джо продолжает стоять, слегка в шоке оттого, что я ругаюсь как сапожник, но папа хватает его и говорит: «Пошли, приятель. Чего стоишь как неживой?!» — и тащит его на задний двор. Словом, сплошной дурдом. Кругом штук сорок коров, они уже успели снести изгородь, а две из них топчут то, что осталось от маминого сада, а папа колотит их палкой, слезы текут у него по щекам, он старается спасти мамины цветочки. И тут появляется Колм на грузовичке, гудит как полоумный, пытается отогнать стадо в сторону дороги. Лиам скачет на лошади, изображает из себя Джона Уэйна[27]. Ну и мы с Джо силимся загнать оставшихся коров в коровник. — Она внимательно оглядела подруг. — Девочки, вы когда-нибудь видели испуганную корову? — Маргарет слегка понизила голос. — Они срут, как не знаю кто. Наматывают круги по двору и повсюду разносят дерьмо. И бедный старина Джо уже с головы до ног в дерьме, и его начищенные ботинки, и все-все.

— Фу, какая гадость! — вяло улыбнулась Джин.

— И в довершение всего наша самая большая телка решает дать деру и прет прямо на него. Не поймите меня неправильно. Джо нелегко сбить с ног, но она врезается в него так, будто он там вообще не стоял. Бамс! — Маргарет показала, как он падает на спину.

Даже Маргарет, привычной к запахам скотного двора, пришлось зажимать нос, пока она помогала ему подняться и хоть чуть-чуть отряхнуться. Ей показалось, будто он ругается, но на самом деле он все твердил: «Кольцо, кольцо». Им двоим пришлось битых полчаса ползать на карачках в навозной жиже, чтобы отыскать этот символ верности и вечной любви.

— И ты что, согласилась его носить?

— Прямо с коровьим дерьмом. Это ведь тоже своего рода

романтика, — сказала Маргарет, но, увидев, что Джин зажала рот рукой, добавила: — Ой, Джин! Ну конечно же, я его помыла, прежде чем надеть. И то же самое пришлось сделать для Джо. Свой первый вечер в качестве официальной невесты я провела, отстирывая и отглаживая его форму, чтобы ему не влетело по первое число, когда он вернется на базу.

— А Стэн сделал мне предложение на танцах, — произнесла Джин. — Зуб даю, я оказалась там самой молодой. Мне только-только исполнилось пятнадцать. Но все прошло очень мило. На мне был голубой чесучовый костюм моей подружки Полли, и он сказал, что я самая красивая девушка в зале. Он там с кем-то еще танцевал, но когда заиграли «You Made Me Love You», повернулся к своему приятелю и сказал: «Я женюсь на этой девушке. Ты понял?» А потом повторил свои слова уже громче. И я жутко застеснялась, но, если честно, мне действительно понравилось.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась Фрэнсис.

— Он был первым человеком в моей жизни, который сказал, что любит меня. — Ее глаза наполнились слезами. — Никто никогда мне такого не говорил. Уж точно не мамаша. А своего папашу я отродясь не видела. — Она убрала упавшую на лицо прядь волос. — Никто. У меня там ничего не осталось, ничего. Он лучший человек, которого я когда-либо встречала.

И вот так они просидели, практически не разговаривая, еще полчаса. Маргарет уговаривала торговцев подплыть поближе, забрать это, показать то. Она купила по смешной цене два ожерелья для Летти, уговаривая себя, что бусы — отличный подарок, правда хорошо понимая в душе, что ее вину перед тетей никакими подарками не загладишь. А когда жара начала усиливаться, а солнце, поднимаясь все выше, выгонять их из тени, Маргарет стала подумывать о том, что, пожалуй, пора уходить. Но никаких особых развлечений сегодня не планировалось, поскольку они до последнего рассчитывали сойти на берег, а перспектива снова начать пререкаться в тесной каюте ее не слишком вдохновляла.

Маргарет рассеянно смотрела на идущее к ним моторное суденышко — на шкипере морская фуражка, на борту что-то непонятное: серое и бесформенное, которое по мере приближения вырисовывалось все отчетливее. Потом она услышала радостные крики других женщин, уже успевших сообразить, что это такое.

— Девочки! — заорала Маргарет. — Почта! Нам привезли почту!

И уже час спустя они сидели в столовой, пропахший капустой воздух был наэлектризован радостным предвкушением, и смотрели, как офицер из Красного Креста собирает почту для отправки и раздает маленькие пачки

писем, лежавшие на столике в углу. Объявление каждого нового имени сопровождалось восторженным визгом получательницы и ее подружек, словно девушку вызвали, чтобы вручить желанный приз, а не самое обыкновенное письмо. Иллюминаторы в столовой были открыты, чтобы впустить внутрь свежий морской ветерок. На стеклах играл солнечный свет, словно отражаясь от сияющих вод океана внизу.

Джин пригласили к столу одной из первых: внушительная пачка из семи писем от Стэна несколько вернула ее к жизни. Она передала письма Фрэнсис, которая, пока Джин нервно дымила сигаретой, читала их вслух своим низким, звучным голосом.

— Нет, ты слышала! — перебивала ее Джин. — Он вытатуировал мое имя на правой руке. Двумя красками! Было чертовски больно.

Маргарет переглянулась с Фрэнсис.

— А еще, — продолжила Фрэнсис, — он выиграл четыре фунта в боксерском поединке. Говорит, что у другого парня странная манера драться: блокировать носом удары Стэна.

— Нет, ты слышала?! — Джин обняла Маргарет. — Пытается блокировать носом удары!

Если она и смеялась чуть громче, чем нужно, чтобы поверили в ее искреннюю радость, ни Фрэнсис, ни Маргарет не сказали ни слова. Хорошо хоть, что Джин вообще смеялась.

Уже позже Фрэнсис признается, что опустила несколько абзацев, где Стэн предупреждал Джин, чтобы «вела себя хорошо», и рассказывал о своем приятеле, который бросил возлюбленную, потому что до него дошли слухи, будто она «играет не по правилам».

— Маргарет О’Брайен!

Маргарет вскочила со стула со скоростью, несколько неожиданной для ее грузной фигуры. Задыхаясь, схватила пачку протянутых ей писем и триумфально вернулась на место. Ее досаду, что утром не удалось высадиться на берег, как рукой сняло. Ей не терпелось уйти в каюту, но не хотелось обижать остальных. Маргарет только собралась было открыть рот, чтобы извиниться, как рядом скрипнул стул. Она подняла глаза и увидела Эвис, которая осторожно усаживалась рядом.

В разговоре возникла неловкая пауза. Маргарет, несколько удивленная тем, что Эвис решила присоединиться к ним после вчерашней ссоры, по простоте души решила, что та просто собирается извиниться.

— У меня есть кое-какие новости, — произнесла Эвис.

— И у меня тоже, — перебила ее Джин. — Посмотри. Семь писем. Семь!

— Нет, — помотала головой Эвис. На ее губах играла сдержанная улыбка, словно она хотела поделиться каким-то секретом. Сейчас Эвис меньше всего напоминала ту разъяренную девушку с поджатыми губами, что покинула их каюту несколько часов назад. — У меня настоящие новости, — заявила она, выставив вперед подбородок. — Я в положении.

Все ошарашенно замолчали.

— В каком положении? — удивилась Джин.

— В интересном, естественно. Я была у врача.

— Ты уверена? — спросила Фрэнсис. — Доктор Даксбери не показался мне… слишком знающим… — Она вспомнила, как он пел, глядя пустыми глазами на аптечный шкаф.

— Да неужто теперь медсестры разбираются во всем лучше врачей?

— Нет, я просто…

— Доктор Даксбери взял у меня анализ крови, а затем задал кучу вопросов и тщательно осмотрел. Он абсолютно уверен. — Она пригладила волосы и огляделась по сторонам, очевидно рассчитывая донести столь знаменательные новости до более широкой аудитории.

— Что ж, если хорошенько подумать, теперь все встает на свои места, — заметила Маргарет.

Джин и Фрэнсис переглянулись.

Эвис была больше не в силах сдерживаться. Она вся светилась, щеки порозовели от волнения.

— Ребенок! Подумать только! Я знала, что у меня не может быть морской болезни. Я тысячу раз плавала на яхтах и чувствовала себя прекрасно. Маргарет, ты должна сказать, что надо купить. Как думаете, а в Англии продаются детские вещи? Придется попросить мамочку послать по почте все, что можно.

Маргарет встала со стула и потянулась через стол, чтобы обнять Эвис.

— Эвис, это грандиозные новости. Мои поздравления. Очень рада за вас обоих.

— Вот это да! — вытаращила глаза Джин. — Выходит, тебя тошнило из-за беременности?

Джин выглядела по-настоящему довольной. Значит, Фрэнсис не рассказала ей о предательстве Эвис, подумала Маргарет, и ей внезапно стало жалко малышку.

— Он считает, что у меня срок девять-десять недель. Когда он мне это сказал, я так и отпала. Но теперь я в восторге. Иэн будет просто счастлив. Он станет прекрасным отцом, — положив руку на плоский живот, тараторила Эвис, она уже представляла себе будущую семейную жизнь.

Маргарет собрала всю свою волю в кулак, чтобы стереть из памяти события прошлого вечера.

— Стэн сделал на руке наколку с моим именем, — сообщила Джин, но Эвис ее не слушала.

— Полагаю, стоит обратиться к капитану, чтобы он сообщил новости моей семье. Жду не дождусь, когда мы приедем в Англию. — Но тут в столовой прозвучало ее имя, произнесенное весьма резким тоном. — Письма! — вскочила с места Эвис. — Письма! Со всеми этими треволнениями я совсем и забыла… О, вы двое уже получили. — Она посмотрела на Фрэнсис так, словно внезапно вспомнила нечто важное, и больше ничего не сказала.

— Мои поздравления, — пробормотала Фрэнсис. На Эвис она даже не взглянула.

Имя Фрэнсис выкрикнули одним из последних, спустя час, оно эхом пронеслось по опустевшей столовой. Маргарет уже несколько раз порывалась уйти, чтобы в одиночестве насладиться письмами Джо, а потом снова перечесть их, но отношения между остальными девушками были настолько взрывоопасными, а Джин — еще так ранима, что Маргарет почувствовала себя обязанной подождать подруг.

Эвис получила два письма от родителей и два, правда давнишних, от Иэна, которые он послал через несколько дней после того, как покинул Сидней.

— Нет, вы только посмотрите, какая на них дата! — раздраженно воскликнула она. Похоже, она восприняла как личное оскорбление тот факт, что Джин и Маргарет получили больше писем, чем она. — Написаны шесть недель назад. Если честно, самое малое, что может сделать для нас военно-морской флот, — обеспечить своевременную доставку корреспонденции. Как, ради всего святого, я сообщу ему о ребенке, если он получит мое письмо уже тогда, когда я буду в Плимуте! — С недовольным видом она внимательно изучила марку. — Уверена, это не все. Должно было прийти гораздо больше. Наверняка они оставили бóльшую часть корреспонденции в каком-то богом забытом месте.

— А мне кажется, Эвис, что тебе просто не повезло, — рассеянно заметила Маргарет.

Она уже успела несколько раз перечитать первое письмо от Джо. И предусмотрительно пронумеровала письма, чтобы читать их в нужном порядке.

«Привет, любимая, — писал он. — Надеюсь, что это письмо застанет

тебя уже на „Виктории“. Я даже не сразу поверил, когда ты сообщила, что будешь на борту этой старушки. Поищи там Арчи Литлджона. Он радист. Мы были вместе на учениях еще в 44-м. Хороший малый. Он за тобой присмотрит. И вообще, могу поклясться, что все парни на борту с удовольствием приглядят за вами, девушками. А на „Вик“ вас там целый букет».

Маргарет упивалась каждым словом, она, казалось, слышала голос Джо, ее умиляла его святая вера в окружавших их мужчин. Она украдкой посмотрела на Джин, которая внимательно разглядывала письма от Стэна.

— Хочешь, я тебя научу? — спросила Маргарет. — Пока мы на борту? Зуб даю, к концу плавания ты уже будешь вовсю читать.

— Правда?

— А почему нет? — ответила Маргарет. — Часок-другой в день — и ты у нас станешь настоящим книжным червем.

— Стэн не знает… что я не умею читать. Я всегда просила свою подружку Нэнси писать за меня. Понятно? — сказала она. — Но уже на корабле вспомнила, что если попрошу кого-то еще за меня писать, то будет совсем другой почерк.

— Тем более стоит начать учиться, — заявила Маргарет. — Сможешь писать сама. Уверена, твой Стэн даже не заметит разницы.

Джин пришла в такой телячий восторг, что у нее сразу улучшилось настроение.

— А ты действительно считаешь, что я смогу? — то и дело спрашивала она, радостно ухмыляясь, когда Маргарет отвечала утвердительно. Ее мамаша всегда твердила, что она тупая, призналась Джин, ее глаза беспокойно бегали по сторонам. — Прикинь, она сама типа тупая. Застряла на своей крекерной фабрике, а я вот плыву на корабле в Англию. Так?

— Так, — твердо сказала Маргарет. — Ладно, давай сюда свой конверт. Напишу тебе алфавит.

Тем временем к их столу вернулась Фрэнсис. Оторвавшись от своих писем, Эвис подняла на нее глаза.

— Что, только одно? — громко спросила она, не в силах скрыть торжествующую улыбку.

— Это от одного из пациентов, — невозмутимо, с застенчивой гордостью ответила Фрэнсис. — Он уже дома и снова на ногах.

— Как мило, — похлопала ее по руке Маргарет.

— И ничего от твоего мужа?!

— Эвис… — одернула ее Маргарет.

— Что, и спросить уже нельзя?

Все смущенно замолчали.

Маргарет собралась было что-то сказать, но ничего умного в голову не приходило.

— Ну да. Он, наверное, себя не помнит от радости, что скоро тебя увидит, вот и забыл обо всем на свете, — наконец произнесла она.

Эвис многозначительно подняла брови, молча поднялась и вышла из столовой.

Поскольку я не дождалась от тебя ответа ни на письма, ни на телеграммы, то пишу исключительно из любезности, чтобы сообщить, что подала на развод на основании твоего трехлетнего отсутствия. И хотя мы оба знаем, что это не вполне корректно, надеюсь, ты не станешь чинить мне препятствий. Антон оплачивает наш проезд, мой и детей, до Америки, чтобы мы могли наконец воссоединиться. Мы выезжаем из Саутгемптона 25-го числа. Конечно, мне хотелось бы сделать это более цивилизованно, скорее, даже ради детей, но ты, несомненно, намерен продемонстрировать такое же равнодушие, что выказывал мне все то время, что тебя не было.

И вообще, где твое человеколюбие? Ты теперь, вероятно, понимаешь язык исключительно приказов и регламентов. Конечно, тебе сейчас нелегко. Тебе наверняка пришлось увидеть своими глазами и пережить всевозможные ужасы. Но мы здесь просто живем. И могли бы стать твоей путеводной звездой, если бы ты дал нам такую возможность.

И теперь я не чувствую себя виноватой за то, что просто хочу другой жизни, лучшей жизни, для себя и своих детей…

— Что стряслось, Найкол? Ты какой-то бледный. Получил телеграмму «НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ»? — Валлиец Джонс лежал в гамаке с дюжиной или около того писем, которые он небрежно просматривал. Должно быть, от дюжины женщин.

Найкол посмотрел на него невидящими глазами. Смял письмо и сунул в карман.

— Нет, — сказал он. Прокашлялся, чтобы справиться с внезапной хрипотой, и добавил: — Нет… Просто кое-какие новости из дома.

Мужчины, что были рядом, переглянулись.

— Никто не заболел? — поинтересовался Джонс.

— Нет, — отрезал Найкол, отбив всякую охоту продолжать расспросы.

— Ну, видок у тебя хуже некуда. Если честно, ты уже несколько недель выглядишь довольно паршиво. Похоже, это все ночные вахты. Правда, парни? Знаешь, что тебе нужно, приятель? — стукнул он Найкола по руке. — Увольнительная. И срочно. Ты ведь свободен сегодня вечером, да?

Пошли с нами на берег.

— А… Нет, я лучше посплю.

— Это внеплановая увольнительная, приятель. Хочешь — верь, хочешь — нет, Найкол, но даже ты время от времени должен сменяться.

— Нет, я останусь здесь. Надо кое-что подлатать.

— Прости, старина, но так не пойдет. У тебя полный карман бабок, а вот лицо — как помятая задница. Доктор Джонс считает, что единственное лекарство — облегчить карманы и промыть мозги. Сейчас тебе надо пару часиков покемарить. А потом ты пойдешь с нами. И мы погудим так, что чертям тошно станет.

Найкол принялся отказываться, хотя от добродушного подначивания Джонса его немного отпустило. Он представил еще одну ночь под треклятой железной дверью наедине со своими мыслями, и ему стало не по себе.

— Ладно, — сказал он, расправил гамак и легко запрыгнул в него. — Твоя взяла. Разбуди меня за полчаса до ухода.

Они по-прежнему ели за одним столом, причем, как догадывалась Маргарет, вовсе не из желания Эвис продолжать делить с ними трапезу, а скорее потому, что Айрин и ее друзья однозначно дали понять — шушуканьем и холодными взглядами, — что исключили Эвис из своего круга. Маргарет увидела, как Эвис собралась было направиться к их столу, чтобы сообщить радостные новости, но неожиданно обнаружила, что новости уже обсуждаются — и не слишком доброжелательно. Эвис явно была уязвлена, при каждом новом смешке за соседним столом она бросала в сторону компании Айрин сердитые взгляды. Затем пригладила волосы и уселась напротив Маргарет.

— Понимаете, — беззаботно сказала она, — я только сейчас вспомнила, что именно меня всегда раздражало в этой Айрин Картер. Она ужасно заносчивая. И что только я раньше в ней находила?!

— Очень приятно для разнообразия поесть всем вместе, — не обращая внимания на молчание Фрэнсис, ровным тоном произнесла Маргарет.

— Скажи, Фрэнсис, они действительно что-то напутали с твоей почтой или ты и вправду получила только одно письмо? — поинтересовалась Эвис.

— Послушай, Эвис, — громко сказала Маргарет, отставив в сторону тарелку. — Мы тут очень мило болтали о том, как наши мужья сделали нам предложение. Не сомневаюсь, тебе будет приятно рассказать о вас с Иэном, правда?

Маргарет поймала взгляд Фрэнсис и прочла в нем благодарность, а может, нечто совсем другое.

— А разве я вам не рассказывала? Да неужели? Ой, это был лучший день в моей жизни. Не считая свадьбы, естественно. Для всех девушек это лучший день в жизни. Ведь так? Хотя в нашем случае мы не могли устроить такую свадьбу, о которой я мечтала с детства… Учитывая положение в обществе моей семьи и вообще… Нет, все было гораздо интимнее. Ой, я о том, как Иэн сделал мне предложение… О да… — Она закрыла глаза. — Представляете, я помню как сейчас, словно аромат…

— Ну, почти как у Маргарет, — заметила Джин.

— Я с первого взгляда поняла, что это он, мой единственный. И он сказал мне то же самое. Ой, девочки, он такой душка. И мы так давно не виделись, что я уже вся извелась. Он самый романтичный мужчина на свете. Хотя, понимаете, я никогда не думала, что выйду за военнослужащего. Меня никогда не привлекали бравые военные и никогда не пробирала дрожь при виде белоснежной формы. Но я помогала разносить чай на одном благотворительном вечере, — возможно, вы бывали на таких, да? — увидела его и пропала. Я сразу поняла, что должна стать миссис Рэдли.

— И что он сделал? — раскуривая сигарету, спросила Джин.

— Ну, он всегда вел себя по-джентльменски. Мы знали, что любим друг друга, — он постоянно твердил, что буквально околдован мной, представляете? — однако его очень беспокоило, смогу ли я справиться с ролью жены военнослужащего. Я имею в виду бесконечные расставания и вечную неопределенность… Он сказал, что считает нечестным подвергать меня подобным испытаниям. А я ответила: «Возможно, я и похожа на нежный бутон — папа называл меня своим маленьким цветком жасмина, — но на самом деле я сильная. Правда. И очень целеустремленная». И мне кажется, даже Иэн под конец это понял.

— Итак, что случилось потом? — посасывая чайную ложку, спросила Маргарет.

— Ну, мы оба испытывали чуть ли не крестные муки. Папочка говорил, что надо подождать. А Иэн не хотел его расстраивать и согласился. Но мне непереносима была сама мысль о том, что мы расстанемся, будучи всего лишь помолвленными.

— Небось, боялась, что он спутается с другой? — вставила Джин.

— Так вот, Иэн получил разрешение у командира своего корабля, мы просто сбежали, и нас поженил мировой судья. Вот такие дела. Это было страшно романтично.

— Какая милая история, Эвис, — сказала Маргарет. — Пожалуй, схожу за чаем. Кому-нибудь принести чашечку?

А небо за окном тем временем почернело. Солнце здесь уходило за горизонт так внезапно, словно ночи не терпелось поскорее сменить день. И корабль, несмотря на наличие шести сотен женщин, казался необычно притихшим, как будто отсутствие мужчин действовало угнетающе.

— Пойду узнаю, не покажут ли нам какое-нибудь кино, — сказала Джин.

— Возможно, что-нибудь и покажут, раз уж мы все остались здесь.

— Нет, там пусто, — заметила Эвис. — А на двери объявление, что следующий сеанс только завтра днем.

— Мужчины уже, наверное, на берегу, — мечтательно произнесла Маргарет. — Везет же некоторым!

— А как насчет твоего парня, Фрэнсис? — Джин положила подбородок на сложенные руки и слегка наклонила голову. — Как он сделал тебе предложение?

Фрэнсис поднялась с места и принялась составлять тарелки на поднос.

— О, тут нет ничего интересного, — сказала она.

— Не сомневаюсь, что твоя история должна быть весьма увлекательной, — возразила Эвис.

Фрэнсис наградила ее тяжелым взглядом.

Маргарет решила было перевести разговор в другое русло, но природное любопытство взяло верх.

Итак, все ждали ответа. И Фрэнсис, после секундного колебания, снова села, перед ней горой высились грязные тарелки. Спокойным, лишенным эмоций голосом она произнесла слова, отличавшиеся, как день от ночи, от любовных излияний, которые они только что услышали из уст Эвис. Она встретилась с ним в Малайе, когда работала в госпитале медсестрой. Рядовой инженерных войск Чоки Маккензи, двадцати восьми лет, родом из города под названием Челтенхем. У него были множественные ранения от шрапнели, осложненные инфекцией из-за влажного климата. Она несколько недель выхаживала его, и в результате он стал испытывать к ней нежные чувства.

— Иногда, когда его лихорадило, он впадал в беспамятство и в бреду говорил, что мы уже женаты. Нам не разрешалось завязывать близкие отношения с мужчинами, но его командир — он лежал на соседней койке — сделал для него исключение. Обычая практика. Мы всегда шли на уступки, если это было на пользу нашим пациентам.

— И когда же он предложил тебе выйти за него замуж? —

поинтересовалась Джин. Над ее головой внезапно зажглись неоновые огни, осветив лица женщин.

— Ну… на самом деле он много раз просил меня выйти за него замуж. Не то чтобы только однажды и неожиданно для меня. Наверное, ему пришлось раз шестнадцать предлагать мне руку и сердце, прежде чем я согласилась.

— Шестнадцать раз! — воскликнула Эвис с таким видом, словно не могла поверить, что Фрэнсис способна подвигнуть кого-то на столь упорную осаду.

— И что заставило тебя сказать «да»? — поинтересовалась Маргарет. — Я хочу сказать, в конце концов.

— Что заставило его так упорствовать? — пробурчала Эвис.

Но Фрэнсис уже поднялась и бросила взгляд на часы:

— Боже мой, Мэгги! Посмотри, как поздно! Твоя бедная собачка, должно быть, уже совсем извелась. Ее давно пора вывести на прогулку.

— Вот черт! Ты права. Нам лучше поторопиться, — сказала Маргарет.

И, кивнув оставшимся девушкам, они с Фрэнсис выскочили из столовой.

Девушки целовались. Поцеловавшись, они повернулись к нему и, не заметив никакой реакции, рассмеялись. Та, что пониже, откинулась на спинку барного стула, окинула его ленивым взглядом и вытянула голую ногу. Вторая, в зеленом платье, явно великоватом для ее субтильной фигуры, пробормотала что-то непонятное и, наклонившись вперед, взъерошила ему волосы.

— Два два. — Она подняла вверх два пальца. — Хорошее время. Два два.

В результате он заказал им еще по напитку. Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять, чтó именно они предлагают. Он покачал головой, даже когда они втрое сбросили цену.

— Больше нет денег, — сказал он, почему-то не узнав собственный голос. — Все вышли.

— Нет-нет, — запротестовала девушка в зеленом. Похоже, они привыкли к отказам. — Два два. Очень хорошее время.

В ходе вечера он уже успел где-то посеять часы и теперь вообще потерял счет времени. На улице свистели матросы, время от времени устраивавшие потасовки. Девушки периодически исчезали наверху, снова спускались и оставались сидеть, весело болтая или беззлобно ругаясь. Снаружи неоновая вывеска бара прорезывала синим светом тусклый серый

рассвет.

На стене за спиной у девушек висел портрет Эйзенхауэра, возможно подарок американского солдата. Интересно, который сейчас час в Америке? Найкол попытался вспомнить, как надо подсчитывать разницу во времени.

Напротив, в другом конце зала, Валлиец Джонс, развалившись на диванчике у стены, засовывал в рот одной из девушек сигареты, а та давилась дымом и кашляла.

— Постарайся сильно не вдыхать, — говорил он, а она шутливо шлепала его по руке маленькой ладошкой. — Так недолго и заболеть. — Он поймал взгляд Найкола. — Ах… нет… Только не вздумай сказать, что тебе тоже нравится Энни! — крикнул он. — Жадный сукин сын! У тебя ведь уже две свои есть.

Найкол попытался сформулировать ответ, но язык почему-то не слушался.

— За жен и возлюбленных! — провозгласил Валлиец Джонс. — Чтобы им никогда не встречаться!

Найкол поднял в ответ стакан и сделал глоток.

— И на помойках не валяться, — пробормотал Найкол.

Джонс разразился одобрительным смехом.

Во время последнего посещения Цейлона они не отдыхали, а несли службу, патрулировали улицы, отлавливая пьяных, например рядовых с полными карманами денег, но без сдерживающих центров, которые желали использовать на полную катушку несколько часов свободы, чтобы напиться до поросячьего визга, естественно, с самыми печальными последствиями. Незадолго до рассвета они с Джонсом, зачистив парочку местных борделей, обнаружили несколько первогодков, лежавших в коматозном состоянии на местной мусорной свалке. В ходе этой разгульной ночи их последовательно освободили от денег, часов, расчетных книжек, даже удостоверений личности, более того, моряки потеряли способность думать или даже говорить. Не имея возможности — из-за отсутствия документов — установить личность молодняка, они с Джонсом погрузили их — грязных и вонючих — на ближайший корабль союзников. Там они точно получат двойную порцию звездюлей: от командира приютившего их корабля и от своего непосредственного начальства.

— Твоя правда. Никаких помоек, кореш, — поднял стакан Джонс. — Ты только не забывай говорить «Вайсрой». Единственное, что тебе надо знать, — это название своего корабля. «Вайсрой». — И он снова загоготал.

— Ты, пойдем. — Девушка в зеленом тянула его за рукав.

Вторая куда-то испарилась. Девушка, совсем как ребенок, доверчиво вложила руку в его широкую ладонь и повела наверх. Ему пришлось оторвать ее от себя, чтобы покрепче держаться за перила, потому что деревянные ступеньки ходили ходуном, совсем как палуба во время шторма.

Дверь оказалась не толще листа бумаги, а перегородки — совсем тонкими: он слышал все, что происходило в соседней комнате.

— Хорошо сидим, да? — Девушка проследила направление его взгляда и захихикала.

Внезапно на него навалилась страшная усталость, он тяжело опустился на кровать и стал смотреть, как девушка расстегивает платье. Из-под бледной кожи выпирали острые позвонки. И он почему-то вспомнил о Фрэнсис, о ее тонких пальцах, в которых она держала фотографию его мальчиков.

— Ты мне помочь? — спросила девушка и, грациозно изогнувшись, показала на молнию на платье.

Кровать была аккуратно застелена тончайшим покрывалом. Колченогий столик украшала бутылка с изящно поставленными цветами. Эти две мелкие детали, свидетельствующие о стремлении к домашнему очагу даже в этой обители порока, вызвали у него слезы на глазах.

— Прости, — сказал он. — Не уверен, что…

Она повернулась к нему и посмотрела на него глазами раненой лани.

— Да-да, — сказала она, снова надев на лицо улыбку. — Ты будешь счастливым. Я тебя раньше видеть? Ты меня знаешь. Я сделаю тебя счастливым.

— Прости, — повторил он.

Тогда, с неожиданной для такого тщедушного существа силой, она снова схватила его за руку. Испуганно посмотрела на дверь, и он подумал, что, должно быть, у нее есть свои резоны не отпускать его.

— Ты подождать здесь чуть-чуть, — взмолилась она.

— Я просто хотел…

— Только чуть-чуть здесь.

И он понял, что она кажется старше из-за выражения глаз. Ее взгляд был потухшим и покорным, несмотря на то что она старалась беззаботно улыбаться и хлопать ресницами, точно молоденькая девушка. При более внимательном рассмотрении грудь ее оказалась поразительно неразвитой, будто еще не успела созреть. А ногти были обкусаны до мяса, совсем как когда-то у его сестры, и смотрелись по-детски неухоженными. Найкол закрыл глаза, ему вдруг стало безумно стыдно, словно он занимался совращением малолетней. Вот что делает с нами война, подумал он. Даже с теми, кому удалось выжить. Она все равно нас всех достает.

Неожиданно он почувствовал на себе вес ее тела, ее тонкие руки гладили его по лицу.

— Пожалуйста, ты чуть-чуть подождать, — прошептала она ему на ухо.

Он вдыхал запах ее духов, очень сладких и слегка тошнотворных, совсем не подходящих для юной девушки с неразвитыми формами.

Она обняла его за шею и потянула вниз:

— Ты подождать чуть-чуть со мной.

Проворными пальчиками она пробежалась вниз по его животу и, когда он отстранился, что-то приглушенно воскликнула, уткнувшись ему в шею.

— У меня внутри ничего не осталось, — сказал он. — Я совершенно пустой.

Тогда она легла рядом с ним, впившись темными глазами в его лицо, пытаясь угадать его мысли, а он устало опустил голову на подушку. Снизу в комнату проникал запах подгорелого масла, резкий и пряный.

— Ты должна мне что-то сказать. — Он взял девушку за руку.

Ее дыхание, легкое, осторожное, щекотало шею, и он понял, что проваливается в сон.

— Сейчас ты счастливый? — прошептала она.

Он не решался открыть рот, понимая, что сегодня вечером это будут его последние слова.

— Который час сейчас в Америке? — наконец спросил он.

Глава 12

У корабля был сеанс радиотелефонной связи с Лондоном! Что было обеспечено за счет связи с Сиднеем по Ти-би-эс.[28] *Микрофон УКВ-приемника в Сиднее подключили к телефонной линии Лондон — Сидней… Это огромный шаг вперед в сфере коммуникаций, открывающий в будущем самые широкие возможности.*

Из личного дневника мичмана Генри Стемпера.

13 января 1946 года

Двадцать первый день плавания

Такого с ней прежде не случалось. И у нее и в мыслях ничего такого не было. Но Фрэнсис вынуждена была признаться, что начинает влюбляться.

Каждый вечер она говорила себе, что должна быть осторожнее, что так и до беды недалеко, что ее действия могут поставить под угрозу безопасность ее плавания. И несмотря на это, каждый вечер, практически ничего не объясняя своим спутницам, исчезала за металлической дверью. Воровато оглядевшись по сторонам, осторожно пробиралась мимо других кают, взлетала по трапу, пересекала ангарную палубу и открывала тяжелую стальную дверь, ведущую на полетную палубу.

Когда, оглядываясь назад, Фрэнсис размышляла о том, что подвигло ее на такое безумие, она понимала, что отчасти именно то, что слишком уж здесь все стало привычным: женщины, моряки, рутина судовой жизни, тяжелая атмосфера неуверенности и ожидания. Она привыкла просыпаться по утрам, не имея четкой задачи на день, растеряла часть своей изначальной строгости, которая многие годы защищала ее, словно броня. Ей стало легче общаться с людьми. Она даже готова была признаться, что начинает немного симпатизировать некоторым. Например, Маргарет. К ней невозможно было не привязаться.

Но больше всего ей нравился корабль: нравилось, что он огромный, будто левиафан, слишком большой, чтобы быть творением человеческих рук, нравились его шрамы, нравились пятна ржавчины — ее не могли скрыть даже несколько слоев краски, — следы неумолимого времени, проведенного в море. Фрэнсис нравились открывающиеся с полетной палубы бескрайние просторы, по мере того как они медленно, но верно продвигались на запад. Нравились те возможности, что давал ей корабль. Морские мили и бесконечные морские сажени, которые все больше

отделяли Фрэнсис от ее прошлого.

Если бы по ночам не было слишком холодно, она часами сидела бы на полетной палубе, читая книжку или журнал, время от времени поднимая глаза, чтобы проверить, не видно ли ее с мостика. Но там привыкли смотреть только на море, и Фрэнсис удавалось оставаться незамеченной. Теперь устойчиво теплый ночной воздух приносил ей сладостное облегчение. Она занимала свое любимое место под брюхом самолета и в одиночестве наслаждалась ласковым морским ветерком, нескончаемым шумом волн внизу, вкусом соли на полураскрытых губах. Она любила определять по состоянию неба характер погоды за много миль от нее, наблюдать, как там, вдалеке, стихает ярость далекого шторма. Ну и конечно, нравились закаты, с их первобытным буйством оранжевых и синих красок, стекавших за горизонт так, что невозможно было отличить, где кончается небо и начинается море.

Иногда, когда ей улыбалась удача, она видела стаю морских свиней и смеялась над их маневрами. Казалось, они вступили в некий заговор с кораблем и слаженно следовали его движению. Но чаще всего она просто лежала возле одного из шасси самолета, сдвинув на затылок широкополую шляпу, и смотрела в небо. В небо, свободное от завывающих вражеских самолетов, от бесшумных, беспощадных бомб, от надрывных криков раненых. От суровых суждений тех, кто считал, что знает ее. Между ней и пунктом ее назначения не было абсолютно ничего — ни гор, ни деревьев, ни зданий. Ни людей.

Ночью, в полном одиночестве, она могла стряхнуть с себя, хотя бы временно, и прошлое и будущее. Могла просто сидеть, радуясь тому, что здесь она просто Фрэнсис, чувствуя себя крошечной песчинкой между небом, морем и звездами.

— Ну и как там твой корабль невест?

Линкор «Александра» стал первым британским кораблем, оказавшимся в зоне радиосвязи «Виктории» с момента отплытия из Сиднея. Однако Хайфилд отнесся к вызову командира линкора Эдварда Бакстера с меньшим энтузиазмом, чем если бы он был сделан при несколько иных обстоятельствах, поскольку у него имелось нехорошее подозрение насчет того, в каком именно ключе будет вестись разговор.

— И как проходит день спортивных мероприятий? Добсон говорит, что ты разрешаешь девушкам подпрыгивать, подскакивать и бегать вприпрыжку. Или я что-то не так понимаю?

Хайфилд закрыл глаза, прислушиваясь к отдаленным раскатам смеха.

Невзирая на приложенные усилия, день спортивных мероприятий, согласно всеобщему мнению, нельзя было считать безоговорочным успехом. Несмотря на зеркальную гладь поверхности моря, которую «Виктория» рассекала настолько спокойно, что, наверное, можно было бы удержать пенни на носу корабля чуть ли не до самого Тринкомали, с идеей хоккея на палубе пришлось расстаться после того, как три шайбы подряд улетели за борт. Та же печальная участь постигла эстафетную палочку во время эстафетного бега, который закончился горькими слезами одной из невест, освистанной за эту досадную оплошность. Другая ободрала ноги, поскольку слишком поздно затормозила и едва не свалилась с палубы, и ее пришлось волоком тащить обратно. И офицеры пришли к единодушному мнению, что девушки не обладают специальными навыками, необходимыми для занятий спортом на корабле, даже таком большом, как «Виктория».

Женщины-офицеры, уже совсем одуревшие от жары, попытались увеличить игровую зону до места дислокации истребителей. Но на практике оказалось невозможно без риска для жизни устраивать бег в мешках вокруг самолетов, и, даже когда их слегка отодвинули с помощью подъемных кранов или просто руками палубных матросов, женщины то и дело врезались в крылья или натыкались на пропеллеры. А так как ангары теперь были заняты, истребители вообще невозможно было убрать. Более того, здесь, в Индийском океане, корабль оказался в эпицентре волны тепла, и просторная полетная палуба нагрелась от солнца настолько, что во время бега девушки обжигали ноги, а вода в питьевых фонтанчиках становилась непригодной для питья, поэтому с течением дня число соревнующихся неумолимо уменьшалось. Они выбывали из игры под предлогом усталости, солнечных ожогов и головной боли. От невыносимой духоты в каютах и хронического недосыпа женщины были страшно раздражительными. И в довершение всего две девушки — к несчастью, одна из них оказалась основательницей Библейского клуба невест — после соревнований решили помочь подруге, повредившей лодыжку, доковылять до лазарета. А там доктор Даксбери, в облаке алкогольных паров, с головой углубился в чтение того, что — будь он в состоянии оправдываться — с некоторой натяжкой можно было бы назвать медицинской информацией. Растянутая лодыжка оказалась мигом забытой, и потрясенные до глубины души невесты рванули прямо к начальнице Красного Креста, дабы подать официальную жалобу.

— Я решил, что мне необходимо получше ознакомиться с женской анатомией, — сказал капитану Хайфилду доктор Даксбери.

— Сомневаюсь, что журнал «Голливудские старлетки» может служить полноценным учебником анатомии, — ответил капитан.

И капитан решил, что он, конечно, не ортодокс, но, пожалуй, будет полезно на время забрать у доктора ключи от лазарета.

А потом две девицы чуть было не перешли к рукоприкладству из-за ложки с яйцом (и совершенно напрасно, ибо яйцо было деревянным). Гонки с девушками на спине тоже закончились скандалом, поскольку одна из них обвинила тащившего ее матроса, что он заглядывал ей под юбку. На этом день спортивных мероприятий официально закончился.

— Похоже, все наши парни хотят знать, как у вас дела с расходом воды.

— Прекрасно, — ответил Хайфилд, тут же вспомнив утренний рапорт.

Возникли проблемы с одним из опреснительных узлов, но старший механик доложил, что сейчас все уже работает в штатном режиме.

Бакстер разговаривал слишком громко, словно рассчитывая на благодарных слушателей вокруг.

— Ходят слухи, что ты там у себя организовал парикмахерский салон, и вот нам всем интересно узнать, как твои ребята выглядят после мытья головы с шампунем и укладки… — Он грубо загоготал, и Хайфилду показалось, будто он слышит кругом отголоски его наглого смеха.

Он был один в метеорубке, расположенной над мерцающей палубой. Ужасно болела нога, она горячо пульсировала практически весь день. Когда это началось, у Хайфилда возникло смутное ощущение, будто его предали: ведь уже несколько дней нога практически его не беспокоила, и он уж было решил, что она заживет сама по себе и нет нужды обращаться за медицинской помощью.

— Пока меня пытались с тобой связать, я успел поговорить с Добсоном. Он утверждает, что эти австралийские девчонки уже дают вам прикурить.

— Что ты имеешь в виду?

— Доставляют лишние хлопоты. Заставляют мужчин волноваться. Тебе не позавидуешь, старина. Женщины, да еще в таком количестве, на корабле, с их стираным бельишком, лаком для ногтей, рюшечками, оборочками и прочей ерундистикой. Расхаживают повсюду в неглиже, отвлекая экипаж от работы. Мои ребята уже начинают делать ставки, сколько маленьких Викторов и Викторий появится через девять месяцев.

Хайфилд не мог не отметить, что после окончания войны стиль общения старшего офицерского состава стал гораздо развязнее. Теперь все явно были настроены на игривый лад, на разные там хиханьки да хаханьки. И Хайфилд поймал себя на том, что уже который раз тоскует о прежних временах. Однако он постарался, чтобы в его тоне не сквозили обиженные

нотки.

— Мои люди ведут себя должным образом.

— Джордж, я имею в виду не твоих ребят, а этих австралиек. Девицы из колоний далеко не такие сдержанные, как их английские сестры, если в том, что я слышал о ночных гулянках в Сиднее, есть хоть доля правды…

— Мои девушки ведут себя образцово. Все под контролем.

И капитан с содроганием вспомнил инцидент, о котором на прошлой неделе доложила ему офицер из женской вспомогательной службы. Бакстер и ему подобные непременно об этом прознают.

— Ну ладно. Но мой тебе совет держать их по возможности взаперти. У нас у самих было полно неприятностей из-за того, что молодые парни крутили шашни с женщинами. Всего-то один-два случая, причем это были не просто пассажирки, а офицеры вспомогательной службы. А шестьсот баб на борту — такое даже страшно представить. И осмелюсь предположить, некоторые из них наверняка потеряли голову при мысли, что едут домой.

Однако Хайфилд промолчал, дав собеседнику ясно понять, что на ответ, который тот хочет получить, можно не рассчитывать. Тем временем Хайфилд задрал штанину и посмотрел на рану. Возможно, это всего лишь плод больного воображения, но ему показалось, что кожа вокруг шва покраснела и воспалилась. Он опустил штанину и стиснул зубы, как будто одним усилием воли можно было исцелить треклятую болячку.

— Да… мысль о тебе и парикмахерском салоне нас изрядно повеселила. Из всех кораблей… из всех капитанов, а? И тем не менее… приятно знать, что старушка еще может послужить после ухода на заслуженный отдых. Ты сможешь организовать на ней первый в мире плавучий салон красоты.

Хайфилд мгновенно забыл о больной ноге.

— Уход на заслуженный отдых?

— Когда «Викторию» выведут из боевого состава флота.

— «Викторию» выведут из боевого состава?!

В разговоре возникла длинная пауза.

— Я полагал, что ты в курсе, старина. Она выработала свой ресурс. Инженеры обследовали ее в Вуллумулу и решили, что нет смысла ее больше латать. Она завершит свой славный путь в Англии. Теперь, когда война закончилась, решено сосредоточиться на создании авианосцев нового поколения. Надеюсь, это тебя не слишком расстроило?

Хайфилд устало опустился на стул. Со всех сторон на него молча смотрели метеорологические карты и круговые шкалы, пребывающие пока

в неведении относительно того, что их скоро спишут за ненадобностью. Вот как, мысленно обратился капитан к кораблю, значит, и тебя и меня, нас обоих. Хайфилд уже не слышал, что говорит ему Бакстер.

— Ну ладно, шутки в сторону. А вообще, как поживаешь, старина? Я слышал, история с «Индомитеблом» стала для тебя тяжелым ударом. Об этом только и говорили, хотя и недолго. Кое-кто за тебя беспокоится.

— У меня все прекрасно.

— Ну да, ну да. Тяжело вспоминать об этом, а? Какой ужас. Молодой Харт служил под моим началом пару лет назад. Я был потрясен, когда узнал. Замечательный молодой человек. Здорово выделялся на фоне остальных.

— Да. Да, это так.

— Однажды, когда мы были в Сингапуре, я познакомился с его женой. Славная крошка. Кажется, она тогда только-только родила близнецов. Кстати, это напомнило мне о цели моего звонка. Утром я получил радиограмму из Лондона. Они говорят, у тебя на борту есть несколько дамочек, которые замужем за моими парнями. Мы день-два пойдем рядом, поэтому там, в Лондоне, решили сделать красивый жест и дать им пообщаться с помощью радиотелефона.

— Я, право, не знаю…

— Ну, не стоит решать с кондачка. Насколько я понял, в любом случае их там совсем немного. Не думаю, что толпы девиц будут в истерике биться о твою дверь. Но для моих ребят это крайне важно. Поможет им держаться подальше от неприятностей. Через пару дней мы встаем на якорь в Адене, так что будет совсем невредно напомнить парням, прежде чем они сойдут на берег, об их обязательствах. — Он рассмеялся низким утробным смехом человека, не сомневающегося, что его правильно поймут.

А внизу на палубе матросы в тропической форме наводили порядок на палубе, убирали оставшиеся после дня спортивных мероприятий веревки и стулья, время от времени утирая пот со лба. Мимо них прошли две девушки, направлявшиеся в столовую, их безупречно уложенные волосы сияли на солнце. Они дружно нырнули под крыло самолета, одна из них мимоходом коснулась его изящными пальчиками и тут же отдернула руку, воскликнув что-то вроде «ой, как горячо». Она рассмеялась над ответом подруги и тут же прикрыла ладошкой рот.

А за их спиной вдоль палубы вытянулись истребители, их гладкие бока блестели от жары. Списанные за ненужностью, как и сам корабль.

— Хайфилд?

— Пусть твои люди поговорят с моим старпомом, — произнес Хайфилд, не сводя глаз с палубы. — Мы передадим тебе список пассажиров, и ты сообщишь мне, с кем именно хотят побеседовать твои ребята. А мы подумаем, как это лучше организовать.

Он снял наушники, прошел в радиорубку и сказал радисту:

— Соедините меня с главнокомандующим Британским Тихоокеанским флотом. И с тем, кто занимается договором по ленд-лизу.

В тот вечер в каюте, кроме Фрэнсис, никого не осталось. Эвис отправилась на занятия по изготовлению тряпичных цветов, что было одним из этапов подготовки к конкурсу на звание королевы красоты «Виктории». Теперь, когда Айрин Картер стала ее заклятым врагом, Эвис решила во что бы то ни стало уложить ее на обе лопатки.

Изнемогающая от духоты Джин, устав от урока чтения, ушла смотреть фильм в компании двух невест из верхней каюты.

Фрэнсис, насладившись часом одиночества, немного поиграла с собакой, но затем почувствовала странное беспокойство, возможно из-за жары. В безвоздушном пространстве каюты блузка прилипала к спине, а простыни — к матрасу. Тогда она пошла в уборную и сполоснула лицо холодной водой.

Она уже собралась было пойти на полетную палубу, как в каюту ворвалась Маргарет, раскрасневшаяся и запыхавшаяся.

— Господи боже мой! — твердила она, прижав пухлую руку к горлу. — Господи боже мой!

— С тобой все в порядке? — бросилась к ней Фрэнсис.

Маргарет с явным трудом вернула себе осмысленное выражение лица. Ее грудь и шея покраснели от внезапного прилива крови. Она тяжело опустилась на койку.

— Маргарет?

— Меня вызвали в радиорубку. Ни за что не догадаешься — я буду говорить с Джо!

— Что?

У Маргарет глаза стали круглыми, как блюдца.

— Сегодня вечером! Представляешь себе?! «Александра» сейчас находится неподалеку, и мы имеем возможность связаться по радио. Я и еще пять невест, как они сказали. Мы сумеем поговорить с нашими мужьями. Мне повезло! Нет, ты только представь! Да?! — Она схватила в охапку собаку и бурно ее расцеловала. — Ой, Моди, а ты можешь в это поверить? Я буду разговаривать с Джо! Сегодня! — Затем она бросила

взгляд на свое отражение в зеркале, которое Эвис повесила около двери, и застонала. — Ой, нет! Ты только посмотри, на кого я похожа! У меня от влажности на голове всегда черт-те что творится. — Она пропустила между пальцами непослушные пряди.

— Не думаю, что он увидит тебя во время радиосвязи, — рискнула заметить Фрэнсис.

— Но мне все равно хочется ему нравиться. — Маргарет схватила щетку Эвис и с остервенением накинулась на свою непокорную шевелюру. Наэлектризованные волосы встали дыбом в молчаливом протесте. Маргарет обиженно надула губы. — А ты со мной сходишь? Меня ноги не держат, и мне не хочется выставить себя дурой у всех на глазах. Ты не против? — Она закусила губу. — Последний раз я говорила с ним почти три месяца назад. И нужно, чтобы кто-нибудь напоминал мне, что нехорошо ругаться в присутствии капитана. — (Фрэнсис стояла, уставившись в пол.) — Ой, вот черт, прости, ради бога. Какая я бестактная! Я вовсе не собиралась сыпать соль на твои раны. Конечно, тебе тоже хотелось бы поговорить со своим мужем. Я просто подумала, что в такой момент хочу видеть рядом именно тебя.

Фрэнсис взяла Маргарет за руку, рука был влажной от жары и нервного возбуждения.

— С превеликим удовольствием, — сказала Фрэнсис.

— Джо?

Свет вокруг нее словно потускнел. Маргарет, которая неуклюже топталась на месте, спросила, там ли она встала. Радист, с наушниками на голове, поколдовал над расположенными перед ним наборными дисками. А затем, явно удовлетворенный полученной серией свистков и непонятного стрекотания, поставил перед ней микрофон.

— Лицо немного поближе. Сюда, — сказал он, осторожно положив свою руку Маргарет на спину, чтобы немного ее приободрить. — Вот так. А теперь попытайтесь еще раз.

— Джо?

В маленькой комнатке, спрятанной под мостиком, кучка отобранных невест, некоторые в сопровождении друзей, возбужденно пихали друг друга в бок. Радиорубка была слишком тесной для такого количества народу, и девушки стояли очень прямо, стараясь держать руки по швам, правда, некоторые, с блестевшими от пота лицами, все же обмахивались журналами. Небо за окном почернело, но они знали, что объект их вожделений плывет сейчас в темноте, за много миль от них.

— Мэгс? — Голос казался очень далеким и каким-то ломким. Но, судя по выражению лица Маргарет, это был, без сомнения, голос Джо.

Все судорожно вздохнули в едином порыве, точно дети при виде рождественской елки. Маргарет вызвали первой, и, казалось, только получив такое наглядное подтверждение своих чаяний, они смогли поверить в то, что это не сон, что их мужья близко и что после многих месяцев молчания они получат наконец возможность обменяться с ними несколькими драгоценными словами. Теперь девушки сияли от счастья, словно заразившись общей радостью.

Маргарет протянула руку к микрофону. И со смущенной улыбкой сказала:

— Джо, это я. Как поживаешь?

— Отлично, любимая. У тебя все в порядке? За тобой хорошо присматривают? — Его далекий голос прорезал тишину.

Маргарет еще крепче сжала микрофон:

— У меня все прекрасно. У меня и Джо-младшего. Как… приятно снова слышать тебя, — начала она и запнулась, видимо только сейчас осознав, что ее окружают посторонние люди, как, впрочем, наверное, и его. И никому из женщин не хотелось конфузить своих мужей на глазах у начальства и сослуживцев.

— Тебя там хорошо кормят? — снова послышался голос Джо, и все находившиеся в комнате дружно рассмеялись. Маргарет покосилась на капитана, который, скрестив руки на груди, стоял сзади. На его губах играла благосклонная улыбка.

— За нами замечательно ухаживают.

— Хорошо. Ты… там береги себя на этой жаре. И пей побольше воды.

— О, я пью…

— Все, дорогая, тут уже следующий на очереди. Но ты, главное, береги себя.

— И ты себя. — Маргарет наклонилась к микрофону, словно тем самым могла хоть как-то приблизиться к мужу.

— Увидимся в Плимуте. Уже недолго осталось.

Голос Маргарет дрогнул.

— Совсем недолго, — сказала она. — Пока, Джо.

Она отвернулась от микрофона, по ее лицу текли слезы. Заметив, что Маргарет вот-вот упадет, Фрэнсис поспешила ее подхватить. Слишком уж скупой обмен словами, подумала она. Маргарет должны были дать хотя бы еще несколько минут, причем в более приватной обстановке, чтобы она могла выразить свои чувства. Ведь ей так много надо было сказать своему

Джо: о свободе, о материнстве, о том, что значит быть женой.

Но когда Фрэнсис снова посмотрела на Маргарет, та ответила ей сияющей улыбкой, способной, казалось, осветить кромешную тьму.

— Ой, Фрэнсис, это было чудесно, — прошептала она.

В ее голосе звучала неприкрытая любовь и целая гамма глубоких чувств, рожденных такой малостью. Фрэнсис на короткую минуту прижала к себе подругу и стала рассеянно слушать, с некоторым смятением в душе, как та шепотом пытается воспроизвести разговор с Джо, сокрушаясь по поводу того, что совершенно ничего не соображала, а когда услышала его голос, вообще растерялась.

— Но ведь это все не имеет значения, правда? Ой, Фрэнсис, я очень надеюсь, что и ты скоро сможешь поговорить со своим мужем. Ты даже не представляешь, насколько мне полегчало. А ты слышала Джо? Лучше его никого нет. Правда?

Все взгляды были прикованы к смуглой девице в синем платье. При звуках голоса своего мужа она громко разрыдалась, и теперь ее успокаивала офицер из Красного Креста. Поэтому только капитану удалось заметить выражение лица стоявшей в углу высокой девушки, которая до того шутливо представилась как «неофициальная повитуха». Он старался не смотреть слишком открыто на кого-либо из женщин из боязни, что его могут неправильно понять. Но в ее напряженной позе было нечто интригующее. А в глазах таилось безмерное страдание человека, понесшего тяжелую утрату. И капитан безотчетно понял, что в его взгляде можно прочесть то же самое.

Найкол шел по нижней галерейной палубе, мимо кают-компании младших офицеров и склада боеприпасов, мимо ангара, где при обычных условиях можно было бы увидеть не ряд дверей, а несколько самолетов и непременные контейнеры с запчастями. Большинство дверей сейчас были слегка приоткрыты в тщетной попытке обеспечить доступ свежего воздуха в тесные каюты, из которых слышались приглушенные женские голоса, шлепанье карт об импровизированные столы или шелест журнальных страниц. Стараясь смотреть прямо перед с собой, он наконец достиг трапа и поднялся наверх, чувствуя, как от малейшего напряжения шорты буквально прилипают к коже. Кивнув капеллану, он прошел по плохо освещенному проходу в сторону холла и осторожно пробрался мимо капитанской каюты. Наконец, быстро оглядевшись по сторонам, он открыл дверь рядом с офисом старпома и оказался на темной палубе.

Ему уже сказали, где он сможет ее найти. Он смущенно постучался в дверь (ему было неловко вторгаться в это женское царство), чтобы сообщить о принятом решении. Чтобы они, как и все остальные, смогли подготовиться. Возможно, он предупредил их первыми, потому что хотел дать им возможность выбрать самое удобное место. В ответ они недоверчиво рассмеялись. Заставили его повторить сообщение дважды и только тогда наконец поверили. Затем Маргарет, все еще сиявшая после сеанса радиосвязи, под давлением Эвис и Джин шепотом подтвердила ему то, о чем он и так догадывался.

На затянутом облаками небе виднелась едва ли пригоршня звезд, поэтому ему потребовалось несколько минут, чтобы найти ее. Поначалу он решил, что понапрасну тратит время, и уже собрался развернуться, чтобы уйти. Строго говоря, он вообще не имел права покидать свой пост. Но внезапно тьма расступилась, луна вышла из-за облаков, залила призрачным светом палубу, и он различил ее угловатый силуэт под одним из «корсаров». Она сидела, обняв руками колени.

Он на мгновение замер, гадая про себя, заметила она его или нет и не поставит ли он ее в неудобное положение тем, что сумел определить, где она в данный момент находится. Но затем, когда он подошел поближе и она повернулась к нему, у него сразу отлегло от души. Как будто сам факт ее присутствия мог его в чем-то убедить. Последовательность, подумал он. Возможно, некое проявление скрытой доброты. Неожиданно он вспомнил окровавленное лицо Томсона, который лежал распростершись на палубе несколько дней назад. Должно быть, ввязался в пьяную драку, сказал парень из его кубрика. Глупый мальчишка оторвался от своих. А ведь морякам с самого начала велели зарубить себе на носу, что в незнакомом порту следует держаться вместе.

Найкол заметил, что она плакала. Он увидел, как она, утерев глаза, расправляет плечи, и его радость от встречи несколько омрачилась чувством неловкости.

— Простите, что помешал. Ваша подруга сказала, что вы здесь.

Она собралась подняться, но он махнул ей рукой, чтобы не вставала.

— Что-то случилось, да?

Она казалась ужасно встревоженной, наверное, решила, что его внезапное появление связано с неприятными известиями из дому, и он выругал себя за толстокожесть.

— Нет, все в порядке. Пожалуйста! — Он снова жестом попросил ее не вставать. — Я просто хотел сказать вам… Предупредить вас… что вы недолго будете в одиночестве…

Но тут случилось нечто еще более странное. Она явно пришла в смятение.

— Что? — спросила она. — Что вы имеете в виду?

— Приказ командира корабля. В шахтах элеватора… Я хочу сказать, в ваших каютах слишком жарко. И он распорядился, чтобы сегодня все спали здесь. Одним словом, все девушки.

Она слегка расслабилась:

— Спать здесь? На палубе? Вы уверены?

И он неожиданно для себя улыбнулся. Ему и самому идея показалась, мягко говоря, довольно странной. Старпом сообщил ему об этом, очень аккуратно подбирая слова, из чего стало ясно, что и он решил, будто капитан окончательно рехнулся.

— Мы не можем позволить вам свариться внизу. Там и так уже все раскалилось до предела. Один из наших механиков сегодня вечером потерял сознание в машинном отделении, поэтому капитан Хайфилд распорядился, чтобы невесты перенесли постельные принадлежности на палубу. Вы можете спать в купальниках. Так вам будет гораздо удобнее.

Она отвернулась и задумчиво посмотрела на черный океан.

— Полагаю, теперь мне придется держаться отсюда подальше, — тоскливо произнесла она.

А он не мог отвести глаз от ее нежного профиля. Ее кожа в белесом свете луны казалась молочно-белой. И когда он начал говорить, голос ему изменил. Пришлось прокашляться, чтобы скрыть предательскую хрипотцу.

— Но я здесь ни при чем, — сказал он. — И вы отнюдь не единственная, кому надо хоть несколько минут побыть наедине с морем.

Наедине с морем? И откуда что взялось? Он никогда так не говорил. Она непременно примет его за претенциозного дурака. В ее отстраненности было нечто такое, что заставляло его совершенно по-идиотски заикаться.

Но она, похоже, ничего не заметила. А когда повернулась к нему, он увидел, что в глазах у нее стоят слезы.

— Не важно, — тусклым голосом произнесла она. — Сегодня в любом случае оно не работало.

Ему хотелось спросить: что не работало? Но он только поспешно сказал:

— Вы в порядке?

— У меня все прекрасно, — ответила она и резко поднялась, стряхнув с юбки воображаемые пылинки.

Облака тем временем опять затянули луну, и ее лицо снова скрылось от

его взгляда.

Надо было видеть лицо Добсона, когда на палубе со спальником под мышкой появилась первая девушка в ярко-розовом раздельном купальнике с оборочками, хотя, случись такое чуть раньше, Хайфилд и сам потерял бы дар речи от возмущения. Девушка остановилась у двери, опасливо покосилась на капитана, а когда тот кивнул, махнула рукой подружкам, чтобы не отставали. Она на цыпочках пробралась на палубу, расположившись там, где ей указал морпех.

К ней тут же присоединились еще две. Они хихикали и толкали друг друга в бок под лучами включенного по сему случаю прожектора. И очень скоро отовсюду стали появляться девушки. Те, что покрупнее, были в просторных ночных рубашках из хлопка, поскольку явно стеснялись появляться на людях в неглиже. Ранее капитан сказал, что желающие могут остаться в своих спальнях, однако жара была настолько удушающей, что капитан не сомневался: большинство невест предпочтут духоте кают ласковый морской ветерок, пробивающийся сквозь неподвижный воздух на палубе. Так оно и вышло. Девушки все шли и шли, весело болтая или выражая недовольство, обнаружив, что им негде разложить постель. Их фигура, рост, прическа и манера поведения служили еще одним подтверждением бесконечного разнообразия представительниц женского пола.

За ними должны были присматривать морские пехотинцы. Как ни странно, но это был один из тех редких случаев, когда мужчины не стали возражать против внеочередного дежурства. Хайфилд наблюдал за морпехами, рассредоточившимися по палубе. Их обычно непроницаемые лица светились улыбками, они смеялись и шутили с женщинами по поводу столь немыслимого поворота событий.

— Какого черта? — бормотал себе под нос Хайфилд, чувствуя, как у него самого невольно приподнимаются уголки губ. — Какого черта?

В сопровождении Добсона появилась офицер из женской вспомогательной службы.

— Ну что, все собрались? — спросил Хайфилд.

— Полагаю, что так, капитан. Но нельзя ли поместить хоть кого-то поближе к самолетам? Боюсь, что всем просто не хватит места. Ведь нашим парням надо совершать обход периметра, а девушкам — иметь возможность вытянуть ноги…

— Нет, — отрезал Хайфилд. — Пусть держатся от самолетов подальше.

Добсон слегка замялся, словно в ожидании объяснений. И, не получив

их, раздраженно отправил женщину-офицера разбираться с двумя невестами, поссорившимися из-за простыни. Хайфилд не сомневался, тот непременно скажет остальным, что все это, возможно, из-за Харта, а история с «Индомитеблом» заставила капитана идти на неоправданный риск. Пусть думает что хочет, решил для себя Хайфилд.

Последняя невеста появилась на палубе уже около десяти часов вечера, после чего все каюты тщательно прочесали, дабы удостовериться, что больше никого не будет. Хайфилд встал перед женщинами, освещенными неверным светом прожекторов, и знаком велел им замолчать. Толпа постепенно успокоилась, и он слышал только отдаленный шум двигателей да глухой рокот волн внизу.

— Я собирался ознакомить вас с новыми правилами, — произнес капитан, переминаясь с ноги на ногу. Он внимательно оглядел морских пехотинцев, выстроившихся в ряд слева от него. — Кое-что прояснить насчет сегодняшнего вечера. Но решил, что слишком жарко для длинных разговоров. И если у вас не хватит здравого смысла не свалиться за борт, то это будет только пустая трата слов. Поэтому единственное, чего я хочу просить, — не отвлекать мужчин от работы. И очень надеюсь, что здесь вам будет спаться гораздо лучше.

Его слова были встречены оживленными возгласами и взрывом аплодисментов. Он видел кругом благодарные лица, и в его душе родилось неведомое доселе чувство. Его рот невольно растянулся в улыбке.

— Обеспечьте, чтобы, кроме морских пехотинцев, здесь не было других членов экипажа, — обратился он к Добсону.

И, забыв на волне приподнятого настроения о боли в ноге, бодро прошествовал в свою каюту.

Эта ночь, как уже гораздо позже поняла Фрэнсис, стала кульминацией плавания. И не только для нее, но и для абсолютного большинства. Возможно, небывалый душевный подъем объяснялся возможностью собраться вместе, а еще ощущением свободы и сладкой вольницы бескрайнего моря и звездного неба после долгих дней давящей жары и плохого настроения. Открытая палуба на короткое время сделала их равными, лишив возможности разбиться на группировки — явление сколь неприятное, столь и типичное для большого скопления женщин.

Эвис, игнорировавшая Фрэнсис всю прошлую неделю, потратила несколько часов, чтобы, пользуясь своим новым статусом дамы в интересном положении, подружиться с окружающими ее девушками. Маргарет — поначалу она немного волновалась из-за Мод Гонн, но сразу

успокоилась, когда Фрэнсис, воспользовавшись этим предлогом, проскользнула в каюту и обнаружила, что собака безмятежно спит, — отключилась уже минут через двадцать после того, как все улеглись. Облаченная в тонкую мужскую рубашку, она мирно похрапывала на левом боку, положив живот на подушку Фрэнсис.

Фрэнсис было приятно это видеть: она искренне жалела Маргарет — неуклюжую и распухшую, ужасно мучавшуюся от жары и беспокойно ворочавшуюся с боку на бок на узкой койке, чтобы найти удобное положение.

Поначалу Фрэнсис чувствовала себя немного неловко в купальнике, но, увидев вокруг обнаженные конечности и выставленные напоказ оголенные талии женщин всех мастей и размеров — некоторые демонстрировали новомодные минималистские бикини, — поняла, что подобная стыдливость просто нелепа. А когда морские пехотинцы оправились от первоначального шока при виде тех, кого им предстояло охранять, они тоже потеряли интерес к происходящему. Одни уже играли в карты на деревянных ящиках возле мостика, другие мирно болтали, не обращая никакого внимания на пленительные женские формы за их спиной.

Интересно, а их действительно это не волнует? — подумала Фрэнсис. Способен ли хоть один мужчина оставаться бесстрастным при таком обилии обнаженной женской плоти? Но, как ни старалась, она не смогла найти ни единого подтверждения своим сомнениям. Наконец она позволила себе отбросить простыню и устроиться полулежа, чтобы подставить ветру как можно большую поверхность тела. И когда все-таки увидела, как один из мужчин — в полной тропической экипировке — тоскливо посмотрел в их направлении, то обнаружила, что в его взгляде таится вовсе не вожделение, а самая натуральная зависть.

После полуночи она, должно быть, ненадолго задремала. Большинство девушек уже спали без задних ног. Несмотря на романтическую обстановку, при других обстоятельствах определенно не позволившую бы им уснуть, несколько бессонных ночей накануне все же сыграли свою решающую роль. Но она ничего не могла с собой поделать: ей было страшно неуютно среди такого количества людей. Наконец она сдалась и снова приняла сидячее положение, решив, что будет просто наслаждаться возможностью дышать свежим воздухом на законных основаниях. Накинув на плечи простыню, она осторожно пробралась к краю палубы, чтобы посмотреть на пенный след корабля в океане. В конце концов она сумела найти свободное место подальше от других и теперь сидела, бездумно глядя вдаль.

— У вас все в порядке? — раздался рядом тихий — слышный только ей одной — голос.

Морской пехотинец находился в нескольких футах от нее, он старательно смотрел прямо перед собой.

— У меня все прекрасно, — прошептала она.

Она тоже не отрывала глаз от моря, словно они оба договорились делать вид, будто не общаются.

Он остался стоять рядом с ней. Она остро ощущала неподвижность его слегка расставленных ног, готовых противостоять внезапной волне.

— Вам ведь нравится здесь, наверху, да? — спросил он.

— Очень. Возможно, мои слова звучат глупо. Но я поняла, что море делает меня… счастливой.

— Ну, раньше вы не выглядели слишком счастливой.

Она не ожидала, что сможет с ним вот так запросто общаться.

— Мне кажется, бескрайние морские просторы плохо на меня действуют, — сказала она. — Я не чувствую себя спокойной… как обычно.

— А… — Она поняла, что он кивнул. — Ну, корабль редко оправдывает ожидания.

Какое-то время они молчали. Фрэнсис ощущала смутное беспокойство, ведь их больше не разделяла металлическая дверь. Сначала она завернулась в простыню чуть ли не до подбородка. Но затем решила, что глупо устраивать демонстрацию, и позволила простыне свободно упасть с плеч. И сразу покраснела от собственной смелости.

— Когда вы здесь, у вас даже лицо меняется, — сказал он, и она бросила на него быстрый взгляд. Вероятно, он догадался, что переступил некую черту, поскольку опять смотрел прямо перед собой. — Я понимаю, каково это, — добавил он. — Вот почему мне так нравится находиться в море.

А как же ваши дети? — вертелось у нее на кончике языка, но она не знала, как правильно сформулировать вопрос, чтобы он не прозвучал как обвинение. Поэтому она просто осторожно покосилась на него. Ей хотелось спросить, почему он всегда выглядит таким грустным, если ему есть для кого жить и к кому возвращаться. Но он неожиданно повернулся, их глаза встретились. Она непроизвольно поднесла руку к лицу, словно желая защититься.

— Хотите, чтобы я вас оставил? — спокойно спросил он.

— Нет, — машинально ответила она.

И оба замолчали, ее ответ явно смутил его. Они задумчиво смотрели на темную воду, он стоял рядом, словно ее личный часовой.

Незадолго до пяти утра на горизонте за тысячи миль от них появились первые — яростные и неистовые — серебристые сполохи. Он рассказал ей, как в зависимости от положения корабля на экваторе может изменяться картина рассветов: иногда они медленно и неторопливо заливают небо молочно-синим светом, а иногда — это бурное и почти агрессивное сияние, мгновенно перерастающее в полноценную зарю. Рассказал, что, еще будучи неопытным новобранцем, мог перечислить практически все созвездия и даже немного гордился этим, что любил следить, как они медленно тают в утреннем небе, и радовался, когда с наступлением вечера они появлялись снова, но потом началась война и на ночное небо невозможно было смотреть дольше минуты, не услышав гула вражеских самолетов.

— Они все испортили, — сказал он. — И теперь мне проще туда не глядеть.

А она в свою очередь поведала ему, что рвущиеся в Тихом океане снаряды словно воспроизводили цвета рассвета, и еще о том, как она наблюдала за этим явлением из окна медицинской палатки, удивляясь способности человека ниспровергать законы природы. Но даже в таких диких красках была своеобразная красота, сказала она. Война — или, возможно, работа медсестры — научила видеть ее практически во всем.

— Все вернется. Нужно набраться терпения и подождать. — Ее голос был тихим и успокаивающим.

Он подумал, что, наверное, именно так она шептала слова утешения раненым, которых выхаживала, и, как это ни парадоксально, ему захотелось оказаться среди них.

— Вы уже давно служите на «Виктории»?

Ему потребовалась целая минута, чтобы сосредоточиться на ее словах.

— Нет, — ответил он. — Большинство из нас раньше были на «Индомитебле». Но его в конце войны потопили[29]. И те, кому удалось выбраться, в результате оказались на «Виктории».

Всего несколько заученных аккуратных слов. Они абсолютно ничего не говорили о хаосе и ужасе последних часов корабля, о превратившихся в огненные ловушки трюмах, о разрывах бомб и криках раненых.

Она повернулась к нему лицом:

— Вы многих тогда потеряли?

— Порядочно. Командир корабля — своего племянника.

Она посмотрела туда, где несколько часов назад под мостиком, изучая карту, стоял капитан Хайфилд, безупречно подтянутый и аккуратный в

своей тропической форме.

— Каждый из нас кого-то потерял, — сказала она скорее даже не ему, а себе.

Тогда он спросил ее о бывших военнопленных и очень внимательно выслушал нудный перечень ранений и пациентов, которые умерли. Он не стал допытываться, как ей удалось пережить ужасы войны. Те, кто прошел через такое, так и не сумели оправиться, заметила она. Хотя все это не важно по сравнению с тем, что ты смог остаться в живых или заслужить чью-то безмерную благодарность.

— Да уж, нелегкий выбор, — произнес он.

— А вы действительно полагаете, что у каждого из нас есть выбор?

Именно в эту секунду, посмотрев на ее бледное серьезное лицо и услышав в ее ответе полное нежелание представлять себя в выгодном свете на фоне страданий других людей, он понял, что его чувства к ней ни в коей мере нельзя назвать подобающими.

— Я… я… не… — Его открытие настолько потрясло его, что у него пропал голос, и он остолбенело покачал головой.

Неожиданно, очень некстати, он вспомнил свое последнее увольнение на берег и почувствовал себя страшно беззащитным, его захлестнула волна стыда.

— Мы все должны найти способ, — начала она, — загладить свою вину.

Ему хотелось крикнуть: и ты тоже?! Не ты начинала эту войну. Не ты несешь ответственность за ущерб, за оторванные конечности, за страдания людей. Ты здесь единственное светлое пятно. Ты заставляешь нас двигаться дальше. Из всех людей, из всех этих женщин, лежащих на палубе, тебе единственной не за что извиняться.

Возможно, дело было в неурочном часе или в ее обнаженных плечах, испускавших неземное сияние в тусклом утреннем свете. А возможно, в том, что он уже забыл, что такое нормальное человеческое общение, поскольку привык к казарменному юмору и напускной браваде. Ему хотелось открыться ей, распахнуть перед ней душу, чтобы она своим теплом и пониманием очистила его от грехов. А еще — крикнуть ее мужу, наверняка тупому и желчному человеку, который, должно быть, прямо сейчас, пока они разговаривают, подтягивая штаны, выходит с приятелями из какого-нибудь ближневосточного борделя: «Ты знаешь, каким сокровищем обладаешь?! Ты понимаешь?!»

У него в голове промелькнула сумасшедшая мысль облечь все свои мысли в слова. Но неожиданно краешком глаза он заметил появившегося

на мостике капитана Хайфилда. Проследив направление его взгляда, она повернулась и увидела, что капитан отдает распоряжения двум офицерам. Хайфилд махнул рукой в сторону самолетов и выпрямился, когда они начали что-то быстро говорить ему в ответ. Судя по тому, что беседа велась на повышенных тонах, произошло нечто чрезвычайное.

Он непроизвольно отпрянул от Фрэнсис.

— Пожалуй, пойду выясню, что происходит, — сказал он.

И пока он шел, сделав целых двадцать четыре шага, чтобы присоединиться к остальным, он хранил тепло ее ответной улыбки.

Через несколько минут он вернулся.

— Они все пойдут за борт, — сказал он.

— Что?

— Самолеты. Капитан решил, что нам не хватает места. Он только что получил разрешение из Лондона сбросить их за борт.

— Но ведь самолеты в полном порядке!

Его голос вдруг прозвучал непривычно громко. Эта долгая-долгая ночь поймала его в свои сети, задушила в объятиях, а теперь, отпустив, переполнила эмоциями.

— Важные шишки, которые следят за выполнением договора по ленд-лизу, согласны. Но он… не из тех капитанов, что легко принимают подобные решения. — Он недоверчиво покачал головой.

— Но капитан абсолютно прав, — подумав, сказала она. — Все кончилось. И пусть их примет море.

И когда первые бледные лучи солнца омыли холодным голубым светом полуобнаженные тела женщин, те немногие из них, что успели проснуться, закутавшись в простыни, безмолвно наблюдали слипающимися глазами, как механики один за другим выталкивают самолеты к краю палубы. Очень тихо, чтобы не разбудить спящих, самолеты в последний раз повернули носом к небу — крылья подняты вверх, некоторые еще хранили шрамы и ожоги как регалии за воздушные победы. Они терпеливо ждали, пока зачитывали их технические характеристики и ставили в нужном месте галочку. А затем, покачавшись на краю палубы, совершали последний полет — самый короткий в своей жизни — и с тихим всплеском, подхваченные течениями Индийского океана, беззвучно уходили вниз, к месту своей конечной посадки на невидимом и незнакомом морском ложе.

Глава 13

Мой брат вернулся домой с английской невестой. Он превозносил ее до небес, расписывал как умницу и красавицу — словом, само совершенство… Но вместо этого мы увидели безобразную, чумазую, краснолицую, ленивую потаскушку, у которой не нашлось ни единого доброго слова о ком-то или о чем-то в нашей стране… И лично для меня день, когда иностранная шлюха вошла в нашу семью, стал днем скорби.

Письмо в мельбурнскую газету «The Truth». 1919 год

Двадцать второй день плавания

Дорогая мамочка!

Мне крайне тяжело писать это письмо, и я очень долго не могла к нему приступить. Но ты и без моих объяснений наверняка знаешь, что я думаю о своем поступке и как тяжело жить с такой тяжестью на сердце. Мамочка, я вовсе не горжусь собой. Я пыталась убедить себя, что все сделала правильно. Однако я до сих пор не уверена, кого в результате защищала: тебя или себя…

Мой любимый!

Пишу тебе это письмо со странным чувством в душе, поскольку понимаю, что, скорее всего, ты получишь его уже тогда, когда мы будем держать друг друга в объятиях. Но наше плавание затягивается, и вот теперь, застряв посреди бескрайнего океана, я отчаянно хочу установить с тобой хоть какую-то связь. Попытаться поговорить с тобой, несмотря на то что ты не можешь меня услышать. Наверное, по сравнению с теми невестами, которые легче переносят долгие дни абсолютной пустоты, мне не хватает самодостаточности. Но для меня каждая минута, проведенная вдали от тебя, кажется впустую потраченным временем…

Мысленные беседы, имевшие место на «Виктории», становились насущной потребностью. Сейчас, на середине пути, атмосфера на корабле сделалась густой и тяжелой от одностороннего обмена эмоциями, когда невесты перечитывали письма или составляли послания, в которых делились страхами и сомнениями с далекой семьей или бранили своих мужей за слишком скупое проявление чувств. В каюте 3G сидевшие на своих койках невесты погрузились в глубокую задумчивость, нацелив авторучки на тончайшие листы бумаги, выпускаемой специально для военно-морского флота.

Из-за полуоткрытой двери время от времени доносились звуки шагов, взрывы смеха или приглушенный разговор с вкраплениями удивленных возгласов. Жара предыдущих дней немного спала с приходом небольшого шторма, и обитательницы кают для невест снова вернулись к жизни, многие из них дышали сейчас на палубе свежим воздухом. Но оставшимся в каюте 3G девушкам было не до них, они с головой ушли в монолог, рассчитанный на тех, кто сейчас находился далеко за пределами «Виктории».

...дорогой, в сложившихся обстоятельствах, мне кажется, глупо писать подобные слова. Тогда, возможно, я использую их, чтобы просто сказать, как сильно я тебя люблю и как счастлива, что у нас будет ребенок. Что мы сможем растить его вместе, не будучи разделенными необозримыми водными просторами. Что я не могу себе представить лучшего отца для своего ребенка, чем ты.

Иногда человеку так тяжело на душе и он настолько погружен в свои несчастья, что уже не может отличить хорошее от плохого. Тем более поступить правильно.

И все же прошлой ночью я кое-что поняла: даже после всего случившегося ты никогда не поступила бы так, как я. Ведь по большому счету ты всегда считала, что люди имеют право на счастье. И сейчас, когда я пишу эти строки, мне очень

стыдно

жаль.

— Эвис, — сказала Маргарет. — У тебя, случайно, не найдется промокательной бумаги?

— Вот, — свесившись вниз, ответила Эвис. — Можешь взять один лист. У меня ее много. — Расправив юбку, она уселась поудобнее и свободной рукой рассеянно погладила себя по животу.

...поэтому я собираюсь написать Летти и сказать ей правду. Что папа, хоть он никогда и никого не любил так, как тебя, имеет право на женское общество. Имеет право на то, чтобы за ним ухаживали. Я наконец поняла, что не должна была защищать тот идеальный образ вас обоих, который сама для себя создала. И не должна была сердиться на нее за то, что она любила его все это время. Ведь она, бедняжка, свои лучшие годы потратила на того, кого не могла получить. О ком не смела даже мечтать.

Не сомневаюсь, мамочка, что ты с этим согласишься. И считаю, что Летти после стольких лет одиночества имеет право на счастье.

— Я собираюсь посидеть немного на палубе. Ничего, если Моди

останется с тобой?

Эвис бросила взгляд на стоявшую с законченным письмом в руке Маргарет. Интересно, почему у нее такие красные глаза, подумала Эвис. Хотя, справедливости ради, если взять это ужасное синее платье, которое Маргарет не снимая носила последние десять дней, и эти распухшие лодыжки, то покрасневшие глаза можно считать наименьшим из ее огорчений.

— Конечно, — сказала Эвис.

— Сейчас, когда жара немножко спала, наверху очень даже неплохо.

Эвис кивнула и, когда за Маргарет закрылась дверь, продолжила письмо.

Это, конечно, очень странно, и, возможно, ты сочтешь меня глупой, но знаешь что, Иэн, я почему-то боялась сообщить тебе свою новость. Понимаю, ты не слишком любишь сюрпризы, но ведь этот сюрприз совершенно особенный, так? Конечно, очень хотелось бы немного пожить для себя, но, когда ребенок родится, мы сразу найдем для него подходящую няню, и у нас с тобой все будет по-прежнему, как тогда в Австралии, просто нас станет трое: ты, я и наш обожаемый малыш. Я слышала, многие мужчины жалуются, что после рождения ребенка жены уделяют им меньше внимания, но, смею тебя заверить, Я НЕ ОТНОШУСЬ К ИХ ЧИСЛУ. Ребенок никогда не встанет между нами. Мое сердце принадлежит в первую очередь тебе, и только тебе. Самое главное, чтобы мы были вместе. Ведь ты именно так всегда говорил. Я бережно храню в сердце твои слова. Вспоминаю их каждый божий день и каждую минуту. Самое главное, чтобы мы были вместе.

Твоя Эвис

Эвис легла на койку и прислушалась к отдаленному шуму двигателей, периодическому треску переговорного устройства и радостному визгу девушек, занимавшихся чем-то увлекательным наверху. Она положила запечатанное письмо на грудь, прижала его к себе обеими руками и предалась воспоминаниям.

Освобождать номер было положено в одиннадцать утра, но шла война, а жизнь продолжалась, и она знала, что даже в четверть третьего горничная вряд ли их потревожит. Мельбурнский отель «Флауэр гарден», подобно многим местным заведениям, в эти дни делал неплохие деньги на том, что называлось «продленным пребыванием в номере». По правде говоря, настолько продленным, что в результате парочки могли оставаться в отеле до ночи. Вполне возможно, что многие из них не были женаты. А иначе

зачем им тогда номер в отеле? Объяснения «жен», специально приехавших в город, чтобы встретить корабль «мужа», звучали не слишком убедительно даже для самых наивных. Но с учетом количества войск в городе и того факта, что жизнь есть жизнь, хозяин отеля, проявив гибкость, закрыл на формальности глаза — и фунты потекли рекой.

Эвис прикинула, сколько времени у нее есть в запасе до возвращения домой. Если они покинут отель через час, то еще успеют заглянуть в зоопарк, и тогда ей не придется лгать относительно того, где она была. Мама непременно спросит о суматранских тиграх или типа того.

Иэн дремал, придавив ее к кровати тяжелой рукой.

— О чем ты думаешь? — приоткрыв один глаз, спросил он.

Она медленно повернула голову, и теперь их лица разделяло всего несколько дюймов.

— О том, что, наверное, нехорошо заниматься этим до свадьбы.

— Не смей так говорить, моя красавица. Я просто не смог бы так долго ждать.

— Неужели это было бы настолько тяжело?

— Любимая, у меня увольнительная всего на сорок восемь часов. Разве то, что мы делали, не приятнее пустой суеты по поводу цветов, подружек невесты, ну и прочей ерунды?

Эвис про себя подумала, что ей, возможно, было бы приятно суетиться по поводу цветов и подружек невесты, но ужасно не хотелось портить ему настроение, поэтому она только загадочно улыбнулась.

— Боже правый, я люблю тебя.

Она буквально кожей чувствовала его слова, словно он с дыханием отдавал ей частичку себя. Она закрыла глаза, смакуя сладостное ощущение.

— Я тоже тебя люблю, дорогой.

— Но ты ведь не жалеешь, да?

— О том, что выхожу за тебя замуж?

— О том, что ты сделала… Ну, ты понимаешь. Тебе не было больно?

Если честно, то да. Немножко больно. Но не настолько, чтобы ей захотелось остановиться. Она зарделась, поскольку не ожидала, что сможет вытворять нечто подобное… и вообще так легко ему отдастся. Она всегда подозревала, исходя из маминых наставлений, что надо оттягивать решительный момент до последнего. Спящий Зверь, так называла это мама. «Лучше дать ему поспать как можно дольше», — глубокомысленно советовала она.

— Ты не стал обо мне хуже думать… — прошептала она, — из-за того,

что я позволила тебе… — Она сглотнула ком в горле. — Я хочу сказать, что, наверное, не должна была так явно наслаждаться…

— О, моя дорогая девочка, конечно же нет! Господи, нет, просто чудесно, что ты получила удовольствие. Эвис, на самом деле именно это мне в тебе и нравится. — Иэн притянул ее к себе и уткнулся ей в волосы. — Ты очень чувственное создание. Независимая и раскованная. Не то что зажатые английские девицы!

Независимая и раскованная. Она обнаружила, что начинает смотреть на себя глазами Иэна и даже верить в свой новый образ. Чуть раньше, когда она поняла, что лежит перед ним обнаженная, в полуобморочном состоянии, он начал говорить, что она богиня, самое соблазнительное создание, которое он когда-либо видел, и что-то еще, вогнавшее ее в краску, его глаза затуманились от восхищения, и она обнаружила — когда потянулась было за халатом, — что действительно ощущает себя соблазнительной и божественной.

Значит, он видит меня именно такой, сказала она себе. В нем есть нечто, благодаря чему я становлюсь лучше, чем на самом деле.

На улице возобновилось оживленное движение. Она услышала, как под их открытым окном хлопнула дверь машины и какой-то мужчина стал орать: «Дейви! Дейви!» — правда, безрезультатно.

— Итак, — наклонившись над ним, сказала Эвис, она пока так и не смогла привыкнуть к прикосновению его обнаженного тела. — Ты правда меня любишь, да?

Он улыбнулся ей, его волосы слегка примялись от подушки. Она подумала, что никогда в жизни не встречала такого красивого мужчину.

— И ты еще спрашиваешь!

— И тебе все во мне нравится, да? Я тебя ничем не раздражаю?

— Нет, конечно, — произнес он, потянувшись к прикроватному столику за сигаретой. — Это невозможно.

— А ты хочешь навсегда остаться со мной?

— Не только навсегда, но и навечно!

Она сделала глубокий вдох:

— Тогда я тебе кое-то скажу. Только обещай не сердиться!

Ровными белыми зубами он вытащил сигарету из пачки, зажег спичку, прикрыв пламя ладонью руки, которой обнимал ее за шею.

— Ммм? — произнес он, окутав ее мягким облаком сизого дыма.

— Мы поженимся.

Он бросил на нее быстрый взгляд. Затем поднял глаза к потолку:

— Конечно поженимся, мой утеночек.

— Завтра.

Она не очень любила вспоминать о том, что было дальше. Черты его лица заострились, а взгляд стал жестче.

Словно Не Такой Уж Спящий Зверь снова стал спящим.

— Что?

— Я уже обо всем договорилась. С мировым судьей. Мы поженимся завтра. В бюро регистраций на Коллинз-стрит. Там будут только мама, папа и Дина, а еще Хендерсоны — в качестве наших свидетелей. — Не дождавшись от него ответа, она продолжила: — Ох, дорогой, только, ради бога, не сердись на меня! Я не переживу, если ты снова уйдешь в плавание, а я так и останусь на положении твоей невесты. Я тут подумала: ведь ты любишь меня, я люблю тебя и мы оба действительно хотим быть вместе, тогда какой смысл ждать долгие-долгие месяцы? И ты ведь сам говорил, что получил разрешение у своего начальства.

Иэн так резко сел, что она невольно упала на подушки. Тогда она прислонилась к изголовью кровати, стыдливо прикрыв грудь простыней.

Повернувшись к ней спиной, Иэн наклонился вперед. Возможно, это всего лишь игра воображения, но ей показалось, что он курит сигарету с какой-то мрачной решимостью.

— Ну вот, дорогой, — игриво сказала она. — Ты не должен сердиться. Я этого не потерплю!

Он не шелохнулся.

Она ждала ответа, наверное, целую вечность и, не получив, была несколько обескуражена. Игриво-неодобрительное выражение лица постепенно сменилось растерянным. Наконец, поняв, что больше не в силах сдерживаться, она осторожно прикоснулась к нему. Его кожа, казалось, хранила воспоминания об упоительных мгновениях.

— Ты что, правда на меня сердишься?

Он не ответил. Затем вынул изо рта сигарету, повернулся к ней и машинально пригладил волосы:

— Не люблю, когда ты действуешь через мою голову… особенно когда речь идет… о таких важных вещах.

Тогда она уронила простыню, наклонилась вперед и обвила обнаженными руками его шею.

— Прости, дорогой, — прошептала она, уткнувшись носом ему в ухо. — Я думала, ты обрадуешься.

Что, собственно говоря, лишь отчасти было правдой: ведь когда она обо всем договаривалась, то прекрасно понимала, что сосущее чувство под ложечкой объяснялось не только предвкушением знаменательного

события.

— Ну и вообще организация подобных вещей — мужская прерогатива. Из-за тебя я чувствую себя как… Ну, я не знаю, Эвис. Кто из нас носит брюки — ты или я? — Его лицо еще больше помрачнело.

— Ну конечно ты! — ответила она и, откинув простыню, закинула на него стройную ногу.

— Так это не шутка? Все решено, да? Гости и все остальное?

Она оторвала губы от его шеи:

— Только Хендерсоны. Я хочу сказать, не считая членов семьи. Не думай, что я организовала без твоего ведома такое уж грандиозное мероприятие!

Он закрыл лицо ладонью:

— Поверить не могу, что ты это сделала!

— Иэн, любимый, ради бога, не надо…

— Поверить не могу, что ты…

— Дорогой, ведь ты все еще хочешь меня, да? — В ее голосе — слегка дрожащем и умоляющем, — пожалуй, было больше сомнения, чем она на самом деле чувствовала. Ей даже в голову не могло прийти, что Иэн вдруг изменит свое решение.

— Ты прекрасно знаешь, что да… Просто…

— Значит, ты желаешь убедиться, что останешься хозяином в доме. Конечно да! А ты, оказывается, самый настоящий деспот! Но если бы у нас было побольше времени, я никогда бы не стала спешить! О Иэн, дорогой! Не сердись на меня, пожалуйста! Просто мне ужасно не терпелось поскорее стать миссис Рэдли. — Она потерлась носом о его нос, распахнула голубые глаза — и он сразу утонул в них. — О Иэн, я ведь так тебя люблю!

В результате он ничего не сказал, а просто отдал себя во власть ее поцелуев, ее умоляющего шепота, ее настойчивых рук. Наконец она поняла, что он немного оттаял.

— Это все потому, что я слишком люблю тебя, дорогой, — промурлыкала она, и он сдался на милость победительницы.

Она поняла, что, по мере того как просыпается Спящий Зверь, восстанавливается ее контроль над его телом, и где-то в глубине души с удовлетворением отметила, что терпение и труд все перетрут, словом, немножечко ума, очарования, удачи — и Эвис Причард, как всегда, добьется своего.

На церемонии бракосочетания он вел себя немного странно. Она знала,

мама именно так и подумала. Он был каким-то рассеянным, слушал вполуха, грыз ногти — привычка, не подобающая взрослому мужчине. С учетом того, что присутствовали всего восемь человек, а он к тому же морской офицер, она находила его нервозность несколько избыточной.

— Вот глупышка, — сказал ей папа. — Все женихи выглядят точно приговоренные к смертной казни.

А ее мама игриво шлепнула его по руке и ободряюще улыбнулась накрашенными губами.

Дина пребывала в дурном настроении. Она надела темно-синий, почти черный костюм, и Эвис, естественно, пожаловалась на нее маме, но та посоветовала не кипятиться.

— Ей, конечно, очень неприятно, что ты первая выходишь замуж, — прошептала мама. — Ты ведь понимаешь?

Эвис понимала. И даже слишком хорошо.

— Ты все еще любишь меня? — уже потом спросила она его.

Ее родители оплатили праздничный обед и номер в «Гранд-отеле» Мельбурна. Ее мама за столом всхлипывала, а когда они с Иэном собрались подняться наверх, сказала театральным шепотом, что все было вполне на уровне и Эвис не помешает немного выпить для смелости. Эвис в ответ только улыбнулась. Ее улыбка успокоила маму и до чертиков разозлила сестру, поскольку словно говорила: «Я собираюсь сделать ЭТО. Я стану женщиной раньше тебя». Эвис так и подмывало сообщить сестре, что уже сделала ЭТО накануне вечером, но в последнее время Дина стала ужасно вредной, она только и ждала удобного случая, чтобы заложить ее маме.

— Иэн? Теперь, когда я стала миссис Рэдли, ты все еще любишь меня?

Они наконец вошли в свой номер. Он закрыл за ней дверь, глотнул бренди и расстегнул воротничок.

— Конечно люблю, — ответил он. Сейчас он уже, похоже, пришел в себя. Он прижал Эвис к себе и стал шарить горячей рукой по ее бедру. — Безумно люблю, моя дорогая девочка.

— И как, ты меня простил?

Но ему уже было не до чего.

— Конечно. — Он легонько куснул ее в шею. — Я ведь тебе говорил. Просто не люблю сюрпризов.

— Чувствую, что надвигается шторм. — Валлиец Джонс проверил барометр возле двери в кубрик, закурил очередную сигарету и передернул плечами. — Я его нутром чувствую. Такое давление обязательно даст о

себе знать.

— А что, по-твоему, было утром? Просто туман с дождем?

— И ты считаешь это штормом? Будто в лужу пернули! Я, парни, говорю о настоящем шторме. О шторме, похожем на разъяренную женщину. Когда волосы встают дыбом, сводит челюсти и штаны трещат по всем швам, а ты еще даже не успел сказать: «Ой, да брось, любимая. Я назвал тебя ее именем просто в шутку».

В ответ из гамаков раздался дружный взрыв смеха. Найкол слышал угрюмый шум волн, предвещающий грозовые тучи. Джонс был прав. Будет шторм. Он напрягся, на душе стало тревожно, словно он выпил слишком много черного кофе. Это всего лишь шторм, сказал он себе.

Перед его мысленным взором снова возникло бледное лицо в лунном свете. Ее взгляд не был призывным или кокетливым. Она не из тех женщин, кто флиртом компенсирует себе ограничения, накладываемые статусом замужней дамы. Правда, было в ее взгляде что-то особенное. Нечто такое, что говорило ему о наличии взаимопонимания между ними. И какой-то странной связи. Она действительно *узнала* его. Именно это он и почувствовал.

— Ох, господи боже ты мой! — громко воскликнул он, вылезая из гамака.

Он вовсе не собирался ничего говорить и, когда его ноги коснулись пола, сразу пришел в себя.

— Найкол, любовь моя, в чем дело? — отложил свое письмо Валлиец Джонс. — Тебе что, слишком туго затянули корсет? Или слишком мало салаг удалось в карцер посадить?

Найкол зажмурился. Глаза были как песком засыпаны. Но несмотря на усталость, он почти не спал. А если и спал, то урывками в дневные часы. Когда ему удавалось немного расслабиться, тревожное состояние потихоньку исчезало, оставляя после себя лишь свинцовую тяжесть век. И боль в душе. Как я могу так думать? Почему из всех людей именно я?

— Голова раскалывается, — потер он лоб. — Ты был прав. Это давление.

Он убеждал себя, что уже не способен на проявление эмоций. После всех ужасов войны, после потери товарищей он окончательно замкнулся в себе. И вот теперь, беспристрастно посмотрев на себя со стороны, он понял, что, наверное, никогда не любил жену, а женился просто потому, что так было надо. У него не оставалось иного выхода после того, как она призналась ему, к каким последствиям привели их шалости. И вот ты женился, обзавелся детишками и постарел. Твоя жена тоже постарела и

поблекла в одиночестве, а ты стал желчным и замкнутым из-за несбывшихся надежд. Дети выросли и выпорхнули из родного гнезда, дав себе зарок не повторять родительских ошибок. В душе уже не осталось места для желаний или жажды перемен. И ТЫ СМИРИЛСЯ. Возможно, думал он в самые черные минуты, просто трудно признаться себе в том, что война освободила тебя от этого.

— Слушай сюда, Найкол! Кочегары собираются сегодня вечером закатить вечеринку. Самое время, раз уж на нашей старушке все устаканилось. — Джонс задумчиво постучал по переборке. — Хочу сказать, довольно всем этим женщинам впустую растрачивать свои таланты, должны же они отведать старого доброго морского гостеприимства. Думаю заглянуть к ним в кубрик чуть погодя.

Найкол взял ботинок и принялся его полировать.

— Ну ты, сукин сын, и ловкач! — бросил он.

Валлиец Джонс шутливо зарычал.

— А что здесь плохого? — спросил он. — Та, что не захочет отведать моего гренка по-валлийски, значит, и вправду любит своего мужа. И это прекрасно. А те, кто находят, что морской воздух… — многозначительно поднял он бровь, — пробуждает у них аппетит, вероятно, и не собирались держаться до конца.

— Джонс, ты не можешь так поступать. Видит бог, они замужние женщины.

— А я вот на все сто уверен: многие из тех, что садились на корабль замужними дамочками, уже пересмотрели свой взгляд на замужество. Ты ведь уже слышал о случае, что произошел на палубе В, да? Прошлой ночью я дежурил у каюты 6Е. Так, прикинь, блондиночка из той каюты вообще не давала мне покоя. Шастала туда-сюда, туда-сюда… «Ой, мне буквально на секундочку в уборную», а у самой халат нараспашку. Так вот, я считаю, что здесь настоящие жертвы — именно мы, мужчины. — Он театрально похлопал ресницами. (Найкол снова взялся за ботинок, который полировал.) — Ох, да брось, Найкол! Не стоит так рьяно защищать замужних женщин и судить нас слишком строго. Если тебе нравится жить по уставу, это еще не значит, что остальные не могут получить хоть толику удовольствия.

— По-моему, тебе стоит оставить их в покое, — произнес Найкол, стараясь не слышать одобрительного гула в ответ на слова Джонса. Ему было неприятно сознавать, что среди членов экипажа, как ползучая зараза, постепенно распространяется неуважительное отношение к женщинам.

— А вот я считаю, что тебе не мешает немного встряхнуться. Вот

Лиддер тоже идет, да, парень? А еще Брент и Фартинг. Пошли с нами, а там сам посмотришь, как мы себя ведем.

— Я сегодня дежурю.

— Конечно дежуришь. Прижав ухо к двери их спальни, чтобы послушать, как они тяжело дышат от неудовлетворенных желаний. — Хмыкнув, Джонс залез в свой гамак. — Ой, Найкол, кончай валять дурака! Морпехам тоже невредно иногда развлечься. Послушай… Ладно, постарайся посмотреть на то, что мы делаем, как на своего рода службу. Развлечение жен военнослужащих Британской империи. Словом, как на работу во благо нации.

И, шутливо отдав честь, Джонс улегся в гамаке. И к тому времени, как Найкол сумел придумать достойный ответ, тот уже крепко спал с тлеющей сигаретой «Синьор сервис»[30] в руке.

Мужчины боксировали на полетной палубе. Там, где раньше стояли «корсары», устроили импровизированный ринг, на котором Деннис Тимс прямо сейчас делал котлету из другого моряка. Его обнаженный торс представлял собой гору мускулов, а сам он двигался по рингу тяжело и не слишком ритмично. Не человек, а автомат, машина для разрушения. Его тяжелые кулаки тупо молотили противника, молодого матросика. В результате, практически бездыханный, он упал на канаты, и его уволокли прочь. Уже четыре раунда подряд в победах Тимса была такая жуткая неотвратимость, что у собравшихся зрителей — женщин и моряков — едва хватало энтузиазма на бурные аплодисменты.

Фрэнсис, которая не могла себя заставить наблюдать за побоищем, стояла, повернувшись к ним спиной. Тимс, кулачная расправа… Слишком живы оказались воспоминания о той роковой ночи, когда произошел «инцидент» с Джин. Было нечто такое в этом человеке, в его мощном замахе, в его свирепо выпяченном подбородке, в том, как он обрабатывал отданную ему на растерзание бледную человеческую плоть, что Фрэнсис похолодела, несмотря на жару. И девушка уж начала было подумывать увести сидевшую рядом Джин от греха подальше. Но неподдельный интерес Джин к поединку свидетельствовал о том, что она не помнила ни Тимса, ни других непосредственных участников рокового события, поскольку была в стельку пьяна.

— Надеюсь, что они все-таки не слишком разгорячатся, — заявила Джин, устроившись рядом с Маргарет. Похоже, ей явно не сиделось на месте: последний час она только и делала, что курсировала между рингом и шезлонгами, на которых расположились Маргарет с Фрэнсис. — Вы

слышали? Вода кончилась.

— Что? — удивленно посмотрела на нее Маргарет.

— Нет, слава богу, не питьевая, но насосы не справляются, и теперь никакого мытья или стирки — волос, одежды и остального, — пока они их не наладят. Только неприкосновенный запас. Можете себе представить? Это в такую-то погоду! — Она картинно обмахнулась рукой. — Должна вам сказать, в уборных черт знает что творится! Эта Айрин Картер корчит из себя благородную, но вы бы слышали, как она выражалась, когда из душа перестала литься вода. Она даже старину Денниса вогнала бы в краску! — За последнюю неделю к Джин вернулась обычная жизнерадостность, ее бессвязная речь приобрела новый импульс и теперь лилась нескончаемым потоком. — А вы в курсе, что Эвис будет соревноваться с Айрин Картер на звание королевы красоты «Виктории»? А сегодня днем конкурс «Мисс Самые Красивые Ножки». Эвис сейчас у шкафчиков с нашими вещами, уговаривает офицершу разрешить ей взять из чемодана лучшую пару лодочек. Четырехдюймовый каблук, темно-зеленый атлас, как раз в тон ее купальника.

— О…

Тимс сделал апперкот, сопроводив его хуком слева. Затем снова. Еще и еще.

— Мэгги, с тобой все в порядке?

Маргарет мыслями была где-то далеко и не замечала протянутого Фрэнсис мороженого. Фрэнсис удивленно переглянулась с Джин.

— У меня все прекрасно. Честно, — сказала Маргарет, старательно отводя глаза.

— Ой, Деннис снова на ринге. Пойду посмотрю, захочет ли кто-нибудь заключить со мной пари. Хотя что-то не вижу желающих. Тем более при таких ставках. — Джин резво вскочила, одернула юбку и присоединилась к остальным зевакам.

Маргарет с Фрэнсис остались есть мороженое. Где-то вдалеке, у самого горизонта, шел танкер, и они молча следили за ним до тех пор, пока он не растворился в туманной дымке.

— Это что у тебя? — Маргарет посмотрела на письмо, которое держала в руке. Неожиданно она поняла, что имя адресата очень хорошо видно. Фрэнсис больше ничего не сказала, но в ее глазах был немой вопрос. — Ты… собираешься кинуть его в море, да? — (Маргарет бросила взгляд на лазурную воду.) — Что ж, может быть, и правильно. Однажды у меня был пациент, его любимая погибла в Германии во время бомбежки. Он написал ей прощальное письмо, мы положили письмо в бутылку, а бутылку

выбросили за борт нашего плавучего госпиталя.

— Я собиралась его отправить, — сказала Маргарет.

Фрэнсис снова посмотрела на конверт, словно желая проверить, правильно ли она прочла имя. Затем с озадаченным видом повернулась к Маргарет. За ее спиной зрители, окружившие ринг, что-то возмущенно кричали, но Фрэнсис не сводила взгляда с подруги.

— Я солгала, — сказала Маргарет. — Позволила всем думать, что она умерла, но это не так. Она нас бросила. Уехала два с половиной года назад.

— Твоя мать?

— Угу. — Маргарет помахала письмом. — Сама не понимаю, зачем я его сюда принесла!

Затем Маргарет начала говорить, уже не заботясь, услышит ее кто-нибудь или нет.

Это стало для них самым настоящим потрясением. Так велико было непонимание того, что произошло. В один прекрасный день, когда они вернулись домой, на плите, как обычно, варился обед, выглаженные рубашки аккуратно висели в ряд, полы были вымыты и натерты, а на столе — записка. Она иссякла и больше не может, написала она. Она дождалась, пока братья Маргарет вернутся с войны, а Дэниелу исполнится четырнадцать и он возмужает, и теперь твердо решила, что выполнила свою миссию. Она любила их всех, но хотела хоть немножко пожить для себя, пока у нее еще есть силы. Она надеялась, что они ее поймут, но предвидела, что нет.

Она попросила Фреда Бриджмена подбросить ее до станции и уехала, взяв с собой только чемодан с одеждой, отложенные двадцать два фунта и две фотографии детей, стоявшие в гостиной.

— Мистер Лайдер из билетной кассы сказал, что она села на поезд до Сиднея. А оттуда она могла отправиться куда угодно. Мы надеялись, что она вернется домой, когда будет готова. Но она так и не вернулась. Дэниел перенес ее отъезд тяжелее других. — (Фрэнсис взяла Маргарет за руку.) — Уже гораздо позже я поняла, что мы должны были заметить признаки надвигающейся беды. Но ведь никто никогда не приглядывается. Разве не так? Матери по определению всегда измучены и сыты по горло такой жизнью. Они по определению сперва орут, а потом извиняются. У них по определению вечно болит голова. Мне кажется, мы все относились к ней как к предмету обстановки.

— А ты с тех пор что-нибудь о ней слышала?

— Она пару раз нам писала, и папа писал в ответ, умолял вернуться, но она не вернулась, и он перестал. Вообще-то, довольно быстро. Он не смог

смириться с мыслью, что она его больше не любит. А когда мальчики поняли, что она не вернется, тоже перестали писать. Словом, он… они… вели себя так, будто она умерла. Это было легче, чем принять правду. — Маргарет ненадолго замолчала. — В нынешнем году она написала только один раз. Возможно, я напоминаю ей о чем-то таком, что она хочет забыть. Возможно, я вызываю у нее чувство вины. Иногда мне кажется, что с моей стороны будет гуманнее просто взять и отпустить ее. — Маргарет повертела в свободной руке конверт.

— Я уверена, она не хотела причинять тебе боль, — тихо произнесла Фрэнсис.

— И тем не менее причинила. И боль эта не проходит.

— Но ты хотя бы можешь с ней связаться. Пути Господни неисповедимы. Когда она узнает, что ты переехала, возможно, будет писать чаще.

— Дело не только в письмах. — Маргарет швырнула конверт на палубу.

Фрэнсис с трудом поборола желание прижать письмо чем-то тяжелым, чтобы его не унесло случайным порывом ветра.

— Все так запуталось. Дело в ней, то есть в ней и во мне.

— Но она же сказала, что любит тебя…

— Ты не понимаешь. Я ведь ее дочь, так?

— Да… но…

— Тогда что я должна сейчас чувствовать, если материнство настолько плохая штука и моей матери отчаянно хотелось сбежать? — Маргарет потерла глаза распухшими пальцами. — Фрэнсис, а что, если… что, если, когда это существо родится, когда ребенок появится на свет… я буду испытывать то же самое, что и мама?

Погода испортилась ровно в половине пятого, как раз когда закончился боксерский матч или, вернее сказать, когда Тимсу надоел весь этот цирк. Первые тяжелые капли дождя упали на палубу, и женщины стали разбегаться, испуганно кудахча из-под полей шляп от солнца, прикрывая головы сложенными журналами и запихивая вещи в сумки. Они, точно муравьи, мгновенно расползлись по ангарной палубе.

Маргарет поспешила в каюту проведать Мод Гонн, а Фрэнсис с Джин остались сидеть в буфетной, наблюдая за тем, как струйки воды размывают пятна соли на стеклах, просачиваясь сквозь ржавые рамы. Кроме них, только несколько невест предпочли остаться на палубе, укрывшись в относительно надежных стенах буфетной. С моря шторм выглядел совсем

не так, как с суши, и они чувствовали себя совсем беззащитными посреди бушующих сизых волн и потоков дождя, который извергали неумолимо надвигающиеся с юга свинцовые тучи.

После того как Маргарет выговорилась, у нее явно отлегло от сердца. Она немного поплакала, побранила за это ребенка в животе, а затем, улыбаясь, принялась без конца извиняться. Фрэнсис было страшно неловко. Ей хотелось рассказать Маргарет хоть немного о собственной семье, но она понимала, что подобный рассказ повлечет за собой необходимость дальнейших откровений, к чему она была совершенно не готова. Фрэнсис очень ценила дружеские отношения с Маргарет, что делало ее еще более уязвимой. Более того, она боялась накликать беду. Поигрывая металлической ложечкой в пустой чашке, она прислушивалась к натужному кряхтенью корабля. Снаружи жалобно звякали цепи, а дождь барабанил по палубе.

Интересно, где он сейчас? — подумала она. Спит или нет? Или просто мечтает о своих ребятишках? Или о жене? И если мысли о дружбе с Маргарет наполняли ее душу новыми — радостными — эмоциями, то размышления о семье морпеха будили в ней нечто такое, отчего ей становилось безумно стыдно.

Она завидовала. Она поняла это в тот вечер, когда Маргарет общалась со своим Джо по радио. Слыша их разговор, видя, как Маргарет буквально светится от надежды услышать всего несколько ласковых слов, Фрэнсис еще острее ощутила свое одиночество и зияющую пустоту собственной жизни. Она почувствовала острый приступ печали, которую — наверное, впервые за время плавания — не могло унять даже созерцание океана. А от тягостных мыслей о морпехе и его семье ощущение потери стало еще сильнее. Она думала о нем как о близком человеке, о родственной душе. Она еще никогда не испытывала ничего подобного к мужчине. И теперь обнаружила, что все это переросло в нечто не поддающееся точному определению, но очень похожее на горечь разлуки.

Она подумала о своем муже — Чоки Маккензи. Он никогда не будил в ней подобных чувств. Оставив в покое ложку, она заставила себя посмотреть на свою соседку. Я этого не сделаю, сказала она себе. Что толку мечтать о невозможном? О том, чего ты никогда не сможешь иметь. Она вспомнила первые дни на борту. Тогда ей было вполне достаточно осознания того, что впереди дальняя дорога. Она ведь была вполне счастлива, разве нет?

— Кок говорит, что это еще не самый сильный шторм, — с разочарованием в голосе произнесла Джин, вернувшаяся к столу с двумя

чашками чая. — Похоже, он уже набрал силу. Ужасно обидно. Когда мы шли через Большой Австралийский залив, я была не против качки. По крайней мере, когда меня перестало выворачивать наизнанку. Он, правда, говорит, что, когда мы пройдем Суэцкий канал, следует ждать очередной непогоды.

Фрэнсис уже успела привыкнуть к полному отсутствию у Джин элементарной логики, а также к ее приступам энтузиазма по самым нелепым поводам.

— По-моему, большинство пассажиров вовсе не жаждут ухудшения погоды.

— А вот я действительно этого хочу. Хочу всамделишного шторма, по высшему разряду. Чтобы было о чем рассказать Стэну. Ой, конечно, наша старушка такая большая, что мы толком ничего и не почувствуем, но я обязательно останусь здесь, чтобы лучше видеть. Для острых ощущений, понимаешь? Все как в кино, только взаправду. А то, если честно, здесь становится скучновато.

Фрэнсис посмотрела в иллюминатор. Где-то далеко-далеко небо прорезали молнии, осветив его неземным светом. Дождь зарядил сильнее, он стучал по металлической крыше, и девушкам пришлось перейти на крик, чтобы слышать друг друга. Несколько невест, сгрудившихся в другом конце буфетной, тыкали пальцем в сторону далекого горизонта.

— Ой да ладно тебе, Фрэнсис! Ты ведь тоже любишь острые ощущения. Только посмотри на молнию! И ты еще будешь говорить, будто это тебя нисколечко не трогает! Ну знаешь! — Джин поерзала на месте. — Я хочу сказать, ты только посмотри!

И Фрэнсис на секунду позволила себе взглянуть на шквал глазами Джин, пропустить через себя его могучую энергию, осветить себя изнутри, подзарядить себя на полную мощность. Однако сила многолетней привычки возобладала, и когда она повернулась к Джин, то снова стала прежней Фрэнсис, сдержанной и рассудительной.

— Ты там поосторожнее со своими желаниями. Иногда они исполняются, — сказала она, не сводя глаз с ярящихся волн.

Они уже собирались уходить и стояли у дверей буфетной, ожидая, когда дождь чуть утихнет, чтобы можно было пробраться на ведущий к каютам трап, как на пороге откуда ни возьмись появился насквозь промокший матрос. Он вошел внутрь, и в буфетной сразу пахнуло холодом и сыростью.

— Я ищу Джин Каслфорт, — заглянув в бумажку, сказал он. — Джин

Каслфорт. — Его тон не предвещал ничего хорошего.

— Это я. — Джин схватила матроса за руку. — А в чем дело?

Лицо матроса было непроницаемым.

— Мэм, вас приглашают в командирскую рубку, — сказал он и, увидев, что Джин с окаменевшим лицом стоит столбом, обратился к Фрэнсис, словно Джин там и не было: — Она одна из самых молодых, да? Мне сказали, что будет лучше, если кто-нибудь пойдет вместе с ней.

Эти слова сразу отбили охоту к дальнейшим расспросам. Он повел их коротким путем — самым длинным коротким путем в ее жизни, как уже после вспоминала Фрэнсис. Не обращая внимания на дождь, они пересекли ангарную палубу, миновали торпедный погреб, поднялись по какому-то трапу и оказались перед незнакомой дверью. Матрос отрывисто постучался. Услышав: «Войдите», он открыл дверь и придержал ее, чтобы пропустить девушек. Джин, которая еще по дороге схватила Фрэнсис за руку, теперь вцепилась в нее мертвой хваткой.

Просторная комната, с большими иллюминаторами с трех сторон, оказалась намного светлее полутемного коридора, и девушки заморгали с непривычки. Возле одного из иллюминаторов вырисовывались силуэты трех человек, еще двое сидели лицом к ним. Фрэнсис рассеянно заметила, что, в отличие от других помещений корабля, на полу лежит ковер.

Она увидела судового капеллана, что ее сразу насторожило, а потом — женщину-офицера, которая наткнулась на них в машинном отделении в тот злополучный вечер. Ей вдруг стало холодно, и она зябко поежилась.

Джин нервно обшаривала взглядом лица присутствующих, ее буквально колотило от страха.

— С ним ничего не случилось, да? — спросила она. — Боже мой, вы хотите мне сообщить, что с ним произошла беда! Он в порядке? Скажите, он в порядке?

Переглянувшись с капелланом, капитан Хайфилд выступил вперед и протянул Джин радиограмму.

— Мне очень жаль, моя дорогая.

Джин посмотрела на радиограмму, затем — снова на капитана.

— М… Н… Это буква Н? — Джин водила пальцем по строчкам. — Буква А? Прочти за меня. — Она протянула телеграмму Фрэнсис. Бумага шелестела в ее дрожащей руке.

Фрэнсис, которая продолжала крепко держать Джин, свободной рукой взяла радиограмму. Джин так сильно вцепилась в ладонь Фрэнсис, что у той покраснели кончики пальцев.

Она поняла содержание радиограммы, даже еще не успев ее прочитать.

Слова падали у нее изо рта, словно булыжники.

— «Наслышан о твоем поведении на борту. У нас нет будущего. — Фрэнсис тяжело сглотнула. — НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ».

Джин посмотрела на радиограмму, затем — на Фрэнсис. В комнате стояла гробовая тишина.

— Что?! — воскликнула Джин и попросила: — Прочти снова.

Точно от повторения эти слова будут звучать менее безжалостно, подумала Фрэнсис.

— Я не понимаю, — сказала Джин.

— На море новости распространяются быстро, — тихо произнесла женщина-офицер. — Наверняка кто-то что-то сказал почтальону во время стоянки на Цейлоне.

— Но ведь никто ничего не знал. Кроме вас…

— Когда мы разговаривали с начальством вашего мужа, чтобы подтвердить подлинность радиограммы, нам сообщили, что его чрезвычайно взволновали слухи о вашей беременности. — Она сделала паузу. — Насколько я понимаю, если верить названному вами сроку, то он никак не может быть отцом ребенка.

Фрэнсис подумала, что слова женщины звучали чересчур жестоко, как будто ей было приятно вбить в гроб Джин еще один гвоздь. Как будто ей было мало «НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ».

Джин побелела как полотно:

— Но я вовсе не беременна. Просто…

— Мне кажется, в свете открывшихся обстоятельств он, возможно, счел ваш приезд неуместным.

— Но у меня даже не было возможности ему объяснить. Мне надо с ним поговорить. Он все не так понял.

В разговор вступила Фрэнсис:

— Она не виновата. Честное слово. Произошло досадное недоразумение.

Судя по выражению лица женщины, ей было не привыкать: она уже тысячу раз слышала такое. А вот мужчины явно чувствовали себя неловко.

— Мне очень жаль, — сказал капитан Хайфилд. — Мы уже переговорили с представителями Красного Креста. Они позаботятся о том, чтобы отправить вас обратно в Австралию. Вас высадят…

Джин сжала кулаки и, как ураган, налетела на женщину из вспомогательной службы.

— Ты, сука поганая! Мерзкая старая сука! — И прежде чем Фрэнсис успела ее остановить, пару раз ударила женщину по голове. —

Мстительная старая потаскуха! И все потому, что на тебя ни у кого не стоит! — визжала Джин. Она не обращала внимания ни на мужчин, пытавшихся ее оттащить, ни на увещевавшую ее Фрэнсис. — Я ничего такого не сделала! — орала она, захлебываясь слезами, а Фрэнсис с капелланом — красные от натуги — пытались оторвать ее от тетки из вспомогательной службы. — Я ничего не сделала! Вы обязаны сказать Стэну!

Атмосфера в комнате сгустилась настолько, что нечем было дышать. Даже капитан выглядел шокированным.

— Мне отвести их назад, сэр?

Фрэнсис увидела краем глаза, что в комнату вошел доставивший их сюда матрос.

Джин, похоже, иссякла и сдалась.

— Да, так будет разумнее, — кивнул капитан. — Я пришлю кого-нибудь обсудить необходимые приготовления… чуть позже. Когда страсти… немного улягутся.

— Сэр, — выступила вперед Фрэнсис, обняв дрожащую Джин. — При всем моем уважении к вам, хочу заметить, что вы оказываете ей плохую услугу. — От такой несправедливости у Фрэнсис потемнело в глазах. — В этой истории она была жертвой.

— Вы медсестра, а не адвокат, — приложив руку к окровавленной голове, прошипела тетка из вспомогательной службы. — Я свидетель. Или вы забыли?

Все было кончено. И когда Фрэнсис с помощью матроса выводила из командирской рубки находящуюся в невменяемом состоянии Джин, то сквозь всхлипывания подруги она услышала, как женщина-офицер, словно оправдываясь, говорит:

— Должна сказать, что я отнюдь не удивлена, сэр. Меня предупреждали. Эти австралийки одним миром мазаны.

Глава 14

Если вы получили вещмешок родственника или друга, служащего в вооруженных силах, это не означает, что он обязательно убит или пропал без вести… Тысячи мужчин, прежде чем отправиться для участия в боевых действиях за рубеж, упаковывают свои личные вещи и просят отправить их домой. Вот официальный совет: «Вручение такой посылки еще не повод для волнений, если близкие родственники не получили извещения письмом или телеграммой от официальных структур».

Дейли мейл. Понедельник, 12 июня 1944 года

Двадцать третий день плавания

Джин сняли с корабля во время короткой незапланированной стоянки в Кочине. Больше никому не разрешили высадиться на берег, но несколько невест наблюдали за тем, как Джин залезает с сумкой и чемоданом в руках в шлюпку и, не оглядываясь назад, плывет к берегу в сопровождении офицера из Красного Креста. Она даже никому не помахала на прощание.

Фрэнсис, которая в первый вечер помогала Джин справиться со слезами и истерикой, а когда та погрузилась в мрачную задумчивость, просто сидела рядом, отчаянно пыталась найти способ исправить ситуацию, но не смогла. Маргарет пошла еще дальше и добилась встречи с командиром корабля. Он принял ее весьма любезно, рассказывала она потом, но объяснил, что если муж отказывается от Джин, то он, командир корабля, здесь бессилен. Конечно, он не сказал: «Приказ есть приказ», хотя явно имел это в виду. Так бы и удавила эту чертову бабу из вспомогательной службы, заявила Маргарет.

— Мы можем написать ее мужу, — предложила Фрэнсис.

Но тогда пришлось бы вдаваться в объяснения, чего они не могли сделать, не погрешив против истины. И как много можно ему рассказать?

Пока Джин спала, Маргарет с Фрэнсис составили письмо — относительно правдивое и одновременно дипломатичное, — которое они собирались отправить во время следующей почтовой стоянки. Конечно, обе прекрасно понимали, хотя и не говорили об этом вслух, что письмо вряд ли поможет. Поэтому им ничего не оставалось делать, как, заслонив глаза рукой от солнца, следить за причаливающей к пристани шлюпкой. На пристани они увидели каких-то двух людей под зонтиком. Один из них взял вещи Джин, а другой помог ей высадиться на сушу. Больше ничего

разглядеть было попросту невозможно.

— Я не виновата, — нарушила Эвис тягостную тишину. — И нечего на меня так смотреть.

Маргарет вытерла глаза и, тяжело ступая, вошла в каюту.

— Все это чертовски печально, — сказала она.

Фрэнсис промолчала.

Она даже не была особенно хорошенькой или такой уж обаятельной. Но капитан Хайфилд обнаружил, что прошло уже несколько дней, а перед его мысленным взором по-прежнему стоит лицо Джин Каслфорт. Ему было почти так же неприятно высаживать ее на берег и передавать под опеку официальных лиц, как и тогда, когда он имел дело с военнопленными. Он не мог забыть ее взгляд — полный бессильной ярости, отчаяния и, наконец, тупого смирения.

Несколько раз Хайфилд спрашивал себя, правильно ли он сделал. Невесты оказались с характером, и его до сих пор преследовали полные тихого негодования слова той медсестры: «Вы оказываете ей плохую услугу». Но что еще он мог сделать?! Женщина-офицер утверждала, что видела все собственными глазами. Он должен был доверять своим подчиненным, которых строго предупредил, что не потерпит нарушения порядка на борту. И если офицер говорит, будто муж не желает ее видеть, то неужели ему, командиру корабля, больше всех надо!

И все же, вспоминая их лица — страстное лицо высокой тоненькой девушки и расстроенное — малышки Джин, он постоянно спрашивал себя, а не слишком ли много они хотят от женщин, которых везут неведомо куда, не предоставляя при этом никаких гарантий. Подвергая такому соблазну. И вообще, может, все дело именно в соблазне…

История с девушкой — уже второй, снятой с корабля при подобных обстоятельствах, — способствовала возникновению на борту некоторого напряжения. Капитан Хайфилд мог точно сказать, что невесты стали чувствовать себя еще более неуверенно. Во время регулярных обходов палуб он ловил на себе косые взгляды, видел, как они жмутся друг к другу в дверях, словно из опасения, что он, капитан, обречет их на подобную участь. Капеллан сделал робкую попытку успокоить страхи девушек с помощью нескольких очень аккуратно подобранных слов во время проповедей, но они только усилили растущее беспокойство. Тем временем женщин-офицеров подвергли остракизму. Невесты, наслышанные о том, как обошлись с Джин, предпочли выразить свое презрение самыми различными способами, иногда с использованием ненормативной лексики,

и теперь некоторые женщины-офицеры приходили к капитану Хайфилду, обливаясь слезами.

Несколько недель назад Хайфилд, наверное, велел бы девушкам взять себя в руки. Но сейчас он испытывал к ним безотчетную жалость. Ведь для них это плавание не такое уж и увлекательное приключение. Они были не властны над своей судьбой. А подобная беспомощность может порождать непривычные эмоции как у самих девушек, так и у тех, кто за ними присматривает.

Помимо всего прочего, у капитана Хайфилда имелись и другие поводы для беспокойства. Корабль, словно узнав о своей незавидной участи, постоянно ломался то в одном, то в другом месте. Заклинило руль, в результате чего пришлось переключиться на аварийную схему управления. Хронически не хватало воды, поскольку механики так и не сумели выяснить причину постоянных поломок опреснительных насосов. В Адене Хайфилду предстояло взять на борт еще четырнадцать гражданских лиц, включая губернатора Гибралтара с супругой, и капитан Хайфилд не был уверен, смогут ли условия на корабле удовлетворять их высоким требованиям. И в довершение всего ему становилось все труднее скрывать свою хромоту. Накануне Добсон демонстративно поинтересовался, как он себя чувствует, и Хайфилду пришлось перенести вес тела на раненую ногу, которая так сильно пульсировала, что он чуть ли не до крови закусил щеку, чтобы не выдать себя. Он решил сходить в лазарет, чтобы поискать лекарство, ведь ключи-то остались у него. Но он понятия не имел, какое лекарство ему нужно, и боялся навредить еще больше. Еще три недели, говорил он себе. Еще три недели, если, конечно, я сумею продержаться.

Совокупность всех этих факторов заставила его принять решение устроить танцы. Хороший капитан должен делать все возможное, чтобы пассажиры были довольны и счастливы. Немного музыки и дозированного общения лиц противоположного пола точно не повредят. А он — как никто другой — понимал, что иногда просто необходимо отвлечься.

Мод Гонн захандрила. Возможно, дело было в гнетущей обстановке маленькой спальни, опустевшей без непоседы Джин. А возможно, в том, что она вот уже несколько недель кое-как питалась и сидела взаперти в душной каюте. Она плохо ела, была вялой и апатичной. Ее не радовали походы в туалет и короткие прогулки по палубе, она не принюхивалась к соленому воздуху и не пыталась идти по незнакомому следу. Она сильно похудела и казалась до ужаса легкой — кожа да кости.

Фрэнсис сидела на койке, поглаживая собачку между ушами, а та,

прикрыв подслеповатые глазки, медленно засыпала. Правда, иногда Мод Гонн вспоминала о присутствии Фрэнсис и вяло виляла хвостом, выражая тем самым свою благодарность.

Маргарет на чем свет стоит ругала себя. Не стоило брать с собой собаку, сказала она Фрэнсис. Надо было подумать о жаре, о необходимости держать Моди взаперти и оставить ее с папиными собаками в единственном знакомом ей доме, в окружении зеленых просторов, где она была счастлива. Фрэнсис понимала, что нехарактерная для Маргарет нервозность является отражением ее невысказанных мыслей: если уж она не справилась с уходом за маленькой собачкой, что тогда говорить о…

— Давай выгуляем ее наверху, — предложила Фрэнсис.

— Что? — удивилась Маргарет.

— Положим ее в твою корзинку, а сверху накроем шарфом. За туалетом есть орудийная башня, где никого никогда не бывает. Почему бы нам там немного не посидеть, чтобы Моди могла подышать днем воздухом?

От внимания Фрэнсис не ускользнуло, что Маргарет слегка пугает эта идея, хотя, в общем-то, выбора у нее не было.

— Послушай, если хочешь, я могу сама ее выгулять, — сказала Фрэнсис, она видела, что у Маргарет после нескольких бессонных ночей измученный вид.

— Правда? Тогда я немного вздремну.

— Постараюсь погулять с ней подольше.

Фрэнсис стремительно прошла на палубу С. Если она будет вести себя уверенно, то ее вряд ли кто-нибудь остановит. Тем более что часть невест уже нашла себе работу на корабле: помогали в канцелярии и на камбузе. Некоторые даже присоединились к недавно организованной малярной бригаде невест. Поэтому к появлению женщины на палубе — вотчине членов экипажа — теперь относились гораздо спокойнее, чем две недели назад.

Фрэнсис открыла люк, нырнула в него и подперла, чтобы он не закрылся. День выдался на редкость ярким, и даже жара не казалась удушающей. Шаловливый морской ветерок приподнял легкий шарф, и из корзинки тут же показался черный блестящий носик.

— Вот так, старушка, — прошептала Фрэнсис. — А ну-ка, поглядим, а вдруг тебе полегчает.

И уже несколько минут спустя Мод Гонн съела пресную лепешку и кусочек бекона, впервые за два дня проявив хоть какой-то интерес к еде.

Фрэнсис сидела с собакой на коленях, смотрела на бушующие волны внизу, прислушивалась к доносившимся с полетной палубы обрывкам

разговора и взрывам смеха, которые перемежались командами по громкой связи. И хотя ее одежда явно нуждалась в стирке и плохо пахла, а при каждом движении в нос шибал такой запах, что она начинала мечтать о ванной, Фрэнсис понимала: она будет скучать по этому кораблю. Его шум сделался настолько привычным, что действовал успокаивающе. Она даже не была вполне уверена, так ли ей, в отличие от остальных, хочется сойти на берег в Адене.

Она уже два дня не видела морпеха.

Накануне под их дверью дежурил совсем другой морской пехотинец, и хотя она непривычно много времени провела, прохаживаясь туда-сюда по палубе, ее морпех так и не материализовался. Она не на шутку заволновалась, не заболел ли он, ведь тогда ему придется лечиться у доктора Даксбери, а подобная перспектива ее пугала. Затем она приказала себе не глупить. Может, это и к лучшему, что она его больше не видит. Она и так перенервничала из-за истории с Джин. Вдобавок ко всем неприятностям не хватало еще влюбиться, как школьнице!

Но уже через час, когда Фрэнсис собралась было вернуться в каюту, она неожиданно увидела его и резко отскочила назад. Он казался очень бледным, хотя многие его товарищи демонстрировали южный загар, под глазами залегли тени — свидетельство бессонных ночей, и тем не менее это был он. Свободный разворот широких плеч, обтянутых форменной рубашкой цвета хаки, свидетельствовал о недюжинной силе, которую невозможно было заметить, когда он неподвижно стоял под дверью. Через плечо у него был перекинут вещевой мешок, и она с ужасом подумала, что он собирается покинуть корабль.

Фрэнсис машинально вжалась в стенку, положив руку на грудь, и прислушалась к его шагам. Наверное, на полпути вниз шаги внезапно замерли. Фрэнсис затаила дыхание. Кажется, он остановился. Дверь приоткрылась, и оттуда — совсем близко от нее — показалось его улыбающееся лицо. Улыбка была искренней, черты лица стали мягче, острые углы каким-то чудом сгладились.

— Вы в порядке? — спросил он.

Она так растерялась, что слова разом вылетели из головы. Зардевшись, она попыталась все объяснить, но лишь молча кивнула.

Он пристально на нее посмотрел и перевел взгляд на корзинку.

— Здесь то, о чем я думаю? — прошептал он, и от звука его голоса у нее мурашки поползли по спине.

— Ей нездоровится, — ответила она. — И я решила, что свежий воздух точно не повредит.

— Тогда постарайтесь держаться подальше от палубы D. Там сейчас проводят инспекцию. — Он оглянулся, словно желая удостовериться, что поблизости никого нет. — Мне очень жаль вашу подругу. По-моему, с ней обошлись несправедливо.

— Конечно несправедливо, — ответила она. — В этом не было ни капли ее вины. Она, в сущности, еще ребенок.

— Военно-морской флот иногда бывает не слишком гостеприимным хозяином. — Он легко коснулся ее плеча. — Но с вами, надеюсь, все хорошо? — Увидев, что она покраснела, он поспешно поправился: — Я имею в виду остальных. Вы в порядке?

— О… Чудесно, — сказала она.

— Быть может, вам что-нибудь нужно? Питьевая вода? Крекеры?

В уголках его глаз она заметила лучики морщинок, свидетельствовавших о долгих годах пребывания на соленом воздухе, возможно, о привычке щуриться на солнце. И когда он начинал говорить, они сразу становились глубже.

— Вы куда-то собрались? — показала она на вещмешок. Что угодно, лишь бы не пялиться на него так открыто!

— Я? Нет… Здесь просто моя парадная форма.

— О…

— Сегодня вечером я свободен. — Он улыбнулся ей так, словно был чрезвычайно рад этому обстоятельству. — Как насчет танцев?

— Простите?

— Разве вы не слышали?! Сегодня вечером на полетной палубе танцы. Приказ капитана.

— Ой! — воскликнула она чуть громче, чем надо. — Ой! Вот здорово!

— Надеюсь, что для всех вас даже ненадолго включат воду, — ухмыльнулся он. — Так что вам, девочки, придется потерпеть наших воняющих по́том матросов.

Она бросила взгляд на его помятые брюки, но он уже отвернулся, заметив кого-то вдалеке.

— Встретимся там, — бросил он, и его лицо снова стало бесстрастным.

Он отрывисто кивнул, будто отдал честь, и быстро ушел.

Оркестр Королевской морской пехоты Великобритании, расположившийся на самодельном помосте возле буфетной на полетной палубе, неподалеку от острова корабля, начал с песни «I’ve Got You Under My Skin». Судовые двигатели были выключены для проведения ремонтных работ, и «Виктория» мирно покачивалась на легкой волне. По палубе

кружились несколько сот невест в своих лучших нарядах, по крайней мере лучших из тех, к которым они получили доступ. Некоторые с мужчинами, некоторые с хихикающими подружками. Вокруг острова стояли столы и стулья для девушек, кто не хотел или не мог танцевать. А над их головой в тропическом небе, окутывая море пеленой серебристого света, сияли звезды, совсем как лампочки на танцплощадке. И если немножко напрячь воображение, забыть о пушках, обшарпанной палубе, колченогих столах и стульях, то можно легко представить себе, что ты в шикарном бальном зале. Капитан Хайфилд наслаждался этим действом, полагая — следует признать, не без доли сентиментальности, — что старушка тоже имеет право отметить свое последнее плавание. С шиком и блеском. Словом, подарить ей на прощание немного праздника.

Моряки, в парадной форме, уже давно не выглядели такими счастливыми, тогда как невесты — взбунтовавшиеся из-за временного закрытия парикмахерского салона, — после включения аварийных душевых установок с соленой водой явно воспрянули духом. Да, возможность немного принарядиться по приятному поводу, безусловно, пошла им на пользу, решил капитан. Даже моряки с удовольствием щеголяли в парадной тропической форме.

Теперь, разбившись на группы, они весело болтали, временно забыв о званиях и знаках различия. Какого черта, подумал Хайфилд, когда одна из офицеров женской вспомогательной службы поинтересовалась, следует ли обеспечить «должное» разделение полов. Ведь это плавание и так оказалось из ряда вон выходящим.

— Капитан Хайфилд, сколько времени потребуется для заправки «Виктории» топливом?

Рядом с ним сидела одна из новых пассажирок, военнослужащая из женских вспомогательных сил, которую Добсон представил ему полчаса назад. Эта миниатюрная, темноволосая и чрезвычайно серьезная женщина так долго расспрашивала его о характеристиках корабля, что у него невольно возникло желание спросить: а не работает ли она, случайно, на японцев? Но он сдержался. Она явно не относилась к числу людей с чувством юмора.

— Не уверен, что могу сказать вам заранее, — солгал он.

— Немного больше, чем уходит на вас, баб, у ваших парней, — пробормотал доктор Даксбери, донельзя довольный своей шуткой.

В благодарность за проявленную стойкость в ситуации с нехваткой воды капитан Хайфилд обещал всем дополнительную порцию рома. Просто для разогрева, чтобы немного взбодриться, сообщил он. Правда,

теперь его терзали смутные подозрения, что доктор Даксбери каким-то образом умудрился принять на грудь гораздо больше положенной нормы.

Какого черта, выругался про себя он. Этот человек скоро уйдет. Нога сегодня так сильно разболелась, что он и сам начал было подумывать о лишней рюмке-другой. Если бы не критическое положение с водоснабжением, он непременно опустил бы ногу в ванну с холодной водой, что обычно приносило некоторое облегчение, однако вместо этого его ждала, похоже, еще одна бессонная ночь.

— А вы участвовали в совместных операциях с американскими авианосцами? — поинтересовалась женщина из вспомогательной службы. — В Персидском заливе мы встретили их авианосец «Индиана», и, хочу заметить, эти американские корабли значительно превосходят наши.

— Выходит, вы все знаете о кораблях, да? — вмешался в разговор доктор Даксбери.

— Надеюсь, что так. Я уже четыре года служу в подразделениях женской вспомогательной службы.

Но доктор Даксбери, похоже, не слушал.

— В вас что-то есть от Джуди Гарланд. Вам кто-нибудь об этом говорил? А вы видели ее в «Для меня и моей девочки»?

— Боюсь, что нет.

Ну вот, приплыли, мысленно произнес капитан Хайфилд. Он уже имел счастье обедать в обществе исполняющего обязанности судового врача, и чаще всего дело кончалось тем, что доктор начинал петь свои чудовищные песенки. Он так много говорил о музыке и так мало о медицине, что Хайфилд подумал о том, что флотскому начальству следовало бы хорошенько проверить его документы, прежде чем нанимать на службу. Несмотря на дурные предчувствия, Хайфилд не стал просить, чтобы корабль обеспечили вторым врачом, как во время предыдущих походов. Капитан понимал, с некоторой долей вины, что легкомысленность Даксбери ему на руку: он не хотел, чтобы кто-то более опытный задавал вопросы о его ноге.

Хайфилд бросил прощальный взгляд на палубу, где вовсю шло веселье. Оркестр заиграл рил, и девушки, с раскрасневшимися, счастливыми лицами, весело ухая, закружились в танце. Затем он бросил взгляд в сторону Добсона и капитана морской пехоты, которые разговаривали со стоявшим возле шлюпок летчиком. Ладно, он, Хайфилд, сделал все, что мог. Теперь они спокойно обойдутся и без него. Вечеринки все же не по его части.

— Прошу прощения. — Поморщившись от боли, он встал со стула. —

Мне надо уладить еще одно дело. — И с этими словами отправился к себе.

— Джин точно понравилось бы, — сказала Маргарет.

Накинув на плечи легкую шаль, она сидела в удобном кресле, которое Деннис Тимс специально для нее принес из офицерской кают-компании, и прямо-таки светилась от счастья. Мод Гонн пошла на поправку, а она сама наконец-то выспалась, что сразу подняло ей настроение.

— Бедная Джин, — вздохнула Фрэнсис. — Интересно, как-то она сейчас?

Эвис неподалеку от них танцевала с офицером в белом кителе. Тщательно уложенные в парикмахерском салоне волосы цвета меда отливали золотом в свете прожекторов, тонкую талию подчеркивала хорошо продуманная юбка, и абсолютно ничего не выдавало ее беременности.

— А вот твоей заклятой подруге, похоже, вообще на все наплевать, — кивнула в ее сторону Маргарет.

Буквально через два часа после изгнания Джин Эвис оккупировала ее койку, разложив там одежду и обувь, которые достала из чемодана.

Фрэнсис пришла в такую ярость, что с трудом поборола желание скинуть все на пол.

«А что такого? — возмутилась Эвис. — Ей эта койка теперь уже точно не понадобится».

Эвис пребывала в приподнятом настроении, поскольку выиграла конкурс «Сделай сам», представив на него сшитую собственными руками вечернюю сумочку. Не то чтобы она собиралась взять ее на предстоящий вечер, говорила она потом другим девушкам. Нет, для нее главным было щелкнуть по носу эту задаваку Айрин Картер. Теперь в конкурсе на звание королевы красоты «Виктории» она опережала Айрин на два очка.

— Не уверена, что она вообще хоть о чем-то может беспокоиться, — начала Фрэнсис, но вовремя остановилась.

— Давай постараемся сегодня об этом не думать. Слезами горю не поможешь.

— Да, — согласилась Фрэнсис.

Ее никогда особо не интересовали модные тряпки, и сколько она себя помнила, то всегда с облегчением переодевалась в форменную одежду. Не хотелось привлекать к себе лишнего внимания. Она машинально разгладила на коленях юбку. На фоне павлиньих нарядов других женщин платье, которое она считала красивым, теперь казалось убогим. Поддавшись внезапному порыву, она распустила тугой узел на затылке и,

посмотрев на себя в маленькое зеркало, заметила, что падающие на плечи волосы несколько смягчили резкие черты лица. Но теперь при виде замысловатых причесок других девушек — результат многочасового хождения в бигуди и нещадного опрыскивания лаком для волос — она чувствовала себя совершенной простушкой, и ей страшно не хватало спасительных заколок. Фрэнсис собралась было поделиться своими сомнениями с Маргарет, но, увидев потное лицо подруги и ее расплывшуюся фигуру, втиснутую в клетчатое хлопчатобумажное платье, которое та носила уже четвертый день, поняла, что лучше промолчать.

— Давай принесу тебе чего-нибудь попить, — в результате сказала она.

— Ты просто красавица! Я так и знала, что ты постесняешься спросить! — по-дружески попеняла ей Маргарет. — Я бы и сама принесла, но меня с этого кресла разве что подъемным краном можно поднять.

— Содовая устроит?

— Храни тебя бог. А ты разве не хочешь потанцевать?

— Что? — остановилась Фрэнсис.

— Тебе совершенно необязательно как пришитой сидеть возле меня. Я уже большая девочка. Иди развлекайся!

— Мне приятнее наблюдать со стороны. — Фрэнсис сморщила нос, и Маргарет, кивнув, махнула рукой.

Хотя это было не совсем так. Оказавшись под защитой полутьмы, которая позволяла незаметно от посторонних глаз наслаждаться атмосферой вечера и звуками музыки, Фрэнсис почувствовала смутное желание оказаться в числе девушек, кружившихся на импровизированном танцполе. Ведь никто ее не осудит. Никто не обратит на нее внимания. Похоже, все относились к происходившему чисто философски: как к невинному разнообразию корабельной рутины, к безобидным шалостям при свете луны.

Фрэнсис взяла два стакана с содовой и вернулась к Маргарет, которая наблюдала за танцующими парами.

— По части танцев я всегда была слабовата, — сказала Маргарет. — Но сейчас, кажется, отдала бы что угодно, лишь бы оказаться там.

— Потерпи. Теперь уже недолго осталось, — кивнула Фрэнсис на живот Маргарет. — А потом сможешь хоть пол-Англии пройти в ритме фокстрота.

Она говорила себе: ничего страшного, что его здесь нет. А учитывая, как она выглядит, может, оно и к лучшему. Он наверняка затерялся в этой толпе, танцует с какой-нибудь хорошенькой девушкой в ярком платье и атласных туфельках. Так или иначе, она настолько привыкла отталкивать

мужчин, что просто не умела вести себя по-другому.

Единственные танцы, на которые она ходила во взрослой жизни, устраивались в госпитальных палатах, и там все было просто. Она танцевала либо с коллегами, уже успевшими стать друзьями и державшимися на почтительном расстоянии, либо с пациентами, для которых она была чем-то вроде матери и которые, как правило, относились крайне почтительно ко всему, связанному с медициной. А потому она или советовала им «не перетруждать больную ногу», или останавливала излишне ретивых, которым вообще нельзя было вставать с кровати. Старшая медсестра Одри Маршалл обычно шутила, что Фрэнсис не танцует, а выводит больных на прогулку в профилактических целях. А вот здесь она не знала, как держать себя с этими веселыми, нахальными и совершено неотразимыми в парадной форме мужчинами. Не знала, как вести непринужденную беседу или заниматься безобидным флиртом. И вообще она страшно стеснялась своего унылого голубого платья, которое по сравнению с шикарными нарядами других девушек выглядело линялой тряпкой.

— Всем привет, — сказал он, усаживаясь рядом с ней. — А я вас уже обыскался!

Слова сразу застряли у нее в горле. Он смотрел на нее в упор, при вечернем освещении его лицо казалось гораздо мягче. От его кожи немного пахло карболкой — характерный запах ткани, из которой сшита военная форма. Его рука небрежно лежала на столе перед ней, и Фрэнсис с трудом поборола в себе желание дотронуться до нее.

— Можно пригласить вас на танец? — спросил он.

Она представила, как он, обняв ее за талию, прижмется к ней всем телом, и внезапно почувствовала приступ паники.

— Нет, — отрывисто ответила она. — На самом деле я… я уже ухожу.

— Все верно, — немного помолчав, согласился он. — Никак не удалось вырваться пораньше. На камбузе произошел небольшой инцидент, и нам велели разобраться.

— В любом случае спасибо, — сказала она. — Желаю вам хорошо провести остаток вечера. — В горле у нее стоял ком.

Она собрала вещи, и он поднялся, чтобы пропустить ее.

— Фрэнсис, не уходи! — остановила ее Маргарет. — И ради бога, женщина, не вздумай ломаться. Ты просидела со мной весь этот треклятый вечер, а сейчас почему-то отказываешься от возможности сделать круг по танцплощадке. Я хочу видеть, что теряю.

— Прости, Маргарет, но я…

— Что значит твое «прости»? Ай, да ладно тебе, Фрэнсис! Какой смысл нам обеим подпирать стенку! Танцуй, пока молодой, как сказала бы наша дорогая подружка. Ну, давай! Ради Джин!

Фрэнсис посмотрела на него, затем — на скопление людей на палубе, на этот черно-белый водоворот, сама толком не понимая, чего, собственно, больше боится: невероятной толчеи или того, что окажется от него слишком близко.

— Вперед, женщина, не тушуйся!

Он по-прежнему стоял рядом.

— Ну что, быстрый танец? — Он протянул ей руку. — Мне будет очень приятно.

Не решаясь открыть рот, она молча оперлась о его руку.

Сегодня ночью она решила не думать о том, что все это невозможно. А еще о том, что испытывает те чувства, которые давным-давно запретила себе испытывать. О том, что последствия могут оказаться весьма болезненными. Нет, она просто закрыла глаза, вытянулась на койке и позволила себе предаться воспоминаниям, спрятанным глубоко в сердце: четыре танца, во время которых он был совсем близко, — одна рука в ее руке, другая покоится у нее на талии; его горячее дыхание на ее обнаженной шее, хотя он честно соблюдал дистанцию и вел себя вполне корректно.

Она вспоминала о том, как он посмотрел на нее, когда она решила уйти. О том, как он медленно и — если, конечно, ей не померещилось — неохотно выпустил ее руку. Но она тут же задалась вопросом: не причинит ли кому-нибудь вреда своими пустыми фантазиями? Он наклонился к ней и очень тихо сказал: «Благодарю вас». Но был ли в этом какой-то скрытый смысл?

Она испытывала к нему нечто такое, что пугало ее и заставляло краснеть от стыда. И все же ей хотелось петь от радости, что она сохранила способность чувствовать. В тот вечер у нее в душе родилась целая гамма самых разнообразных эмоций, и это невольно наводило на мысль: а не подцепила ли она, случайно, какой-то передающийся морским путем неведомый вирус? Она еще никогда не замечала за собой такого лихорадочного состояния и неспособности собраться с мыслями. Она даже слегка прикусила руку, чтобы прекратить истерику, грозящую перерасти бог знает во что. Она заставила себя дышать глубоко и ровно в бесполезной попытке восстановить тот душевный покой, который помогал ей держаться последние шесть лет.

— Это всего лишь танец, — прошептала она, натягивая на голову простыню. — Так почему ты не можешь быть благодарна хотя бы за такую малость?

Неожиданно она услышала шаги под дверью, затем — мужские голоса. Кто-то разговаривал с дежурившим у их каюты морпехом — молодым парнем с рыжими волосами и сонными глазами. Она не стала особенно прислушиваться к их разговору, решив, что, наверное, наступило время смены караула. Но затем резко села на койке.

Это был он. Она замерла на минуту, желая убедиться, что не ошиблась, затем с бьющимся сердцем тихонько соскользнула с койки. Почему-то подумала о Джин и похолодела. Возможно, она была слишком ослеплена новыми ощущениями, а потому не обратила внимания на то, что было до нее.

Она приложила ухо к двери.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

— Уже целый час прошел, — ответил часовой. — Но похоже, у тебя нет выбора.

— Мне все это не нравится, — сказал он. — Ужасно не хочется этого делать.

Не успела она отойти к койке, как дверная ручка едва слышно повернулась и дверь приоткрылась. В образовавшейся щели показалось его лицо, лишь отдаленно напоминающее лицо того человека, что недавно был с ней на палубе. Он застал ее врасплох: дрожа как осиновый лист, она стояла в узкой полоске падающего из коридора света.

— Я услышала голоса, — произнесла она, только сейчас осознав, что не одета. Схватив шаль, она набросила ее на плечи и стянула на груди.

— Простите за беспокойство. — Он говорил очень тихо, но в его голосе сквозило явное волнение. — Но внизу произошел несчастный случай, и я подумал… Послушайте, нам срочно нужна ваша помощь.

Танцы завершились неофициальными сборищами в разных отсеках корабля. Одно из них происходило в левом заднем углу раскаленной утробы машинного отделения, и именно там кочегар решил повальсировать с одной из невест на узком настиле над главным двигателем. Его отчет о случившемся оказался довольно сбивчивым, но, так или иначе, они свалились вниз. Кочегар лежал без сознания, а невеста поранила лицо.

— По очевидным причинам мы не можем позвать судового врача. Но нам необходимо извлечь их оттуда до смены караула, — сказал он и, замявшись, добавил: — Мы тут подумали… Я тут подумал, что вы можете

помочь.

Она зябко поежилась и обхватила себя обеими руками.

— Простите, — прошептала она, — но я не могу спуститься в машинное отделение. Придется вам поискать кого-нибудь другого.

— Я тоже пойду. И останусь с вами.

— Дело не в этом…

— Вам нечего бояться, обещаю. Они знают, что вы медсестра. — (Она заглянула ему в глаза и поняла, что он имел в виду.) — Нам больше некого позвать на помощь, — произнес он, бросив взгляд на часы. — У нас на все про все не больше двадцати минут. Фрэнсис, пожалуйста!

Раньше он еще никогда не называл ее по имени. Она даже не была уверена, что он знает, что ее зовут Фрэнсис.

Внезапно из темноты послышался торопливый шепот Маргарет:

— Я пойду с тобой. Если тебе так будет легче.

Но она продолжала мучиться сомнениями, ее сбивало с толку его присутствие.

— Пожалуйста, просто осмотрите их. Если дела действительно плохи, разбудим доктора.

— Я возьму аптечку, — сказала она, пошарив рукой под койкой в поисках жестяной коробки.

Маргарет тяжело поднялась и надела халат, едва сходившийся на животе. Она осторожно стиснула руку подруги.

— А куда это вы собрались? — спросила Эвис. Она включила свет и теперь сидела, сонно моргая.

— Подышать свежим воздухом, — ответила Маргарет.

— Не делай из меня дуру. Я не вчера родилась.

— Нас ждут внизу. Там кое-кто немного ушибся, — заявила Маргарет. — Если хочешь, пошли с нами.

Эвис внимательно посмотрела на них, прикидывая в уме, стоит идти или нет.

— Это самое малое, что ты можешь сделать, — добавила Маргарет.

Эвис соскользнула с койки, накинула шелковый халат персикового цвета, прошла мимо морпеха, услужливо придерживающего дверь, и пошла вслед за попутчицами в сторону лестницы.

А тем временем рыжий морпех снова заступил на пост у двери каюты, в которой, кроме спящей собаки, теперь некого было сторожить.

Сперва они услышали только голоса, доносившиеся из самого чрева корабля, куда вел трап с нескончаемым, как показалось Маргарет, числом

пролетов. По бесконечным узким коридорам они прошли наконец в левое машинное отделение. Было адски жарко. Стараясь не отставать от остальных, Маргарет то и дело утирала рукавом пот со лба. Во рту стоял противный привкус машинного масла. Затем они услышали пронзительные рыдания, перемежающиеся приглушенными звуками голосов — мужских и женских, кто-то с кем-то спорил, кто-то кого-то упрашивал, и все это на фоне глухих ударов и грохота — биения гигантского сердца этого зверя. Фрэнсис тут же ускорила шаг, а затем пустилась бежать вслед за морпехом по узкому настилу.

Маргарет вошла в машинное отделение на несколько секунд позже остальных. Когда она наконец открыла дверь, на нее дохнуло нестерпимым жаром, и ей пришлось остановиться, чтобы хоть немного привыкнуть.

Она сделала шаг по настилу и посмотрела вниз — туда, откуда доносился шум. Примерно пятнадцатью футами ниже, в углублении, похожем на утопленный в пол боксерский ринг, прислонившись спиной к стене, полусидел-полулежал молодой моряк, с одной стороны его поддерживала рыдающая девушка, с другой — приятель. На перевернутом ящике лежали забытые карты, на полу валялись пустые стаканы. В центре помещения гигантский двигатель, своими трубами напоминающий орган, оглушительно стучал и лязгал железными деталями, а из-под вентилей доносилось злобное шипение пара, периодически выводившего инфернальную мелодию. Под настилом, в дальнем углу, прижав руки к лицу, сидела перепуганная молодая женщина.

— И что он теперь скажет? Что он обо мне подумает? — всхлипывала она.

Фрэнсис тем временем уже мчалась к трапу, который вел в недра машинного отделения, металлический настил заглушал шум ее шагов. Протиснувшись сквозь нетрезвую толпу, она встала на колени и сняла с руки пострадавшего окровавленную грязную тряпку, чтобы осмотреть рану.

Маргарет облокотилась на металлический леер, служивший защитным ограждением, и принялась наблюдать за тем, как одна из девушек заставила рыдающую женщину убрать от лица руку и промокнула багровые порезы мокрой тряпочкой. На заднем плане маячили несколько матросов, по-прежнему в парадной форме. Они оттаскивали в сторону огромные баллоны с кислородом и куски ограждения. Еще двое нервно курили в сторонке. По стенам тянулось множество труб, тускло блестевших при свете лампочек.

— Он хотел пройти вперед, и на него упали кислородные баллоны, —

прокричал один из присутствующих. — Трудно сказать, куда они его ударили. Нам еще крупно повезло, что мы все не взлетели на воздух.

— Как долго он находится без сознания? — Фрэнсис пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум двигателей. — Кто еще пострадал? — Ее привычную сдержанность как рукой сняло, она была словно наэлектризована.

Рядом с ней морской пехотинец, расстегнув воротничок парадной формы, послушно выполнял ее указания и доставал из аптечки все необходимое. По ходу дела он инструктировал оставшихся моряков, двое из которых с явным облегчением стрелой взлетели по трапу, радуясь возможности убраться от греха подальше.

Эвис стояла на настиле, прижавшись спиной к стене. По напряженному выражению ее лица Маргарет поняла, что та предпочла бы сейчас оказаться подальше отсюда. Маргарет внезапно вспомнила о Джин и мысленно задала себе вопрос: не слишком ли они подставляются, если учесть то, как сурово наказали Джин? Но затем она посмотрела на Фрэнсис, склонившуюся над потерявшим сознание моряком — одной рукой та поднимала ему веки, другой рылась в аптечке, — и поняла, что не имеет права уйти.

— Он начинает приходить в себя. Надо наклонить ему голову набок и зафиксировать в таком положении. Пусть кто-нибудь мне поможет. Как его зовут? Кеннет? Кеннет! — позвала она. — Ты можешь сказать мне, где болит? — Она подняла его руку, пощупала каждый палец и, обратившись к морпеху, попросила: — Откройте это, пожалуйста.

Морпех достал из коробки нечто напоминающее набор для починки обмундирования. Маргарет отвернулась. Настил под ногами вибрировал от работы двигателя.

— В котором часу, они говорили, смена караула? — нервно спросила Эвис.

— Через четырнадцать минут, — ответила Маргарет.

Она даже подумала было спуститься вниз, чтобы поторопить их, но они и так работали не покладая рук.

И когда она отвернулась, ее внимание привлек еще один морпех. Он сидел в углу на полу и, как заметила Маргарет, не сводил глаз с Фрэнсис. Маргарет даже задалась вопросом: а не слишком ли у Фрэнсис откровенный халат? Однако уже через пару минут она поняла, что во взгляде мужчины не было похоти, правда, особой доброты тоже не было. У него был такой вид, будто он знает что-то такое, чего не знают другие. Маргарет стало неуютно, и она поближе придвинулась к Эвис.

— Мне кажется, нам пора уходить, — заявила Эвис.

— Она быстро справится, — ответила Маргарет.

В душе она была абсолютно с ней согласна: место просто ужасное. Оно чем-то напоминало ад, подпадая под общепринятое представление о нем. И все же Фрэнис явно чувствовала себя здесь как дома.

— Прости, Найкол, что впутал тебя в историю. Но я не мог его здесь бросить. По крайней мере, не в таком состоянии. — Валлиец Джонс оттянул воротничок формы, затем посмотрел на заляпанные машинным маслом брюки. — Все, Дакворт в последний раз втягивает меня во внеплановые развлечения. Больше я на его удочку не попадусь. Придурок хренов! Моя форма окончательно испорчена. — Не обращая внимания на висящие на стене знаки, что курить запрещено, он со вкусом затянулся сигаретой. — Так или иначе, кореш, я по-любому твой должник.

— Мне кажется, что ты должен не мне, а кому-то другому, — заметил Найкол и, посмотрев на часы, воскликнул: — Господи! Фрэнсис, у нас в запасе всего восемь минут, после этого надо срочно уводить отсюда людей.

Фрэнсис, сидя рядом с ним на полу, заканчивала обрабатывать глубокую рану на лице пострадавшей девушки. Девушка перестала рыдать и теперь пребывала в состоянии шока, что еще больше усугубило, как подозревал Найкол, количество выпитого ею до этого алкоголя. Волосы Фрэнсис взмокли от пота и спутанными прядями обрамляли лицо. Ее светлый хлопчатобумажный халат, весь в масляных пятнах, прилип к телу.

— Будьте добры, передайте мне морфий, — сказала Фрэнсис. Найкол достал ампулу с коричневой жидкостью. Она взяла ампулу и приложила его руку к марлевой повязке на лице девушки. — Прижмите как можно плотнее и держите, — сказала она. — И пожалуйста, пусть кто-нибудь присмотрит за Кеннетом. Надо проследить, чтобы ему снова не стало плохо.

Опытной рукой она отломила головку ампулы и наполнила шприц.

— Тебе сразу полегчает, — сказала она раненой девушке и, когда Найкол отодвинулся, ввела иглу под кожу. — Придется наложить швы, но обещаю, они будут совсем крошечными. И под волосами будет почти не видно.

Девушка молча кивнула.

— Обязательно накладывать швы прямо здесь? — спросил Найкол. — А нельзя отнести ее наверх и сделать все там?

— Ангарную палубу патрулирует офицер из женской вспомогательной службы, — сообщил один из матросов.

— Просто дайте мне закончить свою работу, — с металлом в голосе произнесла Фрэнсис. — Я постараюсь управиться как можно скорее.

Они уже несли Кеннета по лестнице, предостерегая друг друга быть осторожнее с его головой и ногой.

— Твоя подруга умеет держать язык за зубами? — задумчиво почесав голову, поинтересовался Джонс. — Я хочу сказать, можно ли ей доверять?

Найкол кивнул. Ей не сразу удалось вдеть нитку в иголку. Он заметил, как дрожат ее пальцы.

Он отчаянно пытался найти способ поблагодарить ее, выразить ей свое восхищение. Обнимая ее во время танца, он заметил, что эта обычно скованная девушка постепенно расслаблялась и буквально светилась изнутри. И вот теперь, в такой достаточно странной обстановке, она изменилась прямо на глазах. Он еще никогда в жизни не встречал такой профессиональной женщины и сейчас с неожиданной гордостью понял, что рядом с ним человек, ничем не уступающий ему, Найколу.

— Время? — спросила Фрэнсис.

— Четыре минуты, — ответил он.

Она тряхнула головой, словно столкнувшись с невыполнимой задачей. А затем он вообще перестал что-либо соображать, поскольку после первого стежка одна из подружек девушки потеряла сознание. Поэтому Фрэнсис велела унести ее отсюда и хорошенько ущипнуть, чтобы привести в чувство. Процесс зашивания раны снова прервался, когда неожиданно двое матросов сцепились между собой так, что Найколу и Джонсу пришлось их разнимать. Время утекало сквозь пальцы, стрелка часов неумолимо двигалась вперед.

В какой-то момент Найкол непроизвольно вскочил на ноги, напряженно прислушиваясь сквозь оглушающий рев двигателей к шагам за дверью.

А затем она повернула к нему раскрасневшееся от жары лицо сплошь в грязных потеках.

— У нас все в порядке, — улыбнулась она. — Мы закончили.

— Опаздываем на полторы минуты. Вперед, пора выбираться отсюда, — сказал Найкол и крикнул занимавшимся заграждением матросам: — Оставьте это в покое, нет времени. Лучше помогите мне поднять ее наверх.

Маргарет с Эвис уже стояли у двери, Фрэнсис знаком показала им, что они могут идти. Но Маргарет только отмахнулась, явно намереваясь ждать.

Он поднялся и протянул ей руку, чтобы помочь встать. Убрав упавшие на лоб волосы, она после некоторого колебания все же приняла его руку. Он старался не смотреть на ее прилипший к спине халат, подчеркивавший

безупречные линии тела. Ее взмокшее лицо блестело от пота, который грязными струйками стекал в ложбинку между грудей. Господи помилуй, подумал Найкол. И как я теперь смогу выкинуть из головы ее образ?!

— Шов ни в коем случае нельзя мочить, — сказала девушке Фрэнсис. — Несколько дней никакого мытья головы.

— А я уже и забыла, когда вообще в последний раз ее мыла, — пробурчала та.

— Погоди-ка, — произнес Валлиец Джонс, стоявший за спиной у Найкола. — Скажите, а мы, случайно, не знакомы?

Сперва она, похоже, решила, будто он обращается к пострадавшей девушке. Но затем поняла, что он спрашивает именно ее, и сразу замкнулась.

— Ты же никогда не был на Моротае, — заметил Найкол.

— На Моротае? Не-а, — покачал головой Джонс. — Это было не там. Но у меня прекрасная память на лица. Я вас откуда-то знаю.

Найкол заметил, что Фрэнсис резко побледнела.

— Не думаю, — спокойно сказала она и начала собирать аптечку.

— Да-да-да… да… Рано или поздно я обязательно вспомню. У меня прекрасная память на лица.

Она поднесла руку ко лбу, словно у нее внезапно разболелась голова.

— Я лучше пойду, — бросила она Найколу, избегая встречаться с ним глазами. — С ними все будет в порядке.

— Я с вами, — произнес он.

— Нет, — отрезала она. — Нет, я в порядке. Спасибо.

Кусочки бинта и хирургический шелк выпали из аптечки, но ей явно было не до того. Поплотнее запахнув халат, с аптечкой под мышкой, она направилась в обход двигателя к трапу.

— Ой, нет…

Найкол перевел взгляд с Фрэнсис на Валлийца Джонса. Тот смотрел ей вслед и озадаченно качал головой. Затем скривил рот в лукавой ухмылке.

— Что? — спросил Найкол.

Он шел за ней к лестнице и остановился, чтобы взять куртку, которую бросил на ящик с инструментами.

— Нет… Не может быть… Никогда… — Джонс оглянулся и неожиданно обнаружил именно того, с кем хотел поговорить. — Эй, Дакворт! Скажи, ты думаешь о том же, о чем и я? Квинсленд? Да?

Фрэнсис уже поднялась по лестнице и теперь, опустив голову, шла к своим попутчицам.

— Я сразу смекнул, что к чему, — послышался голос с ярко

выраженным акцентом типичного кокни. — Старое доброе заведение «Сладкие сны». Которому точно нельзя доверять.

— Что происходит? — заинтересовалась Эвис. — О чем это он?

— Поверить не могу! — расхохотался Джонс. — Медсестра! Надо будет непременно сказать старине Кенни! Медсестра!

— Джонс, что за херню ты несешь?!

Джонс посмотрел на Найкола, на лице его появилось знакомое насмешливое выражение, с которым он обычно встречал все те сюрпризы, что преподносила ему жизнь: дополнительные порции выпивки, победа в морском бою или выигрыш в карты благодаря тузу в рукаве.

— Найкол, твоя медсестричка, — сказал он, — в свое время была проституткой.

— Что?

— Дакворт подтвердит. Мы встретили ее в квинслендском борделе, наверное, лет пять назад.

Его раскатистый смех и перекрывший шум двигателя голос донеслись до ушей моряков и невест, устало бредущих по мосткам. Некоторые даже остановились и прислушались.

— Не смеши меня. — Найкол поднял глаза на Фрэнсис, которая уже была у самой двери.

Она смотрела прямо перед собой, но затем, очевидно после тяжелой внутренней борьбы, позволила себе посмотреть на него. В ее глазах он увидел покорность судьбе. И похолодел.

— Но она же замужем!

— За кем? За своим сутенером? Она была лучшей девочкой менеджера борделя. А теперь — только прикинь! Нет, разве в такое можно поверить? Превратилась во Флоренс Найтингейл!

Его раскатистый смех застал Фрэнсис уже в дверях и преследовал ее всю обратную дорогу по коридору.

Глава 15

Одну девчонку Пегги сослали на двадцать лет.

Ей, как и прочим, домой возврата нет.

Женился на ней плантатор в начале февраля, —

Вот ей пошла на пользу Ван-Димена земля[31].

Из австралийской народной песни «Земля Ван-Димена»[32]

Австралия, 1939 год

До прихода мистера Рэдклиффа Фрэнсис успела уже четыре раза проверить жестяную коробку из-под печенья. Она проверила также ящик для столовых приборов, стоявший за сетчатой дверью горшок, пошарила под матрасами там, где когда-то, много лет тому назад, была родительская спальня. Она несколько раз спрашивала маму, где деньги, но мама лишь бессмысленно мычала, дыша перегаром, и Фрэнсис все стало ясно.

Но не мистеру Рэдклиффу.

— Ну так где же? — улыбаясь, спросил он. Так, наверное, улыбается акула, открывая пасть, чтобы растерзать жертву.

— Мне правда очень жаль. Понятия не имею, куда она дела деньги.

Фрэнсис придерживала ногой дверь, чтобы мистер Рэдклифф не мог заглянуть внутрь, но он наклонился и заглянул через сетчатую дверь в комнату, где растеклась в кресле мама.

— Нет, — сказал он. — Нет, конечно.

— Она неважно себя чувствует, — смущенно одергивая юбку, прошептала она. — Быть может, когда проснется, сможет сказать.

Она увидела у него за спиной двух соседей, проходивших мимо. Соседи шептались, не сводя с нее глаз. Ей не надо было слышать, о чем они говорят, чтобы узнать тему их разговора.

— Если не возражаете, я могу сама занести. Чуть позже.

— Что? Как твоя мать на прошлой неделе? И на позапрошлой? — Он разгладил идеально отутюженные брюки. — Сдается мне, на то, что осталось у нее в кошельке, она не сможет купить тебе даже буханку хлеба.

Она ничего не сказала. А он упорно продолжал стоять на пороге, явно

ожидая приглашения зайти. Однако ей очень не хотелось, чтобы мистер Рэдклифф, в своей дорогой одежде и начищенных до блеска ботинках, сидел в их убогой гостиной. По крайней мере, пока она немного не приберется.

Они стояли лицом к лицу на крыльце, словно играя в гляделки.

— Тебя что-то давненько не было видно. — Его слова прозвучали отнюдь не как вопрос.

— Я была у своей тети Мэй.

— О да. Она ведь скончалась. Не так ли? От рака, если не ошибаюсь.

Теперь Фрэнсис не могла уже отвечать без слез на глазах.

— Да… Я была там… чтобы немного помочь.

— Прими мои соболезнования. Ты, возможно, в курсе, что в твое отсутствие дела у твоей матери шли не ахти как. — Мистер Рэдклифф снова заглянул в дверь, и Фрэнсис с трудом подавила желание прикрыть ее чуть плотнее. — Она… задерживает платежи. И не только мне. Вам теперь ничего не дадут в долг ни у Грина, ни у Мэйхью.

— Я все улажу, — сказала Фрэнсис.

Он повернулся к своему блестящему автомобилю, припаркованному на обочине. Двое местных сорванцов гляделись в боковое зеркало.

— В свое время, когда твоя мать работала на меня, она была прехорошенькой. Вот что делает с людьми любовь к выпивке. — (Она отвела взгляд.) — Полагаю, я не открыл тебе ничего нового. — Видя, что она продолжает молчать, мистер Рэдклифф переступил с ноги на ногу и посмотрел на часы. — Фрэнсис, сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

Он окинул ее оценивающим взглядом. Затем тяжело вздохнул, словно понимая, что собирается поступить вопреки здравому смыслу.

— Послушай, что я скажу. Я дам тебе работу в отеле. Будешь мыть посуду. Ну и делать кое-какую уборку. Сомневаюсь, что твоя мать сможет тебя содержать. И запомни: если ты меня подведешь, вы с ней в два счета окажетесь на улице.

И не успела она открыть рот, чтобы поблагодарить его, как он уже подошел к машине, шуганув вертевшихся рядом мальчишек.

Она знала мистера Рэдклиффа чуть ли не с рождения. Большинство жителей Айнсвилла его знали: он был владельцем единственного отеля в городе, а также сдававшихся в аренду дешевых деревянных домов. Она помнила те времена, когда мама, еще не попавшая в алкогольные сети, прислуживала по вечерам в баре отеля, а за Фрэнсис присматривала тетя

Мэй. Уже позже тетя Мэй проклинала тот день, когда посоветовала матери Фрэнсис устроиться в отель, но «в таких захолустных городишках, как этот, дорогая, приходится брать то, что дают, разве нет?».

Хотя сама Фрэнсис на работу в отеле не жаловалась. По крайней мере, в первый год. Каждый день, сразу после девяти, она являлась на кухню, где трудилась под надзором молчаливого китайца, который сердито хмурился или замахивался на нее огромным кухонным ножом, если она плохо мыла или резала овощи. Она убирала кухню, надраивая полы шваброй с черной щетиной, до четырех помогала готовить еду, затем приступала к мытью посуды. Ее руки покраснели и загрубели от горячей воды, а спина и шея болели от стояния внаклонку над раковиной. Она научилась проходить, не поднимая глаз, мимо появлявшихся после полудня женщин, которые только и умели, что пить да грызться между собой. Но она была счастлива возможности зарабатывать деньги и хоть как-то упорядочить хаос их с матерью жизни.

Мистер Рэдклифф удерживал квартирную плату и давал ей немного сверх того, ровно столько, чтобы хватало на еду и домашние расходы. Она купила себе новые туфли, а маме — кремовую блузку с бледно-голубой вышивкой. Именно такие блузки, в ее представлении, носили порядочные матери. Ее мать даже растроганно всплакнула, сказала, что дай только срок — и она снова встанет на ноги. И тогда Фрэнсис сможет уехать учиться в колледж, как в свое время обещала ей тетя Мэй. Подальше от этой вонючей дыры.

Но когда Фрэнсис сняла с матери заботы о доме и деньгах, взвалив их на свои худенькие плечи, та вообще запила горькую. Время от времени она приходила в бар в сильно декольтированном платье и стояла, облокотившись на стойку. А потом, естественно, начинала заговаривать с мужчинами в баре и с работавшими там девушками, пыталась прихлопнуть несуществующих мух и орала на Фрэнсис дурным голосом, в котором чувствовались злость и безмерная жалость к себе. И в результате мать заваливалась на кухню, чтобы предъявить дочери накопившиеся претензии: что та слишком хорошо одевается, что зарабатывает себе на жизнь, что вообще появилась на свет, тем самым разрушив ей жизнь, — и так до тех пор, пока Хун Ли не вышвыривал ее вон, сграбастав мощными руками. После чего сердито зыркал на Фрэнсис, словно она виновата в том, что у нее такая мать. А Фрэнсис и не пыталась защищать ее: она уже давным-давно поняла, что это совершенно бесполезное занятие.

Фрэнсис только одного не могла взять в толк: откуда при их бедности у мамы деньги, чтобы каждый день напиваться в хлам.

А потом в один прекрасный день мама исчезла — со всей вечерней выручкой.

Позволив себе пятиминутный перерыв, Фрэнсис сидела на перевернутой бадье в подсобке и ела намазанный маргарином хлеб, что оставил для нее Хун Ли, но внезапно услышала взволнованные голоса. Не успела она поставить тарелку и встать, как в подсобку ворвался мистер Рэдклифф.

— Где она? Где эта вороватая шлюха?

Фрэнсис так и замерла с вытаращенными глазами. Она уже знала, по привычной пустоте внизу живота, о ком он говорит.

— Она испарилась! А вместе с ней и вся моя треклятая касса! Ну и где она может быть?

— Я… не знаю, — запинаясь, прошептала Фрэнсис.

Мистер Рэдклифф, обычно весьма вежливый и обходительный, превратился в разъяренного дикаря с багровым лицом, его грудь выпятилась вперед так, что казалось, накрахмаленная рубашка вот-вот лопнет, его огромные руки сжались в кулаки, словно он с трудом сдерживался. Он смотрел ей в глаза, наверное, целую вечность, явно прикидывая, врет она ему или нет. И ей показалось, что еще немного — и она описается со страху. Но затем он ушел, громко хлопнув дверью.

Они нашли ее два дня спустя, в бессознательном состоянии, за лавкой мясника. Денег при ней не оказалось, только пустые бутылки. Туфли тоже куда-то подевались. И вот как-то вечером на той же неделе мистер Рэдклифф зашел к ней, чтобы «потолковать», затем вернулся в отель и сообщил Фрэнсис, что они с ее матерью решили: будет лучше, если та на время уедет из города. С ней невозможно вести дела. И Льюкам теперь вряд ли хоть кто-нибудь поверит в кредит. Он лично проводил ее.

— Только до тех пор, пока она немного не выправится, — сказал он. — Хотя бог его знает, сколько это займет времени.

Фрэнсис была так потрясена, что не могла говорить. А когда она в тот вечер вернулась домой и ее встретили гнетущее молчание их маленького дома, куча счетов на кухонном столе и сумбурная записка, из которой совершенно невозможно было понять, куда уехала мать, Фрэнсис уронила голову на сложенные руки и просидела так до тех пор, пока ее не сморил сон.

И вот почти три месяца спустя ее вызвал к себе мистер Рэдклифф. К этому времени мрачная тень матери уж больше не нависала над ней. Люди,

завидев ее, перестали шушукаться, некоторые даже говорили «привет». Хун Ли всячески старался ее утешить: следил за тем, чтобы в ее обеде непременно были кусочки говядины и баранины, а еще чтобы она делала перерывы на отдых. Как-то он даже оставил ей два апельсина, хотя и не захотел в этом признаться, а когда она его уличила, шутливо замахнулся на нее мясницким ножом. Девушки из бара справлялись о ее делах и по-сестрински дергали за косички. Одна даже предложила выпить после окончания смены. Она, естественно, отказалась, хотя и была благодарна. И когда уже другая девушка, сунув голову в дверь кухни, сказала, что Фрэнсис вызывают в кабинет хозяина, она испугалась, что ее тоже могут обвинить в краже. Яблоко от яблони недалеко падает — так говорили в городе. Дурная кровь непременно даст о себе знать. Но, когда она постучалась и вошла, мистер Рэдклифф вовсе не выглядел сердитым.

— Присаживайся, — сказал он, посмотрев на нее вполне благожелательно. Она села. — Я собираюсь попросить тебя освободить дом. — И, не дав ей открыть рта, продолжил: — В Квинсленде из-за войны скоро все изменится. Здесь появятся войска, и жизнь в нашем городе закипит. Мне сказали, что вот-вот приедут люди, которые смогут платить за дом гораздо больше. В любом случае, Фрэнсис, не дело такой юной девушке жить в одиночестве.

— Но я же вовремя вношу арендную плату, — запротестовала Фрэнсис. — И еще ни разу вас не подвела.

— Я прекрасно знаю об этом, моя дорогая, и я не из тех, кто способен вышвырнуть тебя на улицу. Ты переедешь сюда. Ты можешь жить в комнате наверху, где обычно ночевал Мо Хаскинс. Ну, ты знаешь. И я уменьшу арендную плату, у тебя останется больше карманных денег. Ну как, по рукам?

Его уверенность в том, что она обрадуется такому щедрому предложению, была столь велика, что у нее не хватило духу сказать, что хибара на Ридли-стрит была ее единственным домом. Что после отъезда матери она уже начала получать удовольствие от своей независимости, что она уже не чувствует, будто балансирует на краю пропасти. И что она не нуждается в его одолжениях.

— Пожалуй, я лучше останусь дома, мистер Рэдклифф. Я… я отработаю. Возьму лишнюю смену, чтобы оплатить квартирную плату.

Мистер Рэдклифф тяжело вздохнул:

— Фрэнсис, мне очень хотелось бы тебе помочь, святая правда. Но когда твоя мать умыкнула кассу, она проделала очень большую дыру в моем бюджете. Очень… большую… дыру. Дыру, которую мне надо каким-

то образом залатать. — Он встал и подошел к ней. Его рука тяжело легла ей на плечо. — Но вот что мне нравится в тебе, Фрэнсис. Ты труженица, не то что твоя пропащая мамаша. Решено: ты переезжаешь сюда. Такая девушка, как ты, не должна тратить свои лучшие годы на заботы об арендной плате. Тебе надо выйти в люди, принарядиться, немного повеселиться. И вообще, негоже молодой девушке жить одной… — Он сжал ее плечо. Она была не в силах пошевельнуться. — Нет. Значит, так. Ты перевезешь свои вещи в субботу, а все остальное я возьму на себя. Пришлю тебе в помощь одного из своих ребят.

Уже потом она поняла, что, возможно, девушки из бара знали что-то такое, о чем она и не подозревала. А следовательно, их внимание, дружелюбие и, только в одном случае, враждебность объяснялись не тем, что они жили под одной крышей, как она предполагала, а тем, что они прекрасно понимали, на каком положении она здесь находится.

И когда Мириам, миниатюрная еврейка с волосами до талии, объявила, что после полудня поможет ей навести красоту, она сделала это вовсе не по дружбе, а выполняя чьи-то строгие указания. И таким образом, когда Мириам уложила ей волосы, затянула потуже корсаж подогнанного по ее фигуре темно-синего платья и продемонстрировала мистеру Рэдклиффу результаты своих трудов, приведших к столь волшебному преображению, Фрэнсис предположила, что она должна быть благодарна.

— Нет, вы только посмотрите, — пыхтя сигаретой, произнес мистер Рэдклифф. — Кто бы мог подумать, а, Мириам?

— Ну как, неплохо я ее отмыла?

Фрэнсис почувствовала, что под их пристальными взглядами у нее, несмотря на толстый слой косметики, горят щеки. Она с трудом преодолела желание сложить руки на груди, чтобы прикрыться.

— Вполне съедобно. По-моему, наша малышка Фрэнсис слишком хороша для Хун Ли, да? Не сомневаюсь, мы можем подобрать ей более эффектное занятие, чем мытье грязных бутылок.

— Нет, я вполне довольна, — сказала Фрэнсис. — Правда-правда. Мне нравится работать с мистером Хуном.

— Не сомневаюсь в этом, дорогуша, и ты очень хорошо работаешь. Но, увидев, какая ты красотка, я понял, что в баре от тебя будет гораздо больше пользы. Итак, начиная с сегодняшнего дня будешь разносить напитки. Мириам введет тебя в курс дела.

Она почувствовала, причем не в первый раз, что ее обвели вокруг пальца. Несмотря на то что она вполне взрослый, самостоятельный

человек, решения за нее постоянно принимает кто-то другой. И даже если она и поймала во взгляде Мириам нечто странное, ставящее ее в тупик, она все равно не смогла бы четко сформулировать, что это было.

Она должна была быть благодарна. Она должна была быть благодарна за то, что мистер Рэдклифф предоставил в ее распоряжение симпатичную мансардную комнатку, причем по той цене, которую она могла себе позволить. Она должна была быть благодарна за то, что он заботится о ней, в то время как ни у одного из ее родителей в свое время не хватило здравого смысла это сделать. Она должна была быть благодарна за то, что он уделяет ей столько внимания — и даже заказал два новых платья, поскольку она совершенно обносилась, — что раз в неделю приглашает ее на обед, что не позволяет никому плохо отзываться при ней о ее матери, что оберегает ее от назойливого внимания заполонивших город солдат. Она должна была быть благодарна за то, что он считает ее такой хорошенькой.

Поэтому она не стала обращать внимания на Хун Ли, который как-то вечером отвел ее в сторонку и на ломаном английском сказал, что ей надо уезжать. Прямо сейчас. Что бы там ни говорили люди, она вовсе не была такой лопоухой.

Итак, в первый же вечер, когда мистер Рэдклифф, вместо того чтобы пожелать ей спокойной ночи, после обеда пригласил ее зайти в свои апартаменты, ей было трудно ответить «нет». Она попробовала сослаться на усталость, но он сделал жалобное лицо и сказал, что она не вправе оставить его одного, после того как он весь вечер ее развлекал, разве нет? Он, похоже, страшно гордился каким-то особенным импортным вином, поэтому ему казалось жизненно важным, чтобы она выпила с ним хотя бы бокал. А потом второй. А когда он настоятельно попросил, чтобы она пересела с очень удобного стула к нему на диван, ей казалось неприличным ему отказать.

— Знаешь, Фрэнсис, ты действительно очень красивая девушка, — сказал он тогда.

Было нечто гипнотическое в том, как он что-то едва слышно нашептывал ей на ухо. И в его широкой ладони, которой он — незаметно для нее — поглаживал ей, точно ребенку, спину. И в том, как платье незаметно соскользнуло с обнаженных плеч. И уже потом, вспоминая об этом, она ясно осознавала, что даже и не пыталась ему помешать, потому что до самого конца не понимала — пока не стало слишком поздно, — чему именно она должна помешать. И все было не так уж страшно, разве

нет? Мистер Рэдклифф ухаживал за ней. Как никто другой. Мистер Рэдклифф непременно о ней позаботится.

Возможно, она была не вполне уверена, что на самом деле к нему испытывала. Но она точно знала, что должна быть благодарна.

Фрэнсис провела в отеле «Сладкие сны» три месяца. И в течение двух из них мистер Рэдклифф — он так и не предложил ей обращаться к нему по имени — строго соблюдал установленный им режим ночных «визитов» дважды в неделю. Иногда он водил ее пообедать, а после этого приглашал к себе в апартаменты. Изредка он являлся без приглашения в ее комнату. Но ей это очень не нравилось: как правило, он приходил пьяный, а однажды, вообще не сказав ни слова, распахнул дверь и рухнул на нее прямо с порога, заставив ее почувствовать себя сливным отверстием, в самом прямом смысле этого слова. Потом она долго-долго отмывалась, пытаясь смыть с кожи его запах.

Очень скоро она поняла, что не любит его, как бы он там ее ни обхаживал. Теперь она точно знала, почему у него работает так много женщин. И заметила — без тени удивления, — что ни одна из них не завидует ее положению его подружки, хотя он явно выделял ее — это и высокая зарплата, и платья, и максимум внимания — из всех остальных.

Но в тот день, когда он предложил ей немного «развлечь» его друга, она все поняла.

— Простите, — сказала она, нерешительно глядя на мужчин. — Кажется, я не расслышала.

Он положил ей руку на плечо:

— Невилл к тебе неровно дышит, моя милая. Окажи мне любезность. Доставь ему удовольствие.

— Я не понимаю, — сказала она.

Его пальцы впились в ее нежную кожу. Ночь выдалась жаркой, пальцы были липкими от пота.

— Думаю, ты все прекрасно понимаешь, моя милая. Ты же не дурочка.

Она отказалась, покраснела до корней волос, ее потрясло, что он оказался способен на такое. Она снова отказалась и гневно посмотрела на него, чтобы показать, как сильно он обидел ее своим предложением. Она опрометью кинулась к лестнице, слезы унижения застилали глаза. Она чувствовала на себе взгляды других девушек, слышала несущееся ей вслед улюлюканье солдат, постоянно ошивавшихся в отеле. А затем за ее спиной раздались его тяжелые шаги. И у самой двери в ее комнату он ее догнал.

— Что ты себе позволяешь?! — развернув ее лицом к себе, заорал он.

Его лицо было такого же цвета, как и тогда, когда он обвинил маму в воровстве.

— Убирайся от меня! — взвизгнула она. — Поверить не могу, что ты мог попросить меня о таком!

— А как ты смеешь меня позорить?! После всего, что я для тебя сделал! Я заботился о тебе, забыл о деньгах, что украла твоя мамаша, покупал тебе платья, выводил тебя в люди, а мне ведь со всех сторон советовали за километр обходить всех представителей семейства Льюк.

Она уже сидела, закрыв лицо руками, словно хотела отгородиться от него. Внизу кто-то затянул песню, в ответ раздались радостные возгласы.

— Невилл — мой хороший друг, ты это понимаешь, глупышка? Очень близкий друг. Его сын ушел на войну, Невилл совсем раскис, и я хочу помочь ему хоть немного развеяться — и вот здрасте вам, мы втроем так хорошо сидим, словно добрые друзья, а ты начинаешь вести себя точно избалованный ребенок! Ну и что, по-твоему, должен чувствовать Невилл? — (Она попыталась возразить, но он заткнул ей рот.) — Фрэнсис, я был о тебе лучшего мнения. — Его голос сделался тише и теперь звучал почти успокаивающе. — Мне всегда нравилось в тебе то, что ты очень отзывчивая девочка. И переживаешь, когда людям плохо. Ведь я не так уж много прошу, да? Только помочь кому-то, чей сын ушел на фронт, чтобы, быть может, погибнуть в бою.

— Но я… — Она не знала, что и сказать. И она заплакала, закрыв лицо руками.

Он отвел ее руки и сжал в своих широких ладонях:

— Посуди сама, я ведь никогда ничего не заставлял тебя делать насильно, ведь так?

— Да.

— Послушай, дорогуша, ведь Невилл — приятный человек, да?

Маленький, седой, усатый человек, похожий на мышь. Он весь вечер ухмылялся ей. А она-то думала, что ему просто интересно с ней разговаривать!

— И я ведь тебе небезразличен, да? — (Она молча кивнула.) — А для него это очень важно. И для меня тоже. Да ладно тебе, дорогуша, пустячная просьба. Ну что, лады? — Взяв ее за подбородок, он приблизил ее лицо к своему. Заставил открыть глаза.

— Я не хочу, — прошептала она. — Только не это.

— Всего-то каких-нибудь полчаса! И тебе ведь это тоже нравится, а?

Она не знала, что отвечать. Ведь каждый раз она была не настолько трезвой, чтобы хоть что-то запомнить.

Похоже, он принял ее молчание за знак согласия. Подвел к зеркалу.

— Знаешь, что я тебе скажу, — произнес он. — Тебе надо немного собраться. Неужели ты думаешь, что кому-нибудь приятно видеть зареванные лица?! Я распоряжусь, чтобы тебе принесли чего-нибудь выпить — например, бренди, что тебе так нравится, — и пошлю сюда Невилла. Вы двое прекрасно поладите. — И он, не оглядываясь, вышел из комнаты.

А потом она уже устала считать, сколько раз делала это. Она знала только то, что каждый раз напивалась все больше, а однажды ее совсем развезло, и мужчина попросил деньги обратно. Мистер Рэдклифф становился все более грубым, поэтому она по возможности пряталась в ванной, где так сильно оттирала кожу губкой, что та шла красными полосами, и девушки даже вздрагивали, когда она проходила мимо.

И вот как-то раз, когда шум в баре стал громче, а по лестнице туда-сюда сновали гости, Хун Ли заловил ее на пороге кладовки, где она спрятала бутылку рома. В преддверии встречи с двумя получившими увольнительную военными, которым мистер Рэдклифф намекнул, что у них имеется хороший шанс провести с ней время, она стояла между бочками пива «Каслмейн» и «Маккракен» и пила прямо из горлышка бутылки, уже успев осушить ее наполовину.

— Фрэнсис!

Она, как ужаленная, подскочила на месте. Будучи под хорошим градусом, она была не в состоянии сфокусироваться и узнала его только по синей рубашке, обтягивавшей мощные плечи.

— Ничего не говори, — произнесла она заплетающимся языком, оставив бутылку. — Я потом положу деньги в кассу.

Он подошел поближе, остановившись прямо под голой лампочкой на потолке, и она подумала, что он тоже хочет ее облапать.

— Ты должна уходить, — сказал он, прихлопнув вившегося около лица мотылька.

— Что?

— Ты должна отсюда уходить. Нехорошее место.

Это была самая длинная речь, которую она слышала из его уст почти за восемнадцать месяцев. И она рассмеялась горьким, сердитым смехом, перешедшим в рыдания. А потом наклонилась вперед, держась за бока, не в силах отдышаться.

Он неловко топтался перед ней, затем осторожно шагнул вперед, словно не решаясь дотронуться до нее.

— Я достал это для тебя, — сказал он.

Она уж было решила, что он собирается дать ей сэндвич. Но затем заметила деньги, зажатые у него в кулаке, — большую грязную пачку денег.

— Что это? — прошептала она.

— Тот мужчина на прошлой неделе. Тот, что… — Он запнулся, не зная, как лучше описать последнего «друга» мистера Рэдклиффа. — Ну, тот, в блестящем костюме. Он держит игорное заведение. Я украл это из его машины. — Хун Ли протянул ей зажатые в кулаке деньги. — Возьми их. Уезжай завтра. Заплатишь мистеру Масгроуву, чтобы подвез тебя до станции. — Она стояла не двигаясь, а он все совал кулак с деньгами ей под нос. — Бери. Ты заработала.

Она тупо смотрела на деньги, спрашивая себя, не померещилось ли ей это по пьяной лавочке. Тогда она потрогала деньги, они были вполне материальные.

— А ты не боишься, что он скажет мистеру Рэдклиффу?

— Ну и что с того? Тебя уже здесь не будет. Завтра уходит поезд. Иди. Ты иди. — И, когда она промолчала, он в шутку состроил злобную гримасу. — Фрэнсис, здесь нет ничего хорошего для тебя. А ты хорошая девушка.

Хорошая девушка. Она удивленно смотрела на китайца. Оказывается, он не только может связно говорить, но и способен на проявление доброты. Она взяла деньги и положила в карман. На ощупь бумажки были мягкими от его потной ладони. Затем потянулась к его руке, чтобы сказать спасибо.

Но когда Хун Ли поспешно отстранился, до нее внезапно дошло, что его жалость имела привкус того, о чем ей даже не хотелось думать. Выходит, всего за три месяца «профессия» уже наложила на нее неизгладимый отпечаток.

Он кивнул ей, словно внезапно устыдившись своей немногословности.

— А как же ты? — спросила она.

— Что — я?

— Разве тебе не нужны деньги? — Ей не хотелось задавать этот вопрос, ведь в кармане у нее теперь лежало целое богатство.

Его лицо оставалось непроницаемым.

— Тебе они нужнее, — произнес он, резко развернулся, и его широкая спина исчезла в темноте.

Глава 16

Стирка белья: для стирки белья на борту корабля имеется ряд ограничений…

Запрещается вывешивать белье для просушки из иллюминаторов или в любом другом месте, где белье будет портить внешний вид корабля.

Инструкция для пассажиров женского пола, авианосец «Викториес»

Двадцать пятый день плавания

Бедная моя старушка. Хоть ты и не заслуживаешь столь тяжелой участи, но чему быть, того не миновать. — Он положил руку на холодный металл, на котором, как ему показалось, оставили отпечаток годы ожесточенных сражений.

Он выпрямился и оглянулся проверить, не слышал ли случайно Добсон, как он разговаривает с кораблем. Добсона совершенно выбили из колеи те изменения, что капитан Хайфилд внес в судовую рутину, и хотя капитану нравилось дразнить своего старпома, он понимал, что если зайдет со своими новшествами слишком далеко, то рано или поздно его призовут к ответу.

Хайфилд знал буквально каждый квадратный дюйм «Индомитебла», знал от и до историю славного авианосца. Он стал свидетелем того, как корабль медленно погрузился в воды Адриатики, а его корпус сплющило, как утлую лодчонку в шторм. Он провел корабль через арктические воды зимой 1941-го, тогда палубу покрыл слой снега толщиной шесть дюймов, а орудийные башни настолько обледенели, что двадцати матросам пришлось потратить не один час, чтобы с помощью ломов и лопат привести их в рабочее состояние. Он смог удержать его на плаву после налета бомбардировщиков, базировавшихся на островах Сакисима, после того как самолет-камикадзе скатился с полетной палубы, которую в результате захлестнуло приливной волной и залило авиационным топливом. Он плыл на нем по водам Атлантики, прислушиваясь в тишине к зловещему эху, говорившему о присутствии вражеских подлодок. Он видел в начале войны огромную воронку на полетной палубе, после того как в нее врезалось по меньшей мере три столкнувшиеся в воздухе «барракуды». Теперь он уже, наверное, не мог точно сказать, сколько людей они потеряли и сколько тел во время морских похорон было предано воде. Он был с кораблем до самого конца. Смотрел, как его палуба накренилась и ушла под воду,

забрав с собой тех из его людей, кто, согласно докладам, был уже мертв, а вместе с ними и его незабвенного мальчика — его тело сгорело в адском пламени погребального костра, распространявшего клубы вонючего дыма. А когда нос корабля затонул и хладные воды безмолвно сомкнулись над ним, не осталось ни единого признака того, что авианосец вообще когда-либо существовал.

«Виктория» была сконструирована точно так же, как и ее брат-близнец; и когда он впервые взошел на ее борт, ему почудилось в этом нечто зловещее. Вот почему он так долго привыкал к новому кораблю. Но теперь, как ни странно, испытывал к нему какую-то извращенную благодарность.

Они связались с ним этим утром. Командующий Британским Тихоокеанским флотом лично отправил ему радиограмму. В шутливой форме он сообщил Хайфилду, что тот может распустить бригады маляров до конца плавания: нет смысла изнурять людей лишними ремонтными работами. «Викторию» обследуют в сухом доке в Плимуте, а затем модифицируют и продадут какой-нибудь торговой судоходной компании или пустят на металлолом. «Со старушкой все в порядке, — послал он ответную радиограмму. — Настоятельно советую следовать прежним курсом».

Он ничего не сказал экипажу корабля, поскольку подозревал, что большинство людей сам корабль волновал меньше всего: лишь бы кубрики были просторными, еда — более или менее съедобной, а денежное довольствие — регулярным. Война закончилась, и многие собирались покинуть военно-морской флот. Так что он, Хайфилд, и его старый корабль в ближайшем будущем станут только темой для разговоров о войне за обеденным столом.

Хайфилд вздохнул и осторожно оперся на больную ногу. На следующий день они должны прибыть в Бомбей. И скорее всего, он проигнорирует инструкции командующего. Уже несколько дней бригады маляров и рядовые матросы подкрашивали и надраивали корабль. На флоте прекрасно знали, что единственная возможность удержать моряков от неприятностей — загрузить их работой, а с учетом столь специфического груза это было более чем актуально. На корабле не должно было остаться ни одного латунного болта, который не будет блестеть точно зеркало.

Члены его экипажа, похоже, догадывались, что с ним творится что-то неладное. Не исключено, что и губернатор Гибралтара тоже кое-что заметит. Он далеко не дурак. Будь я проклят, если покину тебя раньше времени, молча обратился Хайфилд к кораблю, крепко сжимая перила. Будем держаться друг друга до тех пор, пока моя треклятая нога вообще не

отвалится.

— Значит, так, дамы, вам надо смешать одну столовую ложку яичного порошка с двумя столовыми ложками воды. Дайте возможность порошку впитать в себя воду, а затем разомните комочки деревянной ложкой. Размешивать надо достаточно энергично… Словом, придется немного попотеть, — сказала женщина из вспомогательной службы и, увидев непонимающие лица, добавила: — Как говорят у нас в Англии, терпенье и труд все перетрут.

Маргарет сидела, положив тетрадь на колени, пишущая ручка безвольно повисла в воздухе. Она бросила записывать рецепты, поскольку ее внимание привлекло шушуканье у нее за спиной.

— Проститутка? Не может быть! Флотское начальство никогда бы такого не допустило, с учетом всех этих матросов.

— Ну, они оказались не в теме, разве нет? Откуда им было знать?!

— С помощью яичного порошка можно выпекать самые различные вещи. Добавьте немного петрушки или кресс-салата, и вы сможете сделать некоторое… подобие яичницы. Поэтому не следует считать, что ваши возможности ограничены только потому, что под рукой нет продуктов, к которым вы привыкли дома. По правде говоря, у вас наверняка не будет ингредиентов, к которым вы привыкли дома.

— Господи боже мой, но кто мог согласиться на ней жениться?! А вам не приходило в голову, что это мог быть один из ее… клиентов?

— А что, если он не знает? И, как думаете, разве флотские не должны ему сообщить?

То же самое происходило сейчас повсеместно. За несколько дней Фрэнсис Маккензи из самой неприметной пассажирки, которую когда-либо перевозила «Виктория», превратилась в самую печально известную. Те, кто ее хоть немного знал, были в восторге оттого, что столь скромная с виду молодая женщина имеет за плечами такой багаж. Другие были заинтригованы историей ее прошлой карьеры и сочли своим долгом приукрасить ее подробностями, которые никто из пассажирок не имел возможности опровергнуть. И как ни парадоксально, складывалось впечатление, что любая из них в свое время могла оказаться на ее месте; следующая стоянка была еще не скоро, и вообще ни у кого не вызывало сомнения, что это было самое захватывающее происшествие за все плавание.

— Я слышала, она ездила на поезде. Ну, знаете, на специальном таком, который они посылают в войсковые части. В этом поезде было полно…

падших женщин.

— А как вам кажется, ее надо было обследовать на предмет различных заболеваний? На американских транспортах они обязательно это делают, я точно знаю. Я хочу сказать, что мы же пользуемся с ней одной душевой, прости господи.

Маргарет с трудом поборола желание прервать их, сообщить всем этим тупым балаболкам, что они не понимают того, о чем говорят. Но как она могла, если сама не знала правды!

Но было непохоже, чтобы Фрэнсис хотела все объяснить. В ту роковую ночь она сразу легла, а утром специально притворилась спящей, явно дожидаясь, чтобы они с Эвис ушли из каюты, но, когда они вернулись, выкинула тот же номер. Она практически не разговаривала, сведя все темы для разговора к необходимому минимуму. Она дала собаке попить. Оставила дверь приоткрытой. Словно им этого было достаточно. Она перестала посещать главную столовую. И Маргарет не была уверена, ест ли она вообще хоть что-нибудь.

Эвис демонстративно попросила перевести ее в другую каюту, но поскольку ей решительно не подошла единственная предложенная ей койка, во всеуслышание объявила, что не желает иметь с Фрэнсис ничего общего. Маргарет велела Эвис не валять дурака и не слушать все эти треклятые сплетни. В них нет ни капли правды.

Но очень трудно сохранять силу духа, если Фрэнсис и не думала защищаться.

И даже Маргарет, которая обычно за словом в карман не лезла, не находила, что сказать Фрэнсис. Маргарет знала, что иногда бывает слишком наивной, и тем не менее у нее просто в голове не укладывалось, как такая строго одетая, чопорная молодая женщина может быть «одной из этих». Она видела падших женщин только на плакате в кубрике у Денниса Тимса с угрожающей надписью: «Венерические заболевания — молчаливый убийца» — да еще в вестернах, что смотрела с братьями. В кино дамочки легкого поведения обычно кучковались в каком-нибудь салуне. Интересно, надевала ли Фрэнсис платья с тугим корсажем, красила ли губы в алый цвет, чтобы завлечь мужчин? Приглашала ли их подняться наверх и раздвигала ли перед ними ноги, чтобы они могли бог знает что с ней сделать? Подобные мысли преследовали Маргарет, невольно накладывая отпечаток на стиль общения с Фрэнсис, которая всегда была так добра к ней. Маргарет это прекрасно понимала, и ей было безумно стыдно за себя. Она подозревала, что Фрэнсис тоже все понимает.

— Ну, по-моему, история просто отвратительная. Откровенно говоря,

если бы мои бедные родители знали, что мне придется путешествовать с такой особой, они ни за что не разрешили бы мне подняться на борт корабля. — Сидевшая перед ней девушка передернула плечами в праведном гневе.

Маргарет бросила взгляд на записанный неразборчивым почерком рецепт употребления яичного порошка.

— Век живи, век учись! — заметила соседка Маргарет.

Маргарет сунула тетрадь в корзинку и вышла из комнаты.

Дорогая Дина!

У меня нет слов, чтобы описать, как весело я провожу время на борту корабля. Честно говоря, с учетом всех обстоятельств я этого не ожидала. Сама не знаю как, но я попала в число участниц конкурса на звание королевы красоты «Виктории», там будут вручать приз невесте, которая по своим женским достоинствам превзошла всех остальных. Будет очень приятно показать Иэну, что я для него весьма ценное приобретение, в том числе с точки зрения его карьеры. Я уже набрала достаточно очков за рукоделие, шитье и музыкальные способности (я пела «Shenandoah», публика была в восторге) и — никогда не догадаешься — выиграла конкурс «Мисс Самые Красивые Ножки»! Я надела свой зеленый купальник и атласные туфли в тон. Надеюсь, ты не против, что я их взяла? Ты ведь так редко их надевала, и глупо оставлять их «до лучших времен», ведь союзные войска покидают Мельбурн, и у вас, бедняжек, теперь практически нет светской жизни.

А как твои дела? Мамочка сообщила мне, что ты больше не переписываешься с тем славным молодым человеком из Уэйверли. Она как-то слишком туманно объяснила, что произошло. У меня просто в голове не укладывается, как можно вот так взять и бросить девушку. Очень жестоко. Если, конечно, он не нашел себе другую.

Мужчины — загадочные существа, разве нет? Я каждый день благодарю судьбу, что Иэн — такая преданная душа.

Все, моя дорогая сестрица, мне пора бежать. Нам разрешили искупаться, а мне безумно хочется поплавать. Я отправлю это письмо в ближайшем порту и непременно расскажу тебе о своих приключениях там!

Твоя любящая сестра Эвис

За все это время невестам впервые разрешили искупаться, и мало кто из них — при сохраняющемся дефиците воды — отказался воспользоваться такой возможностью. Когда Эвис, закончив свое письмо, появилась на передней палубе, она увидела вокруг сотни женщин, резвящихся в

прозрачных водах и с визгом плещущихся возле спасательных шлюпок, а также матросов и офицеров, которые с сигаретой во рту наблюдали за ними, перегнувшись через борт.

Ее беременность пока была совершенно незаметна. Эвис с некоторой долей гордости обследовала свое тело: по-прежнему плоский живот и красиво налившуюся грудь. Нет, она точно не станет похожа на расплывшегося кита, в отличие от Маргарет, которая, со своими безобразно распухшими лодыжками и икрами, теперь предпочитала сидеть — пыхтя и потея — где-нибудь в уголке. Она, Эвис, уж точно постарается до конца оставаться стройной и привлекательной. А когда живот станет слишком большим, она засядет дома, займется обустройством детской и покажется на людях только тогда, когда ребенок появится на свет. Вот так поступают настоящие леди.

Теперь, когда ее перестали мучить приступы тошноты, она определенно решила, что беременность пошла ей на пользу: ее кожа сияла здоровьем, чему, несомненно, в значительной степени помогло пребывание на солнце, а белокурые волосы стали еще светлее. Где бы она ни появлялась, она везде привлекала к себе внимание. Поэтому она постоянно задавала себе вопрос: не следует ли теперь, когда ее интересное положение сделалось достоянием гласности, немного прикрыться, чтобы выглядеть чуть-чуть скромнее? Однако до захода в европейские воды осталось так мало времени, что просто грех было растрачивать его впустую. Эвис сбросила сарафан и навела красоту, дабы во всем блеске появиться на палубе, а потом лечь немного позагорать. Если забыть о неприятной истории с Фрэнсис (прямо как в романе!) и учесть, что она медленно, но верно продвигается к званию королевы красоты «Виктории», плавание вполне можно назвать удачным.

А тем временем Найкол стоял на баке, прислонившись спиной к стене. Обычно он не курил на палубе, тем более на дежурстве, но последние дни он, преисполненный мрачной решимости, дымил как паровоз, словно рассчитывал, что это механическое действие поможет ему собраться с мыслями.

— Ну как, присоединишься к нам попозже? — Рядом возник один из моряков, с которым он частенько играл в лудо[33].

Мужчинам тоже разрешили искупаться, но только после женщин.

— Нет, — затушив сигарету, ответил Найкол.

— А я — да. Мне уже невмоготу. — Моряк ткнул пальцем в сторону женщин, а когда Найкол из вежливости изобразил интерес, добавил: — Я

об этих. Не могу видеть, как они развлекаются. Сразу вспоминаю своих девочек в Англии.

— О…

— Мимо нашего сада протекает речка. Когда мои девчонки были маленькие, в погожий денек мы брали их на речку, учили плавать. — Погрузившись в воспоминания, он пару раз развел руками, будто плавал брассом. — Коли живешь у воды, надо знать, как на ней держаться. Типа для безопасности. — (Найкол неопределенно кивнул в знак согласия.) — Временами мне казалось, что я никогда их больше не увижу. И, честно говоря, довольно часто. А вот ты, парень, наверняка не позволял себе так распускаться. — (Услышав подобную оценку старшего товарища, Найкол невольно улыбнулся.) — Да… грехи наши тяжкие. Подождем до лучших времен. — Моряк затянулся сигаретой и выкинул окурок в воду. — Удивляюсь, как это старина Хайфилд пошел на такое. А мне почему-то казалось, что для него вид такого количества женской плоти одновременно — как серпом по яйцам.

День шел своим чередом, все как всегда. Внизу в прозрачной воде какие-то две женщины, дергаясь и извиваясь, плыли в сторону спасательной шлюпки, а стоявшие на палубе подбадривали их криками. Кто-то из девиц истерически визжал оттого, что подруга плескала ей в лицо водой.

Знакомый Найкола бросил на них одобрительный взгляд:

— У этого Хайфилда рыбья кровь. Такое мое мнение. А что еще скажешь о человеке, который всегда сам по себе. — (Найкол промолчал.) — В свое время я, наверное, любому бы глотку перегрыз, кто сказал бы, что он плохой командир. Ведь когда он участвовал в конвое, мы все гордились им. Что правда, то правда. Но сейчас он уже не тот. Нет былой уверенности. Ведь так? После «Индомитебла». — Старший товарищ Найкола явно нарушил достигнутую между моряками негласную договоренность не вспоминать о том, что случилось тогда, а тем более не искать виноватых. Найкол ничего не ответил, только покачал головой. — Не хочет ни с кем делиться полномочиями. Я не имею в виду серьезные решения. Уж я-то навидался таких, которые считают, что они сами с усами, черт бы их всех побрал. А поэтому не видят ситуацию в целом. Ведь самое главное в командире корабля — чтобы он мог видеть ситуацию в целом. — (Если бы за каждого «кабинетного стратега», что встречались на его пути, платили по шиллингу, он уже давно разбогател бы, мрачно подумал Найкол.) — Я тут грешным делом подумал, что шишки из морского ведомства решили слегка над ним подшутить, отправив домой на корабле,

который один в один, как его бывший… Нет… Узнать человека можно, только увидев его в кругу родных… А я за пять лет, что служил под его началом, ни от кого доброго слова о нем не слышал. — Они молча постояли еще немного. Поняв наконец, что их общение носит несколько односторонний характер, собеседник Найкола спросил: — Ты, небось, тоже до смерти рад снова увидеть свою семью, а?

Найкол закурил еще одну сигарету.

Ее среди купальщиц не было. Да он особо и не рассчитывал на это.

В ту ночь он так и не сумел сомкнуть глаз, его преследовали слова Джонса, а еще мучил стыд за свое предательство. Но по мере того, как день исподволь приходил на смену ночи, его сомнения потихоньку рассеивались, складывались воедино все элементы головоломки, становились понятными странности ее поведения. Там, во чреве корабля, он ждал, что она с негодованием отвергнет инсинуации, возмутится возведенным на нее поклепом. И теперь он жаждал объяснений, словно она каким-то образом смогла обвести его вокруг пальца.

Однако у него вовсе не было нужды задавать дальнейшие вопросы, чтобы прояснить ситуацию, по крайней мере не Фрэнсис. Когда он вернулся в кубрик, она по-прежнему оставалась темой самого горячего обсуждения.

— Совсем дурочка, малышка с широко распахнутыми глазами, — говорил Валлиец Джонс, свесившись с гамака, чтобы взять сигарету. — Тонны косметики, точно ее разукрасили шутки ради.

Найкол замер в дверях, его первым порывом было развернуться и уйти. Он и сам толком не знал, что заставило его остаться.

Похоже, Джонс тогда положил на нее глаз, но его отвергли. Она выделялась своей фигурой.

— Такая худышка. Точно ребенок, — продолжал Джонс. — А сисек вообще нет. И все потому, что она здорово набралась, — сказал он, брезгливо выпятив нижнюю губу.

Хозяин послал ее наверх с одним из его корешей, но на лестнице она навернулась. Они чуть было не уписались со смеха: тощая девчонка, пьяная в хлам, все ляжки наружу.

— На самом деле, — уже более серьезно сказал Джонс, — я решил, что она малолетка, понимаете, о чем я? В тюрьму, что ли, из-за нее садиться?!

Дакворт, дока в подобных делах, согласился с ним:

— Мать твою за ногу! Никогда б не догадался, разве нет? Выглядит такой тихоней, воды не замутит.

Да уж, подумал Дакворт. Если бы они ее не опознали, никто так бы

ничего и не узнал.

Найкол принялся доставать свой гамак. Он надеялся успеть хоть немного поспать до следующей смены.

— Так-так-так, Найкол, — услышал он сзади голос Джонса. — Надеюсь, ты не собираешься перепихнуться с ней по-быстрому? Лучше побереги деньги для своей миссис, — загоготал он. — А кроме того, она сейчас выглядит гораздо лучше. Вся такая из себя цаца. Обойдется тебе теперь в целое состояние.

Он тогда чуть было не ударил его. Потому что, как это ни абсурдно, ему очень хотелось ударить ее. Но он лишь сухо улыбнулся, в глубине души прекрасно понимая, что в какой-то степени совершает акт предательства по отношению к ней, и вышел в умывальню.

На море опустилась ночь. «Виктория» шла вперед. Она разрезала черные воды, безразличная ко времени года, смене настроения и капризам своих пассажиров, огромные двигатели послушно работали в ее недрах. Фрэнсис лежала на койке, прислушиваясь к привычным звукам: скворчанию труб, приглушенным разговорам, легким шагам, которые свидетельствовали о том, что пассажиры потихоньку укладываются спать. Мирное посапывание и похрапывание в каюте подсказывали ей, что ее товарки уже видят десятый сон. Звуки тишины, звуки одиночества, звуки, говорившие, что она наконец может вдохнуть полной грудью. Звуки, в ожидании которых она провела добрую часть своей жизни.

А снаружи слышная только натренированному уху поступь человека, дежурившего под дверью.

Он появился в четыре утра. Она услышала, как он пробормотал что-то другому морпеху при смене караула, а затем — шаги первого часового, который наверняка отправился спать к себе в кубрик. Она прислушалась к движениям мужчины под дверью, как прислушивалась, казалось, сотни ночей подряд.

В конце концов, не в силах больше терпеть, она встала с койки. Осторожно, чтобы не разбудить соседок по каюте, она, легко ступая, на цыпочках прокралась к стальной двери. Уже на пороге она застыла, закрыв глаза, точно от боли.

Затем она шагнула вперед и осторожно приникла лицом к холодной поверхности. Очень медленно прижалась всем телом — бедрами, животом, грудью — к двери, упершись в нее обеими руками. Сквозь тонкую ночную сорочку она чувствовала холод металла, его основательность и неподвижность.

И если бы она повернула голову и приложила ухо к двери, то, наверное, могла бы услышать его дыхание.

Она стояла в темноте, потеряв счет времени. По ее щеке скатилась слеза. Затем еще одна…

А за дверью, если не считать рокота двигателя, стояла мертвая тишина.

Глава 17

Среди трехсот наименований, размещенных на борту Красным Крестом, имеется постельное белье, полотенца, канцелярские принадлежности, лекарства, предметы ухода за лицом и телом, а также тонны консервированных фруктов, крема, печенья, мяса и шоколада. Кроме того, Красный Крест доставил 500 матерчатых складных кресел и книгу по акушерству и гинекологии.

Сидней монинг геральд. 3 июля 1946 года

Двадцать шестой день плавания

Через ворота главного порта, особенно того, что имел важное стратегическое значение во время войны, шли основные грузы. Пушки, военное снаряжение, продовольствие, шелка, специи, войска, торговцы, Библии и вонючие бытовые отходы — все проходило через них, не вызывая лишних вопросов.

Старожилы еще помнят кошмарный рев запертых в клетках шести белых тигров, которых везли в дом американского киномагната, или сияющий золотом купол храма, предназначенного для тщеславного главы одного из европейских государств. А совсем недавно над портом в течение нескольких недель витали сладкие ароматы: это крановщик, переносивший с помощью подъемного крана коробки с пятью тысячами флаконов духов, уронил драгоценный груз прямо в доки.

Однако при виде шестисот женщин, ожидающих возможности высадиться на берег в Бомбее, весь транспорт в Александра-доке остановился. Выстроившиеся на палубе женщины в ярких летних платьях махали шляпками и сумочками, после более чем трехнедельного пребывания в море их голоса были полны радостного предвкушения. По доку к кораблю устремились сотни ребятишек. Они призывно тянули руки вверх, выпрашивая монетки, как можно больше монеток. Маленькие буксирные катера, окружившие нос судна, с шумом разворачивали «Викторию» параллельно причалу. И когда корабль грациозно встал на место, женщины раскололись на две группы: одни ахали от удивления, что такая махина могла втиснуться в док, другие же, почувствовав портовую вонь, фыркали и демонстративно прижимали к разгоряченным лицам белые платочки. А на причале все глаза были устремлены на авианосец, который больше не нес на себе самолетов. Мужчины в комбинезонах,

женщины в ярких сари, военные, портовые рабочие, торговцы — все замерли, изумленно наблюдая за тем, как в порт медленно входит корабль невест.

— Вы должны держаться вместе и стараться ходить только по главным улицам. — Офицер из женской вспомогательной службы пыталась пробиться сквозь гул голосов девушек, жаждущих поскорее сойти на берег. — И вернуться следует к двадцати двум часам, не позже. Капитан Хайфилд ясно дал понять, что не потерпит опозданий. Вам понятно?

Всего несколько месяцев назад в гавани произошло самое настоящее восстание индийских моряков, они протестовали против тяжелых жизненных условий. Развитие событий по-прежнему оставалось предметом оживленных дебатов, но никто не пытался оспаривать тот факт, что противостояние обернулось продолжавшейся несколько дней яростной перестрелкой между английскими войсками и моряками. Поэтому развернулась жаркая дискуссия по поводу того, разумно ли разрешать женщинам выходить в город, но, поскольку они оставались на корабле во время стоянок в Коломбо и Кочине, было бы несправедливо держать их на борту. В одной руке офицер из вспомогательной службы сжимала планшет, другой утирала пот со лба.

— Дежурный будет записывать фамилии всех женщин, вернувшихся на корабль. Удостоверьтесь, что ваше имя внесено в список.

Жара стояла просто адская, и Маргарет, прижатая толпой к борту, хотела только одного: найти, где бы присесть. Стоявшая рядом с ней Эвис, заслонив ладонью глаза от солнца, приподнималась на цыпочки и докладывала о том, что происходит вокруг.

— Мы должны увидеть Ворота в Индию[34]. Так все делают. А еще говорят, стоит побывать в клубе «Виллингдон», но он находится в нескольких милях от города. Там есть теннисные корты и бассейн. Может, нам стоит взять такси?

— Больше всего на свете я хочу найти какой-нибудь милый отель и хотя бы полчаса посидеть, задрав ноги, — сказала Маргарет.

Пока «Виктория» бросала якорь, они уже два часа провели на ногах, и от жары у Маргарет страшно распухли щиколотки.

— Маргарет, у нас в запасе куча времени. Мы, женщины в интересном положении, должны быть более активными. Ой, посмотри! Кажется, нас скоро выпустят.

К запряженным лошадьми повозкам, которые должны были вывезти женщин из порта через Красные ворота, выстроилась длинная очередь. В ее хвост становились девушки, успевшие спуститься с трапа. Они

возбужденно проверяли, а потом перепроверяли сумочки и шляпы от солнца, время от времени указывая рукой в сторону города.

Через ворота Маргарет могла видеть трехполосные широкие магистрали, большие гостиницы, дома и магазины, запруженные народом тротуары и мостовые. У Маргарет даже закружилась голова, когда она почувствовала наконец твердую почву под ногами: ее качало из стороны в сторону, то ли от жары, то ли от долгого пребывания в море.

Мимо них прошли две женщины с корзинками на голове, они несли их легко и непринужденно, словно головной убор. Женщины оживленно перешептывались, прикрывая рты унизанными перстнями пальцами. Затем одна из них увидела на земле что-то интересное. Не сгибая спины, она вытянула босую ногу, подняла искомый предмет пальцами ног, взяла его в руку и положила в карман.

— Ух ты! — воскликнула Маргарет, которая и забыла, как выглядят собственные ноги.

— В отеле «Грин», вероятно, будет обед, а после него танцы. — Эвис внимательно изучила свою записную книжку. — Девушки из каюты 8D собираются туда чуть попозже. Я сказала, что мы сможем встретиться там за чаем. Но мне не терпится отправиться за покупками. Ведь в военторговской лавке я уже скупила что могла.

— Черт, сил моих нет стоять! — пробормотала Маргарет. — В гробу я видала твои магазины и достопримечательности. Мне нужна твердая почва под ногами и возможность хоть ненадолго присесть.

— Неужели тебе необходимо постоянно сквернословить? — прошептала Эвис. — Очень неприятно слышать подобные слова из уст женщины… в твоем…

И в тот момент, когда Эвис, запнувшись, замолчала, Маргарет вдруг услышала странное шушуканье. Повернувшись, чтобы узнать, в чем дело, она увидела, что по трапу спускается Фрэнсис, одетая в голубую, наглухо застегнутую блузку и брюки цвета хаки. На голове у нее, как всегда, красовалась широкополая шляпа, глаза скрывали темные очки, и тем не менее ее выдавали золотисто-рыжие волосы и длинные ноги.

Оказавшись внизу, Фрэнсис замялась, возможно, ее насторожила внезапно притихшая толпа. Заметив, что Маргарет машет ей рукой, Фрэнсис принялась протискиваться к ней сквозь строй женщин. Она шла, а девушки расступались, испуганно шарахаясь в сторону.

— Ну что, выходит, все-таки передумала? — спросила Маргарет, в наступившей тишине ее голос звучал пугающе громко.

— Да, — ответила Фрэнсис.

— Если безвылазно сидеть на корабле, так и свихнуться недолго. — Маргарет посмотрела на Эвис. — Особенно на этой жаре.

Фрэнсис стояла неподвижно, не сводя глаз с Маргарет.

— Наверное, да, — согласилась Фрэнсис.

— Ну, я за то, чтобы найти какой-нибудь бар или отель, где мы могли бы…

— Она с нами не пойдет.

— Эвис!

— Начнутся разговоры. И один Бог знает, что может произойти… если ее бывшие клиенты сейчас разгуливают по улице. Они могут принять нас за одних из этих…

— Не мели ерунды! Фрэнсис пойдет с нами.

Маргарет заметила, что женщины вокруг напряженно прислушиваются к их разговору. Свора мерзких сплетниц, вот что сказал бы о них ее папа. Каким бы там ни было прошлое Фрэнсис, она вовсе не заслужила подобного обращения, разве нет?

— Если хочешь, ради бога! — заявила Эвис. — Я найду с кем пойти.

— Фрэнсис! — Маргарет единственная из всех рискнула открыть рот. — Составь мне компанию. Я буду только рада. — (За темными стеклами очков глаз Фрэнсис было не видно, но, похоже, она обвела взглядом море окруживших ее замкнутых лиц.) — Ты поможешь найти мне симпатичное местечко, чтобы присесть.

— Берегись, а не то она найдет местечко, чтобы прилечь!

Фрэнсис резко вскинула голову, ее пальцы сжали сумочку.

— Ладно тебе! — потянула ее за руку Маргарет. — Устроим набег на старые добрые Ворота в Индию.

— Знаешь, я передумала.

— Ой, да брось ты! Может, это первая и последняя возможность посмотреть Индию!

— Нет. Спасибо. Я… Встретимся позже. — И, не дав Маргарет даже слова сказать, она исчезла в толпе.

Женщины, пылая праведным гневом, снова сомкнули ряды. Маргарет оглянулась и увидела высокую, тоненькую фигурку девушки, поднимающейся по трапу. Она проводила ее глазами и повернулась к Эвис:

— Это просто свинство с твоей стороны.

— Маргарет, не делай из меня чудовище. И не смотри на меня так! Я поступила честно. Я не позволю какой-то там девке испортить мне удовольствие. Ведь другой возможности сойти на берег больше не будет. — Она пригладила волосы, поправила шляпу от солнца. — И

вообще, в нашем положении не стоит волноваться по пустякам. Нам это вредно.

Очередь потихоньку двигалась. Эвис взяла Маргарет под руку и поспешно подвела к повозке.

Маргарет знала, что ей следует вернуться к Фрэнсис. Ведь своим участием в прогулке она, словно по умолчанию, принимает сторону тех, кто третирует Фрэнсис. Но ей безумно хотелось почувствовать под ногами твердую землю. И вообще она не знала, что в таких случаях положено говорить.

Поскольку на борту осталась лишь горстка невест, на корабле развернули бешеную деятельность. Бригады матросов шныряли по палубам, там, куда раньше мужчинам вход был заказан, они драили, красили и скребли. Несколько человек ползали на коленках на полетной палубе, пытаясь с помощью деревянных щеток и мыльной пены смыть радужные потеки авиационного топлива. Ящики со свежими фруктами и овощами, доставленными на буксирных суденышках, принимали через люки. Тем временем подошедшие с другой стороны танкеры заправляли корабль.

Наверное, при несколько других обстоятельствах Фрэнсис было бы приятно видеть, как на корабле, входящем в обычный ритм жизни, вовсю кипит работа. Но теперь она не могла не обратить внимания на ухмылку дежурного офицера у трапа, его многозначительный взгляд, которым он обменялся со своим приятелем, когда она, поднявшись на борт, протянула ему свою карточку. Заметила она и долгие взгляды маляров, опущенные глаза и невнятное приветствие офицера, еще утром желавшего ей хорошего дня.

За последние несколько дней она прекрасно поняла, что такое одиночество в толпе.

Она была уже в нескольких шагах от двери своей каюты, когда неожиданно увидела его. Конечно, она говорила себе, будто ее вечерние вылазки на полетную палубу объясняются исключительно желанием вырваться из душной спальни, чтобы подышать свежим воздухом. Но теперь, узнав идущего ей навстречу мужчину, она поняла, что занималась самообманом.

Она машинально проверила, в порядке ли одежда — привычка, сохранившаяся еще со времени работы медсестрой, — чувствуя, как кожа от волнения и в предвкушении чего-то важного покрывается мурашками. Она даже толком не знала, что сможет ему сказать. Но не сомневалась, что

для соблюдения приличий ему в любом случае придется начать разговор.

Они остановились. Посмотрели друг на друга и смущенно отвели глаза.

— Собираетесь на берег, да? — поинтересовался он.

Его лицо было абсолютно непроницаемо. Интересно, должна ли я испытывать благодарность за то, что он хотя бы со мной заговорил, подумала она.

— Нет… Я… я решила остаться здесь.

— Наслаждаться тишиной и спокойствием?

— Типа того.

Возможно, ему вовсе не хотелось разговаривать с ней, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы задеть ее чувства.

— Ну… если… это не помешает вам обрести спокойствие… — Он махнул рукой в сторону механиков, которые с шутками и прибаутками чинили наверху какое-то оборудование.

— Да, — ответила она, ничего лучшего ей просто не пришло в голову.

— Тогда постарайтесь получить максимум удовольствия, — заметил он. — На борту корабля… трудно найти для себя личное пространство. Я хочу сказать, настоящее пространство…

Быть может, он понимает гораздо больше, чем может выразить словами, твердила она себе.

— Да, — ответила она. — Да-да, конечно.

— Я…

— Эй, морпех! — К ним подошел матрос в лихо сдвинутой набок бескозырке, в руке он держал записку. — Тебе надлежит зайти перед дежурством в диспетчерскую. Инструктаж по случаю визита губернатора.

Вручив Найколу записку, матрос бросил на нее такой взгляд, что она вздрогнула. Выходит, и он знает, кто она такая.

— Прошу прощения, — покраснев, сказала она.

Она отвернулась от них, в глубине душе надеясь, что сейчас он ее остановит. И хоть что-нибудь скажет, тем самым дав ей понять, что — в отличие от остальных — видит в ней человека. Скажет именно то, что она от него ждет. Что угодно.

Но уже через несколько секунд она с силой захлопнула за собой дверь каюты. До боли стиснула зубы и осталась стоять, прислонившись спиной к равнодушному металлу. До этой минуты она как-то не задумывалась о несправедливости жизни, по крайней мере применительно к себе. Она видела страдания своих пациентов и нередко задавалась вопросом: почему Бог прибирает одних и оставляет мучиться других? Но она никогда не задумывалась в этом контексте о собственной судьбе, поскольку давным-

давно поняла, что не стоит вспоминать свои юные годы. Однако сейчас, когда в ее душе кипела дьявольская смесь самых разных эмоций, она вдруг почувствовала, что маятник качнулся в другую сторону и тупое отчаяние сменилось слепой яростью по отношению к тому, как обошлась с ней жизнь. Разве она недостаточно страдала? А что, если именно теперешняя ситуация, а вовсе не работа во время войны является настоящим испытанием на прочность? И как долго ей еще предстоит расплачиваться?

Мод Гонн, которая, возможно, догадывалась, что Маргарет сошла на берег, беспокойно скреблась в дверь. Фрэнсис взяла собаку на руки и, опустившись на койку, посадила на колени.

Однако Мод Гонн продолжала вести себя крайне беспокойно. По правде говоря, она вообще не реагировала на Фрэнсис. А та, глядя в затянутые белой пеленой подслеповатые глаза собаки, гладила ее по дрожащей спине, хотя прекрасно знала, что той сейчас нужна лишь любимая хозяйка.

Фрэнсис сочувственно прижала Мод Гонн к груди, положив подбородок на ее мохнатую голову.

— Я все понимаю, — прошептала она. — Поверь мне, я все понимаю.

Привычные к бомбейской жаре официанты из отеля «Грин» были все в мыле, несмотря на работавшие под потолком вентиляторы. Пот блестел на их глянцевых лицах, потихоньку стекая за воротник белоснежных форменных курток. Правда, их дискомфорт был вызван отнюдь не жарой — температура воздуха в тот вечер была вполне умеренной, — а нескончаемым потоком требований, предъявляемых примерно сотней невест, которые выбрали бар отеля в качестве конечного пункта программы посещения Бомбея.

— Если мне придется еще хоть минуту ждать напитка, то, клянусь, этому официанту не поздоровится, — заявила Эвис; обмахиваясь купленным днем веером, она наблюдала за несчастным официантом, который с подносом над головой лавировал в толпе. — Умираю от жажды, — сказала она, обращаясь к его согнутой спине.

— Он и так старается изо всех сил, — ответила Маргарет.

Она медленно потягивала свой напиток, так как по количеству народу в баре сразу догадалась, что на быстрое обслуживание рассчитывать не приходится.

Маргарет чувствовала себя вполне отдохнувшей, ей даже удалось на полчаса вытянуть ноги, и вот теперь она сидела, откинувшись на спинку кресла, и наслаждалась легким ветерком от перегретого вентилятора.

Одна и та же картина наблюдалась сейчас повсеместно: в отеле «Грин», в гранд-отеле «Тадж-Махал» и в «Бристоль грилл». В результате одновременного прибытия «Виктории» и нескольких военных транспортных судов район гавани заполонили гуляки. Война закончилась, и перспектива скорого возвращения домой кружила мужчинам головы, делая их совершенно бесшабашными. Девушкам пришлось обойти несколько мест, прежде чем они остановили свой выбор на отеле «Грин». Они устроились на террасе, откуда через арку хорошо просматривался танцпол, заполненный мужчинами и женщинами, которые бросали заинтересованные — а иногда и откровенно завистливые — взгляды в сторону столиков. Некоторые невесты взялись за «Джон Коллинз»[35] и ромовый пунш уже за ланчем и теперь страдали от похмелья. Они сидели вялые, хмурые, с растрепанными волосами и потеками размазавшейся косметики на лице.

Маргарет совершенно не мучило чувство вины из-за того, что она оккупировала место за столиком. Наплевав на пыль и жару, на время забыв даже о своем интересном положении, Эвис целый день таскала ее по городу. Они обошли все европейские магазины, не меньше часа провели в армейском магазине, а потом еще в одном и еще в одном, где отчаянно торговались с какими-то мужчинами и маленькими мальчиками, со всех сторон осаждавшими их, предлагая выгодную сделку. Маргарет довольно быстро надоела эта бодяга: перед лицом столь вопиющей бедности продавцов ей казалось нечестно стараться выторговать у них лишнюю рупию. Однако Эвис вошла во вкус и проявила редкий энтузиазм, а потом до конца вечера хвасталась своими многочисленными приобретениями и ценой, которую за них заплатила.

Даже того немногого, что они успели увидеть в Бомбее, Маргарет хватило с лихвой. Ее потрясло, что некоторые индийцы спят прямо на улице, проявляя полное безразличие к бытовым условиям. А еще их страшная худоба — особенно на фоне ее молочной сдобности, — увечность и рахитичность полуголых ребятишек. Маргарет вдруг стало безумно стыдно, что она еще имела наглость жаловаться на неудобную койку.

Ей принесли еще один напиток, и она наконец сумела переключить официанта на Эвис. А когда он ушел, устремила взор на безмятежно покачивающуюся на волнах «Викторию» и с некоторой долей вины подумала о Фрэнсис, гадая, спит ли она сейчас. Корабль сиял огнями, что придавало ему праздничный вид, но без самолетов и людей полетная палуба выглядела пустынной, словно голая равнина.

— Надо же, свободное место! Ничего, если я к вам присоединюсь?

Маргарет оглянулась и увидела Айрин Картер в сопровождении подружки, они усаживалась напротив. Айрин растянула в улыбке накрашенный рот, но глаза оставались холодными. Несмотря на жару, от нее веяло прохладой и ароматом лилий.

— Айрин, — сказала Эвис, ее улыбка напоминала оскал, — как мило.

— Мы еле живые, — заявила Айрин, бросив пакеты под стол и подняв руку, чтобы подозвать официанта, который, как ни странно, появился немедленно. — И все эти ужасные туземцы, что ходят за тобой по пятам. Пришлось попросить одного из офицеров сказать им, чтобы оставили меня в покое. Наверняка они даже не понимают, насколько они жалкие.

— Мы видели безногого калеку, — с похоронным видом сообщила ее подружка, весьма пухленькая особа.

— Просто сидел на коврике! Представляете?!

— Полагаю, его там бросили, — вставила пухленькая девушка. — Его там посадили, а потом ушли.

— Я как-то не обратила внимания. Нам было не до того. Мы ходили по магазинам, правда, Маргарет? — Эвис ткнула пальцем в свои покупки.

— Ходили, — отозвалась Маргарет.

— Ну и как, купили что-нибудь хорошенькое? — поинтересовалась Айрин, и Маргарет могла поклясться, что заметила в ее глазах стальной блеск.

— Ой, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать, — сказала Эвис, снова приклеив дежурную улыбку.

— Неужели? А я слышала, будто ты кое-что приобрела для финала конкурса красоты.

— Нэтти Джонсон видела тебя в армейском магазине, — сообщила пухленькая девушка.

— Ах, там! Не думаю, что буду это носить. Положа руку на сердце, я еще не решила, что надену.

Маргарет только тихо фыркнула. Эвис не меньше часа провела перед зеркалом, примеряя различные наряды. «Хотела бы я знать, что наденет Айрин Картер, — бормотала она. — Я собираюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы утереть ей нос». На три новых платья она потратила денег больше, чем уходило у отца Маргарет на годовой запас корма для скота.

— Ой, а я решила, что просто пороюсь в своем чемодане, — заявила Айрин. — Это ведь всего-навсего небольшое развлечение, разве нет?

— Ну да, конечно.

Черт бы их всех побрал, думала Маргарет, глядя на фальшивую улыбку, игравшую на губах Эвис.

— Абсолютно с тобой согласна, — кивнула Айрин. — Знаешь что, Эвис? Пожалуй, я скажу всем нашим девушкам, которые ехидничают по поводу того, будто ты относишься к конкурсу слишком серьезно, что они заблуждаются. Вот так. — Она сделала выразительную паузу. — Скажу, что у меня информация из первых уст. — И она торжественно подняла свой стакан.

Надо было видеть лицо Эвис! Маргарет даже пришлось закусить губу, чтобы не рассмеяться.

И вот битых полтора часа эти четыре совершенно разные женщины провели вместе, но отнюдь не из приязненных чувств, а скорее из-за отсутствия свободных мест в зале. Они заказали рыбное карри. Маргарет блюдо чрезвычайно понравилось, хотя она не сомневалась, что потом придется расплачиваться несварением желудка. Остальные девушки объявили карри совершенно несъедобным и устроили настоящий цирк, демонстративно обмахивая рот ладонью.

— Надеюсь, это не навредит ребенку, — сказала Эвис, положив руку на абсолютно плоский живот.

— Я уже слышала новости. Мои поздравления, — отозвалась Айрин. — А муж знает? Ребенок, конечно, от *мужа*? — добавила она и звонко расхохоталась, чтобы показать, будто просто шутит.

— Надеюсь, мы сможем получить завтра нашу почту, — с натянутой улыбкой произнесла Эвис. — Он уже наверняка успел со всеми поделиться своей радостью. А когда приедем в Лондон, непременно устроим званый вечер. У меня такое чувство, что из-за этой войны жизнь словно прошла мимо. Придется срочно наверстывать упущенное и устраивать нечто грандиозное. Возможно, в «Савое». Тем более теперь у нас целых два повода для празднования. — (Должно быть, «Савой» и вправду неплохое местечко. Вид у Айрин был раздосадованный.) — На самом деле, Айрин, если хочешь, можешь тоже прийти. Мамочка и папочка прилетят из Австралии — новой авиакомпанией «Квантас» — и, не сомневаюсь, будут рады тебя видеть. У тебя ведь в Лондоне никого нет, и ты, наверное, будешь рада любой возможности хоть с кем-то пообщаться. — Эвис доверительно наклонилась вперед. — Светская жизнь — штука непредсказуемая, всегда приятно иметь в запасе хоть одно приглашение.

Бабах! — подумала Маргарет, искренне наслаждавшаяся их словесной дуэлью. Даже ее братья никогда так грязно не играли.

— Я буду счастлива посетить твою чисто семейную вечеринку, если

смогу, — вытирая уголки рта, сказала Айрин. — Хотя сперва надо будет проверить наши планы на этот день.

— Конечно-конечно. — Эвис с тонкой улыбкой на губах потягивала воду со льдом.

— Я очень рада, что ты сможешь хоть чуть-чуть отвлечься и забыть о своих неприятностях. — (Эвис удивленно подняла бровь.) — О, я о том, что тебя угораздило подружиться с проституткой. Боже мой, и откуда тебе было знать?! Надо же, и это сразу после того, как твою вторую подружку — ту самую малолетку — застукали с грязным матросом.

— Со спущенными штанишками, — вставила пухленькая девушка.

— Ну, можно представить дело и так, — вздохнула Айрин.

— Я едва… — начала Эвис.

В голосе Айрин появились озабоченные нотки.

— Я так переживаю за тебя. Ведь ты, бедняжка, даже не можешь быть уверена, что кто-нибудь не скажет у тебя за спиной, будто вы все одним миром мазаны… Я имею в виду вашу каюту и то, что там происходит… Мы потрясены твоей стойкостью. Нет, если честно, твоя маленькая вечеринка — прекрасная идея. Поможет тебе отвлечься от неприятных мыслей.

Полдень плавно перешел в вечер, и с наступлением темноты ее мысли стали еще более мрачными. Не в силах оставаться больше в тесной каюте, она стала подумывать о том, чтобы покинуть корабль. Но пойти ей было не с кем, а для того, чтобы в одиночку гулять по Бомбею, требовалась определенная сила духа, которой на данный момент она в себе не находила. Тогда она выскользнула в коридор и направилась на шлюпочную палубу, туда, куда неделю назад выводила дышать свежим воздухом Мод Гонн.

Она глядела на иссиня-черную воду, на поверхности которой мерцали огни гавани, время от времени исчезающие в тени проходивших барж и буксиров. В застывшем воздухе стояло странное смешение запахов — специй, машинного масла, духов, гнилого мяса, — одновременно и завораживающих, и отталкивающих. Она немного успокоилась и привела в порядок мысли. Она будет делать то же, что и всегда. Она пробьется. До Англии осталось плыть всего пару недель, а она уже давным-давно усвоила, что терпенье и труд все перетрут. И не стоит гадать, если бы да кабы. В свое время она заметила, что на войне выживают те солдаты, которые живут сегодняшним днем и любую малость почитают за подарок свыше. Она достала пачку сигарет, купленных в военторговской лавке, и

закурила, прекрасно понимая, что вредит своему здоровью, но с удовольствием вдыхая ароматный дым. Над водой разносились чьи-то крики и звуки заунывной, монотонной индийской музыки.

— Вы тут поосторожней. Вам нельзя здесь находиться.

Она даже подпрыгнула от неожиданности.

— О-о… — протянула она. — Это вы.

— Да, я, — ответил он, затушив сигарету. — А Мэгги, случайно, не с вами?

— Она на берегу.

— А… Значит, со всеми остальными.

Она мучительно искала вежливый способ попросить его оставить ее в покое.

На нем был рабочий комбинезон. В темноте масляных пятен не было видно, но едкий запах пробивался даже сквозь сигаретный дым. Она ненавидела запах машинного масла: слишком уж много обожженных солдат прошло через ее руки. У нее в носу до сих пор стояла вонь промасленной ткани, которую приходилось с мясом отрывать от их тела.

В Англии я снова стану медсестрой, говорила она себе. Одри Маршалл снабдила ее рекомендательным письмом. И с ее послужным списком проблем с работой не должно быть.

— А вы раньше бывали в Индии?

— Нет. — Она была раздосадована тем, что он нарушил ход ее мыслей.

— Но наверное, много стран повидали, да?

— Несколько, — ответила она. — В основном военные базы.

— Выходит, вы бывалый путешественник.

Это все потому, что Маргарет здесь нет, подумала она. Ведь он один из тех мужчин, кому нужна аудитория. Она выдавила слабую улыбку:

— Полагаю, так же, как и все, кто был на военной службе.

Он прикурил следующую сигарету и задумчиво пустил в небо колечко дыма.

— Но спорим, вы сможете ответить мне на один вопрос, — заявил он и, поймав ее внимательный взгляд, продолжил: — Скажите, а есть ли какая-нибудь разница?

Она нахмурилась. На берегу два автомобиля не смогли разъехаться и теперь отчаянно сигналили. Пронзительный звук эхом разносился по гавани, заглушая музыку.

— Извините? — Ей даже пришлось наклониться к нему поближе, чтобы лучше слышать.

— Я имею в виду мужчин. — Он широко улыбнулся, блеснув в темноте

белыми зубами. — Одним словом, какую национальность вы предпочитаете?

По выражению его лица она поняла, что не ослышалась.

— Прошу прощения, — сказала она.

С горящими щеками она быстро прошла мимо него, но, когда потянулась к ручке двери, он преградил ей дорогу.

— Уж передо мной точно не стоит разыгрывать из себя скромницу, — заявил он.

— Вы оставите меня в покое или нет?

— Мы все знаем, что ты из себя представляешь. Так что нечего ходить вокруг да около. — Он говорил немного нараспев, и она не сразу поняла, сколько скрытой злобы в его словах.

— Будьте добры, пропустите меня!

— Знаешь, а я ведь тебя так с ходу и не раскусил, — покачал головой Деннис Тимс. — Между собой мы звали тебя Мисс Фриджидейр[36]. Мисс Фриджидейр. Нам было даже трудно поверить в то, что ты замужем. Думали, что ты жена одного из этих сумасшедших проповедников, этакая вечная девственница. Надо же, как жестоко мы ошибались, а?

Она стояла с тяжело бьющимся сердцем, судорожно прикидывая, как убрать его с дороги. Его ладонь небрежно лежала на ручке двери. В нем чувствовалась спокойная уверенность человека, привыкшего всего добиваться силой.

— Такая добродетельная и правильная, блузка застегнута на все пуговицы. А на самом деле просто дешевая потаскуха, уговорившая какого-то салагу надеть ей кольцо на палец. Интересно, и как это тебе удалось? Небось, обещала беречь себя для него, а? Говорила, что он для тебя один-единственный?

Он потянулся к ее груди, но она ударила его по руке.

— Выпустите меня, — сказала она.

— А что такое, Мисс Простигосподи? Правда глаза колет? — Он схватил ее за руки, прижал к ограждению, навалившись на нее всем телом.

Она слышала, как из отеля в гавани доносится чей-то смех.

— Сейчас же отпустите меня!

— Ой, да будет тебе ломаться! Неужто ты думаешь, я поверю, что и здесь ты не погуливаешь на стороне…

— Пожалуйста…

— Отвали, Тимс, — послышался откуда-то справа знакомый голос. Тимс поднял голову, и она бросила взгляд через его плечо. Да, это был он. В тусклом свете его глаза напоминали черные угли. — Отвали, Тимс, —

повторил он ледяным тоном.

Тимс тоже узнал мужчину и улыбнулся так, словно не был уверен, стоит ли проявить дружелюбие.

— Да так, маленько не сошлись в цене. — Он попятился от нее и демонстративно одернул штаны. — Ничего такого, из-за чего тебе стоило бы беспокоиться. Ты же знаешь этих девиц!

Она закрыла глаза, чтобы не видеть лицо морпеха. Ее трясло как в лихорадке.

— Ступай отсюда, — медленно произнес морпех.

Ни один мускул не дрогнул на лице у Тимса.

— Я ведь сказал, морпех, мы просто не сошлись в цене. Она запросила вдвое больше обычного. Небось, думает, что у нас, матросов, денег куры не клюют. Сечешь, о чем я?

— Ступай отсюда, — повторил Найкол.

Она прижалась к стене, стараясь не попасть в поле зрения Тимса.

— Давай все порешим полюбовно. Тихо и мирно. Ты же не хочешь, чтобы капитан узнал, что у него на корабле проститутка? И кто ее друзья?

— Если я еще раз увижу, что ты хотя бы смотришь в сторону миссис Маккензи, я тебя урою.

— Ты?

— Возможно, не на борту. Возможно, даже не во время этого плавания. Но я тебя урою.

— Морпех, ты ведь не хочешь, чтобы я стал твоим врагом. — Тимс был уже у люка. Его глаза блестели в темноте.

— Похоже, ты меня не слушаешь.

На минуту на палубе воцарилась мертвая тишина. Затем, окинув их тяжелым взглядом, Тимс попятился к люку. Она уже собралась было облегченно вздохнуть, но тут его огромная, коротко стриженная голова появилась снова.

— Она что, согласилась отдаться тебе по сходной цене? — хохотнул он. — Смотри у меня, я все расскажу твоей жене…

Они молча стояли, прислушиваясь к удаляющимся по направлению к кубрику шагам Тимса.

— Вы в порядке? — спросил он.

Она пригладила волосы и тяжело сглотнула:

— У меня все отлично.

— Мне очень жаль. Но вам не следовало… — начал он и замолчал, словно сам не знал, что хотел сказать.

Она сомневалась, хватит ли у нее смелости посмотреть на него.

— Благодарю вас, — наконец прошептала она и стремительно убежала прочь.

Когда он вернулся в кубрик, то застал там только одного морского пехотинца: молодого горниста Эмметта, который, закинув руки за голову, спал безмятежно, точно ребенок. В тесном, раскаленном кубрике стоял затхлый запах: пахло окурками и грязными носками. Найкол снял форму, умылся, но вытираться не стал, а затем, повесив полотенце на шею, достал из шкафчика лист бумаги и уселся поудобнее.

Он был не мастер писать письма. Много лет назад, попробовав сочинить свое первое письмо, он обнаружил, что перо его не слушается, спотыкается о слова, а равнодушная бумага не передает всех тех чувств, что бушуют внутри. Однако сейчас он излагал свои мысли легко и свободно. Он отпускал *ее*.

«На борту есть пассажирка, — писал он, — девушка с нехорошим прошлым. И вот теперь, увидев, что ей приходится пережить, я понял, что каждый из нас заслуживает второго шанса, особенно если есть кто-то, кто готов его предоставить, невзирая на груз прошлого, который ты несешь».

Он раскурил сигарету, уставившись невидящими глазами прямо перед собой. Он потерял счет времени, не слышал, что в коридоре ссорятся матросы, в умывальне кто-то играет на трубе и что моряки начинают потихоньку занимать свои гамаки.

Наконец кончик его пера снова коснулся бумаги. Завтра он отнесет составленный текст на берег и пошлет телеграммой. И плевать, во сколько это ему встанет.

«Наверное, я пытаюсь сказать, что мне очень жаль и что я прошу прощения. Я очень рад, что ты смогла найти любимого человека. Фэй, надеюсь, он будет хорошо к тебе относиться. И ты получишь еще один шанс стать счастливой, чего по праву заслуживаешь».

И только дважды перечитав свое послание, он обнаружил, что написал имя Фрэнсис.

Глава 18

Теперь вы понимаете, почему британские солдаты уважают женщин в форме. Эти женщины по праву заслуживают уважения. Когда вы видите девушку в хаки или в голубой форме ВВС с нашивкой на рукаве, запомните: она получила ее вовсе не за то, что связала больше носков, чем кто-либо в Ипсуиче.

Краткий путеводитель по Великобритании.

Военное и морское ведомства, Вашингтон, округ Колумбия

Двадцать третий день плавания

Губернатор Гибралтара слыл среди представителей не только ВМФ, но и гражданских служащих необычайно умным человеком. Еще во время Первой мировой он завоевал репутацию выдающегося стратега, и дипломатическая карьера этого чиновника стала наглядным подтверждением того, что его аналитические способности и последовательная приверженность жесткому курсу были оценены по достоинству. Но даже он, глядя на бывшую шахту элеватора, не сразу понял, что именно предстало его глазам.

Капитан Хайфилд, сопровождавший важного гостя на полетную палубу, где должна была состояться приветственная церемония с участием оркестра Королевской морской пехоты Великобритании, проклинал себя за то, что заранее не проверил путь, по которому предстоит провести губернатора. Шахта элеватора — она и есть шахта элеватора. Но капитану даже в голову не могло прийти, что они отважатся развесить там нижнее белье для просушки. Белое, телесного цвета, серое от старости или, наоборот, тонкое, как паутина, и отделанное французским кружевом: бюстгальтеры и грации весело полоскались над зияющей дырой, словно подражая знамени, приветствовавшему великого человека на борту корабля. И вот пожалуйста, на военном корабле под командованием Хайфилда сливки британской дипломатической службы в сопровождении безупречно одетых моряков должны лицезреть такое безобразие.

Добсон. Он наверняка знал, но не счел нужным предупредить его, Хайфилда. Капитан проклинал свою треклятую ногу, из-за которой все утро просидел в офисе, дав тем самым старпому такой шанс ему нагадить. Он неважно себя чувствовал и решил отдохнуть в преддверии долгого и трудного дня, а потому доверил Добсону проследить за тем, чтобы все

было на высшем уровне. А ведь он, командир корабля, не вчера родился и вполне мог предвидеть, что Добсон устроит ему какую-нибудь подставу.

— Я… Вы, должно быть, немного удивлены… — начал капитан Хайфилд, когда обрел наконец дар речи. — Боюсь, нам пришлось применить более… прагматичный подход, на время забыв о формальностях. — (Губернатор стоял с открытым ртом, благородная бледность сменилась едва заметным румянцем. Безмятежное лицо Добсона под фуражкой оставалось непроницаемым.) — Хотелось бы добавить, ваше превосходительство, что это ни в коем случае не является показателем степени нашего уважения. — Капитан пытался добавить в свою речь нотку юмора, но безуспешно.

Супруга губернатора, прикрывшись сумочкой, незаметно пихнула мужа в бок и слегка склонила голову.

— Капитан, здесь нет ничего такого, чего мы не видели бы раньше, — любезно сказала она, ее губы изогнулись в лукавой улыбке. — И мне кажется, за время войны нам пришлось повидать гораздо более ужасные вещи.

— Действительно, — с сомнением в голосе произнес губернатор. — Действительно.

— Я в полном восторге оттого, что ради удобства пассажиров вы рискнули зайти настолько далеко. — Она положила узкую ладонь на его рукав и бросила на него проницательный взгляд. — Ну что, продолжим осмотр корабля?

На полетной палубе дела пошли уже лучше. Взяв в Адене на борт губернатора и других пассажиров, «Виктория» начала медленно продвигаться на север по Суэцкому каналу — прожилке серебристой воды в обрамлении песчаных дюн, так ярко блестевших под лучами палящего солнца, что находившимся на полетной палубе пришлось прикрыть глаза рукой. Несмотря на жару, невесты, надевшие шляпы от солнца и вооружившиеся зонтиками, веселились вовсю, а нещадно потевшие даже в тропической форме оркестранты были на высоте.

Тем временем экипаж вернулся к исполнению своих обязанностей. Губернатор с супругой любезно согласились судить конкурс на лучшее исполнение чечетки — один из заключительных этапов борьбы за титул королевы красоты «Виктории». Конкурс был организован специально для того, чтобы как-то занять женщин. В конце концов губернатор, удобно устроившийся под большим зонтиком со стаканом ледяного джина с тоником, при виде строя хихикающих девушек немного оттаял. Его супруга нашла время поболтать с каждой конкурсанткой, а по окончании

конкурса вручила приз завоевавшей всеобщие симпатии хорошенькой блондиночке, которую тепло поздравили остальные невесты. Уже потом супруга губернатора призналась Хайфилду, что эти австралийки «ужасно милые. И очень смелые. Ведь им пришлось не только оставить всех, кого они любили, но и проделать столь нелегкий путь».

А потом все снова пошло наперекосяк. Капитан Хайфилд уже собирался объявить, что мероприятие закончено, и предложить почетным гостям спуститься вниз, где для них был организован поздний ланч, но неожиданно заметил необычный всплеск активности по правому борту. «Виктория» степенно плыла мимо военного лагеря, и невесты, заметив множество мужчин европеоидного типа, высыпали гурьбой на полетную палубу. Подолы их ярких платьев раздувал игривый морской ветерок. Выкрикивая приветствия, они весело махали загорелым молодым людям, ради такого случая бросившим работу. Наклонившись, капитан Хайфилд услышал возбужденный визг женщин и увидел по пояс голых мужчин, которые, яростно жестикулируя, облепили по всему периметру ограждение из колючей проволоки.

Хайфилд молча взирал на эту безобразную сцену, желая убедиться, что его подозрения не беспочвенны. Затем с тяжелым сердцем включил систему громкой связи.

— Я хочу выразить вам свою благодарность за чрезвычайно теплый прием, оказанный нашим гостям, губернатору и его супруге, — произнес он, наблюдая за напрягшейся спиной губернатора, который в данный момент явно наблюдал ту же картину. — Для тех, кто желает немного освежиться, на ангарной палубе организовано чаепитие. Между тем вас, должно быть, заинтересует тот факт, что молодые люди, которым вы так усердно машете, — немецкие военнопленные.

Айрин Картер подошла к ней после конкурса, чтобы сказать, что очень рада, что она, Эвис, победила: «Лучше извлечь максимум из своих ножек, пока их не испортило это противное варикозное расширение вен, а?» — и похвастаться своей почтой. Она получила семь писем, из них четыре — от мужа.

— Ты непременно должна прочесть нам свои письма, — заявила Айрин; ее глаза были скрыты за солнцезащитными очками. — Представляешь, мама, узнав, что мы плывем на одном пароходе, начала приглашать твоих родителей на чай. Им, наверное, не терпится узнать, чем мы тут занимаемся. — (И, зуб даю, ты уже обо всем ей радостно доложила, подумала Эвис.) — Ура! Я собираюсь попить чая и прочесть письма от

Гарольда. А ты много получила?

— Целую кучу! — воскликнула Эвис, помахав пачкой писем у Айрин перед носом. Из них от Иэна было только одно. Но она специально засунула его между мамиными, чтобы Айрин ни о чем не догадалась. — В любом случае желаю удачи на следующем конкурсе, — сказала она. — Кажется, на лучший маскарадный костюм, поэтому я не сомневаюсь, что тут ты справишься намного лучше. Ведь ты настолько загорела, что если завяжешь вместо лифа шарф, то вполне сойдешь за туземку. — И с этими словами Эвис сжала в руке свой «сертификат» и с высоко поднятой головой пошла прочь.

Фрэнсис в спальне не оказалось. Теперь она старалась бывать там как можно реже. Наверное, прячется где-нибудь, решила Эвис. Маргарет пошла на лекцию, посвященную английским достопримечательностям. Эвис скинула туфли и приготовилась читать письмо от Иэна в обстановке так редко выпадающего одиночества.

Она пробежала глазами письма от папы (бизнес, деньги, гольф), от мамы (походы в гости и платья), от сестры («очень хорошо одной, спасибо тебе, бла-бла-бла») и наконец вскрыла послание от Иэна. Посмотрела на его почерк, удивляясь про себя, что в случае Иэна даже чернила и бумага имеют значение. Мама любила говорить, что в мужчинах с плохим почерком есть нечто незрелое. Это, дескать, свидетельствует о том, что их характер еще до конца не сформировался.

Она посмотрела на часики. До ланча оставалось еще десять минут. Достаточно времени, чтобы прочитать письмо. Она вытащила письмо из конверта и блаженно вздохнула в предвкушении удовольствия.

Спустя четверть часа она уже не читала, а просто тупо смотрела на листок бумаги, что держала в руках.

Пришедший матрос нашел Маргарет и Фрэнсис в буфетной. Они ели мороженое. Фрэнсис уже притерпелась к неизменному шушуканью за своей спиной, когда она осмеливалась показаться на людях. Маргарет с мрачной решимостью болтала без умолку. Пару раз она даже интересовалась у самых беспардонных зевак, с какого перепугу они смотрят ей в рот, считают, что ли, сколько она съела мороженого, и тихо чертыхалась себе под нос, когда те, краснея, отворачивались.

— Миссис Фрэнсис Маккензи? — спросил матрос.

Она кивнула. Она уже несколько дней ждала его появления.

— Мэм, капитан ждет вас в своем офисе. Я вас туда отведу.

Столовая разом притихла.

А Маргарет побледнела.

— Думаешь, это из-за собаки? — прошептала она.

— Нет, — тусклым голосом ответила Фрэнсис. — Я абсолютно уверена, что нет.

По лицам женщин вокруг она видела, что те тоже абсолютно уверены. НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ, шептали вокруг. Только на сей раз невесты не выказывали никаких признаков беспокойства.

— Не задерживайся, — услышала она чей-то голос уже на выходе из столовой. — Если не хочешь, чтобы люди начали болтать.

Эвис пластом лежала на койке. Она услышала доносившийся откуда-то странный низкий звук — скорее, утробный стон — и с удивлением поняла, что звук этот исходит из ее собственного горла.

Она посмотрела на зажатое в руке письмо, потом — на кольцо на своем тонком пальце. Комната плыла перед глазами. Внезапно она, как ужаленная, соскочила с койки, упала на колени, и ее вырвало в тазик, который остался стоять еще с тех пор, когда ее постоянно тошнило. Обхватив себя руками, словно это был единственный способ не дать себе окончательно вывернуться наизнанку, она содрогалась в рвотных позывах до тех пор, пока не заболели ребра, а горло не начало жечь огнем. И сквозь приступы кашля она слышала собственный голос, твердящий: «Нет! Нет! Нет!» — словно она отказывалась принимать реальность этого ужаса.

Наконец она в изнеможении привалилась к койке, волосы повисли мокрыми прядями, косметика размазалась, платье измялось, все тело ныло от лежания на жестком полу. Она мельком подумала, что, может, все происходящее просто дурной сон. Возможно, и письма-то никакого нет. Наверное, море на нее так действует. Она сотни раз слышала об этом от моряков. Но нет, вот оно — на ее подушке. И почерк Иэна. Его красивый почерк. Его красивый, ужасный, дьявольский почерк.

Она слышала, как по коридору, цокая каблучками, идет компания женщин. Мод Гонн, лежавшая под дверью, навострила уши, словно ожидая услышать знакомый голос, а затем разочарованно положила голову между лап.

Эвис тоже прислушалась, голова шла кругом, точно у пьяной. Все кругом вдруг показалось ей страшно далеким. У нее не осталось желаний. Хотелось просто лежать. Тяжелая голова буквально раскалывалась от боли. Эвис была не в состоянии ничего делать. Разве только смотреть на рифленый металлический пол.

Она снова засунула тазик под койку. И, не обращая внимания на

отвратительный запах, холодный металл под собой, абсолютно мокрые волосы, легла прямо на пол, устремив глаза еще на одно открытое письмо, что лежало подле нее. Ее мать писала:

Я уже всем сообщила, что торжество состоится в «Савое». Папочка получил хорошую скидку благодаря своим связям в гостиничном бизнесе. И, Эвис, дорогая, — никогда не догадаешься — Дарли-Хендерсоны включили это мероприятие в программу своего кругосветного путешествия, ну и бери еще выше: губернатор с супругой сказали, что тоже будут. Теперь, когда война закончилась, все с удовольствием начали путешествовать. И нам обещали, что твою фотографию поместят в журнале «Татлер». Дорогая, если раньше у меня и были сомнения насчет твоей свадьбы, то сейчас я безмерно счастлива. Мы устроим такой вечер, о котором много месяцев потом будет говорить не только весь Мельбурн, но и пол-Англии!

Твоя любящая мама

P. S. Не обращай внимания на сестру. Она сейчас немного куксится. Подозреваю, что из-за этого зеленоглазого чудовища.

P. P. S. Мы так и не получили никаких известий от родителей Иэна, что достойно сожаления. Не могла бы ты попросить его дать нам их адрес, чтобы мы связались с ними сами? Мне хотелось бы получить список их гостей.

День выдался длинным и утомительным, и, когда девушка вошла в комнату, капитану Хайфилду с трудом удалось встать, в результате он решил остаться за письменным столом, дабы в случае чего облокотиться на него. Визит губернатора и необходимость его повсюду сопровождать окончательно вымотали Хайфилда, именно поэтому, а возможно, чтобы пощадить чувства девушки, капитан решил не приглашать ни капеллана, ни офицера женской вспомогательной службы.

Когда матрос объявил о ее приходе, она возникла в дверях, сжимая в руках сумочку, а затем так и осталась там стоять. Он уже во второй раз видел ее вблизи, и ее внешность снова поразила его. Если бы не строгая манера поведения, девушка была бы совершенно неотразимой. Она явно предпочитала держаться в тени, и теперь, заглянув в ее личное дело, капитан Хайфилд понял почему.

Он жестом предложил ей сесть. Несколько минут он внимательно изучал пол, не зная, как подступиться к предмету разговора, и первый раз в жизни жалея, что не может на время передать кому-нибудь свое звание капитана. Дисциплинарные вопросы с членами экипажа решались достаточно просто, по обкатанной процедуре, ну и в случае необходимости

всегда можно было устроить им разнос. Но женщины — это совсем другое дело, раздраженно думал он, остро ощущая ее присутствие, присутствие всех женщин, что были здесь до нее. Вместе с тоннами багажа они захватили на борт все свои проблемы, а вдобавок создали новые, заставляя чувствовать себя без вины виноватым только потому, что ты неукоснительно следуешь правилам.

Он услышал, как по громкой связи прозвучала команда «Вольно!». Значит, морякам пора идти в столовую. Он подождал, пока все стихнет.

— Вы знаете, по какому поводу я вызвал вас к себе? — спросил он.

Она не ответила. Просто моргала распахнутыми глазами, словно возлагая на него все бремя ответственности.

Ну давай, не тушуйся, старина, говорил он себе. Не тяни резину. Покончи поскорей со всем этим — и сможешь с чистой совестью опрокинуть стаканчик.

— До моего сведения дошло, что несколько дней назад вы стали участницей произошедшего внизу инцидента. И в процессе рассмотрения дела мне стали известны вещи, вызвавшие у меня… некоторое беспокойство.

О том, что произошло, ему доложил Ренник еще накануне вечером. К Реннику подошел один из кочегаров, шепнул на ушко о котле с неприятностями, который вовсю кипит и булькает, а еще о разговорах, что идут о той девушке. Ренник, естественно, тут же сообщил Хайфилду: ведь кочегар явно хотел через стюарда донести информацию до капитана.

— Это касается вас… Одним словом, вашей жизни до того, как вы оказались на борту моего корабля. Боюсь, я обязан поднять этот неприятный для вас вопрос. Ради блага своих людей и поддержания дисциплины на корабле я должен знать, соответствуют ли данные… данные слухи действительности. — (Она промолчала.) — Могу ли я расценить ваше молчание как знак согласия?

Когда она не ответила уже в третий раз, капитан почувствовал себя крайне неловко. Что, вдобавок к плохому самочувствию, переполнило чашу его терпения. Он встал, возможно, чтобы казаться внушительнее, и обошел вокруг письменного стола.

— Я вовсе не хочу подвергать вас гонениям, мисс…

— Миссис, — поправила она капитана. — Миссис Маккензи.

— Но закон есть закон, и при подобном положении вещей я не могу позволить женщине… вашего сорта путешествовать на корабле, где полно мужчин.

— Моего сорта.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Держать взаперти такое количество женщин уже достаточно сложно. Я изучил подробности вашего… вашего дела и считаю, что ваше присутствие на корабле может дестабилизировать его работу.

Одному Богу известно, что скажет губернатор Гибралтара, если узнает о такой пассажирке. Не говоря уже о его супруге. Они только-только успели прийти в себя после инцидента с немецкими военнопленными.

Она долго рассматривала носки своих туфель. Затем подняла голову:

— Капитан Хайфилд, вы что, собираетесь ссадить меня с корабля? — Ее голос звучал тихо и очень спокойно.

Когда она это сказала, он сразу почувствовал облегчение.

— Простите, — ответил он. — Боюсь, у меня просто нет другого выхода.

Она явно о чем-то напряженно думала. Судя по ее поведению, его слова ее не слишком удивили. Но в прищуренных глазах сквозило презрение.

А вот этого он как раз меньше всего ожидал. Возможно, приступа гнева. Истерики, как и у тех двух бедняжек. Именно на этот случай капитан оставил матроса дежурить под дверью.

— Вы вправе что-нибудь сказать, — произнес капитан, когда молчание уже начало угнетать его. — Я имею в виду, в свое оправдание.

В разговоре снова возникла длинная пауза. Затем она сложила руки на коленях:

— Значит, в свое оправдание… Я сиделка. А если точнее, медицинская сестра. Я четыре с половиной года проработала медсестрой. За это время я выходила несколько тысяч мужчин, а некоторым из них спасла жизнь.

— Это замечательно… что вы сумели…

— Стать достойным членом общества? — Ее тон сделался резким.

— Я совсем не то…

— Но ведь я им не стала, разве нет? Потому что мне никогда не позволят забыть мое так называемое прошлое. Даже когда его отделяет от меня несколько тысяч миль.

— Я совсем не то хотел сказать…

Она посмотрела ему прямо в глаза. И, как ему показалось, расправила плечи.

— Капитан, я прекрасно понимаю, что именно вы хотели сказать. Что в моем случае послужной список не имеет никакого значения. Как и большинство тех, кто находится на вашем корабле, вы предпочитаете судить обо мне, основываясь исключительно на слухах. Ну и соответствующим образом поступать. — Она разгладила брюки на коленях

и сделала глубокий вдох, явно пытаясь взять себя в руки. — Капитан Хайфилд, вы не дали мне договорить, а я хотела сказать следующее. Так вот, за время службы я выходила несколько тысяч мужчин, причем некоторые из них пострадали не только физически, но и морально. Некоторые из них были моими врагами. Большинство из них находились между жизнью и смертью. Но ни один из них, — сделала она паузу, — ни один из них не проявил ко мне такого вопиющего неуважения, какое вы только что изволили продемонстрировать, капитан.

Он не ожидал, что она настолько владеет собой. И настолько аргументированно излагает свою точку зрения.

А еще он не ожидал, что окажется в роли обвиняемого.

— Послушайте, — примирительно начал он. — Я не могу делать вид, будто ничего о вас не знаю.

— Нет, конечно. Так же как, очевидно, и я. Но я пытаюсь вести общественно полезную жизнь и стараться не думать о вещах, которые не в состоянии изменить.

В комнате повисла напряженная тишина. Капитан лихорадочно искал выход из нештатной ситуации. За дверью кто-то приглушенно переговаривался, и он понизил голос, пытаясь отыскать способ с честью выйти из сложившегося положения.

— Послушайте, вы, наверное, хотите сказать, что ни в чем не виноваты, да? Что вы, возможно, даже в некотором роде жертва?

Если она начнет его умолять, пообещает, что в дальнейшем ее поведение будет образцовым, тогда, быть может…

— Я хочу сказать, что в любом случае это не ваше дело. — Костяшки ее пальцев побелели от едва сдерживаемых эмоций. — Единственное, что вас касается, капитан, — это моя работа медсестрой, которая, как вам должно быть известно из списка пассажиров, а также из моего послужного списка, если бы вы взяли на себя труд его изучить, состоит в уходе за больными. Мой статус замужней женщины и мое поведение на борту вашего корабля, а оно — и вы это знаете — соответствует всем вашим требованиям о соблюдении внешних приличий.

Ее голос неожиданно окреп. Бледные мочки ушей порозовели — единственное свидетельство того, что она начинает терять терпение.

И капитан, к своему удивлению, обнаружил, что из них двоих именно он почему-то чувствует себя виноватым.

Он посмотрел на бумаги, регламентирующие процедуры высадки невест на берег.

«Ссадите ее в Порт-Саиде, — посоветовала ему дама из австралийского

Красного Креста. — Возможно, ей придется немного подождать судна, идущего обратно. И опять же, как правило, большинство из них исчезает в Египте». И это ее «из *них*» прозвучало с нескрываемым презрением.

Боже, угораздило же попасть в такую передрягу! В такую треклятую передрягу! Он уже сто раз пожалел, что затеял этот разговор, создав кучу проблем на свою голову. Но система уже начала работать. И у него были связаны руки.

Словно прочитав его мысли, она резко поднялась со стула. Ее гладко зачесанные назад волосы еще больше подчеркивали высокие, почти славянские, скулы и тени под глазами. Капитан невольно задался вопросом, не вздумает ли она наброситься на него, как та малышка, но сразу устыдился подобных мыслей.

— Послушайте, миссис Маккензи, я…

— Я понимаю. Вы хотите, чтобы я покинула корабль.

Он мучительно искал нужные слова — слова, говорившие о том, что он сожалеет, но долг превыше всего.

И вот уже у самой двери она внезапно повернулась и спросила:

— А вы не хотите, чтобы я осмотрела вашу ногу? — (Капитан поперхнулся и удивленно заморгал.) — Я заметила, что вы хромаете. Когда вам казалось, что вас никто не видит. Возможно, вы также в курсе, что ночью я обычно сидела на полетной палубе.

Теперь Хайфилд был окончательно сбит с толку. Он даже машинально выдвинул вперед здоровую ногу.

— Не уверен, что…

— Если вы стесняетесь, я даже не буду до вас дотрагиваться.

— У меня все в порядке с ногой.

— Тогда вам не будет больно.

Они стояли напротив друг друга. Абсолютно неподвижно. В ее взгляде даже не было намека на приглашение.

— Я никому… Я никому об этом не говорил, — неожиданно для себя произнес капитан.

— Что ж, я умею хранить секреты, — не сводя с него глаз, сказала она.

Капитан тяжело опустился на стул и задрал штанину. Последние несколько дней он старался не смотреть на свою ногу.

Ее враждебность сразу пропала. Она отступила назад, затем подошла поближе и осмотрела рану.

— Рана определенно инфицирована. — Она показала на его ногу, словно спрашивая, не возражает ли он, а затем осторожно пощупала покрасневшую кожу вокруг. — И как насчет температуры? По-моему, она

повышенная.

— Раньше я чувствовал себя лучше, — признался он.

Она еще несколько минут изучала пораженную поверхность. И он заметил — испытывая при этом нечто похожее на стыд, — что даже не вздрогнул при ее прикосновении.

— По-моему, у вас остеомиелит. Инфекция проникла в кость. Необходимо откачать из раны жидкость и провести курс пенициллина.

— А у вас он есть?

— Нет, но у доктора Даксбери должен быть.

— Не хочу впутывать его в это дело.

Она не выказала ни капли удивления. И он подумал о том, что есть в этой ситуации нечто сюрреалистическое. Более того, он не мог забыть ошеломленное выражение, появившееся на ее лице, когда она увидела его ногу. И то, как она тут же постаралась скрыть свои чувства.

— Вам необходима медицинская помощь, — заявила она.

— Не хочу ставить в известность доктора Даксбери, — повторил он.

— Что ж, капитан, я высказала вам мнение специалиста, но считаю, что вы имеете полное право проигнорировать его.

Она встала и вытерла руки о брюки. Попросив ее обождать, он открыл дверь и пригласил дежурного матроса.

Парень вошел в офис, его глаза метались между капитаном и стоявшей рядом женщиной.

— Отведите миссис Маккензи в амбулаторию, ей надо взять кое-какие принадлежности, — сказал Хайфилд.

Она колебалась, явно ожидая, что он поставит ей какие-то условия. Но нет, он промолчал.

Он протянул ей руку с ключом, она взяла ключ, постаравшись избежать прямого контакта.

Игла вошла в его ногу, она двигалась туда и обратно, откачивая образовавшуюся жидкость. Несмотря на болезненность процедуры, Хайфилд почувствовал, что мучавшее его так долго беспокойство постепенно исчезает.

— Примерно через шесть часов вам надо будет сделать еще один укол пенициллина. Затем следует делать укол раз в день. Для начала введем двойную дозу, чтобы подавить инфекцию. Но когда вы прибудете в Англию, вам следует немедленно показаться врачу. Возможно, он будет настаивать на срочной госпитализации. — Она снова осмотрела рану. — Но вам повезло. Не думаю, что у вас гангрена.

Она говорила тихим, размеренным голосом, избегая смотреть ему в лицо. Наконец она наложила на рану марлевую салфетку и откинулась назад, чтобы дать ему возможность опустить штанину. На ней были те же самые брюки цвета хаки и белая блузка, что и в тот день, когда она приходила в его офис в качестве сопровождающей своей непутевой подружки.

Он вздохнул с облегчением, надеясь, что ночью уже не будет так мучиться от боли. Она собирала медицинские принадлежности, которые принесла из амбулатории.

— Кое-что из этого вам придется держать здесь, — не отрывая глаз от пола, произнесла она. — А завтра надо будет сменить повязку. — Она накорябала инструкции на листке бумаги. — При каждом удобном случае старайтесь держать ногу кверху. И следите за тем, чтобы она не намокала. Особенно в условиях повышенной влажности. Можете принимать по две болеутоляющие таблетки зараз. — Она положила ему на стол марлевые салфетки и клейкую ленту, а затем закрыла колпачок его ручки. — При первых признаках ухудшения покажитесь хирургу. На сей раз промедление смерти подобно.

— Я хочу сказать, что произошло недоразумение. — (Она подняла голову.) — Ошибочная идентификация. Если вы сможете найти время, чтобы до конца плавания провести мне курс пенициллина, я буду вам чрезвычайно признателен.

Она пристально посмотрела на него, затем поднялась на ноги. Впервые за время разговора она выглядела слегка ошарашенной.

— Я сделала это вовсе не потому, — тяжело сглотнув, сказала она.

— Ну да, я знаю. — Он тоже поднялся, осторожно перенеся вес тела на больную ногу, и протянул ей руку. — Спасибо, миссис Маккензи… Сестра Маккензи.

Она не меньше минуты недоуменно смотрела на его руку. И когда она все-таки ответила на его рукопожатие, он был потрясен стоявшими в ее глазах слезами — ведь до сих пор она умудрялась проявлять завидную выдержку.

Глава 19

У других это суровое испытание оставило незаживающие шрамы — ледяной холод, постоянный страх и ощущение неизбежности безвременной и бессмысленной смерти наряду со стремительным ухудшением условий жизни на потрепанном непогодой небольшом военном корабле, — тем самым породив в их душах жгучую ненависть к войне.

Ричард Вудмен. Арктические конвои 1941–1945

Тридцать пятый день плавания

(за неделю до прибытия в Плимут)

В задней части лекционной комнаты Джо-младший беспокойно ворочался в своем убежище, возможно протестуя против столь несправедливого ограничения свободы. И Маргарет, которая смотрела на свой похожий на купол живот и видела, как, подобно плоту в океане, подпрыгивает ее затрепанная тетрадь на исходящих изнутри сейсмических волнах, считала, что она понимает, о чем сейчас думает младенец в ее утробе. В эти последние недели время на корабле, казалось, замерло. Маргарет уже не могла дождаться встречи с Джо и была страшно разочарована тем, как медленно тянутся дни. Но теперь, когда они наконец вошли в европейские воды, время вдруг полетело стрелой, вызвав в ее душе самое настоящее смятение чувств.

Ну и уродина, думала она. Живот буквально лезет на нос, бледная кожа вся в красных прожилках. Ноги настолько распухли, что она могла втиснуться только в старые разношенные босоножки. Из зеркала в душевой на нее теперь смотрело какое-то лунообразное лицо, лишь отдаленно напоминающее ее собственное, которое, впрочем, никогда не было особо худым. Маргарет постоянно мучил вопрос: как сможет Джо захотеть такую женщину? Он женился на гибкой, подвижной девчонке, что бегала с ним наперегонки, катала его на своей лошади по бескрайним зеленым лугам и полям. Девчонке, чье обнаженное тело — налитое и сбитое — сводило его с ума.

И вот теперь получается, что он навеки связан с жирной, неповоротливой свиноматкой, которая пыхтит как паровоз, поднявшись на пару ступенек. Со свиноматкой, у которой обвисла и покрылась прожилками вен когда-то упругая грудь. Со свиноматкой, которая сама

себе отвратительна. Теперь ее даже не успокаивало то, что всего пару недель назад муж во время сеанса радиосвязи подтвердил ей свою нежную привязанность. Да и как она могла быть спокойной? Он ведь не видел, во что она превратилась.

Беспокойно поерзав на узком деревянном сиденье, она грустно вздохнула. Сегодняшняя лекция носила название «То, что, вероятно, пришлось повидать вашим мужьям». Несмотря на название, лекция содержала лишь постоянные ссылки на «всякие ужасы, о которых не говорят» и о которых лектор — офицер по бытовому обслуживанию — действительно предпочитал не говорить. Самое главное, сказал он, не пытаться расспрашивать мужа о том, что с ним произошло. История учит, что большинство мужчин предпочитают не останавливаться на неприятных моментах, а Жить с Этим Дальше. И они не любят, когда женщины пристают к ним с ножом к горлу, требуя рассказать, как все было. Мужчинам, наоборот, необходимо, чтобы рядом был кто-то веселый, напоминающий им о радостях жизни, за которые они сражались.

Прослушав его выступление, Маргарет впервые за все это время поняла, что они с Джо вовсе не партнеры, как ей казалось, и более того, поскольку она женщина, к тому же не имеющая за плечами его опыта, между ними лежит огромная пропасть. Джо только однажды намекнул о своих критериях ужасов войны: его друг Эди был убит в Тихом океане, когда стоял на палубе всего в футе от Джо, и она увидела, что Джо отчаянно моргает, чтобы смахнуть непрошеную слезу. Она не стала выпытывать у него подробности не потому, что это все очень личное и он должен переживать в одиночестве, а потому, что она была австралийкой. Хорошей фермерской закваски. И ей было немножко странно видеть слезы на глазах у мужчины, даже если мужчина этот и ирландец, а ирландцы славятся своей сентиментальностью.

Могут возникнуть дополнительные острые моменты, сказал лектор, так как женщины прибыли из совершенно другой страны. Не приходится сомневаться, что они испытают на себе некоторое давление, независимо от того, насколько тепло их встретит новая родня. Возможно, девушки обретут друга в семейном кругу. Но в любом случае им стоит обменяться адресами с невестами, с которыми успели подружиться на корабле, чтобы было с кем обсудить возникшие проблемы.

С течением времени они могут обнаружить, что их мужья стали грубить и выходить из себя. Не судите их слишком строго, а лучше сядьте и подумайте о том, что, может быть, причина раздражения кроется в чем-то ином. Может быть, на вашего мужа давит груз воспоминаний, которые он

не хочет взваливать на ваши слабые плечи. Не спешите огрызаться, лучше подумайте о себе и о том, что сделал ваш муж на службе родины. У нас в Англии есть хорошее выражение. Тут лектор сделал паузу и обвел многозначительным взглядом аудиторию. «Стиснуть зубы». Что означает настоящий английский характер, благодаря которому наша империя и стала такой сильной. И очень советую вам почаще вспоминать об этом.

Адъютант капитана морской пехоты уже во второй раз подал ему знак помочь убрать офицерскую кают-компанию. И только слова Джонса «Давай, приятель, пошевеливайся» вывели Найкола из задумчивости.

Офицеры только что откушали и теперь собирались пойти выкурить трубку или почитать письма и старые газеты. Во время ланча все то и дело шутили насчет состояния двигателей «Виктории» и гадали, протянут ли они до Плимута. Еще одна шутка, уже менее пристойная, касалась трех рядовых, которым сообщили, что им надлежит предстать перед комиссией Адмиралтейства для решения вопроса о присвоении им офицерского звания, и возможных ответов на вопросы одного из них, обладавшего интеллектом и упрямством осла.

— Ты что, спишь на ходу, приятель? — Джонс буквально впихнул его в предбанник кают-компании. — Пока они произносили тосты, старпом не спускал с тебя глаз. Ты стоял там точно мешок с картошкой. В какой-то момент мне даже показалось, что еще немножко — и ты засунешь руки в свои чертовы карманы.

Найкол не знал, что сказать. Стоять руки по швам во время провозглашения тостов было для него на уровне рефлекса. Так же, как начищать до блеска ботинки или совершать обходы вне очереди. Но последнее время с его чувством ответственности стали происходить странные вещи.

Он уже представлял себе, как она сойдет с корабля, а он за ней следом. А во время ланча позволил себе предаться мечтам о том, чтобы ее муж прислал ей «НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ», но затем страшно ругал себя за то, что желает навлечь позор на ее голову.

Но он ничего не мог с собой поделать. Всякий раз, как он закрывал глаза, Найкол видел ее слегка замкнутое лицо. Мимолетную, но ослепительную улыбку, которой она наградила его во время танца. Ее тонкую талию, которую он обнимал, легкие пальцы на его плече.

Интересно, кто ее муж? Рассказала ли она ему о своем прошлом? И что еще хуже, не является ли муж частью того самого прошлого? Но не было абсолютно никакой возможности спросить ее об этом, поскольку тогда она

могла бы решить, будто он — как и все остальные — уже успел вынести ей свой вердикт. Вправе ли он задавать подобные вопросы?

Он пытался покрепче зажмурить глаза, чтобы прогнать непрошеные образы. В его кубрике моряки, привычные к визитам демонов войны, старательно обходили его стороной. Демоны эти время от времени возвращались, чтобы хорошенько помучить человека, гудели в ухо, выносили мозг, окутывали черной пеленой. А что, если сказать ей? Открыть свои чувства. Объяснить, что ему надо просто спустить пар. Ей не придется ничего делать в ответ.

Но он прекрасно понимал, что даже если и подберет нужные слова, то никогда не осмелится произнести их вслух. Она уже нашла свое будущее, обрела некоторую стабильность. И он не имеет никакого права ей мешать.

Прошлой ночью он смотрел на созвездия, что в свое время так привлекали его, и проклинал неудачное расположение планет, из-за которого их жизненные пути не пересеклись тогда, когда они оба еще были свободны. И разве ее муж способен на столь образное мышление? А может, просто его, Найкола, эгоистичное внутреннее «я» хочет, чтобы он выступил в роли ее спасителя, тем самым притупив собственное чувство вины?

И это снизошедшее на него откровение внезапно привело к решению поменяться с Эмметтом сменами, чтобы следующие несколько дней быть от нее подальше.

Теперь его волновало уже не ее прошлое, а то, как она сумела вырваться.

«Старший матрос все еще лежал в своей треклятой постели и в десять, и в одиннадцать утра. Эх, надо было слышать нашего капитана! „Любая из этих треклятых девчонок внизу и то больше достойна звания старшего матроса, чем ты!“ А ты разве не знаешь, где он был? Старшина корабельной полиции считает, что в лазарете с американцем. Исследовал целительные свойства… алкоголя».

Раздался врыв смеха. Он посмотрел на портрет короля, занимавший почетное место на стене, и, встав рядом с Джонсом, приготовился убирать кают-компанию. Через четыре дня после того, как он отправил телеграмму, ему пришла ответная радиограмма. Только слово «Спасибо!» — и все. Но, увидев многозначительный знак восклицания, он невольно вздрогнул.

Когда Маргарет открыла дверь, собака неожиданно завыла. Маргарет тут же зажала ей пасть и шагнула к койке, приговаривая:

— Ш-ш-ш, Моди! Успокойся сейчас же! — Собака дважды тявкнула, и

Маргарет с трудом преодолела желание отшлепать ее как следует. — Немедленно заткнись! — прикрикнула на нее девушка, не сводя испуганных глаз с двери. — Да будет тебе, успокойся, — прошептала Маргарет, и собака свернулась тугим клубочком на койке.

Маргарет виновато посмотрела на часы, гадая, когда ей удастся выгулять бедное животное. За это время Мод Гонн уже пару раз пыталась убежать. Совсем как Джо-младший, подумала Маргарет. На Моди тоже плохо действует замкнутое пространство.

— Ну ладно, потерпи немножко, — сказала она. — Совсем недолго осталось, обещаю.

И только сейчас она вдруг поняла, что в каюте еще кто-то есть.

Эвис неподвижно лежала на койке, лицом к стене, в позе эмбриона.

Маргарет уставилась на нее во все глаза, а собака тем временем соскочила на пол и принялась скрести когтями дверь. Получается, прикинула Маргарет, что Эвис уже четвертый день так лежит. В тех редких случаях, когда Эвис вставала с постели, чтобы поесть, она без разбору съедала все, что лежало на тарелке, и сразу уходила. Морская болезнь, отвечала она на расспросы. Но море было абсолютно спокойным.

Маргарет шагнула вперед и наклонилась над скрюченной фигурой Эвис, словно пытаясь найти разгадку в выражении ее лица. Однажды она пыталась такое сделать, будучи уверенной, что Эвис спит. Нагнулась к ее койке и испуганно отпрянула, увидев, что та лежит с открытыми глазами. Маргарет даже собралась было поговорить с Фрэнсис: а что, если Эвис серьезно заболела и нуждается в медицинской помощи? Но они до сих пор были на ножах, и Маргарет решила, что это будет некорректно по отношении к ним обеим.

А кроме того, Фрэнсис редко бывала в каюте. По каким-то непонятным для всех причинам она теперь помогала в лазарете, тем более что доктор Даксбери с восторгом возложил на себя обязанности организатора финала конкурса красоты. Более того, Фрэнсис каждый день исчезала на несколько часов, не удосужившись объяснить куда и зачем. По идее, Маргарет должна была бы радоваться, что Фрэнсис немного оправилась, но ей ужасно не хватало общества подруги. В одиночестве в голову лезли всякие глупые мысли. А ведь папа был абсолютно прав, когда говорил, что слишком много думать вредно.

— Эвис! — прошептала она. — Ты не спишь?

Та ответила только со второго раза.

— Не сплю, — сказала она.

Маргарет неловко топталась посреди каюты, на время даже забыв о

переживаниях по поводу своего деформировавшегося тела. Она отчаянно пыталась сообразить, что лучше сделать.

— Может, тебе что-нибудь… принести?

— Нет.

Мертвая тишина в каюте угнетала Маргарет. Вот мама наверняка знала бы, как поступать в подобных случаях, думала она. Мама подошла бы к Эвис, по-матерински обняла бы ее и сказала уверенным тоном: «Ну, давай выкладывай, что случилось!» И Эвис непременно поведала бы ей о своих тревогах, или о проблемах со здоровьем, или о тоске по дому, или о чем-то еще, что камнем лежит у нее на сердце.

Но вот только мамы здесь не было. А для Маргарет обнять Эвис было так же нереально, как, например, вплавь добраться до этой чертовой Англии.

— Если хочешь, я принесу тебе чашечку чая, — предприняла она следующую попытку.

Эвис не ответила.

Маргарет почти час пролежала на кровати с журналом в руках. Она боялась оставить и Эвис, и собаку, которая наверняка не сможет сидеть смирно.

Корабль несколько ускорил ход: значит, вошел в более холодные и неспокойные воды. Сейчас, после стольких недель на борту «Виктории», Маргарет уже притерпелась к постоянной вибрации, шуму двигателей, к раздающимся каждые четверть часа командам.

Она принялась было за письмо отцу, но обнаружила, что не может написать ничего нового о жизни на борту. Доверить бумаге события последнего времени она не рискнула, а так ничего особо интересного больше не происходило — терпение, терпение и еще раз терпение. Словно ты живешь в коридоре в ожидании новой жизни.

Тогда она решила написать Дэниелу и засыпала его вопросами о своей кобыле, а также настоятельными советами освежевать как можно больше проклятых кроликов, с тем чтобы он мог поскорее приехать к ней в Англию. Дэниел написал ей только одно письмо — она получила его в Бомбее. Всего несколько строчек: о состоянии коров, о погоде и о фильме, который он смотрел в городе. Но у нее сразу отлегло от сердца. Эти короткие строчки говорили о том, что он ее простил. Ведь если бы папа стоял у него над душой с ремнем в руке, Дэниел просто вложил бы в конверт чистый лист — и все дела. В дверь отрывисто постучали, и она поспешно прикрыла собой собаку, чтобы та не залаяла. Чтобы скрыть

посторонний шум, она даже сделала вид, будто закашлялась.

— Потерпи, — сказала она, положив широкую ладонь на собачью мордочку. — Уже идем.

— Миссис Рэдли здесь?

Маргарет повернулась в сторону Эвис. Та, растерянно моргая, села на койке. Ее платье помялось, лицо было бледным и невыразительным. Она медленно соскользнула вниз, машинально поправив волосы.

— Эвис Рэдли, — слегка приоткрыв дверь, сказала она.

Перед ней стоял молодой матрос.

— Вам радиограмма. Зайдите в радиорубку.

Выпустив собаку, Маргарет шагнула вперед и взяла Эвис за руку.

— Боже мой! — невольно вырвалось у нее.

Увидев две пары расширенных от ужаса глаз, матрос сунул Эвис листок бумаги.

— Успокойтесь, миссис. Это хорошие новости.

— Что? — спросила Маргарет.

Но матрос не обратил на нее никакого внимания. Дождавшись, когда Эвис посмотрит на листок, он прочувственно произнес с ликованием в голосе:

— Радиограмма от вашей семьи. Ваши предки собираются в Плимут, чтобы встретить вас там по прибытии корабля.

Эвис рыдала почти двадцать минут. Сперва Маргарет подумала, что это явный перебор, а потом не на шутку испугалась. Отбросив в сторону сомнения, она забралась к Эвис и теперь сидела рядом, стараясь не думать об угрожающем скрипе ремней под тяжестью ее тела.

— Эвис, все хорошо, — твердила она. — Он в порядке. Иэн в порядке. Просто тебя немного напугала чертова радиограмма.

Капитан был не слишком доволен, радостно сообщил матрос. Поскольку собирался находиться в радиорубке, чтобы передать список покупок. Но все же разрешил принять радиограмму.

— Им не следовало вот так, с бухты-барахты, посылать к нам человека! — кипятилась Маргарет. — Они ведь должны понимать, что могут напугать тебя до полусмерти. Особенно принимая во внимание твое положение! — Маргарет изо всех сил старалась развеселить Эвис.

Но Эвис была не в состоянии говорить. Рыдания, правда, постепенно стихли и перешли в судорожные всхлипывания, булькавшие где-то в горле. Наконец Маргарет поняла, что худшее уже позади, и тяжело спустилась вниз.

— Ну вот и все, — сказала она в пустоту. — А теперь тебе надо немного отдохнуть. Чуть-чуть успокоиться. — Она легла на свою койку и принялась весело болтать о планах на последние несколько дней: о лекциях, на которые стоит сходить, о подготовке Эвис к финалу конкурса красоты — словом, о чем угодно, лишь бы вывести Эвис из депрессии. — Ты должна непременно надеть эти зеленые атласные туфельки, — тараторила она без остановки. — Эвис, ты не поверишь, но большинство девушек буквально готовы отдаться за них! Девушка из каюты 11F говорила, что видела такие в австралийском женском еженедельнике.

Глаза у Эвис припухли и покраснели. Ты не понимаешь, думала она, прислушиваясь к идущему снизу нескончаемому словесному потоку. Просто на какую-то секунду мне показалось, что все будет в порядке и мое положение не настолько безвыходное.

Она лежала совершенно неподвижно, словно хотела превратиться в камень.

Просто на какую-то секунду мне показалось, будто они пришли сюда сообщить о том, что он умер.

— И вот, значит, сижу я по уши в грязной воде, кастрюли плавают по всему камбузу, крен на сорок пять градусов на левый борт, и тут входит этот старикан, оглядывает меня с головы до ног, выливает из фуражки несколько пинт морской воды и говорит: «Надеюсь, Хайфилд, на вас парные носки? Я не допущу расхлябанности на своем корабле». — Капитан вытянул вперед ногу. — Не самое пикантное, что он оказался абсолютно прав. Бог его знает, как ему удалось разглядеть это под четырехфутовым слоем воды, но он оказался прав.

Фрэнсис выпрямилась и улыбнулась:

— Я знавала таких старших сестер. И могу поклясться, они знали точное число таблеток в каждой склянке. — Она принялась складывать инструменты в саквояж.

— Угу, — поддакнул Хайфилд и прочистил горло. — Значит, так. Сорок один торпедный взрыватель, два корпуса торпеды, тридцать две бомбы, четыре ящика патронов для 4,5-дюймового магазина, девять ящиков боеприпасов, магазины для стрелкового оружия и пом-помов. Ой, и двадцать два магазина для автоматов. Все это заперто в моих личных погребах.

— У меня имеется сильное подозрение, что вы еще не готовы уйти в отставку, — заметила Фрэнсис.

Из иллюминатора было видно, как заходит солнце. Оно неторопливо скрывалось за горизонтом, гораздо медленнее, чем в тропиках. Вокруг них простирал свои воды океан, серый цвет которых таил в себе разгадку наступившего похолодания. Теперь за кораблем следовали стаи чаек, охотившихся за помоями, что кок выливал за борт, или кусочками печенья, что бросали им девушки, которым ужасно нравилось смотреть, как птицы ловят крошки прямо в воздухе.

Хайфилд наклонился вперед: мягкие ткани вокруг шва напоминали расплавленный воск.

— Ну как?..

— Замечательно, — ответила она. — Но вы, наверное, и сами успели почувствовать?

— Мне гораздо лучше, — согласился он и, поймав ее взгляд, добавил: — Конечно, еще болит, но уже меньше.

— И температура нормализовалась.

— А мне, старому дураку, казалось, что это тропическая жара заставляет меня попотеть.

— Возможно, она тоже сыграла свою роль.

Она поняла, что ему стало гораздо лучше. Исчезла его обычная мрачная сдержанность. Теперь в его глазах зажглись лукавые искорки, и он стал охотнее улыбаться. И когда командир корабля стоял выпрямившись, то делал это с гордостью, а не с желанием доказать, что он еще о-го-го какой.

А он тем временем начал травить очередную байку насчет того, как потерял корпус торпеды. Она закончила процедуру и теперь могла позволить себе просто сидеть напротив него и слушать. Он уже рассказывал эту историю два дня назад, впрочем, она не возражала, поскольку чувствовала, что он не из тех, кого легко разговорить. Несчастный, одинокий человек, решила она. Хотя она уже давно поняла, что чем выше ответственность, лежащая на плечах человека, тем он более одинок.

Ну а кроме того, учитывая, что большинство невест по-прежнему оказывали ей самый холодный прием, Эвис лежала на койке в приступе жестокой меланхолии, а морпех давно не появлялся, она получала самое настоящее удовольствие от общества капитана.

— …а этот негодяй, оказывается, приспособил его для приготовления рыбы. «Уж больно он походит на котелок для рыбы, а ничего лучшего я не нашел», — заявил он. И вот что я вам скажу, мы еще были рады, что он не догадался использовать торпедный взрыватель.

Хайфилд зашелся в приступе лающего смеха, словно сам себе

удивляясь, и она снова улыбнулась, стараясь не подавать виду, что его шутка с бородой. После очередной байки он бросал на нее быстрые взгляды. Казалось бы, такая малость, но она поняла, что ему неловко в обществе женщин и он явно боится ей наскучить. И она не могла позволить себе дать ему повод считать, что его опасения небезосновательны.

— Сестра Маккензи… А что, если нам выпить по маленькой? В это время дня я всегда пропускаю стаканчик.

— Благодарю вас, но я не пью.

— Вы очень здравомыслящая девушка.

Капитан вышел из-за письменного стола, который она только сейчас толком рассмотрела. Стол был очень элегантным, красновато-коричневого цвета, со вставкой из темно-зеленой кожи. Каюта капитана, с ковром, картинами на стенах и удобными стульями, вполне могла бы стать частью интерьера какого-нибудь богатого дома. И она почему-то сразу подумала о тесных кубриках, гамаках, узких шкафчиках и облезлых столах. Нигде, кроме Британского военно-морского флота, она не видела такого разительного контраста между условиями жизни начальства и рядовых, что заставило ее задуматься о стране, в которую она ехала.

— Как это случилось? — спросила она, когда он налил себе выпить.

— Что именно?

— Я о вашей ноге. Вы никогда не рассказывали. — (Он стоял, отвернувшись от нее, и по тому, как у него внезапно напряглась спина, она поняла, что вопрос был не настолько безобидным, как ей казалось.) — Вы вовсе не обязаны отвечать. Простите, я не хотела лезть не в свое дело.

Но он, похоже, не слышал ее. Заткнул графин и снова сел. Сделал большой глоток янтарной жидкости и начал говорить. «Виктория», сказал он, не его корабль.

— Я служил на авианосце «Индомитебл». С тридцать девятого года. Незадолго до окончания войны с Японией нас атаковали. Нас прикрывали шесть «альбакоров», четыре «свордфиша» и бог знает сколько еще других самолетов. Мои люди вели огонь из всех орудий, но японцы оставались неуязвимы. Я с самого начала понял, что нам конец. Мой племянник был летчиком. Роберт Харт. Сын моей младшей сестры Молли… Он был… Мы были очень близки. Славный парень.

Его рассказ был прерван стуком в дверь. На лице Хайфилда промелькнула тень раздражения. Он поднялся и, тяжело ступая, подошел к двери. Взял протянутые ему молодым радистом бумаги и коротко кивнул.

— Очень хорошо, — пробормотал он.

Фрэнсис, увлеченная рассказом капитана, не обратила на радиста никакого внимания.

Капитан снова сел за письменный стол, бросив бумаги перед собой. В комнате повисла напряженная тишина.

— Его что… подстрелили? — спросила она.

— Нет, — сделав очередной глоток, ответил он. — Нет, хотя мне кажется, что он предпочел бы именно это. Одна из бомб пробила несколько палуб от офицерского кубрика до центрального машинного отделения. После первого взрыва я потерял шестнадцать человек личного состава.

Фрэнсис живо представила себе эту страшную сцену. У нее в носу как будто стоял запах дыма и мазута, а в ушах — отчаянный крик попавших в огненную ловушку людей.

— Включая и вашего племянника…

— Нет… Нет, самое страшное было еще впереди. Я слишком поздно вывел их наружу. Вы понимаете? Меня накрыло взрывной волной, и я был точно в тумане. И не сразу понял, что взрыв произошел недалеко от погреба с боеприпасами. Огонь разрушил несколько внутренних трубопроводов, повредил румпель, рулевой механизм, адмиральский погреб и пробрался под транспортер для боеприпасов. Через пятнадцать минут после первого взрыва внутренняя часть корабля была наполовину уничтожена. — Капитан покачал головой. — Стоял такой грохот… такой грохот. Мне показалось, что небеса разверзлись и обрушились на нас. Конечно, надо было действовать более оперативно: задраить все люки, помешать распространению огня.

— Но тогда вы могли бы потерять еще больше людей.

— Пятьдесят восемь человек, в общем и целом. Мой племянник находился на посту управления. — Капитан Хайфилд замялся. — Мне было до него не добраться.

Фрэнсис сидела не шелохнувшись.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Они заставили меня сойти с корабля, — быстро проговорил он, словно застрявшим в горле словам не терпелось поскорее вырваться наружу. — Корабль тонул, а мои люди — те, кто еще держался на ногах, — уже спустили шлюпки, которые, если смотреть сверху, чем-то напоминали листья кувшинок в пруду, ведь море было до ужаса спокойным. Я стоял и смотрел, как в залитые кровью и мазутом шлюпки затаскивают раненых. Там было самое настоящее адское пекло. Те, кто оставался еще на борту, поливали себя из шлангов, чтобы хоть немного продержаться. И пока мы пытались среди бушующего пламени и обломков корабля добраться до

раненых, проклятые япошки продолжали над нами кружиться. Они больше не стреляли, а просто парили, точно стервятники, в воздухе, наслаждаясь нашими страданиями. — Капитан Хайфилд снова сделал большой глоток. — Я все еще пытался отыскать его, но мне приказали покинуть корабль. — Он уронил голову на грудь. — К нам на помощь уже спешили два эсминца. В результате они прогнали японцев. Мне велели покинуть корабль. И члены моей команды сидели в шлюпках и смотрели, как я оставляю тонущий корабль, на котором, вероятно, еще остались уцелевшие люди. Возможно, даже Харт. — Он сделал паузу. — Никто из них не сказал мне ни слова. Они просто… смотрели.

Фрэнсис закрыла глаза. Ей уже не раз приходилось слышать подобные исповеди, и она хорошо знала, какие шрамы события такого масштаба оставляют в душе. И у нее не было для него слов утешения.

Они слышали, как по громкой связи дам пригласили представить свое рукоделие в комнате отдыха в передней части корабля. И Фрэнсис с удивлением заметила, что уже стемнело.

— Не самый удачный способ закончить карьеру, да? — дрогнувшим голосом произнес капитан.

— Капитан, — сказала она, — ответы на все есть только у тех, кому никогда не приходилось отвечать на подобные вопросы.

Тем временем на палубе зажглись огни, и сквозь иллюминатор в каюту капитана проникли лучи холодного неонового света. Они услышали обрывки разговора на палубе, а затем по громкой связи раздалась команда: «Приготовиться к приему мусорной баржи».

Капитан Хайфилд задумчиво уставился в пол, пытаясь осмыслить ее слова. Затем снова приложился к бокалу и долго пил, не спуская с нее глаз.

— Сестра Маккензи, — поставив бокал на стол, произнес он. — Расскажите мне о вашем муже.

Найкол вот уже почти сорок пять минут стоял возле киноаппаратной. Но даже если бы ему и разрешили посмотреть кино, он вряд ли выбрал бы «Лучшие годы нашей жизни», хотя в данном конкретном фильме для вернувшихся с войны солдат все кончается хорошо. Его внимание было приковано к дальнему концу коридора.

— Поверить не могу, — говорил в кубрике Валлиец Джонс. — Я слышал, что ее хотят высадить на берег. А потом капитан вдруг берет и заявляет, что все это просто чертово недоразумение. Но я-то знаю, что нет. Ты ведь видел ее там, да, Дакворт? Мы оба ее узнали. Ничего не понимаю, — добавил он, почесав под мышками.

— А я знаю почему, — включился в разговор еще один морпех. — Она сейчас выпивает вместе с капитаном.

— Что?

— В его каюте. Наш радист, когда относил ему долгосрочные сводки погоды, застукал ее там. Сидит этакая фря рядом с ним на диванчике и потягивает коньячок.

— Во дает, старый ловкач! — удивился Джонс.

— Она ведь далеко не так проста, как кажется.

— Хайфилд? Да ему даже за пятерку в борделе никто не даст!

— Для нас одни правила, а для них — совсем другие, здесь уж ничего не попишешь, — с горечью заметил Дакворт. — Можете себе хоть на секунду представить, чтобы нам разрешили привести шлюху в кубрик?

— Ты, наверное, ошибаешься, — вырвалось у Найкола. В наступившей тишине его слова прозвучали особенно громко. — Она ни за что не пошла бы в каюту к капитану. — И потом он уже тише добавил: — Я хочу сказать, что у нее нет никаких причин находиться там.

— Тейлор зря болтать не будет. Он своими глазами видел. И могу сказать тебе кое-что еще. Он клянется, что уже в третий раз застает ее там.

— Значит, говоришь, в третий раз? Да брось, старина Найкол! Ты не хуже меня знаешь причину. — Джонс захохотал, точно гиена. — И как вам это нравится, парни? В шестьдесят лет наш капитан наконец-то познал, что такое радости плоти!

Наконец он услышал голоса. Спрятавшись за трубами на стене, он глядел, как открывается дверь в каюту капитана. И ему словно дали под дых, когда он увидел на пороге знакомую тонкую фигуру. Ему даже не было нужды присматриваться повнимательнее, чтобы понять, кто перед ним: ее образ, словно высеченный в камне, был теперь навеки запечатлен в его душе.

— Благодарю вас, — говорил Хайфилд. — Даже не знаю, что еще вам сказать. Обычно я не расположен…

Она покачала головой, словно то, что она для него сделала, ничего ей не стоило. Затем пригладила волосы. Он непроизвольно снова отступил в тень. *Обычно я не расположен* — к чему? Найколу стало трудно дышать, все поплыло перед глазами. Он чувствовал себя совсем не так, когда узнал об измене жены. Сейчас все было во сто крат хуже.

Они тихо перебросились парой фраз, которых он не расслышал. Потом ее голос зазвучал громче.

— Ой, капитан! — позвала она. — Совсем забыла сказать… Шестнадцать. — Найкол увидел, что Хайфилд озадаченно уставился на

нее. Она уже шла в сторону ангарной палубы. — Шестнадцать кубиков пенициллина в большой бутылке. Семь — в той, что поменьше. И десять ампул в белом пакете. По крайней мере, должны там лежать.

И пока Найкол спускался по трапу, у него в ушах стоял лающий смех капитана.

Глава 20

Оглядываясь назад, можно смело сказать, что монотонное течение дней и чувство безысходности от столь однообразного существования оказались гораздо более разрушительными для психики, чем потенциальные угрозы подорваться на мине противника… Когда мы не сражались с врагом, мы сражались друг с другом.

Л. Тромен. Вино, женщины и война

За два дня до прибытия в Плимут

За отсутствием лошадей и ипподрома или пилотов-стажеров, от которых можно было ждать, что они рано или поздно обязательно сядут в лужу, предметом горячих споров с самыми высокими ставками стали — и в этом не было ничего удивительного — очаровательные участницы конкурса на звание королевы красоты «Виктории». Вполне возможно, что миссис Айви Таттл и миссис Джанет Лэтхем были бы несколько деморализованы, узнай они о том, что на них ставят сорок к одному, тогда как победная поступь Айрин Картер сделалась бы еще увереннее, будь она в курсе того, что ее шансы оцениваются как пять к двум. Однако к этому времени было общепризнано, что настоящей фавориткой, золотистые локоны которой уже заставили морскую братию поставить на нее шиллинг-другой, является миссис Эвис Рэдли.

— Фостер говорит, ставки на нее очень даже большие, — прокричал Пламмер, младший кочегар.

— У нее имеется еще и кое-что другое. И тоже очень и очень большое! — проорал сменившийся часовой.

— Он говорит, если она победит, то ему придется отдать половину денег, что он выиграл на бегах в Бомбее.

Буквально через несколько часов они должны были войти в холодные, неприветливые воды Бискайского залива, но здесь, в машинном отделении, расположенном на сотню футов ниже полетной палубы, стояла адская — градусов сто, не меньше — жара. Тимс, по пояс голый, крутил блестящие маховики, обеспечивавшие подачу пара турбинам двигателя, в то время как Пламмер, смазывавший машинным маслом детали основного двигателя, уже начинал терять терпение и периодически чертыхался, дотрагиваясь до раскаленного металла.

На табло машинного телеграфа между ними поступали приказы с

мостика: «Полный вперед» или «Самый полный», чтобы как можно быстрее преодолеть участки неспокойного моря. Даже в этом ужасающем реве и грохоте работающих двигателей слышно было, как протестующе скрипит и кряхтит корабль. Пар приступами отрыжки просачивался сквозь вентили, и тряпки, которыми кочегары пытались их обмотать, тут же намокали от горячей воды. «Виктория» словно жаловалась им на свой возраст: ее многочисленные измерительные приборы смотрели на них с тупым безразличием вредной старухи.

Пламмер затянул болт и, положив на место гаечный ключ, повернулся к Тимсу:

— Выходит, ты так и не поставил ни на кого из них, а?

— Ты о чем? — сверкнул на него глазами Тимс.

Вид у Тимса был злобный, и он явно был не в духе, но Пламмер, уже успевший привыкнуть к напарнику, продолжал гнуть свое.

— О сегодняшнем конкурсе. — Шум от двигателя был настолько оглушающим, что ему пришлось сопроводить свои слова соответствующим жестом. — На кону куча бабок.

— Бред собачий, — отмахнулся Тимс.

— И все же ты, наверное, не прочь посмотреть, как они выстроятся в этих своих крошечных купальниках, а? — Он нарисовал в воздухе кривую линию и состроил сладострастную гримасу, смотревшуюся чрезвычайно комично на его детском лице. — Получишь соответствующий заряд бодрости перед встречей со своей миссис.

Похоже, после его слов у Тимса еще больше испортилось настроение. Вытерев блестящий от пота лоб грязной тряпкой, он потянулся за гаечным ключом. Из-за качки инструменты с глухим звоном катались по полу, представляя нешуточную опасность для пальцев ног.

— Что-то я не могу взять в толк, какого хрена ты так разошелся! — рявкнул Тимс. — Тебе ведь надо быть на вахте всю ночь.

— Я поставил на эту девчонку Рэдли два фунта, — ответил Пламмер. — Два фунта! Я держал пари, когда она еще шла три к одному, поэтому, если она выиграет, я огребу кучу бабла. Если нет, то напьюсь, к чертям. Я ведь обещал своей старушке-маме, что оплачу нам с ней поездку в Скарборо. Но я по натуре оптимист, понимаешь? Ручаюсь, что не проиграю. — И тут на него явно нахлынули воспоминания о том, что он видел наверху. — На конкурсе «Мисс Самые Красивые Ножки» эта девчонка в купальнике выглядела просто потрясно. У нее действительно ножки что надо! Может, им там, в ихней Австралии, что-то специально дают? Я слыхал, что у половины наших девчонок натуральный рахит. —

Тимс, явно не обращая внимания на болтовню Пламмера, посмотрел на часы, но того уже понесло: — Представляешь, там будут все офицеры. Разве это справедливо? Офицеры смогут увидеть девиц в купальных костюмах, а вот мы, бедные, заперты в чертовом машинном отделении! Представляешь, морпехи сменяются в девять. Значит, даже им удастся хоть краем глаза взглянуть. Выходит, для всех одни правила, а для нас — совсем другие. Ну разве это честно? Теперь, когда война позади, они все-таки должны наконец обратить внимание на несправедливости, что творятся в нашем треклятом военно-морском флоте! — Пламмер проверил табло, чертыхнулся и бросил взгляд на Тимса, который тупо смотрел в стенку. — Тимс, с тобой все в порядке? Ты чего такой смурной?

— Прикрой меня на полчаса, — повернувшись к ведущему наружу люку, попросил Тимс. — Мне кое-что надо сделать.

Если бы молодой Пламмер видел открытие конкурса на звание королевы красоты «Виктории», то наверняка не был бы так уверен насчет своей поездки в Скарборо. Поскольку Эвис Рэдли, одна из безусловных фавориток конкурса, смотрелась на удивление блекло, или, по принятому на скачках выражению, что употребил один из моряков, как трехногая ослица.

Несмотря на роскошное пурпурное шелковое платье и прекрасно уложенные блестящие волосы цвета спелой пшеницы, Эвис, занявшая свое место на самодельной сцене рядом с другими конкурсантками, лицом к столам, накрытым для последнего официального ужина, казалась бледной и озабоченной. И если остальные девушки, балансируя на высоких каблуках, с хихиканьем держались друг за друга, чтобы не упасть из-за качки, Эвис стояла в гордом одиночестве с вялой улыбкой на губах и, судя по ее затуманенному взору, мысленно была где-то очень далеко отсюда.

Доктор Даксбери, распорядитель конкурса, уже дважды брал ее за руку, пытаясь заставить рассказать о своих планах на жизнь и вспомнить наиболее волнующие моменты путешествия. Она, казалось, не замечала его, несмотря на то что он в третий раз исполнил «Waltzing Matilda».

Должно быть, сказывается утреннее недомогание, заметила одна из невест. Все женщины в интересном положении первые несколько месяцев выглядят отвратительно. Это только вопрос времени. Другие — не столь великодушные — невесты выдвинули предположение, что Эвис Рэдли вовсе не такая красавица, какой ее принято считать, и без макияжа и подтягивающего нижнего белья выглядит весьма посредственно. А после сравнения Эвис с ослепительной Айрин Картер, совершенно неотразимой в

персиковом с голубым платье, с этим трудно было не согласиться.

Доктор Даксбери замолчал, получив свою порцию жидких аплодисментов. Невозможно до бесконечности аплодировать одной и той же песне, но доктор, находившийся под хорошим градусом, явно забыл об аудитории.

Наконец он все же заметил безуспешно пытавшегося привлечь его внимание помощника командира корабля и после нескольких неудачных попыток театральным жестом указал на капитана Хайфилда, а потом поднял руки вверх, словно сетуя на то, что его не поставили в известность.

— Дамы! — Капитан Хайфилд поспешно поднялся с места, словно опасаясь, что Даксбери может снова запеть. Он подождал, пока в ангаре не установится тишина. — Дамы… Как вы, наверное, знаете, сегодня наш последний праздничный вечер на борту «Виктории». Завтра ночью мы уже пришвартуемся в Плимуте, и днем вам придется начать укладывать вещи, а офицеры из женской вспомогательной службы проследят за тем, чтобы вас встретили и вам было куда ехать дальше. Завтра утром я соберу вас на полетной палубе для подробного инструктажа, а сейчас просто хочу сказать пару напутственных слов.

Женщины, которых нервозное ожидание привело в состояние крайнего возбуждения, во все глаза смотрели на командира корабля, время от времени перешептываясь и пихаясь локтями. Окружившие их мужчины выстроились вдоль стен, заложив руки за спину. Матросы, офицеры, морпехи, механики и инженеры, по случаю торжественного события все как один в парадной форме. Причем, как отметил для себя Хайфилд, многие здесь надевали ее в последний раз.

— Не буду… не буду утверждать, что это был самый легкий груз, который мне когда-либо приходилось перевозить, — продолжил Хайфилд. — Не буду делать вид, что с самого начала одобрял эту затею, хотя, насколько мне известно, многим мужчинам она пришлась по вкусу. Но как старый морской волк, могу со всей уверенностью заявить, что приобрел… бесценный опыт. Не хочу утомлять вас длинными речами по поводу трудности выбранного вами пути. Не сомневаюсь, вам об этом уже и так все уши прожужжали. — Он кивнул в сторону офицера по бытовому обслуживанию, вызвав тем самым вежливые смешки. — Но я могу утверждать, что для вас — впрочем, как и для нас, — следующие двенадцать месяцев окажутся самыми трудными, однако, будем надеяться, и самыми полезными в вашей жизни. Итак, я хотел сказать вам, что вы не одиноки. — Он оглядел серьезные, внимательные лица. При резком свете ламп на ангарной палубе ярко блестели золоченые пуговицы его кителя. —

Тем из нас, кто был кадровым офицером, придется начать новую жизнь. Тем из нас, кого так сильно изменила война, придется приспособиться к новому окружению. Тем, на долю которых выпали жестокие страдания, придется научиться прощать. Мы возвращаемся в страну, которая, возможно, покажется нам чужой. И мы, быть может, так же, как и вы, дамы, почувствуем себя там чужими. Перед вами, девушки, конечно, стоит нелегкая задача. Но должен вам признаться, что для нас было большой честью и удовольствием сопровождать вас во время путешествия. И мы можем с гордостью заявить, что теперь вы одни из нас. И я очень надеюсь, что когда по прошествии многих лет вы, счастливые и довольные, оглянетесь назад, то с гордостью поймете: это путешествие было не просто путем к новой жизни, а ее началом.

И только очень немногие обратили внимание на то, что во время своей речи командир корабля подчас обращался к одной-единственной женщине, а когда он говорил: «Вы не одиноки», его взгляд задержался на ней чуть дольше, чем на других. Но это к делу не относилось. Девушки на минуту притихли, а затем начали хлопать в ладоши, отдельные одобрительные выкрики переросли в бурные аплодисменты.

Растроганно кивнув расплывшемуся перед ним морю лиц, Хайфилд сел на место. Но он не мог позволить себе рассыпаться в улыбках, причем даже не из-за стоявших внизу женщин, а в основном из-за мужчин.

— Ну, что скажете? — раздуваясь от гордости, спросил он сидевшую рядом женщину.

— Весьма мило, капитан.

— Вообще-то, я не мастер говорить длинные речи, — признался он. — Но в данном случае мне показалось это уместным.

— Тут, пожалуй, не приходится спорить. Вы нашли… очень правильные слова.

— Ну как, надеюсь, девицы перестали на вас таращиться? — Он говорил, не глядя на нее, чтобы сидевшие за другими столами думали, что он просто благодарит стюарда, принесшего ему тарелку с едой.

— Нет, не перестали, — ответила Фрэнсис, накалывая на вилку кусочек рыбы. — Но все в порядке, капитан. — Ей не было нужды добавлять: «Ничего, я привыкла».

Хайфилд бросил взгляд в сторону сидевшего через два человека от него Добсона, которому все это явно не слишком нравилось. У Хайфилда, почти сорок лет вглядывавшегося в морскую даль, зрение было уже не то, что раньше, но он увидел на лице старпома явное неодобрение. Более того, Хайфилд прочел по губам старпома, что именно тот в данный момент

говорил.

— Выставляет корабль на посмешище, вот так, — сердито бормотал Добсон, прикрывая рот салфеткой из камчатого полотна. — Решил сделать из нас клоунов.

Сидевший рядом с Добсоном лейтенант поймал взгляд Хайфилда и покраснел.

Хайфилд почувствовал, как корабль подбросило на очередной волне.

— Ну что, рюмочку ликера, сестра Маккензи? Вы точно не хотите чего-нибудь покрепче? — Он переждал очередную волну и приветственно поднял бокал.

Это займет не больше двадцати минут. Двигатель работает гораздо лучше, по крайней мере по сравнению с его обычным состоянием. А на кону целых два фунта. И будь он проклят, если останется сидеть один в машинном отделении, когда весь экипаж, начиная с котельного отделения и кончая радиолокационным постом, сейчас смотрит, как вышагивают на сцене девушки в купальниках.

И вообще, как только они прибудут в Англию, он сразу демобилизуется из военно-морского флота. И что они могут ему сделать, даже если и обнаружат, что он отлучился во время вахты? Заставят вплавь добираться до дома?

Дейви Пламмер проверил датчики температуры, которые следовало проверить, прошелся тряпочкой по самым проблемным трубопроводам, бросил на пол окурок сигареты, воровато оглянулся и, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся по трапу к выходу.

Голосование завершилось, и Эвис Рэдли проиграла. Члены жюри, в которое входили доктор Даксбери, два офицера из женской вспомогательной службы и капеллан, единодушно признали, что собирались отдать приз миссис Рэдли (доктор Даксбери остался под большим впечатлением от ее исполнения «Shenandoah»), но с учетом ее невыразительного выступления в финале конкурса, подчеркнутого нежелания улыбаться, а также откровенно озадачивающего ответа на вопрос «Что вы сделаете в первую очередь, когда наконец окажетесь в Англии?» (Айрин Картер: «Познакомлюсь со своей свекровью»; Айви Таттл: «Начну собирать деньги для детей, осиротевших во время войны»; Эвис Рэдли: «Не знаю») и загадочного исчезновения сразу после этого у них просто-напросто не было выбора при определении победительницы.

Айрин носилась со своей сшитой вручную лентой через плечо, как с

новорожденным младенцем. Это было, сказала она, самое замечательное путешествие в ее жизни. И если честно, ей кажется, будто она приобрела по меньшей мере шестьсот новых друзей. И очень надеется, что в Англии они найдут свое счастье, которое заслужили по праву. У нее нет слов, чтобы выразить свою благодарность команде за их доброту и профессионализм. И конечно, все без исключения согласятся с ней, что слова командира корабля были на редкость воодушевляющими. Но когда она принялась поименно благодарить своих бывших сиднейских соседей, капитан Хайфилд прервал ее, объявив, что если мужчины отодвинут столы к стене, то оркестр Королевской морской пехоты исполнит несколько мелодий, под которые можно будет немного потанцевать.

— Танцы! — радостно причмокнул доктор Даксбери, и женщины бросились от него врассыпную.

Дейви Пламмер, стоявший возле эстрады, с отвращением посмотрел на бумажку с написанной от руки ставкой, что Фостер выдал ему не далее как два дня назад, скрутил ее и засунул в карман комбинезона. Чертовы женщины! А эта, несмотря на все финтифлюшки, даже с бумажным мешком на голове и то, наверное, выглядела бы лучше. Он уже собрался было вернуться в машинное отделение, но неожиданно заметил двух невест, стоявших в углу. Прикрыв рот ладошкой, они о чем-то шушукались.

— Что, никогда раньше не видели рабочего человека? — спросил он, поправив комбинезон.

— Нет, мы просто спорили, будете ли вы танцевать? — ответила маленькая блондиночка. — И как вы тогда сможете не испачкать нас машинным маслом?

— Дамы, вы даже не представляете, на что способны руки кочегара! — Дейви Пламмер сделал шаг вперед, мгновенно забыв о проигрыше.

Ведь он был, в конце концов, по натуре оптимистом.

Церемония награждения должна была начаться без четверти десять. Поэтому у Фрэнсис оставалось почти пятнадцать минут на то, чтобы взять из каюты фотографии Австралийского главного военного госпиталя, на которые хотел взглянуть капитан. Альбом с фотографиями лежал в находившемся под замком чемодане, но она спрятала в своей книге любимые снимки — первой госпитальной палатки, танцев в Порт-Морсби и Альфреда. Она легко побежала по коридору, что вел к их каютам, время от времени держась за переборки, чтобы не упасть.

И неожиданно остановилась как вкопанная.

Он стоял возле их каюты и доставал сигарету из мятой пачки. Сунул сигарету в рот и искоса посмотрел на нее. И она поняла, что он отнюдь не удивлен ее появлением.

Она не видела его с тех пор, как он столкнулся на орудийной башне с Тимсом. Ей с трудом удалось подавить в себе подозрение, что он ее избегает, она даже несколько раз порывалась спросить молоденького морпеха, почему теперь только он стоит ночью на часах у их каюты.

Она столько раз рисовала его в своем воображении, столько раз вела с ним мысленные диалоги, что, когда он предстал перед ней наяву, ее с головой захлестнули эмоции. Ноги сами понесли Фрэнсис ему навстречу, но внезапно вернувшаяся к ней застенчивость словно дернула ее за юбку, чтобы остановить.

Она замялась возле двери, не зная, стоит ли входить внутрь. На нем была парадная форма, и на нее сразу нахлынуло воспоминание о той ночи, когда они танцевали и она прижималась к его широкой груди.

— Хотите? — протянул он пачку.

Она взяла сигарету. Он дал ей прикурить, специально держа спичку так, чтобы ей не нужно было к нему наклоняться. А она вдруг поймала себя на том, что не может отвести глаз от его рук.

— Я видел вас за капитанским столом, — как бы между прочим заметил он.

— А вот я вас — нет. — Хотя она высматривала его. Несколько раз.

— Я и не должен был там находиться.

Голос его звучал очень странно. Она сделала затяжку, чувствуя себя страшно неловко.

— Обычно он не приглашает за свой стол женщин.

От этих слов она похолодела.

— Вот чего не знаю, того не знаю, — небрежно ответила она.

— За это плавание он еще ни разу такого себе не позволял.

— Вы мне что-то хотите сказать? — спросила она и, увидев его пустой взгляд, поняла, что чувство неловкости разом исчезло. — Ну конечно же, вас интересует, почему из всех женщин именно меня усадили за капитанский столик, да?

Он упрямо выпятил подбородок. На секунду она вдруг увидела, каким он был в детстве.

— Я просто… полюбопытствовал. Я приходил к вам давеча днем. И вдруг увидел вас… у каюты капитана…

— А! Теперь понимаю. Вы вовсе не интересуетесь. Вы просто намекаете.

— Я не хотел…

— Итак, вы явились сюда, чтобы учинить мне допрос о стандартах моего поведения, да?

— Нет, я…

— Ой, и что же вы сделаете, морпех? Доложите капитану? Типа шлюха она и есть шлюха. Что с нее взять?

При этом слове оба замолкли. Она нервно прикусила губу. А он стоял рядом, расправив плечи, словно нес караул.

— Зачем вы так со мной говорите? — тихо спросил он.

— Потому что я устала, морпех. Устала оттого, что каждое мое движение осуждается невежественными людьми, которые считают меня ущербной.

— Я вам не судья.

— Черта с два не судья! — внезапно рассвирепела она. — Я больше не собираюсь объяснять, что к чему, если они не считают необходимым видеть…

— Фрэнсис…

— Вы не лучше всех остальных. А мне почему-то казалось, что вы другой. Мне казалось, вы понимаете, что я собой представляю. Бог его знает почему! Бог его знает, почему я именно вам решила доверить свои чувства, которые вы не способны…

— Фрэнсис!

— Что?

— Я сожалею о том, что сказал. Я просто увидел вас… и… Мне очень жаль. Правда. Просто столько всего сразу навалилось… — Он замолчал. — Послушайте, я хочу, чтобы вы кое-что знали. Именно поэтому я и пришел. На войне я делал такие вещи… за которые мне сейчас стыдно. И я не всегда вел себя так, что люди — люди, не знающие обстоятельств дела, — меня одобрили бы. Но это относится и ко всем из нас, даже, быть может, и к вашему мужу. — (Она молча смотрела на него.) — Это все, что я хотел вам сказать, — закончил он.

У нее разболелась голова. Она оперлась о стенку, ей казалось, что пол ходит ходуном.

— Мне кажется, вам лучше уйти. — Она не могла заставить себя посмотреть на него, хотя и чувствовала на себе его взгляд. — Спокойной ночи, морпех.

Она подождала, пока его шаги не затихнут в конце коридора. Качка никак не отразилась на их ритмичности, и она прислушивалась к их мерному звучанию, пока наконец хлопнувшая крышка люка не сказала ей,

что он ушел.

Тогда она зажмурила глаза, крепко-крепко.

В центральном машинном отделении, под ангарной палубой, треснула форсунка номер два топливного насоса высокого давления, обеспечивающего подачу топлива в паровой котел, — возможно, вследствие износа, слишком сильной нагрузки или злого умысла корабля, мстившего за то, что его собираются отправить в утиль. Крошечная щелочка, длиной, наверное, не больше двух сантиметров, но этого оказалось достаточно, чтобы из нее сначала вытекло сжиженное топливо — пузырящееся, темное, как слюна в уголках рта пьянчуги, — которое тут же распылилось.

На глаз невозможно найти слабые места в двигателе корабля — места, где небольшие участки металла с трещинами или чрезмерным напряжением в точке соединения нагреваются до запредельных температур. И если их невозможно определить с помощью многочисленных измерительных приборов машинного отделения или даже просто прощупать через тряпку, то иногда удается обнаружить чисто случайно — по следам вытекшего топлива.

Оставшийся без присмотра центральный двигатель «Виктории», который за это время успел накалиться докрасна, продолжал реветь. В воздухе висели микроскопические, невидимые глазом частички топлива. А затем выпускной канал в нескольких дюймах от треснувшей форсунки ярко вспыхнул — словно злобный дьявольский глаз, — воспламенился и бабахнул.

Дурак. Чертов дурак. Найкол замедлил шаг возле склада со штормовками. Последняя ночь — а потом она навсегда покинет корабль, последняя ночь, когда он мог сказать ей, как много она для него значит, а вместо этого повел себя как надутый осел. Ревнивый подросток. И своим поступком он показал, что ничуть не лучше всех этих фарисействующих дураков на этой старой дырявой посудине. Ведь он мог сказать ей тысячу приятных вещей, улыбнуться, проявить хоть каплю понимания. Тогда она бы знала. Хотя бы знала. «Вы не лучше всех остальных», — сказала она. И, что самое неприятное, он об этом давно догадывался.

— Пропади оно все пропадом! — выругался он, саданув кулаком в переборку.

— Тебя что-то беспокоит, морпех? — Тимс загородил ему проход, на кочегаре был комбинезон сплошь в пятнах от горюче-смазочных

материалов, но в выражении его лица крылось нечто еще более взрывоопасное. — В чем дело? — вкрадчиво спросил Тимс. — Стало некого наказывать?

Найкол бросил взгляд на окровавленные костяшки пальцев.

— Занимайся своим делом, Тимс. — Он чувствовал, как в груди поднимается гнев.

— Занимайся своим делом?! Да кем ты себя возомнил? Командиром корабля?

Найкол оглядел пустой коридор за спиной у Тимса. На палубе G не было ни одной живой души. Все, кроме вахтенных, были на танцах на ангарной палубе. Интересно, давно ли Тимс здесь стоит?

— Тебя расстраивает твоя дама сердца, да? Неужто никак не может покончить со старым? А ты, бедолага, так на это надеялся! — (Найкол сделал глубокий вдох. Прикурил сигарету, зажав спичку между большим и указательным пальцем, сунул коробок в карман.) — Типа хочешь, но не можешь?

— Тимс, ты, наверное, считаешь себя большим человеком на этом корабле, но всего через пару дней ты, как и все остальные, станешь очередным безработным матросом. Нолем без палочки. — Он старался говорить спокойно, но чувствовалось, что его голос дрожит от едва сдерживаемой ярости.

Тимс скрестил на груди могучие руки и откинулся назад, покачиваясь на каблуках.

— Может, ты просто не ее тип? — Он поднял подбородок и осклабился, словно его внезапно осенило. — Ой, извиняюсь, совсем забыл. Ей ведь любой сойдет, были бы денежки…

Похоже, Тимс ждал первого удара, поскольку ловко уклонился. Второй удар он блокировал апперкотом, заставшим Найкола врасплох и вмазавшим его в стенку.

— Ну что, думаешь, твоя маленькая потаскушка по-прежнему будет считать тебя красавцем, морпех? — Его слова разили наповал, заглушая гул двигателей, звуки музыки с ангарной палубы, лязг найтовых цепей. У Найкола кровь стучала в висках. — А может, она понимает, что ей нужен другой мужик? На что ты ей сдался такой, весь из себя правильный, чистенький да аккуратненький?! — (Найкол чувствовал горячее дыхание кочегара, чувствовал исходящий от него запах машинного масла.) — Она сказала тебе, как ей нравится это дело, а? Сказала тебе, как ей нравится чувствовать мои руки на своих сиськах, как нравится…

С глухим рычанием Найкол накинулся на Тимса, и они оба рухнули на

пол. Найкол наносил удары вслепую, куда попало. Он увидел, что Тимс вывернулся, увидел занесенный над ним увесистый кулак. Но ему было плевать на опасность, он вошел в такой раж, что уже не мог остановиться. Он даже не чувствовал ударов, сыпавшихся на него градом. Глаза застилал кровавый туман, он вкладывал в работу своих кулаков все обиды и разочарования последних шести недель — нет, последних шести лет — и чертыхался сквозь стиснутые зубы. И нечто аналогичное — возможно, унижение в присутствии женщины, возможно, потраченные впустую двадцать лет службы — придало новый импульс его ярости. Они дрались не на жизнь, а на смерть и в горячке боя не услышали сигнала сирены, хотя громкоговоритель был совсем рядом.

— Пожарная тревога! Пожарная тревога! Пожар! Аварийно-спасательный отряд на выход! — прозвучали команды. — Построиться у отсека номер два. Морские пехотинцы — на шлюпочную палубу.

Участницам конкурса красоты помогли спуститься со сцены, их ослепительные улыбки тут же померкли. Айрин Картер цеплялась за свою ленту через плечо, как за спасательный круг. Маргарет бросила быстрый взгляд в сторону сцены, когда людской поток уже нес ее к двери. За спиной виднелись опустевшие столы, яблочная шарлотка и фруктовый салат так и остались лежать на тарелках, рядом стояли почти полные бокалы. Женщины нервно переговаривались между собой, их голоса звучали взволнованным крещендо, становясь все выше с каждым новым приказом. Маргарет, держась за живот, стала пробираться к выходу на правый борт. У нее было такое чувство, словно она боролась с невероятно сильным течением.

Откуда-то сверху раздался голос: «Дамы, побыстрее, пожалуйста! Те, чьи фамилии начинаются на буквы от „Н“ до „Я“, собираются в месте сбора В, все остальные — в месте сбора А. Двигайтесь туда».

Маргарет уже почти выбралась из толпы, когда ее поймала за руку женщина-офицер:

— Мэм, вам в другую сторону, пожалуйста. — Ткнув пальцем куда-то вперед, она раскинула руки, закрыв своим телом выход на правый борт.

— Мне надо на секундочку вниз, — сказала Маргарет, едва слышно чертыхнувшись, когда кто-то заехал локтем ей в бок.

— Вниз спускаться запрещено. Только к местам сбора.

Маргарет увидела катящуюся к выходу лавину людей, почувствовала смешение запахов духов и лака для волос.

— Послушайте, это очень важно. Мне надо кое-что оттуда забрать.

Женщина посмотрела на нее как на полоумную.

— На корабле пожар, — сказала она. — Вниз спускаться категорически запрещено. Приказ капитана.

— Вы не понимаете! Мне срочно надо туда! Я должна убедиться… Я должна позаботиться о… своей… своей… — в отчаянии закричала Маргарет.

Возможно, женщина из вспомогательной службы боялась показать, что и сама до смерти напугана. Поэтому она не стала сдерживаться. Она свистнула, чтобы направить кого-то правее, а затем, убрав свисток, злобно прошипела:

— Вы что, думаете, вы одна такая?! Каждой из нас есть что взять с собой. А вы представляете, какой здесь будет бедлам, если каждая из вас станет рыскать в поисках любимого альбома с фотографиями или украшений?! Это пожар. И, насколько нам известно, он вполне мог начаться именно в женских каютах. А теперь, пожалуйста, извольте пройти вперед, или мне придется попросить кого-нибудь помочь вам.

Двое морпехов уже задраивали дверь. Маргарет безнадежно огляделась по сторонам, пытаясь найти другой выход, а потом, чувствуя невыносимую тяжесть в груди, вместе со всеми направилась вперед.

— Эвис! — Фрэнсис стояла на пороге притихшей каюты, глядя на неподвижное тело, лежащее на койке перед ней. — Эвис! Ты меня слышишь?

Ответа не последовало. У Фрэнсис промелькнула мысль, что Эвис, как и большинство невест, просто отказывается с ней разговаривать. При прочих обстоятельствах Фрэнсис и не стала бы настаивать. Но ее насторожили похожее на маску бледное лицо и застывший взгляд Эвис. И Фрэнсис предприняла еще одну попытку.

— Уходи. Оставь меня в покое, — услышала она.

Грубые слова Эвис как-то не вязались с тусклым голосом, которым они были произнесены.

И тут завыла сирена. За дверью, возле трапа прозвучал сигнал пожарной тревоги — пронзительный и очень настойчивый, — а затем послышались торопливые шаги по коридору.

— Команда спасателей, пожар в центральном машинном отделении. Очаг возгорания — центральный двигатель. Всем пассажирам собраться в местах сбора.

Фрэнсис, тут же забыв обо всем, оглянулась на Эвис.

— Эвис, тревога! Нам надо идти. — Поначалу она решила, что Эвис не

поняла, что означает звук сирены. — Эвис, — раздраженно повторила она, — на борту пожар. Нам надо идти.

— Нет.

— Что?!

— Я остаюсь.

— Ты не можешь здесь остаться. Не думаю, что на сей раз тревога учебная. — Сигнал тревоги мгновенно вызвал у Фрэнсис прилив адреналина. Она поймала себя на том, что ждет последующего за ним взрыва. Война закончилась, строго сказала она себе и попыталась дышать глубже. Война закончилась. Но тогда как объяснить панические крики снаружи? Что это? Случайная мина? Но не было никакого взрыва, никакой ударной волны, свидетельствовавшей о прямом попадании. — Эвис, нам надо идти.

— Нет.

Фрэнсис стояла посреди каюты, силясь понять логику поведения Эвис. Правда, Эвис ведь никогда не была на фронте. Не содрогалась от страха при вое сирены. И все же она должна понять.

— Господи боже мой, ну а с Маргарет ты пойдешь? — Возможно, Эвис упрямится потому, что именно она, Фрэнсис, уговаривает ее уйти.

Эвис приподняла голову. Похоже, она пропустила уговоры Фрэнсис мимо ушей.

— У тебя-то все хорошо, — произнесла она с надрывом. — Несмотря ни на что, у тебя есть муж. Сойдешь с корабля — и пожалуйста, ты свободна, ты уважаемая женщина. А у меня впереди только позор и унижение.

Помимо сигнала тревоги, по громкой связи непрерывно передавали: «Пожар! Пожар!»

Фрэнсис уже ничего не соображала.

— Эвис, я…

— Посмотри! — Эвис протягивала ей письмо. Она как будто не слышала взволнованных голосов и суматохи за дверью. — Нет, ты посмотри!

От страха буквы расплывались у Фрэнсис перед глазами. Она облизала сухие губы и попыталась привести в порядок мечущиеся мысли. Каждая клеточка ее тела буквально вопила о том, что надо спасаться и поскорее бежать к двери. Чувствуя на себе пристальный взгляд Эвис, Фрэнсис еще раз рассеянно пробежала глазами письмо, увидела слово «извини» и догадалась, что, возможно, перед ней разворачивается личная драма.

— Позже прочту, — сказала Фрэнсис, махнув в сторону двери. — Ну

давай же, Эвис. Побежали на место сбора. Подумай о ребенке.

— Ребенке? Его ребенке? — Эвис уставилась на Фрэнис, словно на полоумную, и снова рухнула на койку. — А ты иди, — сказала она и уткнулась лицом в подушку, оставив Фрэнсис в оцепенении стоять на пороге.

Найколу потребовалось несколько секунд, чтобы понять: его держат чужие руки, и уж точно не Тимса. Он вслепую молотил кулаками, тупо мотая головой при каждом ударе, но до него вдруг дошло, что протестующий голос принадлежит не Тимсу, а совсем другому человеку. Он откатился назад, попытался сфокусировать взгляд налитых кровью глаз и наконец понял, что Тимс где-то далеко от него, а над ним склонились два моряка.

Эмметт тянул его за рукав куртки, другой рукой потирая висок.

— Найкол, что — так тебя растак — ты творишь? Тебе срочно надо наверх. На место сбора. Надо усадить девиц в шлюпки. Господи Иисусе, приятель! Ты только посмотри, на кого ты похож!

И только сейчас Найкол услышал сигнал тревоги, страшно удивившись, как он мог не слышать его раньше. Возможно, все заглушал звон в ушах.

— Тимс, это центральный двигатель, — орал молодой кочегар. — Вот дерьмо, мы в полной заднице.

Тимс сразу забыл о драке.

— Что случилось?

Тимс вскочил на ноги и наклонился к Пламмеру. На щеке у Тимса красовалась здоровенная ссадина. И Найкол, который тоже попытался встать, задался вопросом: неужели это его рук дело?

— Я не знаю, — ответил Пламмер.

— Что ты наделал?! — Тимс схватил окровавленной рукой юношу за плечо.

— Я… Я не знаю. Отлучился всего на пять минут, чтобы посмотреть на девчонок. А когда вернулся назад, весь чертов проход был уже в дыму.

— Ты его закрыл? Ты задраил люк?!

— Не знаю. Слишком много дыма. Я даже не смог пробраться мимо бомбового погреба.

— Вот дерьмо! — Тимс посмотрел на Найкола. — Все, я иду вниз.

— А в центральном машинном отделении кто-нибудь еще есть?

Тимс, моргая, покачал головой:

— Нет. Механик вырубился. Только этот треклятый глупый мальчишка. — (Они внезапно унюхали резкий запах дыма, и в коридоре

повисло тяжелое молчание.) — Это все капитан. Хайфилд проклятый, — сказал Тимс. — Он приносит несчастье. Вот и сейчас он нас сглазил.

Глава 21

А — это АРМИЯ наша родная,
Б — БУДУЩИХ жен красота неземная,
В — ВЕРА, Надежда, Любовь,
Г — ГОРДОСТЬ за нашу британскую кровь,
Д — ДОБЛЕСТЬ, отвага и честь,
Е — ЕДИНСТВО, что нам надо сберечь…
Ида Фолкнер, военная невеста Джоанна Ламли.
Солдатские возлюбленные.
Военные романы начиная с Первой мировой войны и кончая войной в Персидском заливе

Кочегар, приписанный к пожарному расчету, появился из стены черного дыма. Он шел неверной походкой слепого, в одной руке он по-прежнему держал пожарный рукав, вторую вытянул перед собой, ожидая, когда кто-нибудь вытащит его из этого пекла. Защитная каска потемнела от копоти, все руки — в ожогах. Похоже, он побывал в самом настоящем аду.

Отхаркавшись и вытерев копоть с глаз, Грин выпрямился и посмотрел на капитана:

— Частично справились, сэр. Мы задраили все люки, что могли, но огонь перекинулся в правое машинное отделение. Система создания водяной завесы вышла из строя. — Он сплюнул на пол черной слюной и снова поднял глаза, казавшиеся белыми на покрытом сажей лице. — Не думаю, что огонь достиг главного мазутохранилища, поскольку в таком случае пост управления машинным отделением взлетел бы, к чертовой матери, на воздух.

— А как у нас с фоамитом?[37] — спросил капитан Хайфилд.

— Слишком поздно для него, сэр. Горит уже не только топливо.

Сгрудившиеся вокруг командира корабля морские пехотинцы, кочегары и морские пожарные в ожидании приказа войти внутрь держали наготове брандспойты и другие средства пожаротушения.

Когда капитан Хайфилд был командиром «Индомитебла», он без всяких схем знал расположение каждого отсека, каждого погреба и склада своего плавучего города. И вот сейчас он пытался мысленно воспроизвести — по аналогии с «Индомитеблом», близнецом «Виктории», — пути распространения огня.

— Нам известно направление распространения пожара? — спросил

командир корабля.

— Остается только надеяться на то, что огонь движется в сторону правого борта. Так мы, конечно, можем потерять правый двигатель, сэр, но здесь огонь натолкнется на воздушную подушку. А сверху у нас находится цистерна с машинным маслом и турбогенератор.

— Итак, самое худшее, что может с нами случиться, — это потеря хода.

Над ухом продолжала надрывно завывать сирена. Капитан услышал женские голоса на сборном пункте.

— Сэр?

— Что?

— Но я не могу гарантировать, что огонь распространяется именно в этом направлении.

Поскольку пожар был обнаружен на достаточно ранней стадии, огонь в машинном отделении вполне можно было бы потушить с помощью средств пожаротушения, в худшем случае — с помощью брандспойтов. Более того, обычно даже сильный пожар удается остановить путем полива по периметру очага возгорания, а именно внешних переборок, чтобы понизить температуру в самом помещении. Но область распространения этого пожара — бог его знает почему — оказалась слишком велика. «А куда все смотрели?!» — хотелось закричать капитану. И где были средства пожаротушения? Треклятые дренчеры для создания водяной завесы? Но, снявши голову, по волосам не плачут.

— Значит, вы полагаете, что огонь может идти в сторону центрального поста? — (Пожарный кивнул.) — Но если взорвется центральный пост машинного отделения, огонь перекинется на бомбовый погреб.

— Сэр.

Тот самолет. То лицо. Хайфилд с трудом отогнал от себя тени прошлого.

— Срочно снимайте женщин с корабля, — приказал он Добсону.

— Что?

— Спускайте на воду спасательные шлюпки.

— Сэр, я…

— Я не собираюсь рисковать. Шлюпки на воду. Подчиняйтесь приказу, черт бы вас побрал! Грин, вы берете противопожарное оборудование и людей. Добсон, мне необходимо как минимум десять человек. Попытаемся освободить бомбовые погреба. Утопить бомбы, ко всем чертям. Теннант, я хочу, чтобы вы взяли с собой парочку человек и проверили, свободен ли проход под помповым отсеком. Откройте люки на складе горюче-смазочных материалов и затопите его. Затопите столько, сколько сможете,

отсеков вокруг обоих машинных отделений.

— Но они же расположены выше ватерлинии, сэр?

— Посмотрите на море, приятель! Попробуем для разнообразия заставить эти треклятые волны поработать на нас.

На шлюпочной палубе Найкол пытался уговорить вцепившуюся в спасательный круг девушку сесть в шлюпку.

— Я не могу, — пронзительно визжала она, показывая на ярящиеся черные воды внизу. — Взгляните туда! Только взгляните туда!

Вокруг морские пехотинцы под вой сирены и приказы, раздающиеся по громкой связи, отчаянно пытались навести спокойствие и порядок. Время от времени какая-нибудь женщина кричала, что она чувствует запах дыма, и по толпе прокатывалась волна страха. Но, несмотря на это, рыдающая девушка была не единственной, кто отказывался сесть в шлюпки, которые на фоне внушительного корабля, словно поплавки, подпрыгивали на пенных волнах.

— Вы должны сесть в лодку! — громко произнес Найкол тоном, не терпящим возражений.

— Но там мои вещи! Что с ними будет?!

— С ними все будет в порядке. Огонь скоро потушат, и вы сможете вернуться на корабль. А теперь вперед! Вы задерживаете очередь.

Горестно всхлипнув, девушка позволила усадить себя в шлюпку, и очередь продвинулась еще на несколько дюймов. За спиной Найкола стояла толпа из нескольких сот женщин в вечерних платьях, которых вывели с ангарной палубы. Колючий ветер пронизывал до костей, покрывая кожу мурашками, и девушки зябко ежились, обняв себя руками. Одни плакали, другие же, наоборот, пытались беззаботно улыбаться, будто хотели убедить себя, что это всего-навсего веселое приключение. Каждая третья упрямо отказывалась спускаться в шлюпку, и ее приходилось уговаривать или усаживать насильно. Однако Найкол их не осуждал, ему самому отчаянно не хотелось лезть в шлюпку.

В свете прожекторов он видел моряков, которых помнил еще по «Индомитеблу». Стараясь ничем не выдать своих чувств, они исподтишка смотрели друг на друга и сразу переключались на женщин, которых предстояло доверить относительно безопасным шлюпкам внизу.

Следующая протянутая ему женская рука принадлежала Маргарет. Он сразу узнал ее бледное лунообразное лицо.

— Я не могу оставить Моди, — сказала она.

Он даже не сразу понял, о чем она говорит.

— Там внизу Фрэнсис, — ответил он. — Она ее принесет. Ну давайте же, мы не можем ждать.

— Но откуда вы знаете?

— Маргарет, вам надо сесть в шлюпку. — Он видел встревоженные лица тех, кого она задерживала. — А теперь вперед! Не заставляйте остальных ждать.

Ее хватка оказалась неожиданно крепкой.

— Вы должны сказать ей, чтобы она взяла Моди!

Найкол оглянулся назад, пытаясь хоть что-то разобрать в дыму и хаосе происходящего. Он тоже боялся, но, естественно, не за собаку.

— Найкол, садись вон в ту, — указал на одну из шлюпок появившийся рядом капитан морской пехоты. — Проследи за тем, чтобы все надели спасательные жилеты.

— Сэр, я бы лучше обождал на палубе, если это…

— Я приказываю тебе сесть в шлюпку.

— Сэр, если это не имеет значения, я…

— Найкол, живо в шлюпку! Это приказ. — Капитан кивнул в сторону маленького суденышка — тем временем шлюпка с Маргарет уже была спущена на воду — и снова повернулся к Найколу: — И что, твою мать, у тебя с лицом?!

И вот уже через несколько минут лодка с Найколом с тихим всплеском шлепнулась на воду, и женщины пронзительно завизжали от испуга. Пытаясь разобраться со стропами и одновременно заставить девушек надеть спасательные жилеты, Найкол оглядел спущенные на воду шлюпки и наконец обнаружил Эмметта. Молодой морпех, отчаянно жестикулируя, показывал на свое весло, оказавшееся в единственном числе.

— Чертовы канаты куда-то делись! — орал он. — И не хватает половины весел. Этот чертов корабль — просто плавучая свалка металлолома.

— Они как раз собирались их заменить. Денхолм уже заказал весла после последних учений, — услышал Найкол чей-то голос.

Поискав, Найкол нашел оба весла — на сей раз ему повезло. Теперь девушки в безопасности. Как бы там ни было, они могли дрейфовать всю ночь. А кругом волновалось и пенилось темно-синее море, волны были не настолько высокими, чтобы стало по-настоящему страшно, но достаточно чувствительными, и девушки испуганно хватались за борта. Сквозь свист в ушах Найкол слышал панический рев сирены и отрывистые приказы по громкой связи. Посмотрев на терпящий бедствие корабль, он увидел слабое, но совершенно отчетливое облако дыма, вырвавшееся откуда-то

чуть ниже женских кают.

Выбирайся оттуда, мысленно приказал он ей. Покажись, ради всего святого.

— Не могу подобраться к тебе еще ближе! — крикнул Эмметт. — Как сделать так, чтобы наши лодки плыли рядом?

— Выбирайся оттуда. Срочно выбирайся, — произнес Найкол уже вслух.

— Вот, — сказала женщина за его спиной. — Я придумала. А ну-ка, девочки…

— Я остаюсь.

Фрэнсис крепко держала Эвис, теперь ей уже было наплевать на то, что та о ней подумает или что скажет по поводу непосредственного физического контакта. Она слышала, как на воду спускают шлюпки, слышала крики тех, кто покидал корабль, и ее душу переполнял слепой страх, что они не выберутся.

Однако она постаралась не показывать Эвис своих чувств, поскольку та, как подозревала Фрэнсис, была не в том состоянии, чтобы мыслить здраво. Фрэнсис ненавидела эту тупую пустышку, которая была даже неспособна осознать, что их жизнь под угрозой.

— Я понимаю, как тебе тяжело, но нам надо идти. — Последние десять минут Фрэнис старалась говорить слегка нараспев. Нежно, ласково и в то же время невозмутимо — именно так она разговаривала с тяжелоранеными.

— Мне не для чего жить, — скрипучим, как наждачная бумага, голосом произнесла Эвис. — Ты меня слышишь? Все кончено. Со мной все кончено.

— Уверена, все еще можно исправить…

— Исправить?! И что же мне делать? Сама с собой развестись?! Отправиться на шлюпке обратно в Австралию?!

— Эвис, сейчас не время… — Фрэнсис уже чувствовала запах дыма. У нее даже волосы на голове зашевелились.

— Ой, да где уж тебе меня понять?! С твоими моральными устоями гулящей девки!

— Нам надо выбираться отсюда.

— Мне плевать. Моя жизнь разбита. С таким же успехом я могу остаться здесь… — начала она и замолчала, потому что на палубе что-то громко треснуло. Стены каюты задрожали, и Эвис наконец вышла из транса.

Какой-то мужчина просунул голову в дверь.

— Вам нельзя здесь находиться, — сказал он. — Оставьте ваши вещи и идите отсюда. — Он, похоже, собрался войти, но его отвлек крик в конце коридора. — Живо! — приказал он и исчез.

Фрэнсис стояла, уставившись на дверь, и увидела, как собачка, перебирая черненькими лапками, выбралась вслед за мужчиной и исчезла за дверью. Девушка собралась было побежать за ней, но один взгляд на бледное лицо Эвис заставил ее перераспределить приоритеты.

Послышался еще один угрожающий треск, а за ним мужской крик из ангарной палубы:

— Задраить люки! Задраить люки!

— Ох, господи боже ты мой! — Фрэнсис мертвой хваткой вцепилась в Эвис, схватила ее за руку и за подол платья и вытащила из каюты, радуясь, что Эвис хотя бы способна двигаться. В коридоре стояла самая настоящая дымовая завеса. Зажав нос рукой, Фрэнсис пригнулась пониже. — Орудийная башня! — заорала она, и они неверным шагом стали на ощупь пробираться вперед.

Они с трудом открыли дверь и, задыхаясь, содрогаясь в рвотных позывах, буквально выпали из нее. Фрэнсис подошла к краю и перегнулась через заграждение, она настолько упивалась свежим воздухом, что, наверное, только через минуту смогла разглядеть, что творится внизу. Она увидела паутину из странных коричневых — в узлах — лент, связывающих между собой множество лодок. Она подняла глаза на пустые шлюпбалки и поняла, что все шлюпки спущены на воду. Она знала, что на палубе еще остались матросы — сюда доносились их голоса. Но не видела способа добраться до них.

Кто-то заметил их и, выразительно жестикулируя, крикнул, чтобы они уходили.

— Уходите отсюда! Уходите сейчас же!

Фрэнсис посмотрела на воду, потом — на девушку в бальном платье рядом с ней. Фрэнсис была хорошей пловчихой и вполне могла нырнуть вниз, чтобы выплыть возле лодок. Она ничего не должна была Эвис. Даже меньше чем ничего.

— Нам не выбраться на полетную палубу. В коридорах полно дыму, — сказала она. — Придется прыгать.

— Не могу, — ответила Эвис.

— Здесь не так уж и высоко. Послушай, я буду тебя держать.

— Я не умею плавать.

Фрэнсис снова услышала угрожающий треск, сразу придавший

обстановке вокруг нечто инфернальное, с чем ей вовсе не хотелось сталкиваться лицом к лицу. Она схватила отчаянно сопротивляющуюся Эвис и потащила к краю.

— Отцепись! — визжала Эвис. — Не смей меня трогать!

Она царапалась, как дикая кошка, раздирала ногтями плечи и руки Фрэнсис. В щелку под дверью уже начал просачиваться дым. Снизу раздавались голоса взывавших к ним женщин. Фрэнсис почувствовала едкий запах, и от страха у нее опустилось сердце. Схватив Эвис за платье, она потащила ее на орудийную башню. Резиновые подошвы туфель скользили по металлу, и внезапно голову пронзила страшная мысль: а что, если меня никто не спасет? Затем она услышала громкий вопль — и они, словно скованные одной цепью, полетели вниз, беспомощно молотя руками и ногами, навстречу черной воде.

Капитан Хайфилд с помощью гаечного ключа попытался вынуть бомбу из скобы на стене.

— Отойдите! — приказал он морякам, которые втроем выносили предпоследнюю бомбу. — Возьмите пожарный рукав! И хорошенько пролейте отсек водой. — Он стащил изолирующую маску, чтобы его лучше слышали, и теперь голос его звучал хрипло, поскольку ему не сразу удалось восстановить дыхание.

— Капитан! — не снимая маски, крикнул Грин. — Пора выбираться отсюда.

— Бомба не поддается.

— Сэр, вы не сможете вынести их все до одной. У вас нет времени. Пора затапливать помещение.

Вспоминая об этом уже потом, Грин решил, что, должно быть, Хайфилд его не расслышал. Грину не хотелось оставлять своего командира там одного, но ему ничего не оставалось делать, поскольку необходимо было обеспечить безопасность других людей.

— Начинайте затапливать! — приказал Хайфилд. — Идите.

И не успел Грин повернуться, как услышал, что у него за спиной что-то упало. Грин швырнул в сторону Хайфилда свой противогаз в надежде, что капитан каким-то чудом разглядит его в этом дыму и подберет. И, вытолкнув из отсека своих людей, с тяжелым сердцем вышел наружу.

Фрэнсис вынырнула на поверхность. Она судорожно ловила ртом воздух, волосы мокрыми прядями облепили лицо. Она слышала голоса, чувствовала руки, пытавшиеся вытащить ее из воды, настолько холодной,

что останавливалось сердце. Море явно не хотело выпускать ее из своих ледяных объятий и тянуло вниз. Но вот наконец она уже трепыхалась на дне шлюпки, как выброшенная на сушу рыба: кто-то успокаивал, кто-то накрывал одеялом, а ее тем временем безжалостно выворачивало наизнанку.

«Эвис», — беззвучно повторяла Фрэнсис. И когда соленая вода перестала склеивать ресницы, она увидела, как Эвис, точно попавший в сеть улов, переваливают через борт шлюпки, ее роскошное платье для конкурса красоты было сплошь в масляных пятнах, а глаза крепко зажмурены, словно она боялась заглянуть в лицо своему будущему.

«С ней все в порядке?» — хотела спросить Фрэнсис. Но кто-то прижал ее к себе сильной рукой и уже не отпускал. Она почувствовала близость крепкого тела, поняла, что находится под надежной защитой, — и все слова внезапно вылетели у нее из головы. *Фрэнсис*, послышался над ухом мужской голос, и она погрузилась в благостную темноту.

Капитан Хайфилд лежал на полетной палубе. Его на руках вынесли из отсека два кочегара. Моряки окружили его плотным кольцом. Они стояли под сумрачными небесами, вытирая со лба смешанный с сажей пот и периодически шумно сплевывая. До них то и дело доносились крики, говорившие о том, что огонь в различных частях корабля уже потушен.

Все позади, командир, твердили ему. Все под контролем. Мы сделали это. Они говорили полушепотом, словно не были уверены, слышит ли их Хайфилд. Конечно, позже, быть может, пойдут совсем другие разговоры: о том, что человеку в таком возрасте, занимающему такую должность, не пристало столь отчаянно бросаться на борьбу с огнем. Слишком уж опрометчиво с его стороны. А потом, возможно, кто-нибудь пустится в пространные рассуждения о том, что командир корабля не умеет делиться полномочиями, что другой бы на его месте стоял бы в стороне, но зато видел бы картину в целом. Однако большинство моряков, наверное, одобрят действия командира корабля. Они вспомнят о Харте, о погибших товарищах и решат, что на месте капитана Хайфилда определенно поступили бы точно так же.

Но все это будет уже потом. Через несколько часов или даже дней. А сейчас Хайфилд находился в забытьи, безразличный к их словам и уверениям. И моряки на минуту замолчали, наблюдая за тем, как их командир, в мокрой и пропахшей дымом парадной форме, мешком лежит на палубе, устремив полные боли глаза в небеса.

Моряки посмотрели на него и осторожно переглянулись. Кто-то

предложил позвать судового врача, который в данный момент пытался уговорить сидевших в шлюпках петь хором. Но затем Хайфилд приподнялся на локте, его глаза были налиты кровью. Он кашлянул раз-другой, сплюнув на палубу черную слизь. И с трудом повернул голову, словно у него болела шея, его глаза пылали яростью.

— Проверьте каждый чертов отсек. А потом вытащите чертовых баб из чертовых шлюпок и верните на борт чертова корабля.

На спасение корабля ушло два часа. Испанские рыбаки, на рассвете прошедшие мимо «Виктории», естественно, в первую очередь убедились в том, что те, кто находится на воде, не нуждаются в их помощи. Потом рыбаки еще долго рассказывали всем о шлюпках, набитых разодетыми в пух и прах бабами, которые, беспорядочно размахивая руками, пели «The Wild Rover No More». А шлюпки эти были соединены, точно паутиной, коричневыми чулками, связанными крепкими узлами.

В каждой шлюпке сидело по два морпеха. О борт билась вода, и куски разорванной местами сети из чулок плавали на поверхности, словно гигантские коричневые водоросли. После сообщения, что ночевать в шлюпках не придется, в хриплых от усталости голосах женщин прозвучало явное облегчение. Они и их багаж были спасены.

Он сидел, уставившись на нее в упор, а она, не в силах пошевелиться под тяжестью навалившейся на нее Эвис, молча смотрела на него немигающими глазами — поверх согбенных спин женщин в шлюпке — так, словно их взгляды соединяла невидимая нить.

Командир корабля был жив. Пожар был потушен.

Им предстояло снова подняться на борт «Виктории».

Глава 22

Запомните: армия никогда не отправит вас к месту назначения, предварительно не убедившись, что «этот мужчина» вас ждет. Короче, считайте, что вы просто посылка, которую отправляют почтой.

Совет из буклета, предназначенного для военных невест на борту легкого крейсера «Аргентина».

Британский военный музей

За двадцать четыре часа до прибытия в Плимут

Прошло несколько часов, прежде чем температура упала настолько, чтобы можно было оценить размер ущерба, но, когда ремонтная команда спустилась в центральное машинное отделение, стало совершенно очевидно, что восстановлению оно уже не подлежит: трубы расплавились от жары, заклепки оказались на полу. Переборки и люки деформировались, кубрики над ними пришли в негодность, а палуба вспучилась. Матросы поделились с обитателями пострадавших кают одеялами и подушками, чтобы те, кто остался без спальных мест и имущества, могли расположиться на ангарной палубе. Никто не жаловался. Моряки, которые лишились фотографий и писем от родных и близких, находили утешение в том, что уже через двадцать четыре часа, наверное, увидят тех, по кому так тосковали в море. А моряки, которые в свое время служили на «Индомитебле», просто радовались тому, что все остались живы. Именно этому научила их война.

— Думаете, мы сумеем хоть как-то войти в гавань?

Хайфилд сидел на мостике и смотрел, как серое небо потихоньку проясняется, открывая голубые заплатки, словно извиняясь за ненастный вечер накануне.

— У нас впереди меньше суток пути. И в нашем распоряжении один работающий двигатель. Почему бы и нет?

— Похоже, вашу старушку слегка потрепало. — Голос Макмануса звучал глухо. — И одна маленькая птичка принесла на хвосте, что вы работали, не щадя живота своего.

Хайфилду не хотелось даже думать о прошлой ночи, о которой напоминало саднящее горло. Он сделал большой глоток лимонада с медом, приготовленного стюардом.

— У меня все отлично, сэр. Не о чем беспокоиться. Моя команда… обо

мне позаботилась.

— Молодец. Я потом взгляну на ваш рапорт. Рад, что вы смогли удержать ситуацию под контролем — словом, не слишком напугав наших барышень. — Адмирал разразился тоненьким смехом.

Хайфилд спустился с мостика на полетную палубу. На корме работали матросы: с ведрами мыльной воды в руках, они цепью продвигались вперед, убирая следы копоти от просочившегося наверх дыма и осторожно обходя вспученные участки, которые в спешном порядке огораживали морские пехотинцы. Да, ущерб был налицо, но разрушения начали планомерно устранять. Когда они прибудут в Плимут, корабль Хайфилда будет полностью под контролем.

И он не потерял ни единого человека.

И никто не слышал свистящего вздоха, с которым командир медленно повернулся, чтобы пройти обратно на мостик. Хотя это вовсе не значило, что такого никогда не было.

По меньшей мере сотня женщин выстроилась после завтрака перед основным входом, терпеливо ожидая, когда их пустят обратно в каюты. Они тихонько переговаривались, обсуждая судьбу своего багажа и делясь страхами, что их тщательно подобранные по случаю прибытия в Англию наряды будут безнадежно испорчены дымом и водой. И хотя на этой палубе видимых следов разрушения не наблюдалось, однако, потрогав переборки или койки, они обнаружили, что все вокруг покрыто тонким слоем копоти. Они стояли, напряженно прислушиваясь к приказам по громкой связи, а очередь тем временем прибывала и прибывала. Маргарет одной из первых прорвалась к двери и, пока остальные невесты только спускались по трапу, уже была в каюте.

— Моди! Моди! — Маргарет встала на колени и заглянула под нижние койки. — Моди! — кричала она.

— А вы не пробовали посмотреть в столовой? Там еще полным-полно народу. — Офицер из вспомогательной службы просунула голову в дверь.

Маргарет, до которой не сразу дошло, что та решила, будто она ищет подругу, недоуменно уставилась на женщину.

— Моди!

В отчаянии Маргарет перевернула все одеяла, матрасы и простыни. Ничего. Собаки не было ни на койках, ни в сумках. Ее даже не было в хозяйкиной шляпе — любимом месте отдыха Мод Гонн.

Маргарет собралась было расширить зону поисков, но неожиданно до нее донесся дикий визг. Она на секунду застыла, но, услышав, как кто-то

кричит: «Боже, что это такое?!», пулей выскочила из двери и бросилась в сторону уборной.

Гораздо позже она подумала о том, что уже по дороге все поняла. Ведь уборная была единственным местом, которое Моди знала на корабле. Именно оттуда ей, Маргарет, и следовало начать поиски. Она стояла в дверях, глядя на жмущихся к раковинам девушек. Проследив направление их взглядов, она обнаружила маленькую собачку, зажатую дверью. На кафельной стене виднелись царапины от когтей, — должно быть, Моди отчаянно пыталась выбраться наружу.

Маргарет сделала шаг вперед и рухнула на колени, прямо на мокрый пол. Из ее груди вырвался то ли всхлип, то ли стон. Лапы собаки успели окоченеть, тело было холодным.

— О нет! О нет! — Лицо Маргарет сморщилось совсем по-детски. Она взяла мертвую собачку на руки. — О Моди, прости меня! Мне так жаль. Очень-очень жаль.

Маргарет целовала собаку в мокрую голову, пытаясь вдохнуть жизнь в мертвое тельце, понимая, что все напрасно.

Она даже не плакала, рассказывали очевидцы, просто сидела с собакой на руках, словно испытывая крестные муки.

Но когда удивленные взгляды сменились перешептыванием, она стащила с себя кардиган и завернула в него мертвую собаку. Затем, упершись рукой в поцарапанную стену, со стоном поднялась на ноги. Сверток она крепко прижимала к груди — так обычно прижимают младенцев.

— Может быть, тебе что-нибудь принести? — Какая-то женщина положила ей руку на плечо.

Но Маргарет, казалось, не слышала.

Обливаясь слезами, Маргарет шла со своей ношей по проходу. Те, чьи мысли были заняты не только своими закопченными пожитками, пытались присмотреться получше, гадая, откуда здесь мог взяться ребенок.

На корабль опустилась тяжелая тишина. Вернувшиеся в каюты женщины почему-то не принялись облегченно болтать, хотя их вещи практически не пострадали, разве что покрылись слоем сажи. За прошедшую ночь они поняли всю шаткость своего положения, что их несказанно потрясло. И не одной и даже не двум, а очень и очень многим до боли захотелось вернуться домой. Чего бы это ни стоило.

Поддерживаемая заботливой рукой женщины из вспомогательной

службы, Фрэнсис с трудом приподнялась на койке: даже столь незначительное усилие далось девушке с невероятным трудом. Женщина укрыла ее одеялом, предусмотрительно набросив на плечи еще одно. Морпех — немного неохотно — отпустил руку, которой поддерживал Фрэнсис. Она поймала его взгляд — и усталости как не бывало.

— У меня все отлично, — сказала она женщине из вспомогательной службы. — Спасибо большое, но я действительно в порядке. Меня вполне устроила бы и собственная койка.

— Доктор Даксбери велел всем, кто провел хоть какое-то время в воде, оставаться пару часов под его наблюдением, чтобы проверить, нет ли у них гипотермии.

— Совершенно ответственно заявляю, что у меня ее нет.

— Приказ есть приказ. К вечернему чаю вы уже вернетесь.

Женщина повернулась к постели, на которой лежала Эвис, и ласково подоткнула одеяло. Этот материнский жест напомнил Фрэнсис о госпитале на Моротае. Но сейчас они были в примыкавшем к лазарету небольшом помещении, предназначенном, судя по множеству коробок и специфическому запаху хлорки, для хранения моющих и дезинфицирующих средств. На стенах висели графики и списки принадлежностей, под ними стояли закрытые шкафчики, возможно содержавшие горючие материалы. Фрэнсис невольно содрогнулась.

— Простите, что положили вас здесь, — сказала женщина из вспомогательной службы. — Лазарет понадобился для тех, кто надышался угарным газом, а помещать вас в одну палату с ними мы не имеем права. Это единственное место, которое удалось отыскать для вас двоих. Всего на пару часиков, хорошо?

Морпех, стоявший в паре дюймов от ее кровати, не сводил с нее глаз. И она буквально упивалась его проникновенным взглядом. Ей казалось, будто она до сих пор чувствует тепло его рук, когда он помогал ей подняться на борт, практически волоча ее на себе. Его лицо было так близко, что еще немного — и она могла бы положить голову ему на плечо.

— Ну как, миссис Рэдли, вам удобно?

— Замечательно, — пробурчала в подушку Эвис.

— Очень хорошо. Мне надо заглянуть в палату, проверить, все ли в порядке у мужчин, но, как только освобожусь, сразу вернусь. А еще я принесла вам чистую одежду. Так что, когда вам станет лучше, можете переодеться. Одежда вот тут. — Она положила аккуратно сложенные вещи на низкий шкафчик. — А теперь, дамы, вы наверняка с удовольствием выпьете чашечку чая. Морпех, окажите любезность. Внизу ужас что

творится, и мне очень не хочется пробираться через этот бедлам на камбуз.

— С превеликим удовольствием.

Фрэнсис почувствовала легкое пожатие его руки и на секунду забыла и о том, где находится, и об Эвис, и о пожаре. Будто снова оказавшись на спасательной шлюпке, она заглянула ему в глаза, и ее взгляд красноречивее любых слов говорил о том, что она хотела, но никогда бы не рискнула произнести вслух.

— А потом я осмотрю ваши ссадины, — прошептала она, с трудом поборов желание прикоснуться к его лицу.

Она представила свои пальцы на его коже и то, как нежно она будет обрабатывать его раны.

Он подошел к двери, но на пороге оглянулся и улыбнулся, заметив, что она провожает его взглядом и машинально поправляет волосы.

— Не думаю, что ты горишь желанием находиться в моем обществе, да? — спросила Эвис, когда он закрыл дверь.

— Меня это нимало не волнует, — холодно ответила Фрэнсис, неохотно переключив внимание на соседку.

У Фрэнсис возникло ощущение, словно и не было тех часов, что они провели вместе в спасательной шлюпке, а Эвис, испытывая неловкость из-за того, что своим спасением обязана именно этой женщине, стремится как можно скорее восстановить между ними дистанцию.

— У меня что-то тянет низ живота. Наверное, слишком тугой корсаж. Ты не поможешь его расстегнуть? — попросила Эвис.

Она медленно сползла с постели, ее светлые волосы висели вдоль лица слипшимися от соли прядями. Фрэнсис с холодным безразличием медсестры помогла ей снять вконец испорченное бальное платье, плотный пояс с подвязками и бюстгальтер. Но когда укладывала Эвис обратно в постель, она неожиданно заметила темное пятно, расползавшееся сзади на шелковой ткани. Фрэнсис наклонилась, чтобы подобрать испачканное платье, и увидела то, что ее крайне обеспокоило. Подождав, пока Эвис уляжется, она осталась стоять возле ее койки.

— Мне надо кое-что сообщить тебе, — сказала она. — У тебя кровотечение.

Эвис уставилась на алое пятно на подоле и, переведя взгляд на кровать, обнаружила точно такое же на простыне. И по лицу Фрэнсис сразу поняла, что это значит. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она без комментариев взяла протянутое Фрэнсис чистое полотенце.

— Мне очень жаль, — проронила Фрэнсис, внезапно почувствовав себя немного неуютно. — Возможно, это результат… шока. Когда ты упала в

воду.

Фрэнсис была морально готова, что Эвис накинется на нее с обвинениями и к длинному списку ее грехов добавит еще и этот. Скажет, что из-за Фрэнис потеряла ребенка. Но Эвис не произнесла ни слова. По совету Фрэнсис она приняла две таблетки обезболивающего и сунула между ног полотенце.

Наконец она открыла рот.

— Что ни делается, все к лучшему, — сказала она. — Бедный маленький ублюдок. — И сразу замолчала, словно сама не ожидала, что способна произнести нечто подобное.

У Фрэнсис невольно округлились глаза.

Эвис покачала головой. А затем, раскачиваясь взад-вперед, завыла дурным голосом. От ее протяжного воя тряслись стены, и, чтобы заглушить рыдания, она уткнулась лицом в подушку, но ее худенькая спина содрогалась, будто от сейсмических толчков.

Фрэнсис, выронив платье, осторожно залезла к Эвис на постель и села рядом, не зная, что предпринять. Она немного подождала, однако, поняв, что больше не в силах переносить этот пробирающий до костей звук, крепко обняла Эвис и притянула к себе. Эвис не стала сопротивляться, хотя и не попыталась прижаться к Фрэнсис. Она настолько глубоко погрузилась в свое несчастье, что напрочь забыла о присутствии Фрэнсис.

— Все будет хорошо, — успокаивала ее Фрэнсис, если честно, не веря в то, что говорит. — Все будет хорошо.

Рыдания стихли только через какое-то время. Фрэнсис пошла в амбулаторию за болеутоляющими таблетками и на всякий случай за успокоительным. Когда Фрэнсис вернулась, Эвис лежала на боку, подложив под спину подушку. Она вытерла слезы и, знаком попросив Фрэнсис дать ей платье, достала из кармана мятый, мокрый листок бумаги.

— Вот, теперь ты можешь прочесть спокойно, — сказала она.

— НЕ ЖДУ НЕ ПРИЕЗЖАЙ?

— О нет, он меня ждет. С этим как раз все в порядке…

Эвис протянула ей листок, и Фрэнсис, сразу поняв, что они перешагнули через возникший между ними барьер, прочла те отрывки, которые не успели размыть атлантические воды.

Я давным-давно должен был рассказать тебе об этом. Но я люблю тебя, дорогая, и мне невыносимо думать, какое у тебя будет грустное личико, когда ты узнаешь правду, или что я могу тебя потерять… Ради бога, не пойми меня превратно. Я вовсе не прошу, чтобы ты не приезжала. Ты должна знать, что меня с женой связывают чисто

платонические отношения, мы, скорее, как брат с сестрой… И ты, моя дорогая, значишь для меня гораздо больше, чем она…

Я хочу, чтобы ты знала: все, что я говорил тебе в Австралии, — чистая правда. Каждое слово. Но ты должна понять, что дети еще совсем маленькие, а я не из тех, кто наплевательски относится к своим обязанностям. Возможно, когда они немного подрастут, мы подумаем об этом снова, да?

Итак, я понимаю, что прошу от тебя слишком многого, но хотя бы поразмысли над этим, пока будешь на борту. У меня отложена приличная сумма денег, и я мог бы поселить тебя в уютной квартирке где-нибудь в Лондоне. И тогда я имел бы возможность проводить с тобой пару ночей в неделю — ведь, если хорошенько подумать, жены, у которых мужья служат на флоте, видят своих благоверных и того реже…

Эвис, ты всегда говорила, будто для тебя главное, чтобы мы были вместе. Так докажи, дорогая, что ты меня не обманывала…

Когда Фрэнсис переварила последнюю фразу, она не осмелилась посмотреть Эвис в лицо: боялась, что та решит, будто она, Фрэнсис, злорадствует.

— Ну и что ты намерена делать? — осторожно спросила она.

— Наверное, вернусь домой. Я не могла этого сделать, пока у меня… Но сейчас, полагаю, можно считать, будто ничего и не было. Вообще ничего не было. В любом случае родители не хотели, чтобы я ехала… — Ее слабый голос звучал холодно и отчужденно.

— Знаешь, у тебя все будет хорошо.

В ее реакции на слова Фрэнсис проскользнуло нечто от прежней Эвис: некое высокомерие, говорившее Фрэнсис о том, что ни она сама, ни ее слова абсолютно ничего не значат. Эвис уронила письмо на покрывало и обратила на Фрэнсис прямой, но удивительно беззащитный взгляд.

— Как тебе удается жить дальше с таким грузом? — спросила она. — Такого позора.

И Фрэнсис внезапно поняла, что, несмотря на внешнюю грубость своих слов, Эвис вовсе не хотела ее обидеть. В выражении мертвенно-бледного лица Эвис, в ее потухших глазах Фрэнсис прочла простое любопытство.

— Мне кажется, я поняла… каждый из нас что-то такое несет… Груз стыда за одно или другое. — Фрэнсис очень осторожно подбирала слова.

Она вытащила из-под Эвис полотенце и проверила, не увеличилось ли пятно. Осторожно спрятав грязное полотенце, она дала Эвис чистое.

Эвис беспокойно поерзала на кровати:

— Но твой груз стал легче. Потому что ты нашла человека, готового

тебя принять. Несмотря на твое… твое прошлое.

— Эвис, мне нечего стыдиться. — Фрэнсис собрала грязные вещи для прачечной, а затем снова присела на кровать. — Возможно, ты поймешь. В своей жизни я сделала только одну вещь, за которую мне до сих пор стыдно. Но это не то, о чем ты думаешь.

Служба медицинских сестер армии Австралии организовала учебную часть в Уэйвилле, рядом с полевым госпиталем. Фрэнсис прошла медсестринскую практику в Сиднейском госпитале, затем работала в одной уважаемой семье в Брисбене, чтобы скопить денег на обучение, и вот теперь ее — незамужнюю, годную по состоянию здоровья, не имеющую иждивенцев, с блестящей рекомендацией старшей медсестры — с удовольствием принял на службу недавно организованный Австралийский главный военный госпиталь. Ей пришлось соврать насчет своего возраста, но, судя по понимающему взгляду, что бросила на нее начальница отдела кадров, оценивая выдуманную ею дату рождения, она оказалась не первой и не последней. В конце-то концов, время было военное.

Главный военный госпиталь сразу стал для нее родным домом. Сестры были выносливыми, способными, жизнерадостными, сострадательными и, помимо всего прочего, очень профессиональными. Они были первыми, кто принимал Фрэнсис такой, как она есть, а также высоко ценил ее старательность и преданность делу. Они приехали из самых разных уголков Австралии, и чужое прошлое их не интересовало. У большинства имелись свои причины для отсутствия мужей или иждивенцев, и никто из них не проявлял особого желания распространяться на данную тему. Более того, в силу специфики своей работы они жили исключительно сегодняшним днем.

Фрэнсис ни разу не пыталась связаться со своей матерью. Она понимала, что, возможно, это свидетельствует о некоторой безжалостности, но даже такое не слишком приятное открытие насчет своего характера не заставило ее передумать.

Несколько лет медсестры служили все вместе в Нортфилде, Порт-Морсби, а затем их перевели на Моротай, где она и встретила Чоки. К этому времени она уже успела понять: произошедшее с ней — это еще не самое худшее, что может случиться с человеком, особенно на фоне зверств, совершаемых во имя войны. Она держала в своих объятиях умирающих, перевязывала раны, вызывавшие рвотные позывы, убирала загаженные отхожие места, стирала вонючие простыни и помогала устанавливать износившиеся от долгого использования, заплесневевшие палатки. Но ей

казалось, что еще никогда в жизни она не чувствовала себя более счастливой.

Мужчины штабелями падали к ее ногам. Однако в условиях госпиталя это было нормой: многие из них уже тысячу лет не видели женщин. Парочка нежных слов, ласковая улыбка — и они были готовы наделить тебя всеми теми качествами, которыми ты, возможно, и не обладала. И она решила, что Чоки — один из таких. Думала, что, находясь в бредовом состоянии, он, вероятно, видел только ее улыбку. По крайней мере раз в день он делал ей предложение руки и сердца, но, как и в случае со всеми остальными, она не обращала особого внимания. Она никогда не выйдет замуж.

Но только до тех пор, пока не появился артиллерист.

— Так это был именно тот, в кого ты влюбилась, да?

— Нет, это был тот, кто меня узнал. — Она сглотнула ком в горле. — Он прибыл из подразделения, расквартированного неподалеку от отеля, где я когда-то жила. Но я чувствовала: рано или поздно настанет день, когда мне придется покинуть Австралию, поскольку только так и не иначе я смогу избавиться от… — Она сделала паузу. — И я решила сказать «да».

— А он знал? Твой муж?

Фрэнсис сидела, сложив руки на коленях. И теперь она нервно сплетала и расплетала пальцы.

— Первые несколько недель, что мы познакомились, он постоянно пребывал в полубессознательном состоянии. Правда, узнавал мое лицо. Иногда ему казалось, что мы уже женаты. Иногда он называл меня Виолеттой. Кто-то сказал мне, что так звали его покойную сестру. А иногда, глубокой ночью, он просил меня взять его за руку и спеть ему что-нибудь. И когда его боль становилась совершенно невыносимой, я действительно пела, несмотря на полное отсутствие голоса. — Она позволила себе выдавить слабую улыбку. — В жизни не встречала такого доброго и мягкого человека. В ту ночь, когда я сказала, что выйду за него замуж, он плакал от счастья. — Эвис закрыла глаза от боли, и Фрэнсис подождала, пока приступ пройдет, а затем твердым голосом продолжила рассказ: — У него был начальник, капитан Бейли, так вот, этот самый Бейли знал, что у Чоки нет семьи. А еще он знал, что я от этого брака абсолютно ничего не выиграю, но зато, если называть вещи своими именами, осчастливлю Чоки. Итак, капитан сказал «да», хотя, как я сильно подозреваю, любой другой на его месте наверняка нам отказал бы. Возможно, все это было не слишком благородно с моей стороны, но, полагаю, я действительно заботилась о том, чтобы ему было хорошо.

— И ты знала, что таким образом получишь пропуск на волю.

— Да. — На губах Фрэнсис играла загадочная полуулыбка. — Вот ведь ирония судьбы, разве нет? Девушка с моим прошлым выходит замуж за единственного человека, который вообще до нее пальцем не дотронулся.

— Но по крайней мере, тебе удалось сохранить репутацию.

— Нет. К несчастью, нет. — Фрэнсис провела пальцем по заскорузлой от соли юбке, которую так и не успела снять. — За несколько дней до моей свадьбы с Чоки, когда я стирала бинты возле столовой, ко мне подвалил тот самый артиллерист и… — У Фрэнсис сдавило горло. — И попытался залезть мне под юбку. Я закричала и дала ему по морде. Иначе было от него не отвязаться. Но на крик сбежались другие сестры, и он заявил им, будто ни на что другое я не способна. Что он знал меня еще по Айнсвиллу. И это решило все. Понимаешь? Городок совсем маленький, а я ведь сказала всем, откуда я родом. И они поняли, что он не врет. — Она сделала паузу. — Похоже, им было бы гораздо легче, если бы он обвинил меня в убийстве.

— А кто-нибудь сказал Чоки?

— Нет. Думаю, чисто из жалости. О, некоторые просто решили не обращать внимания. Ведь когда ты каждый день сталкиваешься лицом к лицу со смертью, тебя уже не волнуют такие вещи, как репутация человека. К тому же они знали, как он относится ко мне. А он был еще совсем слабым. Мужчины весьма лояльны друг к другу… И иногда подобная лояльность проявлялась самым неожиданным образом…

— Но ведь сестры осудили тебя точно так же, как в свое время и я. Разве нет?

— Большинство из них — да. Но, мне кажется, старшая медсестра придерживалась иного мнения. Мы с ней долго работали вместе. Она знала меня… совсем с другой стороны. И просто сказала, что я должна извлечь для себя максимум пользы из того, что он мне дал. Не каждому человеку в жизни выпадает второй шанс.

Эвис вытянулась на койке и уставилась в потолок:

— Думаю, она права. Никому не дано знать. Никому не дано знать… все.

Фрэнсис удивленно подняла брови:

— Даже после того, что было?

— Англия — большая страна, — пожала плечами Эвис. — Там полно народу. И Чоки наконец присмотрит за тобой. — Не дождавшись ответа, она спросила: — Ведь никто так ему ничего и не сказал, да?

— Нет, — покачала головой Фрэнсис. — Никто так ему ничего и не

сказал.

Стоявший с двумя жестяными кружками вконец остывшего чая по другую сторону двери, морпех осторожно попятился и закрыл глаза.

Глава 23

Конечно, завязывались романы, и даже было сыграно несколько свадеб. А поскольку эта территория находилась под управлением Нидерландов, приходилось подписывать множество бумаг… Обручальные кольца, как правило, изготавливал дантист с помощью бормашины, а свадебные платья шились или из белой москитной сетки, или из формы медсестры… Согласно армейской политике, новобрачная вскоре после свадьбы возвращалась в Австралию.

Джоан Кроуч. Особый вид службы

Моротай, к северу от острова Хальмахера, 1946 год

Язнаю, что это против правил, — сказала Одри Маршалл, — но ты их видел. Ты видел, что с ней творится.

— В это просто невозможно поверить.

— Чарльз, она была ребенком. По ее словам, ей было всего пятнадцать.

— Одно я знаю наверняка: он ее обожает.

— Тогда кому от этого будет хуже?!

Старшая медсестра открыла ящик и вытащила бутылку с какой-то светло-коричневой жидкостью. Она показала бутылку, и он одобрительно кивнул, наотрез отказавшись разбавить содержимое хлорированной водой из кувшина, стоявшего на письменном столе. Они собирались встретиться, чтобы потолковать, гораздо раньше, но джип с американской радиолокационной станцией столкнулся на узкой дороге с голландским грузовиком с продовольствием, перевернулся, и в результате один человек погиб, а двое других оказались ранены. И капитану Бейли больше часа пришлось провести с голландскими официальными лицами, заполняя нужные бланки и обсуждая инцидент с голландским старшим офицером. Среди пострадавших был ординарец капитана Бейли, а потому капитан чувствовал себя сейчас как выжатый лимон.

Он сделал глоток, явно не желая решать новую проблему, когда и со старыми-то не успел разобраться.

— У нас могут быть неприятности. Он ведь явно не в себе.

— Может, и не в себе, но точно знает, что любит ее. И это сделает его счастливым. И, кроме того, у нее нет выхода. Теперь, когда все о ней знают, она больше не может служить медсестрой. И в Австралии оставаться тоже не может.

— Ой, да брось! Австралия — большая страна.

— Но ведь ее даже здесь нашли. Разве не так?

— Ну, я не знаю…

Старшая медсестра наклонилась над письменным столом:

— Чарльз, она хорошая медсестра. И хорошая девушка. Только подумай, как много она сделала для твоих людей. Вспомни о Петерсене и Миллсе. Вспомни об О'Халлоране и его ужасных ранах.

— Я знаю.

— Тогда что за беда? У парня нет денег. Ведь так? И ты сказал, что семьи у него тоже нет. — Она слегка понизила голос. — Тебе не хуже моего известно, как он болен.

— Кому, как не тебе, знать, что я изо всех сил пытался отговорить его от этой затеи. Взять для начала треклятую писанину!

— Но ты ведь на короткой ноге с голландцами. Сам говорил. Они подпишут все, что ты им подсунешь.

— А ты уверена, что это разумная идея?

— Конечно. Он будет счастлив, а для нее это спасительная соломинка. Тогда она сможет официально уехать в Англию. Станет там замечательной медсестрой. Ну и что тут плохого?

Чарльз Бейли тяжело вздохнул. Поставил стакан на письменный стол и повернулся к старшей медсестре:

— Одри, тебе совершенно невозможно отказать.

Она улыбнулась с видом победительницы.

— Я делаю то, что должна, — сказала она.

Капеллан оказался прагматичным человеком. Он настолько устал от чужих страданий и боли, что уговорить его оказалось плевым делом. Молодая медсестра, которой он, кстати, всегда благоволил, была олицетворением всепобеждающей любви, сказал он себе. И если это поможет страдающей душе рядом с ней хоть на время забыть об ужасах последних недель, то Господь наверняка поймет и простит его. И когда старшая медсестра рассыпалась в благодарностях, он ответил, что Всевышний — самый большой прагматик из всех, кого они знают.

Троица мысленно поздравила себя с соломоновым решением и — терзаемая некоторой неуверенностью, как будет воспринят сей план главными действующими лицами, — решила пропустить еще по стаканчику за успех его реализации в кабинете старшей медсестры. Исключительно для медицинских целей, сказала старшая медсестра, отметив некоторую бледность капитана Бейли. Она не выносила мужчин с нездоровым цветом лица: у нее сразу же возникало желание проверить их

на наличие заболеваний крови.

— Единственная проблема с моей кровью — это то, что в ней явно не хватает алкоголя, — пробурчал капитан Бейли.

Они выпили за сестру Льюк, за ее будущего мужа, за окончание войны и заодно за Черчилля. Сразу после десяти они, держась неестественно прямо и более скованно, чем до обильных вечерних возлияний, вошли в госпитальную палатку.

— Она в палате В, — сообщила им медсестра, читавшая за ночным столиком книжку.

— С капралом Маккензи, — повернувшись к капитану Бейли, с неприкрытым торжеством в голосе сказала старшая медсестра. Теперь их план точно сработает. — Вот видите!

Они прошли по песчаному проходу между кроватями, стараясь не беспокоить спящих пациентов, и отодвинули занавеску над входом в следующую палату. Капитан Бейли на секунду замер, чтобы, чертыхнувшись, прихлопнуть севшего на шею комара. Затем вся троица остановилась.

Услышав, что кто-то вошел, сестра Льюк подняла голову и обратила на них непроницаемый взгляд своих широко распахнутых глаз. Склонившись над постелью Альфреда Чоки Маккензи, на три четверти затянутой москитной сеткой, она закрывала ему лицо белой простыней флотского образца.

Эвис спала, когда морпех вернулся с двумя кружками уже горячего чая. Он дважды постучался, не поднимая глаз, вошел в комнату и поставил кружки на столик между койками. В душе у него теплилась слабая надежда, что женщина из вспомогательной службы тоже окажется здесь.

Фрэнсис стояла возле спящей Эвис и, увидев его, подскочила от неожиданности. Щеки ее слегка порозовели. Вид у нее был измученный. Еще пару часов назад он поддался бы порыву прикоснуться к ней. Но теперь, когда он услышал ее рассказ, у него пропало все желание это делать. Он отступил к двери и остался стоять — ноги расставлены, плечи развернуты, — словно желая укрепиться в своем решении.

— Я… Я вас не ждала, — сказала она. — Думала, что у вас другие дела.

— Простите, что задержался.

— Доктор Даксбери меня отпустил. Соберу вещи и вернусь в каюту. А вот Эвис, скорее всего, останется здесь на ночь. Возможно, я еще приду, чтобы проведать ее. У доктора некоторая запарка с работой.

— Она в порядке?

— Она поправится, — ответила Фрэнсис. — Я собиралась поискать Мэгги. Как она там?

— Не слишком хорошо. Собака…

— О… — У Фрэнсис вытянулось лицо. — О нет! Неужели она сейчас совершенно одна?

— Не сомневаюсь, она обрадуется, если вы составите ей компанию.

Она так и не успела переодеться, и ему до боли в груди хотелось стереть грязный потек у нее со щеки. Он поспешно заложил руки за спину.

Тогда она сделала шаг вперед, оглянулась на мирно спавшую Эвис и очень тихо сказала заговорщицким тоном:

— Я тут размышляла над вашими словами. О том, что война нас всех заставила делать такие вещи, которых мы теперь стыдимся. А ведь раньше, пока вы этого не сказали, я считала себя единственной, кто…

Ее слова застали его врасплох. Он попятился, не решаясь заговорить. В глубине души ему хотелось приказать ей, чтобы она замолчала, но в то же время он жаждал услышать, что она произнесет дальше.

— Знаю, мы не всегда имели возможность говорить… откровенно. Все так запуталось, и обязательства перед другими не всегда можно… — Она замолчала и посмотрела на него. — Но я хочу сказать вам спасибо. Вы… Я признательна вам за ваши слова. И буду благодарить судьбу за то, что мы встретились. — Последнюю фразу она произнесла очень быстро, как будто боялась, что потом у нее не хватит духу ее произнести.

Он вдруг почувствовал себя совершенно раздавленным.

— Да. Хорошо, — наконец обретя способность более-менее связно говорить, промямлил он. — Всегда приятно заводить новых друзей. — И, чувствуя себя ужасно неловко, добавил: — Мэм.

В разговоре возникла неловкая пауза.

— Мэм? — переспросила она.

Ее несмелая улыбка сразу исчезла, причем изменение ее мимики оказалось столь незаметным, что, будь здесь даже кто-то еще, наверное, только он один и обратил бы внимание. У меня нет выбора, хотелось крикнуть ему. Я делаю это исключительно ради тебя.

Она вгляделась в его лицо. И то, что она там увидела, заставило ее опустить глаза и отвернуться.

— Прошу прощения, — сказал он. — А теперь мне надо идти. Дела не ждут. Но… не сомневаюсь, вам понравится Англия.

— Благодарю вас. На лекциях я уже получила массу полезной информации.

Прозвучавший в ее словах упрек был точно удар под дых.

— Послушайте… — держа руки по швам, начал он. — Надеюсь, вы всегда будете вспоминать обо мне как… о своем друге. — Последнее слово прозвучало не слишком уместно.

Она часто-часто заморгала, и он от стыда за себя поспешил отвернуться.

— Морпех, это, конечно, очень великодушно с вашей стороны, но я так не думаю, — сказала она и с легким вздохом принялась складывать постельное белье аккуратной стопкой, а когда снова повернулась к нему, ее голос звенел от обиды. — Ведь помимо всего прочего, морпех, я даже не знаю вашего имени.

Маргарет стояла у ограждения в кормовой части полетной палубы, шерстяной жакет туго обтягивал ее объемистую талию, волосы падали на лицо, несмотря на накинутый на голову шарф. Она повернулась спиной к мостику, склонив голову над свертком, который держала в руках.

Свинцовые тучи, готовые в любую минуту пролиться дождем, затянули небо. За кораблем, точно привязанные невидимыми нитями, следовали огромные альбатросы. Время от времени Маргарет смотрела на свой сверток, роняя на него горькие слезы, и в результате бежевое джерси оказалось усеяно расплывшимися темными пятнышками. Маргарет неловко размазывала пятна большим пальцем, снова и снова обращаясь со словами прощения к окоченевшему тельцу.

Из-за шума ветра и надетого на голову шарфа она не слышала, как к ней подошла Фрэнсис. Маргарет не знала, как давно Фрэнсис стоит рядом.

— Погребение в море, — сказала Маргарет. — Представляешь, никак не могу собраться с духом сделать это.

— Мэгги, мне очень жаль.

Глаза Фрэнсис смотрели безрадостно. Она неуверенно дотронулась до руки подруги.

Маргарет вытерла глаза ладонью, покачала головой и охнула, словно сетуя на свою беспомощность.

Море, казалось, сливалось с небом. Серая вода становилась немного светлее у горизонта, но затем снова темнела, неразличимая на фоне низких, неприветливых облаков. И возникало странное чувство, что корабль плыл в никуда, как будто навигация осуществлялась исключительно на авось.

И вот через несколько минут Маргарет, которая так и не почувствовала себя готовой, сделала шаг вперед. Помедлила, прижав к себе маленькое тельце, причем так крепко, как никогда не рискнула бы, если бы в нем до сих пор теплилась жизнь.

Затем она перегнулась через ограждение и, горестно всхлипнув, бросила сверток в море, беззвучно принявшее жертву.

Маргарет стояла, вцепившись побелевшими пальцами в ограждение, ей отчаянно хотелось остановить корабль, чтобы достать то, что она потеряла. Море показалось ей равнодушным и бездонным. Значит, подобное погребение было, скорее, равнодушным предательством, а не мирным упокоением. И собственные руки вдруг стали невыносимо пустыми.

Фрэнсис молча указала на бежевый кардиган на поверхности моря далеко внизу — просто светлое пятно на темной воде, которое очень скоро накрыла волна. Больше они его не видели. Они стояли, не обращая внимания на пронизывающий ветер, и смотрели, как вздымается и исчезает за кормой пенный след «Виктории».

— Фрэнсис, неужели мы все сошли с ума? — наконец нарушила молчание Маргарет.

— Ты о чем?

— Что, черт возьми, мы натворили?!

— Не уверена, что понимаю…

— Мы оставили людей, которых любили, родной дом, где были счастливы. И ради чего?! Чтобы получить, как Джин, клеймо шлюхи? Чтобы эти чертовы флотские устроили нам допрос по поводу нашего прошлого, словно мы преступницы какие? Чтобы пройти через весь этот кошмар и узнать, что нас не ждут? Потому что у нас нет никакой гарантии, ведь так? Никакой гарантии, что все эти мужчины и их семьи хотят нас принять. — У нее перехватило горло на холодном ветру. — И что, черт возьми, я знаю об Англии? Что я знаю о Джо или его семье? О младенцах? Ведь даже за собственной треклятой собакой я не сумела уследить… — Ее голова упала на грудь. Они стояли, не обращая внимания ни на лужи под ногами, ни на взгляды маляров, красивших остров с другой стороны. — Знаешь… Я должна сказать тебе… Похоже, я совершила чудовищную ошибку. Я позволила себе увлечься мечтой, быть может вызванной исключительно желанием убежать от домашних хлопот. Ужасно надоело стряпать и стирать для папы и мальчиков. И вот я здесь, но единственное, чего я сейчас хочу, — это свою семью. Фрэнсис, я хочу свою семью. Я хочу свою маму. — Она горько зарыдала. — Я хочу свою собаку.

Фрэнсис обняла ее своими сильными тонкими руками:

— Нет, Мэгги, нет. Все будет хорошо У тебя есть мужчина, который тебя любит. По-настоящему любит. Все будет хорошо.

— Как ты можешь это говорить после того, что здесь произошло? — спросила Маргарет, которой очень хотелось, чтобы ее успокоили.

— Мэгги, таких, как твой Джо, — один на миллион. Даже мне это понятно. И у тебя впереди чудесная жизнь, потому что тебя невозможно не любить. У тебя родится чудесный малыш, которого ты будешь любить больше жизни. О, если бы ты только знала, как сильно я…

Лицо Фрэнсис исказилось, тело затряслось, точно от икоты, а из глаз нескончаемым потоком хлынули слезы. Она обняла Маргарет, точно желая ее утешить, хотя, скорее, хотела найти утешение сама. Фрэнсис попыталась извиниться, собраться с силами, даже помахала рукой, молчаливо прося прощения, но так и не смогла остановиться.

Маргарет, потрясенная их душевным единением, притянула Фрэнсис к себе.

— Эй, ты чего разнюнилась? — слабым голосом спросила она. — Эй, Фрэнсис, ты это брось… Это совсем на тебя не похоже… — Маргарет гладила Фрэнсис по волосам, причесанным для торжественного вечера.

Она вспомнила, как две девушки прыгнули с палубы в бурное море, и представила, какое потрясение они, должно быть, испытали. И внезапно ей стало нехорошо от нахлынувшего чувства вины. Ведь она даже не удосужилась проверить, все ли в порядке у Фрэнсис. Она еще крепче обняла Фрэнсис, молча умоляя ее о прощении, в надежде, что буря в душе подруги уляжется.

— Ты права. У нас все будет хорошо, — твердила Маргарет, гладя Фрэнсис по голове. — А вдруг получится так, что мы, в конце концов, вообще будем жить рядом? Фрэнсис, ты уж пиши мне, пожалуйста. У меня там, кроме тебя, никого нет, а от Эвис толку, что от козла молока. Ты все, что у меня есть…

— Я не та, за кого ты меня принимаешь. — Своим громким плачем Фрэнсис уже начала привлекать внимание. На другом конце палубы стояли небольшой группкой матросы, они курили и наблюдали за происходящим. — Даже противно рассказывать…

— Ой, да брось! Пора оставить прошлое позади. — Маргарет вытерла глаза. — Послушай, лично я считаю, что ты отличная девчонка. Все, что мне надо, я и так знаю. Даже то, чего мне знать не надо. И тем не менее считаю тебя отличной девчонкой. И поэтому ты, черт тебя подери, держи со мной связь!

— Ты… очень… добра.

— Ну вот, снова здорово!

И Фрэнсис неожиданно для себя улыбнулась.

— Эй вы, двое! А ну-ка уходите оттуда!

Они повернулись и увидели стоявшего на острове офицера, который

изо всех сил махал им рукой.

— Ладно, пошли, девочка! И смотри у меня, не раскисай! Тебе это не идет.

— Ой, Мэгги… Я так…

— Нет, Фрэнсис, мы начинаем новую жизнь. С нуля. Ведь ты сама сказала, что все будет хорошо. Мы постараемся, чтобы у нас все было хорошо. — Она снова обняла Фрэнсис, и они пошли назад. — Мы что, зазря страдали, черт побери?! Мы просто обязаны сделать так, чтобы все было хорошо!

И когда девушки после обеда ушли к себе в каюту, матросы все еще продолжали работать: драили, полировали, красили и обиженно гундели. Их голоса в проходах перекрывали даже взволнованный щебет невест, собиравших свои пожитки. Какой во всем этом смысл, недовольно спрашивали матросы друг друга. Корабль, так или иначе, пойдет на металлолом. И тогда почему было треклятому Хайфилду не предоставить им хотя бы один день треклятого отдыха? Разве он не знает, что война закончилась? Однако их ворчание, как ни странно, успокоило Фрэнсис: после пожара она так и не видела капитана, и слова матросов дали ей всю необходимую информацию о его самочувствии.

В глубине души она очень надеялась увидеть у их каюты своего морпеха. И хотя в этот последний вечер часовые были сняты, он вполне мог стоять в коридоре: ноги на ширине плеч, взгляд обращен на нее, словно в подтверждение существующей между ними незримой связи.

Но в коридоре его не оказалось. Только непрерывно мельтешащие женщины. Они возвращали одолженную в свое время косметику и демонстрировали наряды по случаю прибытия в Плимут. Что ж, возможно, это даже к лучшему. Ей казалось, что ее эмоции в любую секунду могут выплеснуться наружу, словно и ее заразила царившая на корабле атмосфера нетерпеливого ожидания на грани истерики.

— Добрый вечер, миссис Маккензи. — Это был доктор Даксбери, щеголявший в кремовом льняном костюме. — Я так понимаю, что мы, возможно, встретимся чуть позже в лазарете. Замечательно, что вы снова при исполнении. — Он приветственно коснулся полей шляпы и пошел дальше, беспечно насвистывая «Frankie and Johnny».

Миссис Маккензи. Сестра Маккензи. Нет смысла мечтать, чтобы все было по-другому, сказала она себе, помогая Маргарет пройти в каюту. И никогда не было. Уж кому, как не ей, это знать.

Примерно в половине десятого Маргарет уже почивала в сладких объятиях Морфея: душевное потрясение и плохое самочувствие вследствие беременности взяли свое. Ведь в последнее время Маргарет приходилось два-три раза за ночь вставать в туалет. Она сонно брела по пустому коридору, кивая стоявшим на часах морпехам. Но сегодня Маргарет спала как убитая, чем очень порадовала Фрэнсис, которой еще надо было навестить в лазарете Эвис.

Бесшумно ступая, она прошла по притихшему коридору мимо закрытых дверей. В эту ночь в каютах, где стоял устойчивый запах кремов для лица, а стены пестрели висящими на плечиках чистыми платьями, слышалось мерное позвякивание металлических бигуди и заколок для волос да вскрики беспокойно ворочающихся во сне женщин. Но только не в нашей тесной каюте, подумала Фрэнсис. Маргарет попыталась было заколоть волосы, но у нее ничего не получилось, и она, чертыхаясь, сдалась. Если он не захочет ее такой, какая она есть, вполне резонно заметила Маргарет, то, даже если она накрутит локоны, как у чертовой Ширли Темпл[38], от этого ему будет ни жарко ни холодно.

И вот Фрэнсис шла по коридору — волосы не завиты, лицо мрачнее тучи, — отчаянно стараясь отгородиться от того, о чем не следует думать. Она свернула в сторону лазарета, кивнув встретившемуся в коридоре одинокому матросу с пакетом под мышкой.

Еще не успев дойти до лазарета, она услышала пение и сразу остановилась, чтобы определить источник его происхождения. Судя по хриплым мужским голосам, доктор Даксбери подбил своих подопечных исполнять мелодии из шоу. Издаваемые ими звуки были настолько лишены гармонии, что Фрэнсис сразу поняла: спирта для стерилизации в лазарете явно стало меньше, чем было еще накануне днем. В другое время она непременно пожаловалась бы на доктора Даксбери или, на худой конец, разобралась бы с ним сама. Но сейчас решила промолчать. Ведь на борту корабля им оставалось провести всего несколько часов. И вообще, разве она сторож брату своему?!

Но вот отзвучали последние меланхолические ноты, и пение прекратилось. Фрэнсис осторожно вошла в помещение, пытаясь разглядеть в тусклом свете измученное лицо неподвижно лежащей на кровати девушки.

Правда, самое плохое для Эвис было позади. Она крепко спала — очень бледная и словно съежившаяся — под покрывалом и одеялом флотского образца, которые натянула на себя чуть ли не до подбородка. Она сердито хмурилась во сне, точно предчувствуя тяжелые испытания, ожидающие ее

впереди.

Фрэнсис потушила свет, но не стала ложиться на свободную койку, а присела на стул возле постели Эвис. Фрэнсис сидела и смотрела на картонные коробки вдоль стен, прислушивалась к нарушаемому кашлем нестройному пению, которое под чутким руководством доктора Даксбери приобрело невиданную мощь. А еще пыталась сквозь гул из соседнего помещения уловить шум уцелевшего двигателя. Шум этот стал значительно слабее, и она представила, как матерятся в машинном отделении механики, прилагающие титанические усилия для того, чтобы корабль мог войти в гавань. Она подумала о штурмане, о радисте, о вахтенных и обо все тех, кто сейчас не спит на этом огромном корабле, представляя встречу с семьей и ждущие их перемены. Она подумала о командире корабля Хайфилде, который наверняка мается один в своей роскошной каюте над матросскими кубриками, зная, что эта ночь, вероятно, последняя проведенная им в море. Нам всем придется начать новую жизнь, сказал он тогда. Придется научиться прощать.

Я должна вернуть себе бодрость духа, став такой, как тогда, когда с чувством облегчения и тайной надеждой в душе взошла на борт корабля, сказала она себе. Должна забыть обо всем и о нем тоже, как о дурном сне. Я каждый божий день буду благодарить Чоки за щедрый дар, который он мне преподнес.

Это было самым меньшим, что она могла сделать в сложившихся обстоятельствах.

Она, похоже, немного задремала, но очнулась, услышав странный звук. Едва слышное покашливание, воспринимаемое буквально на уровне подсознания. Она так и не смогла понять, что заставило ее проснуться. Открыв глаза, она посмотрела на смутный силуэт Эвис, ожидая, что та сейчас приподнимется на локте и попросит стакан воды. Однако Эвис не шелохнулась.

Фрэнсис выпрямилась и прислушалась.

Снова все то же покашливание. Кто-то явно хотел привлечь ее внимание. Она встала со стула и подошла поближе к двери.

— Фрэнсис, — позвал он ее, причем так тихо, что только она одна и могла расслышать. А затем снова: — Фрэнсис.

На секунду ей показалось, что все это ей снится. За соседней дверью доктор Даксбери затянул «Danny Boy», потом остановился и громко всхлипнул, однако его, похоже, тут же утешили собутыльники.

— Вам нельзя здесь находиться, — прошептала она, сделала шаг вперед, но дверь открыть не решилась.

Необходимо было подчиняться строгим инструкциям: никаких контактов между мужчинами и женщинами, предупредил старпом, словно сам факт, что всем предстояла последняя ночь на борту, мог породить некое сексуальное безумие.

Он молчал, наверное, с минуту. Затем тихо произнес:

— Я только хотел убедиться, что вы в порядке.

Она непонимающе покачала головой и слабо выдохнула:

— У меня все отлично.

— То, что я вам сказал… Я совсем другое имел в виду…

— Ради бога, не беспокойтесь. — Ей не хотелось снова затевать весь этот разговор.

— Я хотел вам сказать… Я рад. Рад, что встретил вас. И я надеюсь… Надеюсь… — Тут он замолчал, не в силах справиться с сердцебиением.

Пение прекратилось. Где-то вдали, наверное в проливе Ла-Манш, загудела сирена. Фрэнсис стояла в темноте, ожидая продолжения, но внезапно поняла, что разговор окончен. Он сказал все, что собирался сказать.

Плохо понимая, что делает, Фрэнсис подошла к двери и прижалась к ней щекой. Она стояла так до тех пор, пока не услышала то, что хотела. И тогда распахнула дверь.

В тусклом свете маленького коридора она не смогла разглядеть выражения его глаз. Она посмотрела на него в упор, прекрасно понимая, что видит этого мужчину в последний раз. Да, против судьбы не пойдешь, но впервые в жизни ей хотелось рвать и метать. Она не имела права его хотеть. На чужом несчастье счастья не построишь. И ей приходилось постоянно, как заклинание, твердить себе это, однако буквально каждая клеточка ее тела вопила об обратном.

— Ну что ж, — сказала она, и ее неуверенная, но прекрасная улыбка разбила ему сердце. — Спасибо, что заботились обо мне. Я имею в виду, о нас.

Фрэнсис позволила себе бросить на него последний взгляд и неожиданно для себя протянула ему тонкую руку. После секундного колебания он сжал ее узкую ладонь и буквально утонул в ее глазах.

— Ну что, мальчики, пожалуй, пора и на боковую, — услышали они голос Винсента Даксбери. Дверь лазарета распахнулась, и они сразу попали в треугольник яркого света. — Домой, мальчики! Завтра вы уже будете дома! «Мой дом бы стоял там, где бродит бизон…»[39]

Она в испуге затащила его в крошечное помещение и осторожно закрыла дверь. Они стояли в нескольких дюймах друг от друга,

прислушиваясь к шагам выходящих из лазарета мужчин: те громко хлопали друг друга по спине, кто-то натужно кашлял.

— Должен вам сообщить, — произнес доктор Даксбери, — что вы самый замечательный мужской хор, которым я когда-либо имел честь… «Мои веселые братья по оружию»… — Его голос одиноко плыл по коридору, но очень скоро к нему присоединились нестройные голоса остальных.

Она была так близко, что он чувствовал на лице ее дыхание. Она была как натянутая струна, но ее рука покоилась в его руке. Прохладные пальцы обжигали ему кожу.

— «Мои веселые братья»… Ля-ля-ля…

Если бы она не подняла в этот миг глаза, он никогда бы такого не сделал. Но она обратила к нему лицо — губы полураскрыты, словно в немом вопросе, — и дотронулась до ссадины над бровью, осторожно проведя по ней пальцем. И вместо того, чтобы отодвинуться назад, как он и собирался сделать, он накрыл ее руку своей ладонью.

Певцы в коридоре почем зря драли глотки, потом о чем-то жарко заспорили. Кто-то упал, и издалека послышалось строгое: «Эй вы, там!» — а затем быстрые шаги явно кого-то из начальства.

Найкол их практически не слышал. Он слышал только биение ее сердца, чувствовал ответное дрожание ее пальцев. Он провел ее рукой по горящему лицу, не чувствуя боли, даже когда она касалась ссадин и синяков. А затем прижал ее ладонь к своему рту.

После секундного колебания она с легким вздохом подставила ему губы, сжав его руки, словно желая остановить время.

Поцелуй был таким сладостным — сладостным до неприличия. Найколу хотелось втянуть ее в себя, чтобы она растворилась в нем целиком. Вот оно, ликовала его душа. Я знаю ее! Но, уже изнемогая от желания, он внезапно почувствовал приближение опасности, будто они делали нечто предосудительное, но не сразу понял, кому предназначался этот сигнал: ей или ему самому. Их глаза встретились, и в них было столько бесконечной боли, неприкрытого желания и горькой безнадежности, что у него перехватило дыхание. И когда он снова наклонился к ней, она резко отпрянула, прижала руку к губам, но взгляда не отвела.

— Мне жаль, — прошептала она. — Мне очень жаль.

Она мельком посмотрела на мирно спящую Эвис, затем легко провела пальцами по его щеке, словно желая навечно запечатлеть в душе его образ.

И все. Она вышла в коридор, своим появлением донельзя удивив

находящихся там мужчин. Дверь подсобного помещения при лазарете тихо закрылась за ней и, лязгнув, точно тюремные ворота, встала между ними непреодолимой преградой.

Церемония состоялась во вторник около одиннадцати тридцати вечера. При других обстоятельствах это была идеальная ночь для бракосочетания: низкая луна ярко освещала тропическое небо, окутывая лагерь каким-то неземным голубым светом, легкий бриз практически не тревожил пальмовые ветви, но нес упоительную прохладу.

Кроме невесты и жениха, присутствовали всего трое: капеллан, старшая медсестра и капитан Бейли. Во время церемонии невеста — ее голос был едва слышен — сидела рядом с женихом. А по окончании обряда капеллан несколько раз осенил себя крестным знамением, молясь о том, чтобы Господь простил ему этот грех. Капитан Бейли молился о том же, но старшая медсестра его успокоила, твердо заявив, что при том ужасном состоянии, в котором находится мир вокруг, сей мелкий проступок никак не отяготит его совести.

Невеста, низко опустив голову, держала за руку мужчину, который был рядом с ней, словно просила у него прощения. После окончания церемонии она закрыла бледное лицо руками и сидела так до тех пор, пока не нашла в себе силы судорожно глотнуть воздуха, совсем как пловец, вынырнувший из толщи воды.

— Мы закончили? — спросила старшая медсестра, единственная из всех не потерявшая присутствия духа.

Капеллан кивнул, его лоб оставался нахмуренным, глаза опущены долу.

— Сестра? — очнулась невеста, которая не могла или, может, не смела посмотреть на стоявших рядом людей.

— Хорошо. — Одри Маршалл бросила взгляд на часы и потянулась за своей тетрадкой с записями. — Время смерти — двадцать три часа сорок четыре минуты.

Глава 24

Когда вчера вечером авианосец «Викториес» прибыл в Плимут… некоторым девушкам настолько не терпелось хоть одним глазком увидеть Великобританию, что они сгрудились на верхней палубе. В результате пиллерс не выдержал, и двадцать из них упали на нижнюю палубу с высоты восьми футов. К счастью, обошлось без травм. И только одна невеста не могла разделить общей радости. Уже в самом конце путешествия, преодолев путь длиною в 13 000 миль, она узнала, что муж, который должен был ее встретить, объявлен пропавшим без вести после аварии самолета.

Дейли миррор. Среда, 7 августа 1946 года

За восемь часов до прибытия в Плимут

Военно-морская форма, если она не надета на тех, для кого предназначена, — весьма любопытная вещь. Сшитая из темной плотной ткани, с галунами и латунными пуговицами, она напоминает не только о парадах, но и о тех невероятных усилиях — ведь форму необходимо гладить и чинить, а пуговицы драить, — которые надо предпринимать для содержания ее в должном виде. И еще она говорит об особенностях характера ее обладателя, его рутинной работе и устоявшихся привычках. А в зависимости от числа нашивок или знаков различия — и о его военной карьере: о проигранных или выигранных битвах, о принесенных жертвах. О доблести и малодушии.

Но она абсолютно ничего не говорит о жизни. Хайфилд смотрел на свою тщательно отутюженную стюардом форму. Она висела на плечиках, полностью готовая для последнего выхода в свет, когда «Виктория» завтра причалит в Плимуте. Так что же эта форма говорит обо мне? Так думал Хайфилд, поглаживая рукав кителя. Разве она способна рассказать о человеке, который лишь на войне осознавал свое предназначение? Или о человеке, который лишь теперь понял, что вещи, которых он старательно избегал — доверительные отношения и проявление гуманности, — это именно то, чего ему больше всего и не хватало?

Хайфилд повернулся к лежавшей на столе рядом с циркулем сложенной карте. На полу стоял наполовину собранный чемодан. Капитан прекрасно знал, куда мог положить это стюард, а потому сразу нашел под аккуратной стопкой одежды фотографию в рамке, которая последние шесть месяцев

пролежала лицом вниз в его ящике. Он вытащил серебряную рамку, заботливо завернутую Ренником в папиросную бумагу. С фотографии на него смотрел юноша, его рука лежала на плече женщины, с улыбкой смахивающей с лица темные пряди волос.

Это сделает парня настоящим мужчиной, сказал он тогда сестре. Военно-морской флот превращает щенков в капитанов. А он позаботится о племяннике.

Племянник, обнимавший жену, как живой улыбался Хайфилду с фотографии. Хайфилд немного подвинул карту и поставил фотографию на стол. Теперь снимок будет стоять здесь до той самой минуты, когда надо будет покинуть корабль.

До Плимута осталось всего пара часов ходу. К тому времени, когда женщины проснутся, корабль уже будет готов высадить их прямо у открытых дверей в новую жизнь. Завтра здесь будет сумасшедший день: бесконечные списки, которые предстоит проверять и перепроверять, длиннющие очереди за багажом, а также процедурные мероприятия, необходимые для того, чтобы огромный авианосец мог войти в гавань. Капитан Хайфилд уже неоднократно становился свидетелем атмосферы нервозности, что царила на корабле перед высадкой экипажа на берег. Правда, война была уже позади. Сейчас его люди знали, что возвращаются навсегда.

Они сойдут с корабля, чтобы прямиком попасть в объятия плачущих жен и по-щенячьи радостных детишек. А потом отправятся пешком или на фырчащих машинах по домам, которые они, вероятно, даже не сразу смогут узнать. И если им чуть-чуть повезет, ощущение пустоты в душе сразу пройдет.

Хотя повезет явно не всем. Он не раз видел на причале родственников, явившихся, несмотря на полученное извещение о смерти, поскольку они отказывались принимать тот факт, что их Джон, или Роберт, или Майкл уже никогда не вернется домой. Капитан Хайфилд научился различать их даже в ревущей толпе: они стояли, нервно сжимая в руках сумочки или газету, и не сводили глаз с трапа в слабой надежде, что произошла чудовищная ошибка.

А еще на борту были такие, как он, Хайфилд. Те, чье возвращение, как правило, не было отмечено приветственными криками. Обычно они незаметно пробирались сквозь ликующие толпы воссоединившихся семей, чтобы за много миль отсюда увидеть весьма сдержанную радость родственников, готовых принять их исключительно из жалости.

Хайфилд еще раз посмотрел на парадную форму, которую завтра ему

предстоит надеть в последний раз. Затем он сел за письменный стол и начал писать.

Дорогая Айрис!

У меня имеется для тебя одна новость. Я не приеду в Тайвертон. Пожалуйста, извинись перед лордом Хомвортом и передай ему, что я, со своей стороны, готов компенсировать все убытки, причиненные моим решением.

По зрелом размышлении я пришел к выводу, что жизнь на суше, возможно, не для меня…

Найкол понятия не имел, куда податься. Сейчас, почти в два часа ночи, в кубрике царило невероятное оживление: моряки, уже прилично принявшие на грудь, доставали из шкафчиков фотографии, чтобы засунуть их в туго набитые вещевые мешки, и делились друг с другом планами о том, куда поедут и что в первую очередь сделают. Если женушка сможет найти кого-нибудь присмотреть за детишками… Нет, он решительно не хотел сидеть среди них. Ведь тогда придется терпеть их добродушное подтрунивание, а ему вовсе не до шуток. Он хотел остаться в одиночестве, чтобы спокойно переварить все то, что с ним за это время произошло.

Боже, он до сих пор чувствовал вкус ее поцелуя. Все тело было словно наэлектризовано неутоленным желанием. А что, если она его ненавидит? А что, если она считает, будто он ненамного лучше Тимса и прочих? Зачем он так с ней поступил, если отлично знал, что она глубоко презирала мужчин, которые смотрели на нее исключительно как на объект вожделения?

Он поднялся на полетную палубу.

Он не ожидал, что окажется там не один.

Командир корабля стоял на баке перед мостиком. В одной рубашке с коротким рукавом и без головного убора. Найкол помешкал на пороге, собираясь развернуться и тихонько уйти, однако Хайфилд его заметил, так что Найколу ничего не оставалось делать, как подойти и поздороваться.

— Ну что, дежурство закончилось?

Найкол прошел вперед и остановился рядом с Хайфилдом. На палубе было довольно холодно, он впервые замерз после Австралии.

— Да, сэр. Посты у кают невест уже сняты.

— Вы ведь несли караул у каюты сестры Маккензи, так?

Найкол испытующе посмотрел на Хайфилда. Но командир корабля, казалось, был глубоко погружен в свои мысли.

— В том числе, сэр.

Нет, он не верил, что был ей противен. Ее тонкие руки не отталкивали

его, а скорее, наоборот, крепко держали. У Найкола кружилась голова от вопросов, на которые не было ответа. И как я мог так с ней поступить, если сам настрадался от предательства Фэй?

Хайфилд стоял, засунув руки в карманы.

— С ними все в порядке? Я слышал, две невесты попали в лазарет.

— Все отлично, сэр.

— Хорошо. Хорошо. А где Даксбери?

— Он… хм… Полагаю, он прилег отдохнуть, сэр.

Капитан Хайфилд покосился на Найкола и, заметив нечто странное в выражении его лица, едва слышно, но отчетливо хмыкнул:

— Найкол, ты женат? Не припомню, что там говорил о тебе Добсон.

Найкол не торопился с ответом. Он задумчиво устремил глаза туда, где черное море встречалось с небом, где между расступившимися облаками блестела полоска звезд, а луна заливала призрачным светом этот нереальный пейзаж.

— Нет, сэр, — ответил он и, увидев вопросительный взгляд капитана, добавил: — Уже нет.

— Не стоит слишком очаровываться прелестями свободной жизни, Найкол. Отсутствие обязательств, уз… может быть палкой о двух концах.

— Я уже начинаю это понимать, сэр.

Они стояли в тишине ночи, такой прекрасной, что все лишние слова были ни к чему. Найкол думал о женщине внизу, и у него путались мысли. Что я должен был сделать? И что мне теперь делать? — беспрерывно спрашивал он себя.

Хайфилд подошел чуть поближе и, достав из кармана коробку с сигарами, протянул одну Найколу:

— Вот. Угощайся. Давай отметим. Это моя последняя ночь на борту в качестве командира корабля. Последняя ночь после сорока трех лет службы в военно-морском флоте.

Найкол взял сигару и позволил старшему товарищу дать себе прикурить, заслонив от ветра пламя ладонью.

— Вы будете скучать. По морскому братству.

— Нет, не буду. — (Найкол озадаченно посмотрел на капитана.) — Я не собираюсь расставаться с морем. Попробую устроиться на торговое судно. Еще точно не знаю. Эти девушки заставили меня задуматься. Если они на такое способны, то… — Хайфилд пожал плечами.

— А вам не кажется… что вы заслужили право провести остаток жизни на суше, сэр?

— Найкол, сомневаюсь, что смогу жить без моря, — тяжело вздохнул

капитан.

Прямо под их ногами металлическая обшивка полетной палубы «Виктории» пронзительно заскрипела, словно в ответ на далекий тектонический сдвиг. Они одновременно посмотрели на свежеокрашенную поверхность и на участки со снятыми листами обшивки, где внутренности корабля глядели прямо в ночное небо. А потом вспомнили о двигателе, который натужно работал из последних сил. Это было заметно по клочковатому, неровному кильватерному следу. Корабль знал. Они оба это знали.

Капитан Хайфилд затянулся сигарой. В тонкой рубашке он явно не чувствовал холода.

— А ты знал, что она служила на Тихом океане?

— Кто? «Виктория»?

— Твоя подопечная. Сестра Маккензи.

— Сэр.

Чем она сейчас занимается? Думает ли о нем? Он инстинктивно дотронулся до ссадины на лице, к которой она нежно прикасалась. Он едва слышал, что говорил ему капитан.

— Очень отважная женщина. Они все очень отважные, что правда, то правда. Подумай об этом. Ведь завтра утром они узнают, каким окажется их будущее.

С тем мужчиной — мужчиной, которого Найкол уже ненавидел за один только факт, что он имел на нее все права. Но она так тепло о нем говорила… Какое право он имеет ненавидеть такого же солдата, как и он сам, но доброго и любящего? Как он может презирать человека, который, лежа на больничной койке, умудрился стать хорошим мужем, каким он, Найкол, никогда не был?..

Несмотря на ночную прохладу, Найкола вдруг бросило в жар. Нет, сейчас ему лучше уйти, чтобы посидеть где-нибудь в одиночестве. Где угодно.

— Сэр, я…

— Бедная девочка. Можешь себе представить, уже вторая такая на нашем корабле!

У Найкола кожа горела огнем. Он с трудом подавил желание прямо с палубы броситься в холодную воду.

— Не понял. Вторая какая, сэр?

— Вдова. А вчера поступила радиограмма для девушки с палубы В. Самолет ее мужа разбился в Суффолке. Ты не поверишь, во время тренировочного полета!

— Так муж миссис Маккензи был убит? — Найкол похолодел. Он вдруг почувствовал укол вины, словно желал ему смерти.

— Маккензи? Нет-нет, он… умер какое-то время назад. Где-то на островах Тихого океана. Странное решение, однако, уехать из Австралии в никуда. Что ж, война — поганая штука. — Капитан втянул носом воздух, будто собираясь определить, далеко ли до берега.

Овдовела?

— Послушай, ложиться спать все равно уже нет смысла. Пошли ко мне, пропустим по стаканчику.

Овдовела? Его душа ликовала и пела. Ему хотелось кричать во всю глотку: «Она вдова!» Но почему она ему не сказала? Почему она никому не сказала?

— Найкол, ты что предпочитаешь? Как насчет стаканчика скотча?

— Сэр?

Он с тоской посмотрел на дверь: ему отчаянно хотелось вернуться к ее кающе, сказать ей, что он знает о ее вдовстве. Ну почему, почему он не сказал ей правду? Тогда, быть может, она смогла бы ему довериться. И неожиданно до него дошло, что она, похоже, верила, будто единственное, что может ее защитить, — это статус замужней женщины.

— Твое служебное рвение заслуживает восхищения, приятель, но на сей раз я тебе приказываю. Ты должен позволить себе хоть иногда расслабляться.

Найкол невольно прислонился к двери:

— Сэр, я действительно…

— Да ладно тебе, морпех! Уважь старика. — Капитан убедился, что Найкол направляется в сторону его каюты, и посмотрел на него с хитрым блеском в глазах. — И вообще, как эта бедная собачонка может получить хоть минуту покоя, если ей постоянно приходится слушать, как ты шаркаешь ногами под дверью? — И когда Найкол обернулся, строго погрозил ему пальцем: — Найкол, ничто не может пройти мимо меня. Возможно, я уже без пяти минут пенсионер, но вот что я тебе скажу: я знаю практически обо всем, что происходит на моем корабле.

Когда он наконец покидает каюту командира корабля, уже слишком поздно, чтобы будить ее. Но он не против. Он знает, что у него еще есть время. Живот приятно греет выпитое виски, а в сердце поет одно-единственное заветное слово, и ему сейчас кажется, что вся жизнь впереди. Он идет по полетной палубе, бросает взгляд в слишком синее небо, немного замедляет шаг на ангарной палубе и останавливается в женском

отсеке, наслаждаясь предрассветной тишиной и прислушиваясь к крикам чаек в Плимутском проливе — звукам родного дома.

Он смотрит на дверь, и его душу переполняет любовь к этому металлическому прямоугольнику. А затем, после секундного колебания, поворачивается, закладывает руки за спину и остается стоять, расставив ноги на прокопченном после пожара полу, в голове туман от сигар и выпитого виски.

Он единственный морской пехотинец, который завтра утром наденет неотглаженную форму. Он единственный морской пехотинец, который нарушил приказ не приближаться к женскому отсеку.

Он единственный морской пехотинец, который стоит на часах на пустынной ангарной палубе, и на лице его выражение гордости, смешанной с невероятным облегчением.

Глава 25

Австралийские невесты — 655 человек — британских солдат прошлым вечером ступили на английскую землю, когда авианосец «Викториес» водоизмещением 23 000 тонн встал на якорь в Плимуте. Они привезли с собой следующие истории:

АВАНТЮРИЗМ — Миссис Айрин Скиннер, 23 года, потомок преподобного Самуэля Марсдена, обосновавшегося в Австралии в 1794 году, заявила: «Мы можем поселиться на острове Ньюфаундленд, в Англии или в Австралии — словом, везде, где нас ждут приключения и удовольствия».

РОМАНТИКА — Миссис Гвен Клинтон, 24 года, муж которой живет в районе Уэмбли, рассказала об истории своего замужества: «Он был расквартирован в нашем доме в Сиднее. Я была им очарована, и вот результат».

ПЕССИМИЗМ — Миссис Норма Клиффорд, 23-летняя жена механика на корабле: «Мне сказали, что в Англии вообще невозможно купить туфли». Она привезла с собой 19 пар туфель.

Дейли мейл. 7 августа 1946 года

Плимут

Яне выйду. Говорю же, я передумала.

— Брось, Мириам, не валяй дурака!

— Говорю же, я передумала. Я еще раз пересмотрела все фотографии и поняла, что мне не нравится его внешность.

Присев на краешек койки, Маргарет прислушалась к громким голосам, доносящимся из соседней каюты. Женщины уже не меньше получаса орали друг на друга. Оказалось, что горемыка Мириам заперлась внутри, и теперь ее соседки, имевшие неосторожность выйти в туалет, не могли попасть в свою каюту.

Как и предсказывали женщины из вспомогательной службы, на корабле царил самый настоящий хаос. Мимо подпрыгивающих от нетерпения перед закрытой дверью злополучных обитательниц каюты 3F по коридору взад-вперед сновали невесты, вопившие по поводу стоявшего на дороге багажа или куда-то запропастившихся подруг. По громкой связи непрерывно передавали команды личному составу относительно подготовки к высадке на берег, в воздухе звенели голоса моряков, в срочном порядке

завершающих недоделанные дела. Офицеры из женской вспомогательной службы уже начали собираться у трапа, чтобы в последний раз приступить к исполнению своих обязанностей: вычеркнуть из списка пассажиров каждую невесту, удостовериться, что она передана в надежные руки, а ее багаж в целости и сохранности.

— Вторая смена невест приглашается в столовую. Последнее приглашение. — Громкая связь словно поперхнулась и отключилась.

В отгороженной дверью от общей суматохи каюте, в которой осталась только одна обитательница, поскольку Эвис и Фрэнсис отсутствовали, было тихо. Маргарет оглядела свой наряд. У нее осталось единственное платье, в которое она еще могла втиснуться, да и оно уже трещало по швам. Маргарет попыталась отмыть жирное пятно, прекрасно понимая всю тщетность своих усилий.

— Мириам, тогда просто передай мне мою комбинацию, ладно? Не можем же мы стоять здесь все утро.

— Я не собираюсь открывать дверь! — В голосе девушки слышались истерические нотки.

— Все, ты опоздала. И что ты теперь собираешься делать? Раскинешь руки и полетишь домой?

Аккуратно упакованный чемоданчик стоял в ногах койки, и Маргарет, разгладив одеяло в том месте, где обычно лежала Моди, судорожно вздохнула. Впервые за время плавания она не позавтракала — еда не лезла в горло. Ее даже слегка подташнивало от волнения.

— Мне наплевать! Я не собираюсь отсюда выходить.

— Ой, ради всего святого. Ладно, давай позовем вон того морпеха. Он поможет. Эй! Послушайте!

Маргарет застыла, прислушиваясь к возне под дверью. Крайне озадаченная происходящим, она открыла дверь и сразу отступила в сторону, так как в каюту буквально упал морской пехотинец.

— Здрасте, — сказала Маргарет, когда он попытался выпрямиться.

Тем временем на пороге появилась женщина в тюрбане из полотенца на голове.

— Прошу прощения, — обратилась она к Найколу. — Мириам Арбитер заперлась в нашей каюте. И мы не можем взять свои вещи.

Морпех потер лоб. И Маргарет поняла, что он спит на ходу. Она принюхалась и с некоторой долей удивления обнаружила, что от него попахивает алкоголем. Тогда она наклонилась вперед, чтобы убедиться, что глаза ее не обманывают.

— По идее, меньше чем через час мы должны быть готовы, но не

можем даже подобраться к своим вещам. Вам придется сходить за кем-нибудь из начальства.

До Найкола наконец дошло, где он находится. Он с трудом встал на ноги.

— Мне надо поговорить с Фрэнсис.

— Ее здесь нет.

— Что? — Вид у него был ошарашенный. — Как я мог ее упустить?

— Послушайте, морпех, не могли бы вы уладить это дело? Мне необходимо срочно уложить волосы, иначе они не высохнут. — Стоявшая на пороге девушка показала на часы.

— Она вернулась вчера вечером, но затем снова ушла.

— Тогда где же она может быть? — Он схватил Маргарет за запястье. Его лицо исказилось от волнения, словно только теперь он понял, что еще немного — и они навсегда потеряют друг друга. — Мэгги, ты должна мне сказать.

— Не знаю. — И тут она сообразила, что именно не давало ей покоя последние недели. — Похоже, я считала, что она с вами.

Эвис стояла в туалете при лазарете и наносила последний слой губной помады. Густо накрашенные тушью ресницы визуально увеличивали ее холодные голубые глаза, а мертвенно-бледная кожа теперь сияла здоровьем. Ведь очень важно выглядеть на все сто, а по особым случаям — тем более, и здесь косметика — лучший друг девушки. Немного помады, компактной пудры и румян — и никто никогда не догадается, что творится у тебя в душе. Никто не узнает, что тебя еще немного покачивает, не увидит синяков под глазами. А сидящий как перчатка — благодаря правильно подобранной грации — темно-красный костюм успешно скроет увеличившуюся на целый дюйм талию и тот факт, что разбитые мечты уходят сейчас вместе с кровью, впитываясь в толстые прокладки из хлопка. И никому совершенно не обязательно знать, что тебе кажется, будто тебя вывернули наизнанку.

Ну вот, подумала она, глядя на свое отражение. Я выгляжу… Я выгляжу…

Он не приедет ее встречать. Она была в этом абсолютно уверена, так же как и в том, что наконец-то раскусила его. Он будет выжидать, пока не получит от нее весточки, пока не узнает, как легла карта. Если она скажет «да», он тут же кинется в ее объятия с заверениями в вечной любви. А потом еще много-много лет будет твердить, что он ее обожает и никто другой (она так и не смогла заставить себя использовать словосочетание

«его жена») ничего для него не значит. А если она скажет, что больше не желает его видеть, возможно, он погорюет пару дней, но потом непременно убедит себя, что еще удачно отделался. Она представила, как он сидит — такой чужой и отстраненный, мысленно уже на корабле — за кухонным столом с этой непонимающей его англичанкой. И если эта англичанка знает Иэна так же хорошо, как теперь знает его Эвис, то она наверняка предпочтет не задавать лишних вопросов, чтобы не портить ему настроения.

Женщина из вспомогательной службы, которой очень подошло бы определение «проворная», сунула голову в дверь:

— Вы в порядке, миссис Рэдли? Я распорядилась, чтобы ваш чемоданчик доставили на шлюпочную палубу. Вам сейчас нельзя нести ничего тяжелого. — Она широко улыбнулась. — Вот и хорошо. Вы уже выглядите значительно лучше, чем вчера. Все нормально? — Она кивком показала на живот Эвис и, понизив голос, хотя в туалете, кроме них, никого не было, добавила: — Может быть, принести вам из прачечной что-нибудь из нижнего белья?

— Нет, спасибо, — ответила Эвис. После всех выпавших на ее долю испытаний это было последней каплей. Не хватало еще обсуждать с посторонним человеком свое нижнее белье! — Через две минуты буду готова. Благодарю вас.

Женщина из вспомогательной службы исчезла.

Эвис убрала тюбик помады и нанесла последний слой тончайшей пудры. Немного постояв, она хорошо отработанным движением повернулась одним боком, затем — другим, чтобы получше рассмотреть свое отражение. У нее на секунду вытянулось лицо, когда она окинула себя критическим взглядом, стараясь понять, что скрывается за толстым слоем румян и туши. Я выгляжу, подумала она, более умудренной, что ли…

Хайфилд стоял на крыле мостика в компании Добсона, помощника командира корабля, а также радиста и по интеркому предавал приказы рулевому, который вел эту махину по узкому проходу в сторону постепенно вырисовывающегося побережья Англии. Внизу, на полетной палубе, выстроились моряки в парадной форме, в то время как офицеры и прочие чины заняли свои места на острове, согласно так называемой Процедуре альфа[40]. Моряки стояли в полной тишине, ноги на ширине плеч, руки за спиной, в безупречно отглаженной форме, что некоторым образом нивелировало потрепанный вид самого корабля. Швартовка корабля для капитана традиционно является самым приятным событием: ну как тут не

преисполниться гордостью, если стоишь на мостике огромного боевого корабля с образцовым экипажем и слышишь приветственные крики встречающих?! Хайфилд хорошо понимал, что среди личного состава не было человека, который во время этой прекрасно организованной церемонии не забыл бы на время все тяготы долгого пути.

Но вот к самой «Виктории» это, к сожалению, не относилось. С чихающим двигателем и ненадежным рулем, который в любую минуту могло заклинить, потрепанный войной корабль с помощью буксирных судов входил в гавань, оставаясь совершенно равнодушным к красотам девонских и корнуоллских холмов, раскинувшихся по обе стороны от него. Когда командир корабля рано утром заходил в машинное отделение, старший механик сказал ему, что это даже хорошо — наконец оказаться дома. Он не был уверен, что сможет поддерживать корабль на плаву.

«Корабль знает, что отработал свое, — жизнерадостно заметил механик, вытирая руки о комбинезон. — Он уже достаточно нахлебался. Должен вам сказать, сэр, я понимаю, что он чувствует».

— Измените курс на ноль-шесть-ноль.

Хайфилд повернулся к радисту и услышал, как тот повторил команду.

Утренний свет был особенно ярким, такой обычно предвещает ясный погожий день. Плимутский пролив посылал прощальный привет старому кораблю и здоровался с невестами. По голубому небу плыли пушистые облака, море в барашках весело поблескивало вокруг корабля, словно хотело поделиться с ним своей красотой. После Бомбея и Суэцкого канала, после бесконечных просторов мутной воды все вокруг казалось нереально зеленым.

Порт буквально с первыми лучами солнца начал постепенно заполняться людьми. С озабоченным видом пришли несколько мужчин в пальто с поднятыми от холода воротниками, они стояли и нервно курили, периодически исчезая, чтобы подкрепиться чаем с тостом. Затем прибыли целые семейства, они группами собирались у пирса, показывая рукой на приближающийся корабль и приветствуя выстроившихся на палубе невест. Радист уже связался с начальником порта и представителями британского Красного Креста. Он доложил, что во всем Плимуте не осталось свободных комнат и некоторым мужьям приходится спать чуть ли не в прихожей.

— По местам стоять! На швартовы становиться! — Громкая связь отключилась. Последняя команда перед заходом в порт.

Капитан ухватился за перила. Они возвращались домой. Что бы там это ни значило.

Найкол проверил лазарет, буфетную на палубе и даже туалетные комнаты невест, нарушая спокойствие громкими призывами. Теперь он мчался по ангарной палубе к главной столовой для невест, не обращая внимания на удивленные взгляды возвращавшихся с завтрака женщин с идеально уложенными волосами, в тщательно отглаженных платьях и жакетах. По пути ему дважды попадались морпехи, направлявшиеся на полетную палубу. Зная его репутацию, они ни на секунду не усомнились, что он выполняет какое-то срочное поручение. И уже после, вспомнив о его помятой форме и небритом лице, они, возможно, заметили, что вид у Найкола был какой-то потрепанный. Удивительно, что иногда позволяют себе некоторые мужчины, когда знают, что уже почти дома.

Он остановился в дверях и осмотрел помещение. В столовой оставалось не более тридцати невест. Берег был уже совсем близко, и женщины в основном или заканчивали складывать вещи, или толпились на палубе. Он помешкал немного, вглядываясь в лица девушек. Но ее среди них не было. И он выругал себя за дурную голову, не дающую покоя ногам.

Ну и откуда теперь начинать поиски? Везде топтались люди. И как за полчаса на корабле, где, как в кроличьем садке, полно помещений и отсеков, среди шести сотен людей можно найти одного человека?

— Миссис Аннетт Тревор. — Офицер из женской вспомогательной службы стояла у трапа в ожидании, когда миссис Тревор с боем пробьется вперед.

После некоторой суматохи чемодан подхватила какая-то блондинка с завивкой крупными локонами и в съехавшей набок шляпке.

— Это я! — пронзительно закричала она. — Уже спускаюсь!

— Ваш багаж должен пройти таможенный досмотр. Вещи уже на пирсе, и, чтобы их получить, вы должны предъявить удостоверение личности. Можете сойти на берег. Удачи! — Женщина-офицер прочувственно пожала ей руку.

Миссис Тревор, глаза которой уже были устремлены на причал, ответила рассеянным рукопожатием, прижала чемодан к бедру и, слегка покачиваясь на высоких каблуках, начала спускаться вниз по трапу.

Шум стоял оглушающий. Женщины на борту взвизгивали от нетерпения и вертели головой, пытаясь разглядеть в толпе любимое лицо. Внизу возле трапа выстроились морпехи, сдерживавшие натиск напиравшей толпы.

На самом причале оркестр духовых инструментов исполнял «Colonel Bogey», кто-то через мегафон тщетно пытался уговорить людей не

скапливаться на краю пристани. Веселые компании радостно вопили, махали руками и выкрикивали послания, которые — уносимые ветром — тонули в этой какофонии.

Маргарет стояла в длинной очереди, ее сердце тревожно билось, больше всего ей сейчас хотелось ненадолго присесть. Женщина перед ней нетерпеливо подпрыгивала на месте, стараясь разглядеть кого-то поверх голов, и уже успела два раза врезаться в Маргарет. При других обстоятельствах Маргарет сказала бы ей пару ласковых, но сейчас у нее язык присох к нёбу от волнения.

Все произошло слишком быстро, в ужасной спешке. Она даже не успела ни с кем попрощаться: ни с Тимсом, ни с коком из буфетной на полетной палубе, ни со своими подругами по каюте, которые обе куда-то испарились. И что теперь? — спрашивала она себя. Мои последние связи с родным домом исчезли, как утренний туман.

Когда первая невеста сошла с трапа, толпу огласили приветственные возгласы, а пристань осветили вспышки множества фотоаппаратов. Оркестр заиграл «Waltzing Matilda».

— Боже, я сейчас описаюсь от волнения, — вздохнула какая-то девушка рядом.

— Пожалуйста, пусть он будет там, пожалуйста, пусть он будет там, — как заклинание, шептала в носовой платок другая.

— Миссис Кэрри Уилсон. — Теперь имена выкрикивали уже гораздо быстрее. — Ваш багаж должен пройти таможенный досмотр.

Господи, что же я наделала? — спрашивала себя Маргарет, глядя на эту незнакомую страну. И где Фрэнсис? И Эвис? Многие недели это было для нее несбыточным сном, Священным Граалем, о котором можно было только мечтать. А теперь она чувствовала, что совершенно не готова, выбита из привычной колеи. Еще никогда в жизни ей не было так одиноко.

И вот он. Момент истины. Ее имя пришлось дважды произнести, прежде чем она расслышала.

— Миссис Маргарет О’Брайен… Миссис О’Брайен?

— Вперед, девочка, — подтолкнула ее соседка. — Шевели ногами. Пора сходить на берег.

Командир корабля как раз собирался показать лорд-мэру мостик, когда в дверях появился офицер:

— Сэр, к вам одна из невест.

Мэр, приземистый толстячок, с массивной цепью на покатых плечах, демонстрировал удивительное стремление потрогать буквально каждую

вещь.

— Наверное, пришла попрощаться, а? — заметил лорд-мэр.

— Пропустите ее.

Хайфилд практически не сомневался, кого сейчас увидит перед собой. Она остановилась на пороге и, заметив лорд-мэра, слегка покраснела.

— Извините, что помешала, — запнувшись, сказала она.

Тем временем мэр увлеченно рассматривал различные приборы и наборные диски, так и норовя потрогать их.

— Старпом, я оставлю вас на минутку с мэром, хорошо? — сказал Хайфилд и, не обращая внимания на сердитый взгляд Добсона, прошел к двери.

На ней была голубая блузка без рукавов и брюки цвета хаки, волосы заколоты на затылке. Лицо казалось невыразимо печальным и измученным.

— Я только хотела сказать вам «до свидания» и узнать, не нужна ли моя помощь. Одним словом, проверить, все ли в порядке.

— Все отлично, — ответил Хайфилд, посмотрев на больную ногу. — Полагаю, можно считать, что вы свободны, сестра Маккензи. Надеюсь, что у вас тоже все будет хорошо.

— Все будет прекрасно, капитан.

— В чем я совершенно не сомневаюсь.

Ему хотелось сказать этой спокойной, загадочной женщине гораздо больше. Снова поговорить с ней по душам, узнать о годах службы, об обстоятельствах замужества. Ведь у него есть высокопоставленные друзья, и он мог бы помочь ей получить хорошую работу. И тогда ее высокая квалификация не останется невостребованной. Ведь, положа руку на сердце, нет никакой гарантии того, что приехавшие девушки будут в результате счастливы.

Но в присутствии подчиненных и высокого гостя он не мог позволить себе несдержанности, его могли неправильно понять.

Она подошла поближе, и под любопытные взгляды присутствующих они обменялись рукопожатием.

— Спасибо вам… за все, — тихо произнес Хайфилд.

— Для меня это было скорее удовольствием, сэр. Рада, что смогла вам помочь.

— Если я хоть как-то… могу быть вам полезен… Я был бы счастлив, если бы вы позволили мне…

Ее глаза на миг утратили печальное выражение, она улыбнулась, покачала головой, повернулась и ушла.

Маргарет стояла перед своим мужем, ошарашенная непреложностью самого факта его существования. Его мужественностью и красотой, даже в гражданской одежде. Рыжим пламенем его волос. Его сильными, большими руками. Тем, как он смотрел на ее живот. Она сдула со щеки прядь волос, на секунду пожалев, что не потрудилась их уложить. Она хотела что-то сказать, но не нашла нужных слов.

Джо окинул ее долгим взглядом. И должно быть, смотрел так целую вечность. Внезапно он показался ей совершенно незнакомым человеком. Словно непривычная для нее обстановка сделала его чужим. Ей почему-то стало немного стыдно, она оцепенела от страха. И тогда он широко ухмыльнулся и подошел к ней.

— Черт побери, женщина, ты похожа на кита! — Он обнял Маргарет, снова и снова повторяя любимое имя, прижимая ее к себе так крепко, что ребенок в знак протеста зашевелился в утробе, а Джо даже попятился от удивления. — Мама, ты не поверишь! Лягается, как мул, говорила она и была абсолютно права. Нет, вы только посмотрите! — Он положил широкую ладонь на живот Маргарет и взял ее за руку. Затем заглянул ей в глаза. — Господи, Мэгги, до чего же я рад тебя видеть!

Он снова заключил жену в объятия, затем неохотно отпустил, и Маргарет ухватилась за его руку, словно в поисках опоры в этой чужой стране. Именно тогда Маргарет увидела женщину в платочке. Прижимая к груди сумочку, она скромно стояла в стороне, чтобы не мешать. И пока Маргарет застенчиво одергивала непослушными пальцами тесное платье, женщина подошла и ласково улыбнулась:

— Маргарет, дорогая! Очень рада с тобой познакомиться. Бедняжка, ты, должно быть, страшно устала! — Маргарет искала подходящие слова, но миссис О’Брайен уже шагнула ей навстречу и прижала ее к груди. — Какая ты смелая девочка! Проделать такой путь… Оторваться от своих родных… Ну, все. Теперь можешь не волноваться. Мы за тобой присмотрим. Слышишь меня? Мы отлично поладим.

Словно очутившись в нежных материнских объятиях, Маргарет с удовольствием вдохнула слабый запах лаванды, розовой воды и выпечки. Маргарет и сама толком не поняла, кто из них больше удивился — она или Джо, — когда она внезапно разрыдалась.

Капитан морской пехоты с силой схватил Найкола за плечо в тот момент, когда он колотил в дверь лазарета.

— Где, черт возьми, ты шлялся?! — Капитан кипел от ярости.

— Я кое-кого искал, сэр. — Найкол обшарил уже весь корабль,

оставалось проверить только полетную палубу.

— Ты только посмотри на себя! Какого хрена ты вытворяешь, приятель?! Процедура альфа, вот что это было! Весь личный состав уже на полетной палубе. А не в этой треклятой дыре, где ты сейчас торчишь.

— Извиняюсь, сэр…

— Извиняешься, да? Извиняешься?! А ты представляешь, что, черт возьми, будет, если все положат с прибором на приказы?! Какой позор! От тебя разит, как из пивной бочки!

Он услышал, как снаружи раздаются приветственные крики. Снаружи. Надо срочно выбраться на палубу. Там он сможет узнать у офицера женской вспомогательной службы, покинула ли Фрэнсис корабль. Единственное, что он знал, так это то, что она уже наверняка готовится к высадке на берег.

— Найкол, я тебе удивляюсь. Уж от кого-кого, а от тебя я не ожидал…

— Прошу прощения, сэр. Мне надо идти.

У капитана морских пехотинцев отвисла челюсть, а глаза вылезли из орбит.

— Идти? Тебе надо идти?!

— Срочное дело, сэр.

Он поднырнул под руку капитана и, перепрыгивая через три ступени, помчался наверх, а в ушах у него еще долго звенел раздраженный голос старшего офицера.

Эвис увидела их первой. Она стояла под орудийной башней — волосы тщательно заколоты, чтобы ветер не испортил прическу, — и наблюдала за маленькой компанией внизу. На маме была шляпка с огромным бирюзовым пером, что смотрелось на редкость вызывающе на общем фоне сплошного твида или одежды унылых серых и коричневых тонов. Папа, как всегда, в низко надвинутой на лоб шляпе, озирался по сторонам. Она знала, кого он ищет. Он наверняка удивлялся, каким образом сможет найти *его* в этом море людей в морской форме. Она практически не обратила внимания на открывавшийся за портом пейзаж. Какой смысл, если она все равно знала, что не останется?

— Рэдли. Миссис Эвис Рэдли.

Эвис сделала глубокий вдох, разгладила жакет и стала медленно спускаться по трапу, расправив, точно манекенщица, плечи и выставив вперед подбородок, чтобы хоть как-то скрыть неуверенную походку.

— Вот она! Вот она! — услышала она взволнованный голос мамы. — Эвис, дорогая! Посмотри! Мы здесь!

Прямо перед ней, на пристани, невеста, знакомая Эвис по урокам рукоделия, упала в объятия солдата. Она выронила сумку и шляпку, которую держала в руке, и, ухватившись за его волосы, бросилась ему на грудь. Они терлись носами, шептали друг другу ласковые слова и стояли так, казалось, целую вечность. Эвис никак не удавалось их обойти, и она застыла на трапе, стараясь не смотреть на страстное воссоединение двух любящих людей.

— Эвис! — Мама от нетерпения подпрыгивала на месте, точно яркая цветная пробка на гребне волны. — Уилф, вот же она! Взгляни на нашу девочку!

Солдат наконец понял, что задерживает других невест, пробормотал не слишком искреннее извинение и, подхватив свою девушку, отошел в сторону. Его ухмылка словно говорила: «Ну, вы сами знаете, как это бывает».

О да, подумала Эвис. Я знаю, как это бывает.

Ее мама, обливаясь счастливыми слезами, кинулась по трапу ей навстречу:

— О, моя дорогая! Какое счастье снова тебя видеть! Ну как тебе? Не правда ли, чудесный сюрприз?!

Папа, выступив вперед, обнял ее:

— Ты еще не успела уехать, а твоя мать мне уже всю плешь проела! Боялась, что, оказавшись по другую сторону океана, ты будешь на нее дуться. А как насчет преданности, Принцесса?

Их лица прямо-таки светились любовью и гордостью за нее. И Эвис поняла, что еще немножко — и она разревется.

Потом к ней подошла Дина в новом светло-вишневом костюме:

— И кто из них бывшая проститутка? Мама покрылась нервной сыпью, когда получила письмо от миссис Картер.

— А где Иэн? — Мать Эвис вглядывалась в лица мужчин в морской форме. — Интересно, он с семьей или один?

— Надеюсь, ты не потеряла мои туфли? — поинтересовалась Дина. — Я хочу получить их обратно, прежде чем ты исчезнешь.

— Его не будет, — сказала Эвис.

— Неужели его не отпустили?! А мне казалось, военнослужащим должны были дать увольнительную, чтобы они могли встретить жен! — Мать Эвис прижала руку в перчатке к лицу. — Уилф, какое счастье, что мы приехали! Правда?

— А его семья собирается с тобой знакомиться? Они так нам и не ответили. Хотя я отправил им телеграмму. Что стоило очень недешево. —

Отец взял Эвис за руку.

Эвис остановилась, постаравшись принять невозмутимый вид:

— Папа, он не приедет. Никогда не приедет. Планы… изменились.

Все моментально притихли от удивления. Отец резко повернулся к Эвис. А Дина, как ей показалось, довольно фыркнула.

— Что ты этим хочешь сказать?! Выходит, я только что выбросил на ветер сотни фунтов, потому что никакого проклятого празднования не состоится! А ты хоть представляешь себе, во что мне обошелся перелет в…

— Уилф! — Мать снова повернулась к Эвис. — Доченька, дорогая…

— Я не собираюсь обсуждать свои дела на причале, где полно народу!

Ее родители многозначительно переглянулись. Дина не скрывала удовольствия по поводу столь неожиданного поворота событий. Похоже, ее сильно впечатлил масштаб крушения личной жизни Эвис.

Они все четверо молча стояли на пристани, их со всех сторон обтекали спешащие люди, а из громкоговорителя неслась призыв к родителям маленькой девочки в красном пальтишке, по имени Молли, забрать ее из офиса начальника порта.

Эвис бросила взгляд на корабль. По трапу бежала какая-то отчаянная невеста в туфлях на высоком каблуке. Она достигла пристани, и ее подхватил на руки красавец-военный и буквально закружил в объятиях. Офицер, судя по знакам различия. Эвис всегда хорошо разбиралась в знаках различия. Только больше ничего не говорите, до боли закусив губу, заклинала их Эвис. Больше ни единого слова. А не то я сейчас завою, да так, что переполошу весь Плимут.

Ее мама поправила шляпку, затем — меховую горжетку на плечах и решительно взяла Эвис под руку. Она явно что-то чувствовала и поэтому старалась не смотреть дочери прямо в лицо. А когда заговорила, ее голос звучал немного надтреснуто.

— Хорошо, дорогая, когда будешь готова, мы немножко поболтаем в отеле. Знаешь, это очень хороший отель. И комнаты просторные. К спальням примыкает гостиная зона, откуда открывается чудный вид на Корнуолл…

Фрэнсис спускалась по трапу, в правой руке у нее был чемодан, левой она держалась за поручень. В этой ликующей толпе обнимающихся, целующихся людей она чувствовала себя невидимкой. Оказавшись на пристани, Фрэнсис увидела девушек с корабля. Одновременно смеясь и плача от счастья, они страстно прижимались к своим мужьям, и Фрэнсис мельком подумала, каково это — оказаться на месте этих женщин, которых

в конце пути ждали жаркие объятия и дружеские приветствия.

Она продолжала идти. Начало новой жизни, говорила она себе. Вот ради чего я это сделала. Я начала новую жизнь.

— Фрэнсис!

Она повернулась и увидела Маргарет, которая изо всех сил махала ей рукой, не обращая внимания на задравшееся над пухлыми коленками платье. Джо стоял рядом, нежно обнимая жену за плечи. Какая-то женщина в возрасте, с очень добрым лицом держала заплаканную, но сияющую Маргарет за руку.

Фрэнсис направилась к подруге. Она уже отвыкла ходить по твердой земле, и ее слега пошатывало. Поставив чемодан на землю, она нежно обняла Маргарет.

— Надеюсь, ты не собиралась уйти, не взяв у меня адреса?

Фрэнсис покачала головой, украдкой посмотрев на мужа и свекровь Маргарет. Во время плавания Фрэнсис и Маргарет были на равных, а вот теперь, когда все кругом собрались семьями, а она оказалась одна как перст, у Фрэнсис появилось нечто вроде комплекса неполноценности.

Маргарет взяла у мужа ручку, а у свекрови — листок бумаги. Собралась было что-то написать, но остановилась и расхохоталась.

— А адрес-то какой? — спросила она.

Он тоже рассмеялся, затем нацарапал что-то на листке, который Маргарет торжественно вручила Фрэнсис.

— Как только устроишься, сообщи мне свой адрес. Поняла? Это моя подруга Фрэнсис, — объяснила она своим. — Она присматривала за мной. Фрэнсис — медсестра.

— Счастлив познакомиться, Фрэнсис. — Джо протянул ей руку. — Приезжайте в гости. В любое время.

Его мать тоже кивнула и улыбнулась, потом незаметно показала на часы.

— Джозеф, поезд, — прошептала она.

Фрэнсис понимала, что пришло время прощаться.

— Береги себя, — сжав ей руку, сказала Маргарет.

— А я буду ждать известий, как все прошло. — Фрэнсис кивком показала на живот Маргарет.

— Все будет отлично, — уверенно заявила Маргарет.

Фрэнсис смотрела, как они, весело болтая, рука об руку направляются к воротам порта. И провожала их взглядом, пока они не исчезли в толпе.

Сделав глубокий вдох, она попыталась проглотить ком в горле. Все будет хорошо, уговаривала она себя. Жизнь только начинается.

Фрэнсис бросила прощальный взгляд на корабль. На борту суетились члены команды, женщины продолжали махать руками. Но она уже никого и ничего не видела. Я пока не готова, подумала она. И не хочу никуда идти. Она стояла — тоненькая высокая девушка — посреди гудящей толпы, и по лицу ее текли слезы.

Найкол протиснулся в начало очереди, вызвав возмущение у стоявших впереди женщин.

— Фрэнсис Маккензи, — сказал он женщине из вспомогательной службы. — Где она?

— А вам какое дело? — рассердилась женщина. — Моя обязанность благополучно высадить этих дам на берег.

Он схватил ее за плечо и повторил охрипшим от волнения голосом:

— Где она?

С минуту они мерили друг друга взглядом. Наконец она сдалась и пробежала кончиком пера по списку:

— Так вы говорите, Маккензи. Макки… Маккензи Б… Маккези Ф. Она, что ли? — спросила женщина, а когда он выхватил у нее планшет со списком, сказала: — Она уже сошла на берег. А теперь, с вашего позволения…

Найкол перегнулся через ограждение, пытаясь разглядеть в толпе эту стройную фигуру, эти рыжеватые волосы. Но видел только море голов внизу.

Чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, он в отчаянии закричал: «Фрэнсис! Фрэнсис!» — хотя уже в глубине души понял, что потерпел сокрушительное поражение.

Голос Найкола, хриплый от стеснивших грудь эмоций, на секунду разнесся над толпой, а затем затих где-то над морем.

Капитан Хайфилд покидал корабль одним из последних. Он уже успел со всеми попрощаться, но на трапе замер, словно не желая сходить на берег. Когда старшие офицеры поняли, что он не торопится спускаться, они пожелали капитану Хайфилду удачи и покинули корабль. Добсон, поспешно сказав «до свидания», похвастался очередным назначением. Даксбери сошел в обнимку с одной из невест. Ренник, задержавшийся дольше других, прочувственно пожал своему командиру руку и, не глядя в глаза, попросил «хоть немножко беречь себя».

Капитан Хайфилд опустил руку ему на плечо, а затем вложил что-то ему в ладонь.

И вот он остался у трапа совершенно один.

Те, кто наблюдал за кораблем с пристани, те немногие, кому было до этого дело, если учесть, что у всех сейчас, честно говоря, нашлось чем заняться, впоследствии удивлялись, что капитан стоял совершенно один, когда пристань кишела людьми. И, как это ни странно звучит, они еще никогда не видели, чтобы взрослый мужчина выглядел таким потерянным.

Глава 26

Я видела его тогда в последний раз. Но вокруг было столько людей — они орали, визжали и толкались, — что ничего нельзя было разглядеть. Я подняла глаза, и кто-то потянул меня за руку, и какая-то парочка слилась в страстных объятиях прямо передо мной, и они без конца целовались, и целовались, и целовались и, похоже, даже не слышали, когда я попросила меня пропустить. Я ничего не видела. Я абсолютно ничего не видела.

И в тот самый момент я, похоже, поняла, что проиграла. Проиграла вчистую. Потому что могла стоять так и день и ночь и, наверное, целую вечность, а ведь человеку иногда надо переставлять ноги одна за другой и двигаться дальше.

Но в конце концов я именно это и сделала.

После того, как бросила на него прощальный взгляд.

Часть третья

Глава 27

Как печально, что у меня были замечательные товарищи, но я больше с ними не общаюсь… На войне существует настоящее солдатское братство, и ты встречаешь очень много хороших людей. И те из нас, кто вспоминает былое, признают, что мы совершили ужасную ошибку, потеряв друг с другом связь.

Л. Тромен. Вино, женщины и война

2002 год

Стюардесса с дежурной улыбкой ходила по проходу и проверяла, у всех ли пристегнуты ремни перед посадкой. И она не заметила, что одна пожилая дама почему-то слишком часто трет глаза. Сидевшая рядом с ней внучка застегнула ремень, а затем положила журнал в кармашек на спинке переднего кресла.

— Это самая грустная история из всех, что я слышала.

— Не такая она и грустная, моя дорогая. Бывают гораздо более печальные.

— Теперь я понимаю, почему ты так отреагировала, увидев тот корабль. Боже мой, и каковы были шансы, чтобы после стольких лет такое случилось?!

— Очень небольшие, полагаю, — пожала она плечами. — Хотя, возможно, здесь нет ничего удивительного. Многие списанные корабли идут на слом.

К ней вернулось прежнее самообладание. Дженнифер заметила, что с каждой новой милей, отделяющей их от Индии, бабушкина защитная скорлупа становится все крепче. Ей даже удалось пару раз отругать Дженнифер за то, что та не туда положила паспорт и пила пиво перед обедом. Но Дженнифер это даже порадовало и немного успокоило. Ведь, пока они не сели в самолет, бабушка за шестнадцать часов не проронила ни слова. Она будто уменьшилась в размере, стала еще более хрупкой и явно чувствовала себя не в своей тарелке, несмотря на комфорт роскошного отеля и зала ожидания первого класса, которым им разрешили воспользоваться служащие авиакомпании. Дженнифер держала ее за худую руку, обтянутую пергаментной кожей, и чувствовала, как сердце сжимает чувство вины. Не стоило брать ее с собой, шептала ей совесть. Она слишком старая. А ты принудила ее пересечь континент и заставила ждать

в раскаленной машине, точно собаку.

Санджай тогда шепотом предложил позвать доктора. Но бабушка дала ему резкую отповедь, словно в его предложении было нечто неприличное.

А затем, вскоре после взлета, она начала свой рассказ.

Дженнифер даже не заметила стюардессы, предлагавшей напитки и орешки. Пожилая дама выпрямилась в кресле и начала говорить, как будто последние несколько часов они провели не в тягостном молчании, а за веселой беседой.

— Я всегда рассматривала корабль исключительно как средство передвижения. Понимаешь? — неожиданно произнесла она. — Чтобы из точки А попасть в точку Б, перепрыгнув через океан.

Дженнифер, не зная, что ответить и нужно ли вообще отвечать, смущенно заерзала на месте. Мысли путались, и она подумала, что, возможно, стоит позвонить родителям. Конечно, они ее отругают. Они вообще не хотели, чтобы бабуля ехала. Это она, Дженнифер, настояла на поездке вдвоем с бабушкой. Она хотела показать ей мир. Расширить ее горизонты. Показать, как все изменилось.

Бабушка вдруг понизила голос. Она повернулась к иллюминатору, и Дженнифер показалось, будто бабушка обращается к небу.

— Такой вот поворот событий. Я вдруг испытала те чувства, которых вообще от себя не ожидала. Я ощущала себя такой незащищенной, поскольку прекрасно понимала, что это лишь вопрос времени… — Она посмотрела на волнистый ковер из белых облаков в иллюминаторе.

— Вопрос времени?..

— Когда все обнаружится.

— Что обнаружится? — (В ответ тишина.) — Бабуля, что обнаружится?

Глаза бабушки остановились на Дженнифер и широко раскрылись, словно старая дама не ожидала ее увидеть. Она нахмурилась. Оторвала руки от подлокотников, явно собираясь с духом.

Но когда она открыла рот, голос ее был абсолютно лишен эмоций. Так обычно разговаривают за утренним кофе.

— Дженнифер, дорогая, будь добра, принеси мне воды. Ужасно хочется пить.

Немного помедлив, девушка встала, нашла услужливую стюардессу, которая дала ей бутылочку минеральной воды. Девушка налила воду в стакан, и бабушка выпила ее жадными глотками. За время путешествия волосы у бабушки спутались и теперь больше походили на пух от одуванчика. Они были такими тонкими, что Дженнифер хотелось плакать.

— Так что обнаружилось? — (В ответ опять тишина.) — Ба, ты можешь

мне все смело сказать, — прошептала Дженнифер. — Что тебя так расстроило? Не стоит держать это в себе. Ты ведь знаешь, что бы ты ни сказала, меня трудно шокировать.

Старуха улыбнулась и так пристально посмотрела на внучку, что той стало не по себе.

— Дженни, ты, конечно, очень современная девушка. Твои отношения с Санджаем, твои психотерапевтические приемы вроде «не стоит держать это в себе»… Но мне интересно, насколько ты на самом деле продвинута.

Дженнифер не знала, что отвечать. В бабушкином тоне слышалась даже некоторая агрессия. Они больше не разговаривали. Просто посмотрели фильм, который им показали, а потом немного поспали.

А когда они проснулись, бабушка рассказала ей историю морпеха.

Он ждал их, как они и предполагали, возле барьера в зале прилета. Они сразу увидели его: прекрасная осанка и безукоризненно отглаженный костюм выделяли его на общем фоне. Несмотря на возраст и плохое зрение, он увидел их первым и уже вовсю махал им рукой.

Дженнифер даже посторонилась, когда бабушка, ускорив шаг, бросила чемоданы на землю и обняла его. И вот так, обнявшись, они стояли довольно долго: дедушка крепко держал бабушку обеими руками, словно боялся, что она опять уедет.

— Я скучал по тебе. О, дорогая, если бы ты только знала, как мне тебя не хватало! — прошептал он, прижавшись губами к ее седым волосам, а Дженнифер, нетерпеливо переминавшаяся с ноги на ногу, оглянулась по сторонам, чтобы посмотреть, не привлекают ли они к себе слишком много внимания. У нее вдруг возникло странное чувство, будто она сама является тут соглядатаем. Ведь в страстной встрече этих восьмидесятилетних стариков было нечто из ряда вон выходящее.

— В следующий раз поедешь со мной, — сказала бабушка.

— Ты же знаешь, я не люблю далеко уезжать, — ответил он. — Мне и дома хорошо.

— Тогда я тоже больше никуда не поеду. Останусь с тобой, — отозвалась она.

Уже в машине, где бабушка сразу приободрилась, Дженнифер принялась рассказывать деду о корабле. Она дошла до того места, когда они обнаружили название корабля, и дедушка неожиданно выключил зажигание. И пока Дженнифер осторожно описывала бабушкино шоковое состояние — так, чтобы не выставлять себя в невыгодном свете, —

дедушка не отрываясь смотрел на внучку. Она сбилась, и он повернулся к жене.

— Тот самый корабль? — спросил он. — И вправду «Виктория»?

Старая дама медленно кивнула:

— Я считала, что никогда больше не увижу его. Это было… Честно признаться, это все во мне перевернуло.

Старик не сводил глаз с лица жены.

— О, Фрэнсис, — начал он, — когда я думаю о том, что мы чуть было не…

— Эй, погоди-ка! — остановила деда Дженнифер. — Неужели ты хочешь сказать, что *ты* и был тем самым морпехом? — (Старики молча переглянулись.) — А ты? — Она повернулась к бабушке. — А ты никогда не говорила мне, что наш дед был морпехом!

Фрэнсис Найкол улыбнулась:

— А ты никогда и не спрашивала.

К тому времени, как он, обшарив весь корабль, обнаружил, что ее там нет, сказал дед внучке, когда они уже выбрались из водоворота машин в Хитроу, он фактически пробежал не меньше полутора миль. Он непрерывно выкрикивал ее имя: «Фрэнсис! Фрэнсис!» А затем проделал то же самое на берегу: взмокший от пота, в грязной, мятой форме, пробился сквозь человеческое море на причале, отшвыривая в сторону стоявших на дороге людей, и обежал кругами всю пристань. Но, с учетом стоявшего здесь небывалого эмоционального накала, на него не обратили ни малейшего внимания.

Он орал до тех пор, пока не охрип. Пока от долгого бега грудь не сдавило будто тисками. И вот, когда он уж было совсем отчаялся, толпа начала потихоньку редеть, и он вдруг увидел ее. Тоненькую, высокую девушку с чемоданом в руках. Она стояла спиной к морю и смотрела на свою новую родину.

— А что случилось с остальными?

Фрэнсис разгладила юбку:

— После смерти матери Джо уехал с Маргарет в Австралию. У них четверо детей. Она до сих пор присылает мне открытки на Рождество.

— Значит, она не жалеет?

— Думаю, они были очень счастливы, — покачала головой Фрэнсис. — Ой, только не пойми меня неправильно, моя девочка. В любом браке есть свои подводные камни. Но мне всегда казалось, что для Маргарет Джо

оказался хорошим мужем.

— А как насчет Эвис? — Дженнифер сделала ударение на букву «Э», словно ее забавляло, как анахронично звучит это имя.

— Честно говоря, точно не знаю. — Пошел дождь, и Фрэнсис смотрела на текущие по лобовому стеклу струйки. — Она написала мне один раз. Сообщила, что вернулась в Австралию, и поблагодарила за все, что я для нее сделала. Довольно формальное письмо, но, полагаю, тут нет ничего удивительного.

— Интересно, а что стало с ним? — поинтересовалась Дженнифер. — Уверена, в конце концов он развелся с женой.

— Ты так думаешь? А вот и нет. Мы однажды встретились с ним. Совершенно случайно, да? — Фрэнсис шутливо пихнула мужа локтем в бок. — На каком-то приеме, лет двадцать назад. Нас представили им, и я вспомнила, где могла слышать эту фамилию раньше.

Дженнифер была заинтригована, она даже наклонилась вперед:

— А ты что-нибудь сказала?

— Нет. Хотя не совсем так. В разговоре я весьма ясно дала ему понять, на каком корабле приплыла в Англию, и очень выразительно на него посмотрела. Чтобы он знал. И он страшно побледнел.

— А потом, насколько я помню, сразу ушел домой, — добавил дедушка Дженнифер.

— Да, именно так. — Старики довольно улыбнулись.

Дженнифер откинулась на спинку сиденья, ей вдруг захотелось закурить. Она вытащила из заднего кармана мобильник, чтобы проверить, не прислал ли Джай нового сообщения, но почтовый ящик был пуст. Ладно, когда они приедут домой, она сама ему напишет. Похоже, у него есть шанс на продолжение романа.

— Вы меня удивляете. Если уж вы так друг на друга запали, почему не сошлись еще на корабле? — убрав телефон, спросила она. Ее слегка раздражало то, как переглядывались бабушка и дедушка, словно знали нечто такое, чего ей не дано было понять. Ее тон стал гораздо самоувереннее. — Удивляюсь, как люди вашего поколения умеют сами себе создавать на ровном месте проблемы, чтобы потом их успешно преодолевать.

Они ничего не ответили. Она видела, как дед нежно сжал бабушкину руку.

— Очень может быть, — сказал он.

Когда он открыл ей правду о своем браке, она промолчала. Она

опустилась на траву, ее лицо внезапно застыло, как будто до нее только сейчас дошло, что он ей говорит.

— Фрэнсис! — Он присел рядом с ней. — Ты помнишь, что сказала мне в ту ночь, когда выбросили за борт самолеты? Все позади, Фрэнсис. Настало время двигаться дальше. — (Она медленно повернула к нему испуганное лицо, словно не могла поверить, что не ослышалась.) — Фрэнсис, в этом и есть жизнь во всей своей полноте. Нам ее дали. Нет, мы ее заслужили по праву. — Несмотря на решительность, с которой он говорил, в его голосе слышались панические нотки. Он боялся, что она может отказать себе в праве на счастье, отказавшись и от него тоже, дабы искупить свой грех. — Мы это заслужили. Ты меня слышишь? Мы оба.

Она сидела, упрямо уставившись в землю, и он понял, что она для него по-прежнему книга за семью печатями. Далекая и недосягаемая. А потом он заметил, что ее грудь вздымается от едва сдерживаемых эмоций.

Она тихо ахнула, и он увидел, что она и смеется, и плачет одновременно, неловко шаря ладонью по траве в поисках его руки.

Они сидели так бог знает сколько времени, их руки переплелись в высокой траве. Мимо шли счастливые семьи, смотревшие на них с пониманием и без любопытства, ведь дело-то житейское: морпех и его возлюбленная наконец-то воссоединились после долгой разлуки.

— Ты Найкол, — сказала она, проведя пальцем по свежим ссадинам на его лице. — Капитан сказал мне. Найкол. Тебя зовут Найкол. — Она говорила с таким восторгом, словно это было для нее откровением.

— Нет, — уверенно ответил он и неожиданно сам не узнал своего голоса, поскольку уже много-много лет никто не произносил его имя вслух. — Меня зовут Генри.

Примечания

1

Отрывок из стихотворения «Алфавит» военной невесты Иды Фолкнер, взятый из книги Джоанны Ламли «Солдатские возлюбленные», воспроизведен с любезного разрешения «Bloomsbury Publishers» и Британского военного музея.

Отрывок из книги «Арктические конвои 1941–1945» Ричарда Вудмана приведен с любезного разрешения «John Murray (Publishers) Ltd.».

Выдержки из газет «Сидней монинг геральд», «Дейли мейл» и «Дейли миррор» приведены с любезного разрешения соответствующих издательских групп.

Выдержки из архива Эвис Р. Уилсон приведены с любезного разрешения ее наследников и Британского военного музея.

В романе также приведены отрывки из книг «Вино, женщины и война» Л. Тромена, бывшего матроса с авианосца «Викториес» (издательство «Regency Press»), и «Особый вид службы» Джоан Кроуч («Alternative Publishing Cooperative Ltd. (APCOL)», Австралия). Что касается выдержек из австралийских СМИ «The Bulletin» и «The Truth», то все попытки связаться с правообладателями не увенчались успехом, поэтому «Hodder and Stoughton», а также автор были бы рады принести свою благодарность, если правообладатели сочтут нужным с ними связаться.

2

Yaar (хинди) — дружеское неформальное обращение. — *Здесь и далее прим. перев.*

3

Chai (инд.) — чай с молоком и со специями.

4

Суффикс «джи» индийцы добавляют в знак особого расположения.

5

Мумбаи — принятое в настоящее время название Бомбея.

6

«Danny Boy» — лирическая песня; согласно одним трактовкам, она посвящена герою, погибшему за свободу Ирландии, а согласно другим — является посланием от родителей сыну, ушедшему на войну или эмигрировавшему.

7

Лейчхардт, Дарлингхерст — районы Сиднея.

8

«Куин Мэри» — трансатлантический лайнер, назван в честь супруги короля Георга V королевы Марии.

9

«Веселые Гордоны» — шотландский групповой мужской танец.

10

Авианосец «Виктория» — вымышленный корабль, прообразом которого стал авианосец «Викториес». Он был спущен на воду в 1939 году и утилизирован в 1968 году в Фаслейне, Шотландия.

11

Чоки (chalkie, *австрал. сленг*) — школьный учитель.

12

Джин Харлоу — американская актриса, кинозвезда и секс-символ 1930-х годов.

13

«Юнион Джек» — государственный флаг Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

14

«Вальсируя с Матильдой» — неофициальный гимн Австралии.

15

Остров — надстройка на авианосце.

16

Дхоби — индийская каста, занимающаяся стиркой белья.

17

Слова песни из музыкального фильма 1944 года с участием Риты Хейворт и Джина Келли.

18

«Плавучий театр» — мюзикл 1936 года.

19

Песня из мюзикла «Плавучий театр».

20

Слова из песни «Старик-река».

21

Слова из песни к одноименному фильму 1937 года.

22

Бомбейская утка — разновидность рыбы, которая водится в Аравийском море, особенно у побережья Бомбея. Из-за того что рыба не имеет собственного вкуса, перед употреблением ее часто сушат и солят.

23

«Безумства Зигфилда» — фильм-концерт из номеров шоу, поставленных американским антрепренером Флоренцом Зигфилдом.

24

«Юнкерс Ю-87», или *«Штука»* — немецкий пикирующий бомбардировщик, принятый на вооружение люфтваффе.

25

С 1946 года каждая нашивка присваивается после четырех, восьми и двенадцати лет безупречной службы.

26

«Воронье гнездо» — наблюдательный пункт на одной из корабельных мачт.

27

Джон Уэйн — популярный американский киноактер, которого называли королем вестернов.

28

Ти-би-эс (TBS, Talk Between Ships) — система межкорабельной радиотелефонной связи на ультракоротких волнах (УКВ).

29

Авианосец «Индомитебл» — реально существовавший корабль, принятый в состав Британских ВМС в 1941 году. В 1942 году был поврежден двумя бронебойными бомбами, пробившими полетную палубу в носовой и кормовой части, а также близким разрывом, который сделал пробоину в 30 футах ниже ватерлинии. В 1955 году продан и разобран в Фаслейне, Шотландия.

30

«Синьор сервис» — фирменное название сигарет компании «Галлахер», на пачке изображен моряк.

31

Перевод Галины Усовой.

32

Земля Ван-Димена — неофициальное название острова Тасмания. В 1803 году здесь появилась британская колония, представлявшая собой каторжное поселение.

33

Лудо — настольная игра с кубиками и фишками на разграфленной доске.

34

Ворота в Индию — массивная арка типа триумфальной, установленная

на берегу моря, на том месте, где раньше высаживались пассажиры.

35

«Джон Коллинз» — алкогольный коктейль.

36

«Фриджидейр» — американская марка бытовой техники, под которой выпускались первые холодильники и кондиционеры.

37

Фоамит — пенный состав для огнетушителей.

38

Ширли Темпл — американская актриса, наиболее широко известная своими детскими ролями 1930-х годов.

39

«Home, home on the range» — гимн штата Канзас; перевод Сергея Погорелого.

40

В российском флоте Процедура альфа соответствует команде «Большой сбор!», когда при заходе в порт весь личный состав корабля выстраивается в парадной форме на палубе.